

СОБРАНИЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

ПЕРЕВАЛЪ.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ψυχὴς γὰρ ἐστὶν οὐδὲν τιμωτέρον *).

Деринидъ.

I.

Паровозъ курьерскаго поѣзда съ воемъ сигнала входилъ подъ своды николаевскаго дебаркадера въ Москвѣ.

Въ отдѣльномъ купѣ сидѣлъ Захаръ Лукьяновичъ — въ ильковой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ былъ не одинъ. Противъ него возбужденно сталъ у окна и вглядывался, вправо и влѣво, иностранецъ — въ короткомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ женскаго покроя. И шапка на немъ сидѣла какъ-то странно, съ наушниками, завернутыми вверхъ.

Тщедушный и сухой въ лицѣ, онъ смотрѣлъ южаниномъ. Подстриженная на щекахъ бородка, монокль, усы щеткой кверху выдавали въ немъ француза. На видъ ему было подъ-сорокъ.

Разглядѣть онъ могъ мало сквозь полузамерзлое стекло.

— Il fait bigrement froid, — картавя, пропѣлъ онъ и обернулся къ Кумачеву, послѣ чего сталъ доставать свои дорожныя вещи.

Кумачевъ уже снялъ мѣшокъ-несессеръ — онъ лежалъ около него, на диванѣ — и взглянулъ на француза; его

---

*) Нѣтъ ничего драгоцннѣе души.

жидкая фигура въ высокихъ мѣховыхъ калошахъ вызвала на его красивыя губы усмѣшку снисходительнаго превосходства.

Этого „французика“ онъ подцѣпилъ въ Петербургѣ на одномъ патріотическомъ обѣдѣ, гдѣ тотъ произносилъ трескучую здравицу во имя „la grande alliance des deux nations-sœurs“.

Фамилія его была—Moucillac и произносилась по-парижски: *Мусильякъ*. Захаръ Лукьяновичъ прозвалъ его про себя: „мусьякъ“, и остался очень доволенъ такой остротой. На томъ обѣдѣ онъ самъ говорилъ небольшой притѣстственный спичъ, въ отвѣтъ на рѣчь француза, и показалъ, какъ онъ ловко и даже остроумно владѣетъ французскимъ языкомъ; разумѣется, безъ всякаго излишняго модничанья по части разныхъ „копюршиковъ“ жаргона и произношенія.

Ему отрекомендовали Мусильяка какъ корреспондента нѣсколькихъ журналовъ, пріѣхавшаго съ цѣлью „изучить настроеніе русскаго общества въ интересахъ великаго подъема чувствъ“. Онъ самъ себя выдавалъ и за представителя „Лиги“. Но дѣловые люди шепнули Захару Лукьяновичу, что этотъ Мусильякъ явился нащупать почву насчетъ одной концессіи, желаетъ войти въ сношенія съ нѣкоторыми московскими воротилами.

„Жидкій вы народъ, — говорили сановитые глаза Захара Лукьяновича, продолжая оглядывать спину и ноги француза. — Дружбу-то вашу мы достаточно раскусили, но—честь честью—мы брыкаться не желаемъ. Вы намъ: „цыпъ-цыпъ!“—и мы вамъ такимъ же манеромъ. Нѣмцы пускай, днемъ и ночью, пережевываютъ, что противъ нихъ у насъ здоровенный договоръ, подъ семью печатами и съ сотней статей. Они васъ, пожалуй, и теперь поколотятъ, если дѣло дойдетъ до драки, а мы подумаемъ и поглядимъ — какъ-то вы будете себя вести. Въ такомъ размѣрѣ мы вамъ и аттенцію окажемъ“.

— *Nous y voilà!*—вскрикнулъ Мусильякъ и застегнулъ первую верхнюю пуговицу пальто съ чудной дамской перлеринкой, не мало забавлявшей, всю дорогу, Захара Лукьяновича.

— *Nous y voilà!*—повторилъ Кумачевъ и самъ поднялся.

Француза онъ обласкалъ, предложилъ сѣсть въ свое отдѣльное купе-салонъ, позвалъ и обѣдать на послѣзавтра. За обѣдомъ онъ его кое-кому покажетъ. Того хлѣбомъ

не корми, дай только ему пустить свои рапи о „grand patriote moscovite du Strastnoi boulevard“ и „l'antique Kremlin — ce pandemonium des gloires ineffables de la sainte Russie“. Пожалуй, онъ сведетъ его и на могилу „du grand citoyen“. Тотъ уже заговаривалъ о вѣнкѣ, и гдѣ его купить по сходной цѣнѣ.

Два артельщика вбѣжали разомъ съ двухъ сторонъ и, толкаясь, начали забирать вещи.

— Slavianski Bazar! — жалобно выговаривалъ французъ, остановившій за рукавъ полшубка своего артельщика.

Кумачевъ объяснилъ ему, что за „этимъ господиномъ“ пріѣдетъ переводчикъ изъ „Славянскаго Базара“.

На платформѣ они пожали другъ другу руки. Французъ приподнялъ свою шапку съ наушниками и обнажилъ лысый черепъ съ жидкой косицей волосъ посрединѣ.

Въ эту минуту онъ показался Кумачеву такимъ „ми-зюрнымъ“ — онъ нарочно употребилъ, про себя, мужицкое слово, — что его забрало сомнѣніе: полно, настоящий ли онъ журналистъ. И послала ли его какая-нибудь компанія „маклатить“ насчетъ концессіи и привлеченія капиталовъ? Вдругъ, какъ онъ окажется просто „voyageur en vins de Champagne“, помѣщающій вино плохенькой новой фирмы, со скидкой тридцати процентовъ номинальной цѣны и съ кредитомъ отъ одной макарьевской армарки до другой?

Вѣхали они съ Ниной, года два назадъ, изъ-за границы, по осени. Съ ними въ одномъ вагонѣ сидѣлъ французъ — не этому чета — изящный, бравый, видный, рѣчистый, съ какимъ барскимъ тономъ!.. Примешь за герцога Рогана или Монморанси. И что же! Когда, послѣ Пскова, они разговорились, и оказался онъ — „voyageur“, промышленящій продажей „en gros“ бутылочныхъ этикетовъ. Захару Лукьяновичу всучилъ-таки пачку ярлыковъ — черные съ золотыми буквами...

Кумачевъ оглинулся на станціи. Онъ искалъ кого-то глазами. Его камердинеръ подбѣжалъ къ нему.

— Барыни не видать, — вполголоса доложилъ онъ.

— Знаю!

Захару Лукьяновичу показались неприятными эти слова камердинера, хотя онъ не требовалъ и не ожидалъ того, что Нина выйдетъ къ нему навстрѣчу.

Морозъ стоялъ градусовъ за двадцать. Съ какой стати будетъ она студиться?

Вспомнилось ему, однако, что не дальше какъ въ про-

пломъ году Нина сама выѣхала его встрѣтить, и морозъ былъ никакъ не меньше сегодняшняго.

Писемъ онъ ей изъ Петербурга не писалъ, зато посылалъ большія телеграммы. Въ нихъ онъ, не называя именъ, въ видѣ прозрачныхъ намековъ и по-французски, сообщалъ о своихъ успѣхахъ. „Предстательство“, котораго онъ былъ ходатаемъ, во всѣхъ частяхъ уважено. Самъ управляющій вѣдомствомъ благодарилъ его. Къ Пасхѣ, навѣрно, повѣсятъ ему крестъ на шею. И въ другомъ вѣдомствѣ ему дали понять, что представленіе о его наградѣ—въ видѣ званія, такъ давно желаемого Ниной,—будетъ взято въ „серьезное вниманіе“.

И она даже на это почему-то ничѣмъ особеннымъ не откликнулась. Въ послѣдней ея депешѣ стояло только: „Merci. Heureuse. Les mioches vont bien“.

Будь это въ прошломъ году, она навѣрно бы прилетѣла на дебаркадеръ.

— Иванъ Кузьмичъ!..—доложилъ опять камердинеръ.

Къ нему торопливо подходилъ Кострицынъ.

— Извините, Захаръ Лукьяновичъ! Чуть—было не опоздалъ!

— Спасибо! Зачѣмъ беспокоились въ такую стужу!

— Антонина Борисовна просила меня встрѣтить васъ. Она неможно утомлена.

— Что такое?—тревожно спросилъ Кумачевъ.

— Ничего. Она второй день сидитъ дома. Кажется, раздраженіе горла.

Кострицынъ присочинилъ это отъ себя. Въ нездоровье Нины онъ не вѣрилъ.

— Она на ногахъ,—успокоительно добавилъ онъ.—Я сюда пріѣхалъ въ вашихъ саняхъ. А отсюда возьму извозчика.

Кумачевъ еще разъ пожалъ ему руку.

— Все у насъ благополучно?—спросилъ онъ хозяйскимъ тономъ.

— По мануфактурамъ и въ амбарѣ все,—отвѣтилъ коротко Кострицынъ.

И этотъ отвѣтъ почему-то показался Кумачеву уклончивымъ.

„А дома?“—спросилъ онъ про себя.

И не желая останавливаться дальше на этихъ разспросахъ, онъ бодро подозвалъ камердинера.

— Ты повезешь вещи. Я на одиночкѣ... Иванъ Кузь-

ничъ,—повернулся онъ къ Кострицыну,—сегодня я буду въ амбарѣ. И послѣзавтра прошу откушать... Знаете, по-параднѣе... Увидите Лыжина—и его просите! Онъ не въ отъѣздѣ ли?

— Нѣтъ, здѣсь въ Москвѣ. Передамъ... Мос почтеніе!

Кострицынъ простился съ нимъ на ступеняхъ широкой лѣстницы пассажирскаго подъѣзда. Артельщикъ закричалъ его кучера и подаль ему маленькій сакъ, гдѣ у него были бумаги и деньги.

Сѣрый рысакъ вылетѣлъ изъ воротъ вокзала и помчалъ Захара Лукьяновича по площади и дальше по Уланскому переулку, переполненному легковыми извозчиками и лодовиками. Съ обѣихъ сторонъ пестрѣли передъ нимъ, убѣгая взадъ, вывѣски питейныхъ и трактировъ, и неслись запахи постнаго дня.

Всегда онъ возвращался въ Москву съ радостнымъ чувствомъ и любилъ самую ея грязь, азіатское неустройство и безшабашность ея уличныхъ правовъ.

Сегодня этого чувства—почти дѣтскаго—не было въ немъ. Морозный вѣтеръ дулъ ему въ уши и глаза. Онъ ушелъ въ воротникъ.

Входя къ себѣ въ сѣни, онъ сейчасъ же спросилъ:

— Какъ барыня?

— Слава Богу... Онѣ тамъ, на лѣстницѣ.

Онъ поднялъ голову и увидалъ Нину на площадкѣ второго этажа въ короткой плюшевой мантилькѣ.

— *Zacchi! Bonjour!*—крикнула она ему оттуда и указала на свое горло, какъ бы говоря: „внизъ, въ сѣни, я боюсь“.

И отъ этого оклика на Захара Лукьяновича повѣло холодежомъ.

II.

Въ столовой, полной свѣта и пряныхъ испареній ѣды, дѣлалось душно. Приближалась минута снѣчей.

Захаръ Лукьяновичъ оглянулъ весь столъ. Сидѣло четырнадцать человѣкъ. Онъ успокоительно улыбнулся.

И онъ, и Нина смертельно боялись числа *тринадцать*, и оба скрывали это. Когда, передъ прїѣздомъ француза, половина гостей была уже въ сборѣ, вдругъ оказалось, что столъ накрытъ на тринадцать особъ. Оба они всполошились. Какъ быть? Совѣстно сказать Кострицыну, какъ своему человѣку: „вы не будете обѣдать“. Самому хозяину

не садиться—также неловко. Нина выручила: она позвала англичанку, обѣдавшую всегда съ дѣтьми, и приказала ей одѣться въ самое нарядное платье. И опять вышло тринадцать: князь Иларіонъ все еще не возвращался изъ своей поѣздки за городъ. Англичанкѣ велѣли тогда остаться съ дѣтьми.

Противъ хозяина былъ посаженъ французъ, между двумя дамами—Ниной и Верховцевой. По правую руку, рядомъ съ Ниной, сидѣлъ генералъ Кашкетовъ, а слѣва, около Напоп—дядя Кумачева, Лука Гордѣичъ Курмышевъ, только что пріѣхавшій изъ „чужихъ краевъ“—какъ онъ привыкъ, по-старинному, выражаться. Его ростъ, бритое лицо, сѣдая подстриженная голова, сдержанно-пріятная усмѣшка, *rinse-nez* и умѣнье носить фракъ дѣлали его похожимъ на породистаго стараго барина. И Нина его жаловала. Не будь онъ „Лука Гордѣичъ“—никто бы не призналъ въ немъ купца, пожалуй, еще менѣе, чѣмъ въ его племянникѣ.

Остальные гости были тѣ же, что и на обѣдѣ, когда Лыжина въ первый разъ пригласили „откушать“. Недоставало только петербургскаго чиновника и Орѣхова.

Всѣ мужчины надѣли бѣлые галстуки и большинство—фраки. Самъ хозяинъ и Ковригинъ, „*le pique-assiette*“, были въ смокингахъ.

Французикъ даже въ бѣломъ жилетѣ, по парижской модѣ, безъ умолку болталъ съ дамами, и его маленькое лицо, съ сѣро-бронзовымъ оттѣнкомъ кожи, безпрестанно подергивалъ чуть замѣтный тикъ, особенно когда онъ вставлялъ свой монокль. Захару Лукьяновичу не очень нравилось то, какъ этотъ „мусьякъ“ держитъ себя съ его женой и ея пріятельницей. Онъ со второго блюда сталъ слишкомъ близко къ нимъ наклоняться и глядѣлъ на нихъ, прищуривая одинъ глазъ, другимъ—слишкомъ уже какъ-то „подло“.

Нина сіяла и блескомъ своей наружности, и брильянтами. Она перекидывалась съ Напоп частыми взрывами смѣха—и тогда французъ пускалъ визгливую ноту, отъ удовольствія закидываясь назадъ и начиналъ качать головой.

„Считаютъ себя самой галантерейной націей, — думалъ Кумачевъ, —а воспитанія никакого. Самонительные парикмахеры!“

Сердиться онъ не хотѣлъ, хотя его сегодня съ утра

что-то точно показывало. Вчера, въ часъ пріема жены, онъ нашелъ у нея барона Гольца. Чрезвычайно ему не понравился этотъ офицеръ, и почему—онъ не могъ себѣ отдать отчета. Нина вела себя съ нимъ обыкновенно, даже суховато, что показалось ему страннымъ. Когда тотъ ушелъ, и онъ спросилъ Нину: желаетъ она пригласить его обѣдать „на француза“—она отвѣтила, поведя губами: „особенной надобности нѣтъ“. И это опять показалось ему страннымъ.

На остальныхъ гостей Захаръ Лукьяновичъ глядѣлъ свысока, кромѣ генерала Кичкетова,—пригласить его просила Нина. И сегодня она съ нимъ очень любезна и то и дѣло обращается къ нему. У нея, вѣроятно, какіе-нибудь виды на него. Человѣкъ онъ вліятельный, значится „въ запасѣ“, но всѣ говорятъ, что онъ—на дѣйствительной службѣ, и на такой, что съ нимъ ухо востро держи.

Пріѣхалъ и онъ въ штатскомъ, хотя имѣетъ право быть и въ формѣ. Это онъ дѣлаетъ чтобы молодиться. Густыя эполеты старять, а для вида были бы нелишними пара эполетъ и владимірскій крестъ на шеѣ. Французику внушено: какая птица „*son excellence le général de Kichketoff*“. Онъ, когда его представляли, изогнулся колесомъ: кланяться сановникамъ они всѣ мастера, даромъ что республиканцы.

Свою здравницу Захаръ Лукьяновичъ на бумажѣ не писалъ. Онъ въ себѣ увѣренъ. Ему приводилось говорить по-французски на большихъ парадныхъ обѣдахъ, и послѣ его спичи, записанные „газетчиками“, ходили по всей Москвѣ. Дома онъ подавно будетъ превосходно владѣть собою.

Мужчины оцѣнять его умѣлость и знаніе языка. Изъ нихъ только Кострицынъ не можетъ вполне свободно объясняться по-французски, да, кажется, и ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Этотъ фактъ Захаръ Лукьяновичъ смаковалъ съ особымъ удовольствіемъ. Умственное превосходство своего бывшаго учителя онъ любилъ тонкимъ образомъ посократить. И никто изъ остальныхъ, даже постоянно французившій Ковригинъ, не въ состояніи импровизовать спичъ, какъ онъ: ни генералъ, ни Верховцевъ, ни Лыжинъ, ни его дядя Курмышевъ, ни докторъ Шахматовъ. Можетъ-быть, Эсауловъ... Онъ рѣчистъ съ женщинами. Но это не одно и то же.

Захаръ Лукьяновичъ слегка постукалъ въ свой бокалъ,

когда шампанское, передъ блюдомъ овощей, было розлито.

Всѣ притихли. Послѣдній замолчалъ французъ, и его вопросъ: *Monsieur va parler?*—раздался среди общей тишины.

Поднимаясь, Захаръ Лукьяновичъ привѣтствовалъ заѣзжаго „друга Россіи“ наклоненіемъ головы и жестомъ лѣвой руки, и, не возвышая голоса, мягкимъ, очень пріятнымъ звукомъ, началъ:

— *Mesdames et messieurs!*

Французъ разсудилъ положить локти на столъ и податься впередъ такъ, какъ будто онъ зналъ, что хозяинъ будетъ говорить исключительно ему.

Сразу Захаръ Лукьяновичъ взялъ полусутильный тонъ. Онъ указалъ на трескучіе морозы, которые не пугаютъ друзей его родины—проникать въ нее, не въ качествѣ хищныхъ завоевателей, какъ было въ Двѣнадцатомъ году, а со словами сочувствія и удивленія ея могуществу, съ увѣренностью, что русское гостепріимство согрѣетъ и развеселитъ ихъ душу. И онъ пожелалъ, чтобы морозы эти постояли еще подольше. Холодъ вызоветъ подъемъ духа. И путникъ, являющійся съ далекаго Запада, попавъ въ вихрь нашего веселья и жизни, не захочетъ разстаться съ поэзіей русской зимы. Онъ еще сильнѣе почувствуетъ, какія сердца бьются подъ снѣжнымъ пологомъ. Если эти сердца сумѣютъ привлечь къ себѣ—никакой врагъ не опасенъ!

Заключительный возгласъ Захара Лукьяновича прозвучалъ такъ:

— *Je bois à la santé du français venu à Moscou en ami convaincu et fidèle!*

Всѣ захлопали, даже Лыжинъ, который шепнулъ Кострицыну:

— Ученичокъ твой молодцомъ!

Съ мѣстъ, однако, никто не вставалъ, чтобы чокаться съ французомъ. Чокнулись съ нимъ только дамы.

Генералъ Кишкетовъ сдѣлалъ ручкой хозяину. Шамаховъ, сидѣвшій рядомъ съ Кумачевымъ, шепнулъ ему:

— Прекрасно! Пускай знаетъ нашихъ. И безъ излишней сладости!

Эсауловъ кисло улыбался. Ему непріятенъ былъ успѣхъ „дупчишки“. Говорить послѣ него онъ не станетъ. Но и онъ почувствовалъ себя облегченнымъ. Ожидалъ онъ расшаркиванья передъ французомъ и нашелъ, что Захаръ

Лукьяновичъ справился со своимъ спичемъ весьма не глупо.

Бросивъ салфетку, Мусильякъ весь нервно подернулся, взялся одной рукой за бокаль, а другую запустилъ за вырѣзь жилета.

— Mon ami Koumatchèff,—началъ онъ; Захара Лукьяновича кольнуло это вступленіе: „Какой я его ami?“—подумалъ онъ сейчасъ же.—Mon excellent ami,—повторилъ Мусильякъ,—me confond de paroles cordiales que les russes seuls sont capables de proférer dans les épanchements de leur généreuse nature slave!..

— Замолола мельница!—шепнулъ Кострицынъ Лыжину.

— Oui, mes amis!—заливался Мусильякъ. — Sous ses neiges profondes et vivifiantes—votre antique capitale cache des richesses inouies! Elle n'est pas seule—cette renversante Moscou! D'autres villes rivalisent avec elle de prospérité et de trésors, pudiquement enfouis sous la virginale hermine de leurs steppes!.. Parlez-moi de ces soeurs puînées de vorte sainte cité! Parlez-moi de Toulá, parlez-moi de Kalouga!..

— Что онъ, калужскаго тѣста, что ли, захотѣлъ?—не удержался Кострицынъ и поглядѣлъ на Кумачева.

Тотъ сидѣлъ съ опущенными глазами; на губахъ его скользила усмѣшка.

— Parlez-moi de Novgorode la Petite, cette perle du commerce russe!

— Это еще чтò? —спросилъ и Лыжинъ сидѣвшаго съ нимъ рядомъ Эсаулова.

— Такъ они, почему-то, до сихъ поръ зовутъ Нижній и въ своихъ учебникахъ.

— Parlez-moi de cette foire miraculeuse, où—des confins des Indes roulent par le majestueux Volga des caravanes pleines de produits rares—éclos parmi les peuplades, aspirant à la protection tutélaire et civilisatrice de votre noble pays—vaste comme le monde!

— Не закрыть ли клапанъ? —спросилъ опять Кострицынъ и сдержалъ себя.

Онъ почувствовалъ, что и патронъ его что-то конфузится отъ спича заѣзжаго „друга Россіи“.

— Puissé-je,—вскрикнулъ французъ и поднялся на цыпочкахъ,—en portant ce toast à la fraternité des deux peuples—au milieu de cette superbe ville où reposent les cendres du grand patriote moscovite—puissé-je évoquer les

plus glorieux souvenirs de ma chère patrie—gages suprêmes de sa réhabilitation imminente!

Первыя захлопали дамы, за ними Кумачевъ. На этотъ разъ онъ пошелъ чокнуться съ французомъ.

— Здоровье и хозяевъ могъ бы провозгласить! — выговорилъ довольно громко Шахматовъ, когда Захаръ Лукьяновичъ чокался съ французомъ.

— Имъ главное—свой реваншъ взять,—съ тихой улыбкой выговорилъ дядя Захара Лукьяновича, Курмышевъ.

Генераль, желая дать урокъ французу въ вѣжливости, всталъ и провозгласилъ:

— La santé de nos chers hôtes, qui représentent ici, si largement, l'hospitalité russe!

Мужчины повскакали съ мѣстъ, и всѣмъ стало гораздо веселѣе отъ того, что француза проучили.

III.

Послѣ обѣда, въ кабинетѣ Нины, дамы посадили Мусильяка опять между собою, у столика, гдѣ стоялъ подносъ съ кофе и ликерами. Хозяйка разрѣшила ему курить. Изъ мужчинъ оставались только генераль и Ковригинъ.

Щеки Нины порозовѣли, глаза блестѣли, шея и руки выставляли свою матовую бѣлизну, выступая изъ густого колера цвѣтного атласа. Рядомъ съ ней Nanon казалась дурнушкой. Она выпила лишній бокаль шампанскаго и сидѣла съ пылающими щеками, слишкомъ много смѣялась и уже позволяла французу маленькія вольности, отъ которыхъ онъ еще воздерживался, обращаясь къ Нинѣ.

Мусильякъ съ ногой—вздернутой на другую, въ черныхъ чулкахъ и открытыхъ башмакахъ, развалился на диванѣ и, пуская колечки дыма, поворачивалъ голову то вправо, то влѣво, склоняясь къ плечу дамы.

— La Gorousskà, — лепеталъ онъ, отуманенный двумя рюмками ликера, — la Gorousskà,—такъ онъ произносилъ фамилію одной графини, извѣстной всему Парижу, — elle a des goûts à part...

И, наклонившись къ уху Нины, онъ шепнулъ ей что-то.

— Dites, dites-moi! Monsieur Moucillac! De grâce!

Nanon потянулася къ нему ухомъ.

— Et bien, elle est pour...

И онъ досказалъ ей также на ухо, и такъ близко, точно хотѣлъ укусить ей кончикъ уха.

Nanon взвизгнула.

— Pas possible!

Ни она, ни Нина не нашли этого сообщенія непристойнымъ.

— C'est si bien porté! — выговорилъ французъ и повелъ бровью, подъ которой у него утверждень былъ монокль.

И генераль, сидя немного поодаль, смотрѣлъ на нихъ въ свой монокль. Онъ еще съ обѣда сердился на Мусильяка и на обѣихъ дамъ, которыя только имъ и занимались. „Французишка“ — онъ такъ мысленно называлъ его — казался ему нахаломъ, и если не проходимцемъ, то какимъ-то мелкимъ газетнымъ „шелкоперомъ“, который выдаетъ себя за патріота, посланнаго съ разными серьезными цѣлями.

То, что онъ сейчасъ началъ болтать о скандальныхъ нравахъ этой графини, Кишкетовъ отлично зналъ; былъ и съ графиней знакомъ. Онъ, какъ истый любитель женщинъ, удилъ въ Парижѣ рыбу въ самыхъ мутныхъ водахъ, но въ обществѣ держался всегда особаго изысканно-игриваго или тонко-двусмысленнаго тона.

Генераль наклонился къ сидѣвшему около него Ковригину и сказалъ ему вполголоса, по-русски:

— Какія пакости говоритъ этотъ фертикъ!

— У нихъ тамъ это — первый разговоръ.

Кишкетовъ зналъ давнымъ-давно, какая за Ковригинымъ установилась репутація и здѣсь, и за границей. Мало ли что! Никто не имѣетъ права допытываться, какія тайныя слабости и даже пороки имѣетъ „порядочный“ человекъ и „дворянинъ“. Другое дѣло — вести разговоръ на подобныя скандальныя темы!

Оба они, проживая подолгу во Франціи, относились къ ней или свысока, или просто презрительно. Презирали и такихъ вотъ Мусильяковъ, и все, что въ ней самого цѣннаго: ея исторію, учрежденія, свободу, мысль, науку, — все это они оба и съ ними сотни такихъ же „знатныхъ иностранцевъ“, бѣгающихъ по Парижу и Ривьерѣ, считали опаснымъ и вреднымъ безначаліемъ и безпутствомъ. Они прекрасно понимали, что между теперешней Франціей и тѣмъ, что они собою представляютъ, не можетъ быть никакой прочной дружбы. Но если „французишки“ сами лѣзутъ и прыгаютъ передъ ними на заднихъ лапахъ — пускай ихъ! Такъ пріятнѣе, чѣмъ было двадцать

пять лѣтъ назадъ и больше, когда весь Парижъ бѣгалъ смотрѣть на пьесу „Les cosaques“, и имя русскаго было синонимомъ варвара и безсердечнаго хищника. Пускай ихъ! Отъ этого „чихнется“ нѣмцу, а нѣмца мы терпѣть не можемъ и обязаны показывать ему, во всякое время, кулакъ и прямо, и косвенно.

Дамамъ до всего этого мало дѣла. Французъ принесъ съ собою воздухъ забавнаго и смѣлаго безпутства. Вѣдь онѣ не могутъ же ѣздить въ нѣкоторыя мѣста, куда проникаютъ только мужчины, а тутъ одинъ такой парижанинъ сразу опускаетъ васъ на самое дно тайныхъ нравовъ свѣта.

Нина, оставивъ Напон „вратъ“ съ Мусильякомъ, присѣла къ мужчинамъ.

— Il est du dernier bateau! — выговорила она, довольная тѣмъ, что употребила самое настоящее парижское словечко.

— Даже слишкомъ! — брезгливо и по-русски отозвался Ковригинъ, лѣниво качая ногой.

— Женщинамъ такое вранье—коврижки! — выговорилъ, поведя своими злыми глазами, Кишкетовъ.

— Полноте! Не ворчите, господа! Надо ихъ брать, какъ они есть. Они только и дѣняютъ въ женщинѣ то, что въ ней есть самаго лучшаго.

— А мы не дѣнимъ, Антонина Борисовна? — возразилъ Кишкетовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, русскіе мужчины n'aiment pas la galanterie pour elle-même. И даже всякій такой французъ, — продолжала Нина, понизивъ голосъ, — если онъ въ кого влюбится, какъ слѣдуетъ, гораздо опаснѣе русскаго, который умнѣе и красивѣе его.

— Почему же это? — спросилъ Ковригинъ.

— Потому что у него упорство есть, хитрость, уловки.

— Est-ce que madame a essayé de tout cela? — тонко улыбаясь, спросилъ генераль.

— Eh bien, oui! — такъ же смѣло и даже задорно отвѣтила Нина. — J'ai une fois passé par cela à Biarritz. И я васъ увѣряю, что это хорошая школа. Послѣ того... никакой русскій не опасенъ.

Кишкетовъ поглядѣлъ на нее съ особеннымъ выраженіемъ. Нина не сконфузилась.

Она его поняла сейчасъ же.

„Ты ничего не знаешь, — говорили ей ликующіе глаза. —

Ровно ничего, хотя, быть-можетъ, подозрѣваешь кое-что. Я тебя не боюсь, ни тебя, ни того, что про тебя разсказываютъ. Ты мнѣ окажешь всякую услугу, когда ты мнѣ понадобишься, стѣбитъ только приласкать тебя, и ты, воображая себя еще молодымъ, будешь надѣяться.“

Ей было въ эту минуту особенно весело. Она ничего не боялась и тѣшила себя тѣмъ, что свою „линію“—какъ иногда выражался еще Захаръ Лукьяновичъ—повела такъ ловко.

Обѣдать она не пригласила Гольца. И Напон, даромъ что считаетъ себя „ужасно“ опытной, дала себя провести. Она сдѣлала ей упрекъ за Гольца, тогда какъ это было по уговору съ нимъ. И Напон тоже ничего не знаетъ. Гольцъ неспособенъ проговориться. Онъ не фатъ. Напон, можетъ-быть, думаетъ, что у нихъ начался флѣртъ. Но какой? Нынче флѣртъ—значить простое ухаживаніе.

Наканунѣ пріѣзда мужа она, уже съ болью въ горлѣ, не утерпѣла и заѣхала во второй разъ въ отель. И свиданіе не ограничилось уже разговоромъ въ коридорѣ. Входя къ нему, она сказала:

— Vous voyez bien, que je ne vous crains pas!

Что между ними было—никто никогда не узнаетъ. Но она ему все-таки не отдается такъ, какъ онъ, быть-можетъ, воображаетъ.

Ничего болѣе сладкаго и задорно-молодого не испытала еще Нина, какъ это охотничье чувство опасности и игры высшаго любовнаго спорта, съ постояннымъ и подмигивающимъ сознаніемъ своего ума и своей ловкости.

Изъ курильной стали подходятъ мужчины. Первымъ явился Эсауловъ и подсѣлъ къ нимъ.

— Французъ въ своей сферѣ,—брезгливо сказалъ онъ, уязвленный тѣмъ, что за обѣдомъ Напон ни разу не обратилась къ нему.

Нина пригласила его съ задней мыслью—какъ онъ будетъ бѣситься, если французъ овладѣетъ разговоромъ съ дамами.

— Кто жъ вамъ мѣшаетъ! — небрежно сказала ему Нина, указавъ головой въ ихъ сторону.—Подойдите, Напон нынче d'une verve endiablée! Не уступайте ее французу.

Всѣ они нисколько не церемонились съ иностранцемъ и, какъ это всегда бываетъ, говорили, точно парочно, на

своемъ языкѣ, что вездѣ за границей было бы крайне невѣжливымъ.

Точно и хозяйка, и ея гости, кромѣ Напоп, продолжавшей взвизгивать отъ пикантностей француза, хотѣли показать ему: „Чего тебѣ еще? Накормили, сказали спичъ, напоили до-отвалу, а церемониться съ тобой не стоить: ты все-таки—куафферъ“.

Будь тутъ самъ Захаръ Лукьяновичъ, онъ бы держалъ себя гораздо „корректнѣе“—слово, которое особенно любилъ употреблять Эсауловъ.

Тихо вошли и Лыжинъ съ Кострицынымъ. Они оставили Кумачева въ курильной, вмѣстѣ съ Верховцевымъ, сильно поналегшимъ на ликеры, Курмышевымъ и Шахматовымъ.

Вѣрный своимъ правиламъ, Захаръ Лукьяновичъ появлялся всегда позднѣе гостей на половину своей жены.

Нина кивнула издали Лыжину и указала на столики съ ликерами.

— Хотите?—кивнула она ему.

Онъ отказался и сѣлъ рядомъ съ Кострицынымъ у двери. Оба они, не обмѣниваясь своими мыслями, думали почти одно и то же.

Своимъ принципомъ были оба довольны. Его на мякинѣ не проведешь. Спичъ свой онъ произносилъ не этому „шмерцу“, а для себя, какъ сынъ своей земли, умѣющій показать, что ни предъ кѣмъ ни онъ, ни такіе же патриоты, какъ онъ, прыгать не намѣрены. Но и французъ, не будь его смѣшноватаго паюса, сказалъ спичъ, гдѣ все было, какъ и быть слѣдуетъ, вплоть до возгласа: „Parlez-moi de Kalouga!“ Почему онъ знаетъ, какой это городъ! Имя звонкое—вотъ онъ и всунулъ его въ свой пицероновскій періодъ. И „chère patrie“ свою онъ высоко ставитъ, и „fraternité“ ему нужна съ „sainte Russie“, и нужна на самый существенный ладъ, только онъ, какъ и всѣ его компатриоты, великій мастеръ морочить и себя, и другихъ. А теперь онъ вретъ съ барынями, какъ ему и полагается.

И оба пріятеля, благодушно усмѣхнувшись, поглядѣли въ его сторону.

IV.

Въ курильной Кумачевъ, Шахматовъ и Верховцевъ разсѣлись на длинномъ турецкомъ диванѣ; только дядя За-

хара Лукьяновича сидѣлъ въ креслѣ и маленькими глотками допивалъ ликеръ.

Онъ разспрашивалъ племянника о поѣздкѣ. Лука Гордѣичъ говорилъ ему „ты“, а тотъ ему „вы“—по-купечески. Но „Захарушкой“ Курмышевъ давно уже не звалъ его, даже съ-глазу-на-глазъ, что Захаръ Лукьяновичъ очень цѣнилъ.

— Стало, во всѣхъ частяхъ можно тебя поздравить съ полнымъ успѣхомъ?—спросилъ Курмышевъ своимъ мягкимъ, барскимъ тономъ.

— Дяденька! Улита ѣдетъ—скоро ли будетъ?..

— Мы этихъ питерскихъ чинушей знаемъ!—вскричалъ Верховцевъ голосомъ человѣка, довольно-таки подвыпившаго. — Они на словахъ золотыя горы посулятъ, а потомъ—и шишъ!

Ему давно обѣщали почетное мѣсто по благотворительнымъ заведеніямъ—и до сихъ поръ водили.

— Значить, тамъ господа министерскіе умники раскусили,—замѣтилъ Шахматовъ,—что Москва—всей русской землѣ голова, и ея ходатайства никогда зря не бьются.

— Господа фабриканты—всѣ канючатъ!—перебилъ Верховцевъ, находившій, что съ купцомъ слишкомъ посятся.

— Почему же?—спросилъ Кумачевъ и выпрямился.

— Да ужъ нечего, милѣйшій Захаръ Лукьяновичъ! О чемъ ни попросите—вамъ сейчасъ:—на тебѣ, батюшка, только не канючь!

— Ими теперь столько сотенъ тысячъ народа живетъ,—сказалъ Курмышевъ съ тихой усмѣшкой.

— Вѣдь и господамъ дворянамъ оказываютъ всякую поддержку,—продолжалъ Кумачевъ. — Если выходить мало толку—чья же вина, Платонъ Николаевичъ, чья же вина?

Онъ похлопалъ его по жирному колѣну.

Верховцевъ мотнулъ головой и крикнулъ:

— Толкуйте! Поднимать нашего брата спохватились, когда уже ничего исправить нельзя, когда положеніе цѣлаго сословія въ корень подорвано.

— Пожалуй и такъ,—отозвался Шахматовъ, дававшій всегда понять, что онъ—изъ столбовыхъ дворянъ родомъ.

— Ну, да что тутъ Лазаря пѣть!—пьянящимъ голосомъ протянулъ Верховцевъ.—Вы лучше скажите мнѣ,—

обратился онъ къ Кумачеву,—что Петербургъ, веселится? При васъ не было никакого костюмированного бала, въ собраніи, съ француженками?

— Былъ, да я всего на полчаса заглянулъ туда.

— Были красивыя женщины?

Верховцевъ пододвинулся къ Кумачеву, ёрзая по дивану.

— Одна актриса изъ Михайловскаго. Фамилію забылъ... И лицомъ—красотка, и бюстъ—мое почтеніе!

— Слышалъ я, слышалъ. Еще фамилія какая-то точно итальянская. Что жъ, аллегри, что ли, продавала?

— Какъ водится.

— И на много васъ наказала?

— Нѣтъ. Я выпилъ одинъ бокалъ шампанскаго.

— Прижимисты, батенька!

Верховцевъ отдалъ Кумачеву его безцеремонный жестъ—потрепалъ его по плечу,—и Захаръ Лукьяновичъ это понялъ.

— Вы вѣдь, батюшка, съ хитрецей,—продолжалъ Верховцевъ, раскидываясь по дивану,—небось, въ Петербургъ съ собой жену не взяли, а одинъ слетали и, поди, тамъ охулки на руку не положили. Бѣдная Антонина Борисовна здѣсь въ одиночество обрѣталась.

— Это ея добрая воля была,—отвѣтилъ Кумачевъ, начиная чувствовать раздраженіе отъ тона Верховцева.

— Рассказывайте, добрыйшій!

— Антонинѣ Борисовнѣ все вѣдь нездоровилось?—спросилъ Шахматовъ, ни къ кому не поворачивая головы.

— Она къ памъ не показывалась ни разу,—вставилъ Верховцевъ. — По такимъ морозамъ, разумѣется, благо-разуміе сидѣть дома.

— Неосторожна она немножко,—выговорилъ Курмышевъ и поставилъ рюмку на столикъ.—Я ее видѣлъ, дня три назадъ, въ какой морозъ.

— Гдѣ?—спросилъ Кумачевъ и быстро обернулъ голову въ сторону дяди.

— Да она, должно-быть, дѣлала визитъ какой-нибудь пріѣзжей барынѣ. Показалось мнѣ, что сани ея отѣхали отъ гостиницы „Дрезденъ“.

— Кто же бы тамъ остановился?—спросилъ Верховцевъ и, что-то сообразивъ, неловко замолчалъ.

Это не укрылось отъ Захара Лукьяновича. Ему тоже пришло на память, что въ „Дрезденъ“ стоялъ баронъ Гольцъ.

Нѣсколько секундъ онъ испыталъ ощущение, точно у него въ головѣ что-то вспыхнуло, какая-то спичка.

Лицо его и безъ того было возбуждено отъ ѣды, произнесенія спича, вина и ликера; но его ударило въ краску, что онъ самъ тотчасъ же замѣтилъ.

— Нина выѣзжала и простудилась немного какъ разъ наканунѣ моего пріѣзда,—выговорилъ онъ тономъ, въ которомъ ему самому слышалось усиленіе не выдать себя.

И вслѣдъ за тѣмъ онъ всталъ съ дивана, прошелся по курительной и, приблизившись къ Курмышеву, сказалъ ему шутливо:

— Вы что же не пожурили Нину за неблагоразуміе?

— Да я издали видѣлъ сани. Самъ я поворачивалъ въ Столешниковъ переулокъ, а сани Антонины Борисовны ѣхали черезъ площадь на Тверскую... И мнѣ показалось, что отъ „Дрездена“.

„И зачѣмъ я опять объ этомъ заговорилъ?“—далъ на себя мысленный окрикъ Захаръ Лукьяновичъ и, отряхнувшись, громко сказалъ:

— Господа! Пора и къ дамамъ, если вамъ не угодно еще пройти по ликерамъ.

Чего съ нимъ никогда не бывало — онъ пошелъ впередъ всѣхъ, и когда подошелъ къ дверямъ комнаты Нины, то остановился въ портьерѣ и кинулъ взглядъ на жену, точно онъ хотѣлъ узнать сразу: обманываетъ она его или нѣтъ.

Подозрѣніе вошло въ него клиномъ и такъ быстро! Это его выбило изъ колеи и показало ему, что увѣренности въ своемъ супружескомъ счастьѣ и спокойствіи въ немъ не жило.

Онъ никогда не ревновалъ ея; ему это показалось бы слишкомъ низменнымъ, недостойнымъ, прежде всего, его самого. Довольно того, что она была его жена. Бызало, перебирая въ памяти классическія изреченія, которыхъ всего больше получилъ онъ отъ Кострицына, онъ любилъ про себя повторить: „Жена кесаря не можетъ быть даже подозрѣваема“.

Онъ зналъ, однако, и то, что излишнее благодушіе и довѣрчивость и на кесаря налагали печать неизгладимаго срама. Императоръ Маркъ-Аврелій былъ мудрецъ и праведникъ и слишкомъ вѣрилъ въ добродѣтель своей Фаустины. Ему докладывали во-время о ея шашняхъ, а онъ все медлилъ и повторялъ: „одно изъ двухъ — или она

оклеветана, или виновна". Такъ вѣдь онъ былъ „блажен-
ненскій“, чудакъ, стоикъ. Да, должно-быть, и кровь-то
въ немъ текла молочная, даромъ что онъ былъ коренной
римлянинъ.

Въ кабинетѣ Нины уже не было ни Лыжина, ни Ко-
стрицына. Французъ хотъ и слишкомъ себя развязно велъ,
но вспомнилъ, что послѣ обѣда нельзя засиживаться до
позднихъ часовъ, если нѣтъ въ домѣ въ этотъ день того,
что въ Парижѣ называется: „réception ouverte“.

Что потомъ говорилось и долго ли сидѣли остальные
гости — Захаръ Лукьяновичъ не помнилъ. Даже и то,
что онъ самъ говорилъ, скользило по немъ. Душой онъ
ни въ чемъ какъ бы не участвовалъ; но наружный видъ
оставался тотъ же, и лицо привѣтливо, по-хозяйски,
улыбалось.

Ушли всѣ. Сталъ собираться и Лука Гордѣичъ Кур-
мышевъ.

— Дяденька! Вы бы минуточку посидѣли... Чайку жел-
тенькаго не пожелаете? Вы вѣдь любитель.

Курмышевъ былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ
племянника.

Нина скрылась на время въ уборную и, вернувшись,
легла съ ногами подъ балдахинъ.

— Ты, Нина,—заговорилъ мягко и глухо Кумачевъ,
ходя по комнатѣ,—очень ужъ рискуешь, разтѣзая съ
простуженнымъ горломъ по морозу.

— Какія разтѣзанья?—откликнулась утомленно Ни-
на.—Я дома сижу—ты знаешь.

— А какъ же дяденька видѣлъ тебя наканунѣ моего
прѣзда?

— Гдѣ?

Нина измѣнила позу.

— Ты отъ гостиницы „Дрезденъ“ отѣзжала днемъ.
Вотъ и поймалась. Ха-ха!

Онъ засмѣялся съ усиленіемъ.

— У кого же ты была? Съ визитомъ, что ли?

Не сразу отвѣтила Нина и, проведя ладонью руки по
волосамъ, выговорила небрежно и вяло:

— Что-то не помню. Я могла подниматься отъ Сто-
лешникова.

Вышло молчаніе.

„Она была у него“,—подумалъ Кумачевъ и весь захо-
лодѣлъ.

Раньше обыкновеннаго Захаръ Лукьяновичъ приказалъ заложить лошадь и допивалъ чай, ходя медленно по кабинету. Онъ смотрѣлъ, опустивъ низко голову, на разводы восточнаго ковра, и сигара лѣниво дымилась въ его лѣвой рукѣ.

Что-то онъ долженъ былъ сдѣлать и не находилъ, что именно. И вчера на ночь, и сегодня утромъ у него не вышло того разговора, который онъ страстно желалъ начать съ женой.

Желалъ и боялся.

Допрашивать ее онъ не станетъ. У него хватило бы голоса и тона начать допросъ. Въ немъ течетъ крестьянская кровь. Дѣдъ его былъ въ домѣ—„Иванъ Грозный“. Да и отецъ, хоть и мягкаго обхожденія, позволялъ своей женѣ Раисѣ Гордѣевнѣ читать книжки и вводить, на фабрикахъ, „всякую филантропію“, потому что былъ въ нее влюбленъ, но если бъ онъ ее заподозрилъ, и онъ показалъ бы себя.

Разбудить звѣря можно и въ немъ; только онъ самъ не хочетъ ничего ни звѣрскаго, ни глупаго. Всякаго скандала онъ бѣгаетъ, какъ чумы. Особенно въ своемъ домѣ, въ той супружеской „святой святыхъ“, куда онъ никого не пускаетъ.

Посоветоваться ему не съ кѣмъ. У него нѣтъ друга. И къ матери онъ не обратится. Къ ней меньше, чѣмъ къ кому-либо. Она вѣдь до сихъ поръ, внутренно, не одобряетъ его выбора. И невѣстка съ ней дѣйствительно суха. Что жъ онъ поѣдетъ изливаться къ ней... Да и въ чемъ?

Просить совѣта, какъ ему изловить жену? Это „подлость“, да и никакой нѣтъ серьезной улики. Прямой не было, но косвенныхъ какъ-то сразу, въ полсутокъ, накопилось нѣсколько.

Съ утра онъ ихъ перебираетъ. Офицеръ, самъ по себѣ, не подалъ ему повода даже спросить себя: опасенъ ли такой красивый „верзило“, или нѣтъ? Слишкомъ ужъ онъ былъ увѣренъ и въ женѣ, и въ самомъ себѣ. Ничего онъ не подмѣтилъ и въ Нинѣ, въ тѣ разы, когда находилъ Гольца у нея съ визитомъ. Но вчера она смутилась, это несомнѣнно, хотя и довольно ловко прикрыла это. Въ

гостиницѣ „Дрезденъ“ стоитъ Гольцъ. Онъ ему отдавалъ визитъ до поѣздки въ Петербургъ и не засталъ.

Вчера, когда они ложились, Нина, сколько онъ помнитъ, въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ они обвѣнчаны, стала жаловаться, что у нея разболѣлась голова. Свѣчу она на своемъ столикѣ потушила тотчасъ же и притворилась спящей, когда онъ ее окликнулъ. Доказать онъ себѣ не можетъ, что это было притворство, а все-таки онъ увѣренъ въ томъ. И сегодня утромъ она еще спала, когда онъ вставалъ. Это бывало и прежде, только почти всегда она на минуту проснется и приласкаетъ его.

Вотъ уже больше двухъ недѣль, какъ Нина, не мѣняя съ нимъ тона, въ сущности избѣгаетъ его. Только сегодня это ему совершенно ясно.

Конечно, лучше всего бросить всякую тревогу и забыть. Легко сказать! Душа „не пиджакъ“, не пережъишь въ одну минуту. Нужно что-нибудь такое надъ собой сдѣлать, какую-нибудь „душевную диверсію“... Онъ вспомнилъ выраженіе Ивана Кузьмича.

Къ нему онъ тоже не обратится. До этого онъ себя не допуститъ. Какъ бы ни жутко ему приходилось, онъ обязанъ все взять на себя. Если ужъ не пройдетъ сегодня-завтра, надо будетъ уѣхать, что ли, на фабрику.

Это слишкомъ прѣсно. Думскія дѣла постоянно его занимаютъ, но поглотить заново и безъ остатка не могутъ. Дѣла даже прибавилось. Онъ теперь председатель одной изъ самыхъ важныхъ комиссій. Вечера будутъ у него уходить на это. И днемъ надо во многихъ мѣстахъ побывать.

Недостаточно этого.

Вспомнилось ему, что до женитьбы его начала вдругъ забирать крупная игра. Онъ тогда испугался, найдя въ себѣ игрецкую жилку.

Послѣ того и пить можно начать, тоже для „диверсій“.

Захаръ Лукьяновичъ подошелъ къ камину, бросилъ въ пламя окуркъ сигары, весь выпрямился и потеръ руки.

„Одно малодушіе!“ — мысленно вскричалъ онъ и позвонилъ.

— Готова лошадь?—строго спросилъ онъ камердинера.

— Готова-съ.

— Я дома завтракать не буду. Доложить барынѣ.

Къ Нинѣ онъ не разсудилъ заходить. Она и вообще

не любить, когда ее въ уборной или спальнѣ застаютъ еще неодѣтой.

Войдя въ переднюю, Захаръ Лукьяновичъ встрепенулся и громко спросилъ швейцара, подававшего ему шинель съ бобрами:

— Это что такое?

Въ одномъ изъ угловъ возвышалось буро-сѣдое, огромное медвѣжье чучело, отдѣланное въ видѣ мебели, для сѣней, на которую можно положить пладъ или пальто. Животное поставлено было на всѣ четыре лапы и въ полуоткрытой пасти держало японскій подносикъ, вѣроятно, для визитныхъ карточекъ или для щетки.

— Откуда это?

Кумачевъ быстро подошелъ къ чучелу и ударилъ его по спинѣ.

— Принесли... отъ барона Гольца,—доложилъ швейцаръ.

— Кому?

— Барынѣ, официантъ докладывалъ. Онѣ сказали: „Хорошо, поставьте внизу“.

Все сразу опять забурило въ головѣ и груди Захара Лукьяновича.

Первыя нѣсколько секундъ у него совсѣмъ вылетѣло изъ памяти, что Нина, уже давно, говорила ему про подарокъ барона: медвѣдицу, убитую имъ на охотѣ съ Верховцевымъ.

Кажется, онъ сказалъ ей тогда:

— Что жъ? Они оба охотники. А Верховцевъ—мужъ твоей подруги. Отчего же не принять?

И она еще замѣтила на это:

— Только не ставить чучелу на заднія лапы. Это такъ банально.

И съ этимъ онъ согласился.

— А барыня видѣла? —спросилъ онъ, подавляя опять тревогу.

— Никакъ нѣтъ, —отвѣтилъ за швейцара камердинеръ, стоявшій тутъ.—Антонина Борисовна изъ столовой идетъ.

Кумачеву хотѣлось спросить у швейцара: „Было письмо къ барынѣ?“ Онъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и окликнулъ:

— Нина!

Она дѣйствительно шла по площадкѣ, уже одѣтая къ выѣзду. Это его тоже удивило—въ такой часъ.

— Ты видѣла медвѣдя отъ барона Гольца? — спросилъ Кумачевъ, подходя къ ней.

Руки ея онъ не поцѣловалъ, какъ дѣлалъ это всегда по утрамъ.

— Нѣтъ,—протянула Нина лѣниво и небрежно, очень похоже на то, какъ она вчера начала говорить по уходѣ гостей.

— Съ какой стати ему тамъ торчать?

Въ возгласѣ его слышно было раздраженіе.

— Comment est-il? — остановила его Нина. — Sur les deux pattes ou sur toutes les quatre?

— На четырехъ лапахъ. И что-то нескладно: не то диванъ, не то вѣшалку изъ него сдѣлали.

— Поставимъ къ дѣтямъ. Они будутъ очень рады.

— Что же это ты такъ рапо въ туалетѣ?

Онъ оглянулъ ее всю, избѣгая останавливаться взглядомъ на ея глазахъ.

— Мнѣ надо на воздухъ. У меня опять високъ разбаливается. Я тотчасъ послѣ завтрака выѣду.

— А-а! — протянулъ онъ и, уходя, сказалъ, съ первой ступени лѣстницы: — Я завтракать дома не буду и ѣду сейчасъ.

Все обошлось тихо. Онъ боялся выходки, могъ себя выдать по поводу этого подарка. Собою она владѣетъ „дьявольски“, если только есть между ними что-нибудь. У какой, впрочемъ, „бабы“ отъ природы нѣтъ искусства морочить мужчину? Во лжи и притворствѣ онѣ могутъ доходить до высокаго мастерства: дѣвчонки, а не то что такія опытыя и владѣющія собою женщины, какъ его жена.

Но между ними что-то „покачнулось“. Для этого ему не надо никакихъ уликъ. Никогда еще не встрѣчались они утромъ такъ сухо. Она, правда, частенько бывала „съ холодкомъ“, но всегда пошутитъ или скажетъ ему что-нибудь пріятное... Въ мигрень ея онъ тоже не вѣритъ.

„Куда она поѣдетъ?“ — неотвязно думалъ Захаръ Лукьяновичъ уже въ саняхъ. Спросить ее онъ воздержался. Онъ зналъ давно, съ первыхъ дней супружества, что она этого не любила, и сама никогда не беспокоила его подобными вопросами.

Кучеръ, ѣздившій съ нимъ на одиночкѣ, былъ не тотъ, съ которымъ выѣзжала барыня. Если она попадала въ

гостиницу „Дрезденъ“ уже не одинъ разъ, знаетъ ли старшій кучеръ, что тамъ стоитъ офицеръ?

Вопросъ выскочилъ въ мозгу Захара Лукьяновича и сталъ дразнить его.

И опять онъ весь захолодѣлъ, какъ вчера вечеромъ. Жена, Антонина Борисовна, первая красавица по Москвѣ, урожденная княжна Жеребьева-Зарайская, слишкомъ дорога для него. Лишиться ея!..

Его начало душить не то отъ волненія, не то отъ сильнаго мороза.

Въ амбарѣ, на его половинѣ, Кумачева встрѣтилъ старшій приказчикъ и подалъ нѣсколько писемъ.

— А вотъ это, Захаръ Лукьяновичъ,—сказалъ онъ другимъ тономъ, — рано утромъ принесъ послынный и оставилъ. Отвѣта не требовалъ и самъ сейчасъ же удалился.

Пакетъ былъ большого формата.

Кумачевъ вскрылъ его и, взглянувъ на то, что въ немъ лежало, быстро прошелъ въ кабинетъ, гдѣ онъ всегда работалъ одинъ.

Онъ даже захлопнулъ изнутри задвижку.

Изъ конверта вынулъ онъ маленькій батистовый платокъ, съ кружевомъ и монограммой. Духи онъ сейчасъ же узналъ, поглядѣвъ на шифръ—и въ немъ переплетались между собою буквы А. и К.—Антонина Кумачева... И ея духи—японскій *корилѣнсисъ*.

Въ вискахъ у него задержало и пальцы вздрагивали.

Къ конторкѣ присѣлъ онъ въ неловкой позѣ и не сразу высвободилъ почтовый листъ изъ конверта, только наполнивъ разодраннаго.

Дамскій платокъ лежалъ тутъ же, на конторкѣ.

„Да что же это я?—пристыдилъ себя Захаръ Лукьяновичъ.—Чего же проще? Обронила гдѣ-нибудь—и прислази“.

Но почему же сюда, а не въ домъ, и не прямо ей?

Пальцы продолжали вздрагивать, когда онъ пробѣгалъ глазами по строчкамъ. Письмо было анонимное.

„Примите этотъ платокъ,—писалъ авторъ письма, тонкимъ почеркомъ, видоизмѣненнымъ, — какъ классическую улику, вызвавшую въ Отелло взрывъ трагической ревности. Но венеціанскій мавръ впалъ въ ловушку, подставленную ему не женой. Вы же, почтеннѣйшій супругъ, сопричислены всѣми московскими рогоносцами къ ихъ ордену на основаніи положительныхъ фактовъ. Прилагае-

мое вещественное доказательство подобрано было въ коридорѣ отеля „Дрезденъ“, куда супруга ваша прїѣзжала, въ ваше отсутствіе, утѣшать себя въ объятіяхъ красавца-офицера, имя котораго вы, конечно, знаете“.

Голова закружилась у Захара Лукьяновича, и онъ, вскочивъ, побѣжалъ къ столу, гдѣ стоялъ графинъ съ водой.

VI.

Метель крутила, снѣгъ больно хлесталъ въ глаза и вѣтеръ дулъ прямо въ лицо, когда Захаръ Лукьяновичъ, на сильныхъ рыскахъ, ѣхалъ по дорогѣ къ Ваганькову кладбищу.

Направо и налево пестрѣли, сквозь снѣговую пелену, мелкія обывательскія постройки. По шоссе не было почти никакого движенія. Время похоронъ уже прошло.

На кладбищѣ онъ приказалъ сторожу повести его къ фамильному склепу „рода Кумачевыхъ“. Одинъ зимою онъ могъ запутаться. Заупокойную обѣдню онъ слушалъ каждый годъ; годовщина кончины его отца приходилась весной, въ началѣ мая.

Сторожъ повелъ его по тропинкамъ, занесеннымъ рыхлой крупой. Кумачевъ шелъ въ шинели и бобровой шапкѣ; лицо его морщилось отъ ударовъ метели, но полужакрытые глаза смотрѣли грустно и сосредоточенно.

Выпала же такая погода какъ разъ для посѣщенія кладбища!.. Но что онъ разъ рѣшилъ, то исполнить. Завтра, быть-можетъ, закрутитъ такая же метель и цѣлить въ противника, гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, будетъ не очень-то удобно... Не откладывать же дуэли!

Надъ склепомъ Кумачевыхъ возвышается мавзолей въ видѣ часовни, въ индѣйскомъ стилѣ съ витыми колоннами и главой, поднимающейся посрединѣ многограннаго основанія. Все изъ тесоваго камня, который успѣлъ уже потемнѣть. Мавзолей этотъ соорудилъ онъ—вопреки желанію матери — и онъ же настоялъ на золотой надписи по мраморной доскѣ: „Усыпальница рода Кумачевыхъ“.

Сторожъ остался на дорожкѣ, а Захаръ Лукьяновичъ спустился внизъ, въ склепъ, гдѣ горѣла неугасимая лампада. Внутреннія стѣны были окрашены въ темно-красный античный колеръ. Въ нишахъ стояло нѣсколько памятниковъ: тутъ лежали его дѣдъ, отецъ, бабушка, рано умершій дядя съ отцовской стороны и его сестренка — „младенецъ Клавдія“, шести мѣсяцевъ.

Онъ уже давно назначилъ мѣсто себѣ, рядомъ съ отцомъ. По другую сторону оставалось еще нѣсколько незанятыхъ впадинъ.

Вотъ сюда его, быть-можетъ, положить черезъ три дня, если „калегвардъ“ попадетъ въ него, какъ въ ту медвѣдиду, изъ которой сдѣлалъ чучело для поднесенія въ даръ Антонинѣ Борисовнѣ.

Передъ памятникомъ отца изъ чернаго мрамора Захаръ Лукьяновичъ, безъ шапки, преклонилъ колѣни и долго молился. Въ душѣ его задрожала смутная надежда на то, что его, такого почтительнаго сына, Господь „осѣнитъ Своей десницей“.

И поднимаясь изъ склепа онъ подумалъ, что хорошо было бы, завтра же, въ часъ дуэли, отслужить панихиду по отцѣ и дѣдѣ, только надо сдѣлать это безъ огласки и не въ кладбищенской церкви.

Пока сторожъ коченѣющими отъ сѣверки руками заперъ огромнымъ ключомъ замокъ съ металлической фигурной отдѣлкой, Захаръ Лукьяновичъ поднялъ голову— онъ стоялъ уже внѣ бронзовой рѣшетки— и смотрѣлъ снизу вверхъ на мавзолей „рода Кумачевыхъ“.

Если суждено ему остаться въ живыхъ и прожить долгій вѣкъ—къ этому мавзолею двинется когда-нибудь Москва, провожая своего голову. И фонари зажгутъ среди бѣлаго дня, и безчисленные депутаціи будутъ слѣдовать за катафалкомъ, утопающимъ въ вѣнкахъ.

Сюда же принесутъ, когда придетъ ее часъ, и жену его. Судить ее и публично отвергать, если бѣ она и оказалась „безусловно виновной“, онъ не будетъ. Въ семействѣ Кумачевыхъ не должно быть развода. Дѣтямъ онъ сохранить мать. Пускай она сама казнится сознаниемъ того, что потеряла любовь и уваженіе мужа. Раздѣлять съ ней „брачное ложе“—такимъ именно выраженіемъ подумалъ онъ—онъ не будетъ, но и въ разгулъ не ударится, не унизитъ себя до этого. Пускай всѣ тѣ „дворянчики“, кто считаетъ его выскочкой, возьмутъ примѣръ съ его чувствъ, съ его первосортнаго джентльменства.

Ему стало легче отъ такихъ возвышающихъ душу мыслей, и на возвратномъ пути онъ не испытывалъ никакого щемленія въ груди.

Кучеру онъ сказалъ, садясь въ сани:

— Къ Рансѣ Гордѣевнѣ!

Съ матерью Захаръ Лукьяновичъ видѣлся послѣ того

дня, когда у нихъ выпала размолвка изъ-за учительницы Суревичъ, всего одинъ разъ. Конечно, изъ-за жены, ослѣпленный любовью къ ней, онъ держалъ себя съ матерью слишкомъ сухо и даже и по внѣшности—не такъ, какъ бы слѣдовало. Положимъ, Раиса Гордѣевна постоянно показывала ему, что онъ „ретроградныхъ“ понятій. Все-таки надо было настоять на томъ, чтобы Антонина Борисовна, хоть разъ въ двѣ недѣли, аккуратно навѣщала его мать и приглашала ее, когда у нихъ бывали гости, по меньшей мѣрѣ разъ въ мѣсяць.

Останутся сироты — кому же поручить ихъ, какъ не матери съ дядей? Не пройдетъ года — и госпожа Кумачева можетъ очутиться „баронессой Гольцъ“.

Сегодня онъ написалъ завѣщаніе, гдѣ выражаетъ свою волю. Если его жена выйдетъ замужъ за того, съ кѣмъ онъ завтра будетъ драться, или вообще своимъ поведеніемъ вызоветъ, со стороны его матери и дяди, серьезныя нареканія — онъ поручаетъ имъ дѣтей до истеченія срока ихъ малолѣтства.

Раиса Гордѣевна была дома, на то онъ рассчитывалъ. Она ласково удивилась его визиту и стала ему предлагать чаю съ ромомъ—согрѣться. Она была все такая же молодежавая, съ утра аккуратно одѣтая. Сынъ засталъ ее, какъ всегда, съ книгой журнала въ рукахъ.

Зная своего „Захарушку“, она сейчасъ же сообразила, что ему отъ нея что-нибудь нужно экстренное; иначе онъ не прикатилъ бы къ ней въ такую погоду. Но Захаръ Лукьяновичъ не сразу заговорилъ о цѣли своего посѣщенія. Главную цѣль — проститься съ нею — онъ отъ нея скрылъ. Она не должна ничего знать, какъ не будетъ знать о дуэли и жена, вплоть до той минуты, когда ей подадутъ письмо, гдѣ онъ ее предупреждалъ, что можетъ вернуться съ дуэли смертельно раненымъ.

На ея вопросы о женѣ, ея здоровьѣ, выѣздахъ, дѣтияхъ—Захаръ Лукьяновичъ отвѣчалъ, стараясь выдержать веселый тонъ.

Онъ самъ заговорилъ о своемъ новомъ инспекторѣ Лыжинѣ, о которомъ Раиса Гордѣевна была слышана, какъ о человѣкѣ „передовыхъ идей“.

— Вы видите, маменька,—сказалъ онъ еще шутливѣе,— я выборъ сдѣлалъ точно по вашему указанію. Юрій Петровичъ, положимъ, отъ прежнихъ своихъ увлеченій отказался, но все же онъ человѣкъ гуманнѣйшій и, кажется, съ

народническимъ пошибомъ. Пускай! Мы не боимся и его контроля. Онъ самъ, по возвращеніи изъ своего перваго объѣзда, расхваливалъ мнѣ содержаніе рабочихъ и все, что для нихъ было сдѣлано, благодаря вашему настоянію: я этого никогда не отрицалъ и готовъ и теперь, и на предбудущее время улучшать ихъ быть, только бы они оставались благодарными и подчинялись дисциплинѣ, безъ которой — одинъ шагъ до бунтовъ, погромовъ и полной анархіи.

— Ну, что жъ, я душевно рада, Захарушка, — отвѣтила Раиса Гордѣвна и пристально взглянула на него.

„Должно-быть, у него что-нибудь вышло съ женушкой, — вдругъ подумала она, наведенная на эту мысль материнскимъ инстинктомъ. — Что-то онъ ужъ очень мягокъ и лицо у него съ небывалымъ выраженіемъ“.

— Маменька! — началъ Кумачевъ, подсѣвъ къ ней и взявъ за руку, чего не дѣлалъ уже нѣсколько лѣтъ, такъ что она даже покраснѣла. — У меня къ вамъ просьба.

„Вотъ-вотъ“, — досказала она про себя, обрадованная, что онъ къ ней обратился.

— Видите, завтра у меня одно очень важное дѣло для меня рѣшается — какое, позвольте умолчать до времени.

— Я не любопытна, ты знаешь.

— Все узнаете, только позднѣе. И вотъ, хочется мнѣ заупокойную обѣдню заказать. Въ вашемъ приходѣ багряшка жилъ. Не возьмете ли на себя заказать? Я самъ не могу попасть. А если завтра погода будетъ хорошая — вы за меня помолитесь.

Онъ взглянулъ на нее такими глазами, какъ бывало въ дѣтствѣ. Раиса Гордѣвна наклонилась и горячо поцѣловала его въ голову.

— Изволь... Спасибо, милый мой!

Ее считали „вольнодумкой“, но она и въ себѣ, и въ немъ поддерживала всегда „вѣру отцовъ“.

— И больше ничего? — добавила она, когда онъ поднялся.

Встала и она.

Захаръ Лукьяновичъ, не выпуская ея руки изъ своей, нагнулся и поцѣловалъ два раза.

— Вы бы меня благословили, маменька, — сказалъ онъ, и голосъ его перехватило волненіе.

— Да ты что-то отъ меня скрываешь, Захарушка? — строже спросила Раиса Гордѣвна.

водомъ, если не будетъ доведенъ до него страстью, наскочившей на отказъ: сдѣлаться его любовницей, какъ первая попавшаяся барынька, ищущая интриги.

Она ему достаточно показала, что *такой* побѣды онъ не добьется. Но ей это стоило большой борьбы съ самой собою—во второй разъ, какъ она была у него.

Второй визитъ въ отель все испортилъ. Во-первыхъ, это было крайне рискованно и она поймалась передъ мужемъ... А главное, она выдала свою слабость. Всякій мужчина, на мѣстѣ Гольца, сдѣлаетъ такой выводъ: „во второй разъ явилась и еле устояла, а въ третій—ты моя, и я тебя не пощажу!“

Третьяго дни мужъ пригласилъ обѣдать купца Спѣшанова, съ наружностью цыгана-дирижера, игрова съ очень дурной репутаціей, красавца, получившаго разными темными путями большой капиталъ отъ старой жены, скоропостижно умершей. И Захаръ Лукьяновичъ, какъ бы съ умысломъ, рассказывалъ про сильную игру ихъ въ Охотничьемъ клубѣ. Точно всѣмъ этимъ мужъ хотѣлъ показать ей, что онъ желаетъ мѣнять свои привычки, водить пріятельство съ кѣмъ ему угодно, играть въ большую игру, возвращаться въ четыре часа утра и позднѣе.

Она никакихъ замѣчаній ему не дѣлала. Ей было впору выиграть время. Въ тотъ же день, утромъ, ея камеристка пришла ей сказать, что она не досчитывается одного изъ ея платковъ. Она не обратила на это вниманія. Передъ обѣдомъ Захаръ Лукьяновичъ вдругъ спрашиваетъ ее:

— Это твой платокъ, Нина?

И показываетъ ей уже скомканный платокъ, обшитый кружевомъ.

Ее пронизала мысль: „А если я выронила его тамъ, въ отелѣ? И кто-нибудь меня выдалъ?“

— Мой,—отвѣтила она смѣло.

Въ глазахъ мужа она прочла вопросъ, отозвавшійся въ ея груди холодомъ.

Такъ, спроста, онъ не спросилъ бы ее. И ничего не прибавилъ онъ, отдалъ ей. Выдержать роль до конца и осадить его вопросомъ: гдѣ онъ его нашелъ?—у нея не хватило силъ.

Гдѣ?.. Дома или тамъ? Тамъ — немыслимо, потому что онъ былъ въ Петербургѣ. Но она-то могла обронить его... Камеристку она допросила, и та рѣшительно заявила, что платокъ былъ съ платьемъ, которое она надѣвала въ тотъ день.

Такая улыбка не шуточная. А выхода она не видала еще. Гольцъ не ѣхалъ; она сама его предупреждала объ этомъ. Напоп простудилась и не выѣзжаетъ; да она и не хочетъ открываться ей. Изъ мужчинъ только одному Лыжину она могла бы довѣриться. И то—кто его знаетъ. Вдругъ вломится въ амбицію, скажетъ: „мои принципы не позволяютъ мнѣ играть роль приспѣшника въ обманѣ мужа, котораго я считаю честнымъ человѣкомъ“.

Сегодня она просто не знаетъ, какъ ей быть. Ѣхать къ Гольцу—нечего и думать. Вызвать его сюда—значить, навязываться ему, точно клинчить, какъ милости, чтобы онъ поддержалъ ее. Въ чемъ? Въдѣ исторіи у нея никакой не было съ мужемъ. Такъ зачѣмъ же „нарываться на скандалъ?“—способенъ онъ выразиться по-офицерски.

Безпомощность давила ее, совершенно такое чувство, точно она арестантъ, въ одиночной тюрьмѣ, котораго поведутъ, черезъ полчаса, къ допросу, и онъ не знаетъ, кто изъ его сообщниковъ выдастъ его, и кто будетъ говорить заодно съ нимъ.

Плохая примѣта и то, что Захаръ Лукьяновичъ опять былъ въ клубъ и вернулся поздно, однако не очень, около двухъ, и она еще не спала. Къ ней онъ не пришелъ.

Дядя ея пріѣхалъ третьяго дня, но видимо избѣгаетъ быть съ нею съ-глазу-на-глазъ. Вчера Захаръ Лукьяновичъ сидѣлъ у него въ сумерки, а сегодня оба они уѣхали рано.

Ей объ этомъ доложила горничная.

Опять заходила она вдоль амфилады парадныхъ комнатъ. Была въ дѣтской, сдѣлала, невпопадъ, замѣчаніе англичанкѣ; та обидѣлась. Дѣтей даже не поцѣловала хорошенько. И такъ они ей показались чужды и „не нужны“ въ теперешнемъ ея положеніи. Только „лишнее осложненіе“,—скажетъ ей баронъ, если дѣло дойдетъ до развода.

Во второй гостиной, идя къ двери на верхнюю площадку, Нина увидала, что кто-то поднимается изъ сѣней. Дежурный официантъ не стоялъ еще на своемъ мѣстѣ.

— Раиса Гордѣевна! — удивленно оыликнула она свекровь.

Своей обычной легкой поступью поднималась Кумачева. Она пріѣхала не одна. За ней всходилъ, нѣсколькими ступенями ниже, братъ ея, Лука Гордѣичъ.

Въ рукопожатіи Раисы Гордѣевны Нинѣ было что-то особенное. Пальцы у той вздрагивали, она силилась улыбнуться, но глаза были красны и въ лицѣ блѣдность.

Курмышевъ, получивъ письмо племянника, сильно перетрусилъ и не могъ не предупредить сестру. Съ ней сдѣлался обморокъ, сегодня утромъ, и сейчасъ она сама вызвалась ѣхать къ невѣсткѣ; что она уже не застанетъ сына—она знала.

— Откуда вы?—спросила Нина и пристально оглянула свекровь.—Лука Гордѣичъ, здравствуйте!

Она ихъ провела во вторую гостиную и усадила церемонно.

Выдавать тайну сына Раиса Гордѣевна не смѣла: такъ ее просилъ и братъ. Если сына привезутъ убитаго, ея обязанность—быть при вдовѣ. О причинахъ дуэли она ничего не знала; братъ клялся ей, что и самъ ничего не знаетъ и не догадывается. Племянникъ не называлъ даже имени своего противника.

Сердце подсказывало Раисѣ Гордѣевнѣ, что поводъ—„жѣнушка“. Но и' та, видимо, ничего не знаетъ.

— Мы съ братомъ съѣхались, — заговорила она медленно, точно взвѣшивая каждое слово. — И ему, и мнѣ надо было повидать Захарушку. Да онъ сегодня раньше обыкновеннаго выѣхалъ.

— Да, очень рано.

— Не на фабрику ли? — спросилъ Лука Гордѣичъ, добросовѣстно исполнявшій роль свою, скрѣпя сердце, — въ племянникѣ цѣнилъ онъ почтительность.

— И не знаю куда, — сказала Нина.

„Они что-то скрываютъ, — вслѣдъ затѣмъ подумала она.—Или къ чему-то хотятъ меня подготовить“.

Мысль о самоубійствѣ мужа промелькнула въ ея мозгу. Она вспыхнула. Ей стало больно. Самоубійство! Изъ-за нея? Она не хочетъ этого. Если бъ оно было такъ—стало, онъ страстно любилъ ее. Разумѣется, любилъ, и всегда любилъ и преклонялся. Развѣ въ этомъ есть какое-нибудь сомнѣніе?

Напряженные ея нервы услышали внизу, въ сѣняхъ, что кто-то говоритъ съ швейцаромъ.

Она тотчасъ же позвонила.

— Кто пріѣхалъ?—спросила она лакея.

Лицо Раисы Гордѣевны все потемнѣло. Это ее озарило: тутъ дѣло идетъ о жизни или смерти.

— Иванъ Кузьмичъ и господинъ Лыжинъ, — доложилъ лакей. — Они прошли въ кабинетъ, Захара Лукьяновича ожидаютъ.

„Дожидаются!“ — повторила Нина про себя. — Что же это значитъ, наконецъ?“

Слѣдующія пять минутъ прошли въ безсвязномъ разговорѣ. Она уже не прислушивалась. Ей хотѣлось бы крикнуть имъ:

„Оставьте меня одну. Уйдите!“

И вдругъ на порогѣ показался Захаръ Лукьяновичъ и за нимъ князь и купецъ Спѣшановъ. Всѣ трое шумно разговаривали еще съ лѣстницы.

— Ты здѣсь?! — крикнулъ Кумачевъ, и глаза его весело и злобно блеснули. — И маменька! И дяденька!.. Очень радъ... Нина, у насъ за завтракомъ много гостей будетъ. Князь, Спѣшановъ — Кононъ Титычъ. А снизу подойдутъ Лыжинъ и Кострицынъ.

Не подходя къ ней къ первой, онъ поцѣловалъ руку у матери. Раиса Гордѣевна схватила его голову и поцѣловала.

„Была дуэль — и цѣль онъ! — пронизало Нину. — А Гольцъ?“

Она сидѣла, прикованная къ креслу.

VIII.

— Готова карета? — спросила въ третій разъ Нина, хода большими шагами по уборной.

— Сію минуту узнаю-сь.

Горничная убѣжала.

Нина совсѣмъ уже одѣлась къ выѣзду. На головѣ — шапочка съ бобровой оторочкой и пуховый платокъ; въ горлѣ у ней все еще стрекочетъ отъ простуды.

Не могла она дольше ждать.

Завтракъ прошелъ для нея какъ что-то отвратительное. Она догадывалась, что мужъ пріѣхалъ съ дуэли, что князь и игрокъ Спѣшановъ были его секундантами, что Раиса Гордѣевна и ея братъ прискакали, зная про дуэль. По-нимали, въ чемъ дѣло, и Лыжинъ съ Кострицынымъ, пріѣхавшіе почти въ одно время.

Она, точно скованная, не могла предложить вопроса: откуда пріѣхалъ мужъ. Всѣ сидѣвшіе съ ней за столомъ были въ стачкѣ противъ нея — каждый по-своему. И всѣ

знали или предполагали, что поводомъ дуэли—она, и поводомъ, разумѣется, не шуточнымъ. Грудь свою не станетъ подставлять мужъ, да еще человѣкъ, какъ Кумачевъ, изъ такого слоя общества, гдѣ вмѣсто дуэли пускаютъ въ ходъ кулаки или вымещаютъ свою обиду не на обидчикъ, когда онъ выше своимъ положеніемъ, а на „самой“, на „супружницѣ“, глядя по тому, какой „стихъ“ нападетъ: въ видѣ побоевъ, ругательствъ, или запиранія въ чуланъ, или другой какой экзекуціи.

Разговоръ даже оживился къ концу. Игрокъ началъ рассказывать анекдоты изъ Охотничьяго клуба, между прочимъ, какъ компанія засидѣлась въ баккара до восьми часовъ утра, и когда явился директоръ оштрафовать ихъ, то офицеръ въ синемъ сюртукѣ и въ густыхъ эполетахъ очутился за портьерой при общемъ хохотѣ.

Никто ей не говорилъ ничего неловкаго. Дядя Кумачева пускалъ даже любезности. Лыжинъ нѣсколько разъ взглядывалъ на нее какъ будто съ сочувствіемъ. И Раиса Гордѣевна — вся исполненная материнской радости, что сынъ спасся отъ смерти,—была особенно привѣтлива, даже „медоточива“.

И она не смѣла спросить, до самаго конца, о другомъ человѣкѣ, кто изъ-за нея подставлялъ себя подъ пулю. Видѣ онъ принять же вызовъ, и безъ колебаній, если это случилось такъ быстро, что она и не взвидѣлась. Она бы полетѣла сейчасъ къ нему. Не суетѣрное предчувствіе, не „бабьи“ нервы подсказывали ей, что Гольцъ, если не убитъ, то серьезно раненъ. Такой человѣкъ, какъ Захаръ Лукьяновичъ, ужъ если самъ вызвалъ,—а вызовъ, конечно, послалъ онъ,—то не ограничится обмѣномъ пуль, какъ въ Парижѣ, на дуэляхъ журналистовъ и депутатовъ. Онъ будетъ драться „до крови“.

Взглядывала она на мужа, и новое чувство, въ видѣ нервныхъ вздрагиваній, начало шевелиться въ ней. „Дворянящійся купчина“ сидѣлъ противъ нея, бравый, съ открытымъ и энергичнымъ лицомъ, красивый, очень барственный, и такъ удивительно владѣлъ собою. Онъ шелъ почти на вѣрную смерть — Гольцъ такой чудесный стрѣлокъ! — и ни однимъ нервнымъ движеніемъ или словомъ не выдалъ себя передъ нею. Можетъ-быть, до него дошло, что баронъ говорилъ о ней въ публикѣ непочтительно. Это невѣроятно, но что-нибудь въ такомъ родѣ. Онъ могъ просто погорячиться, принять слова самодовольнаго офи-

пера за обиду. И этого было достаточно, чтобы вызвать его на pistolетахъ.

А убѣдился онъ, что она его обманываетъ, что Гольцъ—ея любовникъ или близокъ къ тому—тѣмъ больше. Много ли дворянъ, самыхъ раститулованныхъ поведутъ себя съ подобной выдержкой? Негодовать на него, презрительно и злобно относиться—она не могла. Онъ внушалъ ей неизвѣданное еще ею уваженіе и страхъ.

Ей вспомнилась—какъ-то сразу—дуэль Пушкина. Тотъ тоже приревновалъ къ офицеру. И жена ничего не знала до того момента, когда его, смертельно раненаго, привезли домой. Она любила когда-то читать и говорить объ этой дуэли. Поэта считала она самымъ несноснымъ ревнивцемъ и знала, что въ тогдашнемъ свѣтѣ всѣ жалѣли его жену. И та была только заподозрѣна... Можетъ-быть, у ней уже началось сближеніе съ французомъ, но связи не было—это теперь несомнѣнно извѣстно.

„Вѣдь французъ служилъ въ такомъ же полку, гдѣ носить кирасы“,—подумала она.

Насилу кончился этотъ ужасный для нея завтракъ.

Захаръ Лукьяновичъ—какъ ни въ чемъ не бывало—простился со всѣми—„cavalièrement“—сдѣлавъ общій поклонъ рукой, и уѣхалъ въ амбаръ; за нимъ Кострицынъ. Лизина она не рѣшилась удержать. Раиса Гордѣевна и „дяденька“ тоже скрылись, видимо уклоняясь отъ всякаго объясненія, чему она была рада.

Одна Напон Верховцева могла ей все раскрыть теперь, послѣ дуэли. Застать ее она должна: та не выѣзжаетъ. Онѣ не видались больше недѣли.

— Напон! De grâce. Qu'est-ce qu'il-y-a?

Нина обняла ее и не выдержала—разрыдалася.

Верховцева не выѣзжала, но была на ногахъ, и Нина застала ее въ гостиной, тоже въ безпокойствѣ.

И въ первыхъ же словахъ пріятельницы зазвучало почти недовольство и что-то еще новое.

— Ты отъ меня все скрывала!—сказала ей Напон съ тревожнымъ и недобрымъ лицомъ; она увела ее къ себѣ въ спальню.—Скрывала отъ меня!—повторила она съ такимъ же недобрымъ смѣхомъ.

— Что? Что такое?

— Постыдись!—крикнула Напон.—Ты такъ понимаешь дружбу?!

Тутъ Нина, вся красная, едва справившись со слезами, встала и, въ тонъ пріятельницѣ, кинула ей вопросъ:

— Ты, можетъ-быть, думаешь, что я въ связи съ нимъ? Это ложь!

Напон засмѣялась.

— Ты не смѣешь мнѣ не вѣрить! — крикнула Нина внѣ себя.

Въ эту минуту она ненавидѣла эту „бабѣнку“, которая обидѣлась отъ того, что ей не дали играть роль наперсницы и не нуждались въ ея услугахъ.

— Такъ изъ-за чего же вышла дуэль? — возразила Напон, не смягчая своего голоса. — И Гольцъ, можетъ-быть, въ эту минуту умираетъ?

— Онъ раненъ?

— Вотъ это мило!

Напон всплеснула руками.

— Это безподобно! За нее онъ принялъ дуэль и такъ благородно — даже мужу не сказалъ ничего до послѣдней минуты, а она спрашиваетъ раненъ ли онъ? Платонъ скрывалъ отъ меня вчера. Онъ былъ увѣренъ, что на барьерѣ останется не Антоша, а мужъ твой. И первая же пуля — они стрѣлялись до серьезной раны — попала Антошѣ... сюда! — Напон показала на бедро, ближе къ животу. — Платонъ заѣхалъ ко мнѣ на минуту, совсѣмъ убитый, и поскакалъ въ клинику, на Дѣвичье Поле, къ профессорамъ. Докторъ, бывшій при нихъ, не беретъ одинъ дѣлать операцію.

— Онъ опасенъ?

Нина схватила Верховцеву за руки и прижалась къ ней.

— Напон, душечка! Не будь со мной такой жесткой! Я ничего не знала... Клянусь тебѣ!

И порывисто, но не путаясь въ словахъ, она рассказала ей все, что было у ней въ домѣ.

— Я ничего, ничего не знала... Я только вчера утромъ послала Гольцу денешу о подозрѣніяхъ мужа.

— Ты видишь, стало, у васъ было что-нибудь?

— Не то, что ты думаешь! — стремительно крикнула она. — Ну, да, онъ меня захватилъ. Я первая показала ему это... Я была у него.

— Тѣмъ болѣе его жаль! — возразила Напон. — Тѣмъ болѣе! Ты съ нимъ пококетничала, и онъ долженъ за это умирать въ ужасныхъ мученіяхъ. Чего же еще нужно было для мужа, какъ твой, съ такимъ желѣзнымъ харак-

теромъ? Ты была въ отелѣ, и тебя видѣли. И это было поводомъ вызова; такъ допускаетъ и самъ Антоша, такъ объясняетъ и Платонъ. Милая моя, если ужъ ѣздить къ мужичинѣ въ гостиницу, днемъ, чтобы вся Москва объ этомъ знала, то не очень-то благородно только водить мужчину и потомъ хвалиться тѣмъ, что ты ему еще не отдалась!

Все это было сказано по-французски, но слова и ихъ звуки такъ и били Нину прямо по лицу. Она сидѣла въ напряженной позѣ, съ остатками слезъ на лицѣ, которое утеряло свою величавость и красивую нарядность.

— Я поѣду къ нему! — растерянно выговорила она и встала.

— Нѣтъ, ты этого не сдѣлаешь! И тебя не примутъ. Зачѣмъ? Волновать его? Когда у него и теперь температура, можетъ-быть, выше сорока. Ты пойми, если задѣты внутренности—воспаленіе и конецъ.

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Это жестоко! Это...

Нина хотѣла сказать: глупо! Ея горделивая и властная натура воспрянула. Чтò бы она ни надѣлала, она и въ отвѣтъ, и не такой бабѣнкѣ, какъ Nanon, играть передъ ней роль судьи и обличителя.

— C'est bon! Je sais ce que j'ai à faire!

И она солгала: вотъ этого-то она не знала, и не могла знать. До объясненія съ Гольцемъ, если онъ выздоровѣетъ, она не могла ни вызывать объясненія съ мужемъ, ни отвѣчать ему умно и выгодно для себя, когда онъ самъ заговорить.

— Это Платонъ! — перебила ее Верховцева, услыхавъ мужскіе шаги.

Она отворила дверь въ гостиную и крикнула:

— Tonton! Viens ici! Nina est chez moi.

Верховцевъ съ разстроеннымъ и сразу опавшимъ лицомъ, все еще въ двубортномъ сюртукѣ секунданта, какъ былъ съ ранняго утра, вошелъ быстро и, не поклонившись Нинѣ, сказалъ:

— Пулю вынули.

Обернувшись къ Нинѣ, онъ сухо вато проговорилъ:

— Здравствуйте, Нина. Вотъ у насъ какое дѣло!

И онъ былъ противъ нея, и онъ способенъ сейчасъ же дерзить ей и вымещать на ней и обиду—за что?—и бѣду товарища, котораго онъ баловалъ и считалъ во всѣхъ статьяхъ молодцомъ.

— Онъ опасенъ?—вырвалось у Нины.

— Пулю вынули. На одну десятую сантиметра она была отъ брюшины. Да-съ, — раскатисто и вѣско выпалилъ онъ,—отвратительный ударъ! И, кажется, вашъ благодарный, Нина, умышленно мѣтилъ ему въ животъ. Самый коммерсантскій прицѣлъ!

Нинѣ захотѣлось заставить его замолчать какимъ-нибудь окрикомъ. Но она не смогла. Ея положеніе было чересчуръ жалкое въ собственныхъ глазахъ.

— Къ нему нельзя? — неопредѣленнымъ звукомъ спросила она.

— Вамъ? Нѣтъ, барынька! Извините-съ! У него температура тридцать девять, а къ ночи, навѣрно, и за сорокъ перейдетъ. И безъ того онъ какъ куръ во щи попался!

„Барынька!“ — рѣзнуло Нину по ушамъ. Она близка была къ припадку.

IX.

Въ спальнѣ, узкой комнатѣ, гдѣ шторы единственнаго окна были спущены, по воздуху расходился запахъ іодоформа.

Гольцъ, укрытый фланелевымъ одѣяломъ выше талии и въ вязаной фуфайкѣ, лежалъ съ полузакрытыми глазами.

Онъ не спалъ. Ему было гораздо лучше. Температура опустилась почти до нормальной. Вчера доктора позволили посидѣть въ креслѣ и почитать газету.

Кромѣ Верховцева и Напон, къ нему никого не принимали. Много карточекъ лежало въ первой комнатѣ, въ вазочкѣ, на столѣ. Его дуэль очень быстро разнеслась по городу, и это было ему неприятно.

Конечно, теперь рассказываютъ, что мужъ „накрылъ“ ихъ съ Ниной и выставляютъ его какъ охотника за чужими женами. И это ему особенно неприятно. Его роль была во всемъ этомъ дѣлѣ страдательная.

„Что жъ тутъ дѣлать,—часто повторялъ онъ про себя,—если бабы лѣзутъ?“

Нина очень соблазнительная женщина, но грѣшныхъ мыслей онъ не имѣлъ на нее. Она его поцѣловала—первая. А развѣ это пойдешь звонить по Москвѣ, или сдѣлаешь объявленіе въ газетахъ, вотъ какъ печатаютъ раз-

ныя оправданія и уничтоженія довѣренностей? И такъ уже довольно было грязи въ газетахъ по поводу попытки самоубійства Липы Угловой и раньше еще — изъ-за ея слосчастныхъ дебютовъ „Карменъ“. Отъ нея все и пошло.

Онъ на нее не сердится. Ему даже ее жаль. Можетъ, она теперь опасно больна: ядъ—не то, что пуля... И онъ былъ опасно раненъ; такъ вѣдь то же могло случиться и на охотѣ.

Вспоминается ему огромная, буро-сивая медвѣдица, когда она шла на него, съ ревомъ, на заднихъ ногахъ. Сдѣлай двѣ остъки—и содрала бы кожу съ черепа, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы всадить ей въ грудь ножъ. Еще вопросъ: какъ такая „мадамъ“ облапить. Если скоро и высоко подъ мышки, такъ и ножа не смогъ бы выхватить.

Пожалуй, и про дуэль были уже замѣтки въ газетахъ. Платонъ Верховцевъ общалъ ему, въ день дуэли, объѣхать редакціи и попросить ничего не печатать. Но развѣ нынѣшнихъ „милашекъ“ удержишь: ему пришло на память слово Липы. Даже и фамилія пасквилянта, котораго онъ не хотѣлъ ни бить, ни вызывать, отчетливо представилась ему: „Спондѣевъ“.

Когда они учили въ корпусѣ русское стихосложеніе, то онъ зубрилъ, что такое „спондей“; теперь не могъ бы отвѣтить, изъ сколькихъ долгихъ и короткихъ онъ состоитъ. Вотъ этакій „спондей“ и начнетъ опять, въ ближайшемъ воскресномъ фельетонѣ, вышивать по канвѣ, ничего не называя, въ видѣ разсказа, и все будетъ про-
зрачно.

За кого стоитъ публика: за мужа или за него, „похитителя“.

Гольцъ тихо усмѣхнулся. Какой же онъ похититель? Давно уже онъ тяготится своей холостой жизнью, хотя ему всего двадцать шесть лѣтъ. Вѣроятно, здѣсь бы и не ашелъ невѣсту, не случись этихъ двухъ исторій.

Насчетъ своего чувства къ Нинѣ онъ рѣшилъ еще въ тотъ день, когда она къ нему во второй разъ пріѣхала и сидѣла вонъ въ той комнатѣ. Они много цѣловались. Какъ же иначе? И ему понравилась такая смѣлость, нужды нѣтъ, что онъ сказалъ ей: „это слишкомъ рискованно“.

Будь онъ безумно въ нее влюбленъ или притягивай она его хоть такъ, какъ онъ ее, развѣ она ушла бы отъ него, не отдавшись ему? Никогда! Это быть не можетъ.

Онъ довелъ бы все до развязки, и если бъ они поймались, сталъ бы первый требовать развода.

О разводѣ ему и на мысль не приходило. Что у нея была задняя мысль довести его до предложенія—онъ смутно сознавалъ. Вотъ это-то его и охлаждало. Ему казалось, что у Нины больше игра какая-то съ нимъ, чѣмъ беззавѣтная страсть.

Въ городѣ могутъ теперь ему сочувствовать: раненъ, опасно, раздуютъ опасность, поди уже приговорили его къ смерти. Если бъ не жалѣли, столько бы народу не „загнуло“ карточекъ. А мужъ, его степенство, господинъ Кумачевъ, велъ себя „лихо“, только злобно. Онъ хотѣлъ его уложить, потому что жена для него все: княжна, красавица, съ тономъ, тянетъ его вверхъ.

Второй секунданта — Гольцъ нашелъ здѣсь товарища по корпусу, въ штабѣ округа, изъ академіи—тотъ всякую штуку знаетъ и говоритъ ему:

— Тебя этотъ купчина вызвалъ въ родѣ, какъ Пушкинъ Дантеса, по однимъ подозрѣніямъ. Вѣроятно, и онъ получилъ анонимное письмо.

Его секунданты настаивали, чтобы стрѣлять разъ, но покончили на томъ, что стрѣлять будетъ каждый, когда захочетъ, отъ мѣста, гдѣ ихъ установили, до барьера. И на дистанціи Кумачевъ настаивалъ на „сурьезной“. Первый выстрѣлъ мѣтилъ ему прямо въ грудь и попалъ въ бедро, прежде чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ.

Дуэли, такой серьезной, у него еще не бывало, и ощущение, когда на васъ, какъ на звѣря, наводитъ дуло, „почище“, чѣмъ поджидать хотя бы и разъяренную медвѣдицу.

Много онъ ломалъ себѣ голову — кто ихъ выдалъ съ Ниной. Видѣли ее въ отелѣ и донесли. Отговариваться послѣ письма Кумачева нельзя было: въ немъ прямо говорилось, что у него есть „фактическое доказательство“. Можетъ, сама призналась. Женщины всѣ „шалыя“, даже и такія „павы“, какъ Нина. Крикнуть на нихъ — онѣ и разболтаютъ все.

Его безпокоила мысль, что Нина можетъ считать его „пошлякомъ“. Она тамъ мучится, а онъ, хотя бы на словахъ, черезъ Напон, могъ передать что-нибудь. Сегодня силъ достало бы и написать нѣсколько словъ.

Мужъ и жена Верховцевы прямо запретили ему давать о себѣ хоть признакъ жизни. Напон говорила, что мужъ

никакого скандала не сдѣлалъ, издѣтъ себя джентльменски и до сихъ поръ у нихъ съ женой никакого объясненія не вышло. Къ нему Нина порывалась, но Верховцева ей запретила.

Надо ждать и, когда дѣло выяснится, поступить, какъ приказываетъ долгъ дворянина и офицера въ „первомъ“ полку. Мужъ можетъ ее и выгнать. У нея нѣтъ никакихъ средствъ. Тогда онъ увидитъ. Лгать онъ себѣ не желаетъ. Все отдать за любовь этой женщины — такого чувства въ немъ нѣтъ. И если онъ поддался ей порывамъ — а кто бы на его мѣстѣ устоялъ? — за то и наказанъ достаточно.

Профессора, вынимавшаго пулю, онъ сейчасъ же спросилъ:

— Буду ѣздить верхомъ?

Тотъ отвѣтилъ уклончиво:

— Во всякомъ случаѣ, баронъ, не раньше, какъ черезъ три-четыре мѣсяца.

А вдругъ сведетъ жилу и будешь хромъ, а хромымъ ни въ пѣхотѣ, ни въ кавалеріи не полагается, не то что уже въ ихъ полку. Довольно и того, что приходится брать долгосрочный отпускъ, а то такъ и перечисляться въ запасъ.

И все это изъ-за двухъ „бабенокъ“.

Сидѣлка, съ наручной перевязью сестры милосердія, тихо постучалась.

— Войдите! — откликнулся Гольцъ и, раскрывъ глаза, поправилъ одѣяло, выпрямилъ спину и легъ повыше.

Ею онъ очень доволенъ, только находитъ, что она слишкомъ уже „шикарна“. Звали ее Надежда Адольфовна — дочь нѣмца, но по матери православная.

— Антонъ Ѳедоровичъ, — доложила сестра, просовывая свою голову блондинки, въ бѣломъ уборѣ. — Я не знаю... Швейцаръ пустил... Дама желаетъ васъ видѣть.

— Какая? — сдерживая волненіе, спросилъ Гольцъ.

— Молодая... Красивая такая, — прибавила она шопотомъ. — Очень просить.

„Нина!“ — рѣшилъ онъ, и имъ овладѣло еще большее волненіе; даже руки вздрагивали.

— Профессоръ не позволилъ постороннихъ посѣщеній, — мягко напомнила сестра.

— Знаю... На одну минуту можно... Поднимите, пожалуйста, штору, наполовину.

— Неторопливо, разсчитаннымъ движеніемъ, сестра подняла штору и, выходя, спросила:

— Больше вамъ ничего не угодно?

— Благодарствуйте... Извините—скажите, что я приму въ постели.

По лицу сестры прошла легкая тѣнь. Она что-то сообразила. Войдя въ первую комнату, она такъ же тихо сказала:

— Баронъ проситъ васъ на минуту. Много говорить имъ опасно.

И, пропустивъ гостя, она затворила плотно дверь спальни и черезъ минуту, взявъ свое ручное шитье, выскользнула беззвучно въ коридоръ, гдѣ и осталась.

— Липа!

Голосъ Гольца вздрогнулъ и замеръ.

Липа стояла у дверей, въ шапочкѣ и башлыкѣ, и простомъ, ненарядномъ платьѣ.

— Извините,—проговорила она.—Я на минутку... Только я съ холода... Морозъ большой. У дверей я и сяду.

Онъ глядѣлъ на нее вбокъ, очень пристально, пріятно смущенный ея появленіемъ. Мысль, какъ бы она не выстрѣлила въ него или не пустила въ лицо кислотой, ему не пришла. Счеты ихъ покончены. Онъ не вѣрилъ въ то, что она изъ любви и ревности хотѣла покончить съ собою. Ихъ связь шла „на нѣтъ“. И въ сущности, она — „добрый малый“.

Липа похудѣла, и ея лицо было совсѣмъ не прежнимъ, гораздо строже и красивѣе. Какою она была теперь—она ему нравилась больше Нины, и что-то у него зашевелилось въ груди товарищеское, близкое. Двухлѣтняя связь сказывалась.

— Спасибо,—выговорилъ онъ, сдѣлавъ ей привѣтствіе лѣвой рукой.

— Въ городѣ говорятъ...

— Что я смертельно раненъ, небось?—добавилъ онъ за нее.—Нѣтъ, мнѣ лучше. Я скоро встану, только буду ли годенъ въ строй—это еще неизвѣстно.

Они избѣгали употреблять мѣстоименіе.

— Спасибо,—повторилъ онъ.—Что жъ... если я виноватъ передъ...

— Какіе счеты!—перебила Липа.—Каждому своя слеза солона.

— Какъ?—веселѣе переспросилъ Гольцъ.

— Такая есть поговорка: каждому своя слеза солона. Препней артистки Днѣпровской во мнѣ нѣтъ. Все выгорѣло. Я ликвидирую, Антонъ Ѳедоровичъ.

Ему захотѣлось сказать ей:

„Называй меня Антошей“, — но чувство, скорѣе стыдливое, чѣмъ уклончивое, удержало его.

— Какъ такъ?

— Ликвидирую... Вотъ я и пришла... Если нужно — я бы подежурила здѣсь.

Онъ могъ бы подумать: „Э! Ты на меня опять закидываешь сѣти“ — и не подумалъ этого.

Она хотя и „шалай“, но слишкомъ прямая натура, чтобы пускаться въ ходъ такой „аллюр“, — выразился онъ про себя по-кавалерійски.

— Только, пожалуйста, вы, Антонъ Ѳедоровичъ, позвольте мнѣ распорядиться одной вещью, какъ я надумала.

— Съ какой же стати...

Онъ не договорилъ.

— Хуторъ, который вы мнѣ подарили... я бы хотѣла отдать на одно хорошее дѣло.

— Онъ ваша собственность...

— Нѣтъ, ужъ позвольте...

Липа встала и, сдѣлавъ шагъ впередъ, протянула руки очень милымъ, просительнымъ жестомъ.

— Пожалуйста... Только на что же жить?

— Проживу.

„Вотъ она какая! — подумалъ онъ. — Не хочетъ ничѣмъ пользоваться, разъ между нами все покончено“.

— Липа!.. Мы вѣдь не враги? — онъ протянулъ ей руку. — Что жъ намъ такъ сухо... на *вы*? Ты — славная... Поди сюда, сядь... сядь на кровать. Ничего... теперь отъ тебя холодомъ не вѣетъ, да у меня и нѣтъ уже лихорадки.

— Нѣтъ, нѣтъ... Я уйду. Если тебѣ скучно будетъ... вечеромъ почитать... пока я здѣсь. Лучше за больнымъ походить, чѣмъ на сценѣ, передъ разными уродами, выкрикивать изъ „Меден“.

Гольцъ взялъ ее за кончики пальцевъ и притянулъ къ себѣ.

Что-то скрипнуло. Въ дверяхъ стояла Нина.

Х.

Краска бросилась въ лицо Кумачевой.

Хуже этого ничего не могло выйти.

Опять ея глупая неосторожность! Ее еще сильнѣе истинно видѣть Гольца. Она не послушалась Верховцевыхъ. Въ коридоръ она никого не встрѣтила. Войдя въ первую комнату, она услышала разговоръ, но подумала, что это съ сидѣлкой.

Липа быстро встала съ края постели и протянула руку Гольцу.

— Поправляйтесь!.. По вечерамъ скучно будетъ—дайте мнѣ знать. Я приду, почитаю.

Тонъ ея былъ совсѣмъ простой. Она нисколько не стѣснялась и, проходя мимо Нины, спокойно посмотрѣла на нее.

— C'est elle?..

Вопросъ Нины прозвучалъ рѣзко, почти злобно, когда они остались вдвоемъ.

Гольцъ, не особенно смущенный, медлилъ отвѣтомъ.

— Вы ее знаете?—спросилъ онъ, обернувшись къ ней всѣмъ лицомъ, и тихо усмѣхнулся.

Они были еще на „вы“. И это „вы“ сдѣлало сейчасъ разговоръ неловкимъ, съ первыхъ словъ. Развѣ такъ слѣдовало свидѣться? Въ ней всякій порывъ сразу упалъ. Онъ казался скорѣе недовольнымъ ея внезапнымъ появленіемъ.

Нина услышала, какъ тихо отворили дверь изъ коридора—вдругъ это посторонній мужчина? Зачѣмъ она будетъ себя афишировать, если онъ опять сошелся „avec cette fille“,—выговорила она про себя, вся съежившись.

— Это сестра,—успокоилъ онъ ее.

Они еще не подали другъ другу руки.

— Хорошо... Я уйду туда.

Не могла же она объясняться съ нимъ, запершись въ спальнѣ. Довольно и того, что выйдетъ отсюда, отъ молодого мужчины, лежащаго въ одной фуфайкѣ.

— Сестра! — позвалъ Гольцъ въ дверь, оставленную Ниной полуотворенной. — Вы хотѣли сходить куда-то... Мнѣ теперь совсѣмъ хорошо.

Сестра поняла, что имъ нужно остаться однимъ.

— И пожалуйста скажите швейцару, чтобы никого ко мнѣ не пускать.

„Ça, c'est archibète!“—подумала Нина, отходя къ окну, куда стояла спиной.

Она прибѣжала пѣшкомъ, оставила свои сани у Голофтьевской галлерей, со стороны Неглинной, и вышла на Петровку, а оттуда Столешниковымъ переулкомъ сюда... Никого изъ знакомыхъ она не встрѣтила. Но вѣдь и въ послѣдній разъ, какъ была здѣсь, она тоже думала, что ея „escarade“ пройдетъ ей даромъ, а ее видѣли. Не одинъ Лука Гордѣичъ проболтался. Теперь она увѣрена, что мужу прямо донесли или написали анонимное письмо.

Сестра удалилась, а Нина все еще стояла лицомъ къ окну, не зная, какъ ей быть... Бѣжать къ нему, схватить его за голову, покрыть поцѣлуями, расплакаться отъ радости—все это и было бы такъ, если бъ не встрѣча съ той „госпожей“.

— Вы тамъ?—ослабшимъ голосомъ спросилъ Гольцъ.

Нина сдѣлала нѣсколько шаговъ къ двери, нерѣшительно, и остановилась посрединѣ комнаты.

— Вы слабы... вамъ запрещъно говорить?

— Ничего... Пожалуйста!

Въ этомъ „пожалуйста“ тоже не было никакой безумной радости.

Кто ихъ знаетъ! Можетъ-быть, они запово сошлись. Та, узнавъ о его дуэли, прилетѣла сюда, и онъ растаялъ. У мужчинъ тщеславіе всегда сильнѣе чувства. Только чтобы изъ-за нихъ безумствовали. Вѣдь она уже отравлялась и увѣрила его, конечно, что изъ бѣшеной страсти къ нему. Иначе какъ же бы она очутилась здѣсь?

Въ груди Нины сжало, точно комокъ какой. Она не могла стряхнуть съ себя всѣхъ этихъ обидныхъ вопросовъ. Свое поведеніе показалось ей такимъ жалкимъ и нелѣпнымъ. Впору хотъ бѣжать отсюда, безъ оглядки.

Куда? Домой? Тамъ ей еще хуже. Мужъ продолжаетъ разыгрывать роль все въ томъ же топѣ, точно ничего не случилось, и восхищенъ, должно-быть, побѣдой надъ „калегвардомъ“, собственнымъ характеромъ и умомъ. И онъ даетъ чувствовать слишкомъ ясно, что царству Антонины Борисовны пришелъ конецъ: онъ сталъ совсѣмъ по-другому жить и распоряжаться тѣмъ, что, до сихъ поръ, зависѣло отъ нея, приглашать своихъ родственниковъ и разныхъ „купчишекъ“ изъ клуба, играть по большой, проводить вечера неизвѣстно гдѣ. Вотъ уже который день онъ ночуетъ у себя въ кабинетѣ.

— Пожалуйста!—повторилъ Гольцъ.

Она проникла въ спальню.

— Извините,—заговорилъ Гольцъ все такимъ же слабымъ голосомъ,—за непріятную встрѣчу.

Его слова сочла она безтактными. Теперь она еще менѣе способна кинуться къ нему, или хоть шутливо приласкать его словомъ, жестомъ.

Обоимъ было до-нѣльзя неловко. Оба чувствовали что-то жесткое и недоброе, и ни у одного не доставало смѣлости показать, что, въ ту минуту, происходило въ немъ.

— Я такъ мучилась!—начала Нина, подходя поближе къ кровати.

Гольцъ взялъ ея руку и поцѣловалъ.

Поцѣлуй этотъ не согрѣлъ ее что-то. Она нагнулась и приложилась губами къ его головѣ. Отъ всей постели и отъ его тѣла шель лѣкарственный запахъ, ей непріятный. Въ своей вязаной фуфайкѣ у него былъ солдатскій видъ.

Но все-таки имъ стало ловчѣе.

Нина сѣла на стулъ. Цѣловать его въ губы ей совсѣмъ не хотѣлось.

— Et voilà!—вырвалось у ней со вздохомъ. — C'est du regret!

Тонъ былъ раздраженный, а не тронутый.

— Oui, — отвѣтилъ онъ мягче, и вялая усмѣшка пропала по его поблѣднѣвшимъ губамъ.

Ей хотѣлось, прежде всего, знать: какъ мужъ вызвалъ его, имѣлъ ли онъ доказательство ихъ близости. Но ей стало немного стыдно. Что же его допрашивать? Вѣроятно, онъ столько же знаетъ, сколько и она сама. Не будетъ же она допытываться, не началъ ли онъ самъ болтать про свою побѣду?

— Et la demoiselle?—выговорила Нина, жестомъ правой руки показывая на дверь, куда ушла Липа.

Онъ пожалъ плечами.

Оправдываться онъ не сталъ. И что же ему оправдываться? Липа его тронула. Какого-нибудь „фортея“ онъ въ ея поведеніи не видитъ. А если и есть, то онъ не изъ такихъ, которыхъ можно вертѣть какъ угодно... Его безпокоило въ эту минуту одно: положеніе Нины въ домѣ. Если она скажетъ ему въ упоръ: „мнѣ оставаться женой Кумачева нельзя“, онъ обязанъ такъ или иначе устроить ея судьбу.

— Берегитесь, — начала Нина, но совсѣмъ не о томъ, что его беспокоило, — эта особа можетъ опять впутать васъ въ исторію... Отъ нея надо избавиться. Вы добры... Она, конечно, явилась показать чистоту своихъ чувствъ, ха-ха?

— Напрасно, — остановилъ онъ ее и щелкнулъ языкомъ. — Никакой опасности тутъ нѣтъ.

На губахъ у него былъ вопросъ: „Вы лучше мнѣ скажите, какъ у васъ въ домѣ?“

— Ну да, ну да, — раздражалась Нина. — Всѣ мужчины таковы. Тщеславіе ослѣпляетъ ихъ.

— О васъ, а не обо мнѣ поговоримъ, — остановилъ онъ ее жестомъ руки.

Говорить дѣлалось ему трудно, и она этого не замѣчала.

— Что жъ обо мнѣ?

Какъ бы она крикнула ему: „Развѣ вы такъ должны вести себя со мною?“

Нужды нѣтъ, что онъ еще боленъ. Однимъ словомъ онъ могъ бы показать ей, что сейчасъ готовъ назвать ее своей женой. Развѣ она не приноситъ ему жертву? Что же такого „особеннаго“ представляетъ онъ изъ себя? Такихъ бароновъ — сотни, а кавалерійскихъ поручиковъ — тысячи. Состоянія у него, навѣрно, нѣтъ и на одну пятую того, что есть у Захара Лукьяновича. Ея мужъ въ почетѣ, добьется всего, будетъ головой, будетъ губернаторомъ, можетъ-быть, министромъ. Нынче все это возможно! Она царила въ своихъ чертогахъ, беззаботная, обожаемая мужемъ, мать милыхъ дѣтей, первая въ Москвѣ по красотѣ, изяществу и богатству.

— Однако, — медленно продолжалъ Гольцъ, — какъ же онъ, вашъ благовѣрный?

„Благовѣрный!“ — повторила Нина про себя, и это пошлое офицерское слово кольнуло ее.

— Мой благовѣрный, — отвѣтила она полусмѣливо, — какой-то сфинксъ.

— Сфинксъ? — переспросилъ, оживляясь, Гольцъ.

— Да. Что въ немъ происходитъ, какъ онъ думаетъ держать себя дальше — я не знаю. Ни одного вопроса, ни одного намека. *Cela devient assomant!* — вырвалось у него съ рѣзкимъ жестомъ правой руки.

— Тонкій человѣкъ!

— Mais, à coup sûr, il prépare quelque chose.

— Еще бы! — подтвердилъ Гольцъ по-русски.

Вдругъ онъ поморщился и сжалъ руки. Неосторожнымъ движеніемъ онъ развердилъ рану.

— Vous souffrez?

Гольцъ ничего не отвѣтилъ Нинѣ и закусилъ губы, чтобы не застонать.

— Я уйду!.. Но какъ же васъ оставить одного? Сестры нѣтъ.

Ему настолько было больно, что онъ даже не протянулъ ей руку.

Нина немного постояла у кровати и видя, что онъ лежитъ съ закрытыми глазами, беззвучно вышла изъ спальни.

Черезъ четверть часа, въ саняхъ, проѣзжая по площади Большого театра, она думала объ одномъ: чѣмъ бы ни разрѣшилась ея „исторія“, сейчасъ надо устранить эту Днѣпровскую, „cette fille rouée et astucieuse“. Не застанъ она ее у Гольца, развѣ свиданіе было бы такое?

Но какъ же устранить ее? Не стрѣлять же въ нее изъ револьвера или захватить и запереть куда-нибудь? Она уже думала о ней и раньше. Надо обратиться къ генералу Кишкетову. Онъ дастъ дѣльный совѣтъ, или самъ сдѣлаетъ такъ, что Днѣпровскую вышлютъ изъ города. Не даромъ же у него репутація человѣка съ огромными связями по этой части.

И тогда уже надо будетъ самой рѣшить: кого выбирать себѣ въ мужья.

„А вдругъ, — подумала она, и ей стало холодно въ груди,—вдругъ Захаръ Лукьяновичъ первый распорядится ея судьбой и... выгнать изъ дому, отниметъ дѣтей, какъ у „развратной“ матери, и броситъ ей подачку въ нѣсколько тысчонокъ?“ Прежде чѣмъ она ротъ откроетъ для оправданія, онъ скажетъ ей: „вы изволили быть въ номерѣ у офицера, можете и совсѣмъ поселиться тамъ“. Какъ бы онъ прежде ни любилъ ее, такой человѣкъ ничего не проститъ.

XI.

Липа прощалась со своими „спасительницами“, такъ она называла, кромѣ Лёли и Кати, Иду и Елену.

Акридина уѣзжала въ Петербургъ на недѣлю. Ида хотѣла подождать ее въ Москвѣ, не переселяться въ деревню. Обѣ ласково болтали съ Липой у дверей. Имъ не хотѣлось уходить. Особенно Елена была бойка и весела.

Липа догадывалась, почему Акридина такая веселая. По намекам Кострицына—онъ сталъ у нея бывать очень часто—она кое-что знала про любовь „ученой женщины“, какъ она еще, не безъ ироніи, называла ее. И должно-быть у нихъ дѣло идетъ на ладъ; можетъ, скоро и свадьба будетъ.

Съ Еленой она чувствовала себя немного стѣсненной, какъ будто та ее до себя только допускала, не то, что Ида. Къ Идѣ она привязывалась съ каждымъ днемъ. Ей было то жаль ее чрезвычайно, точно Ида себя „заживо похоронила“, то она считала ее счастливницей именно потому, что въ ней перегорѣло все въ душѣ, и „подлецы мужчины“ не имѣютъ для нея никакой привлекательной силы.

Сейчасъ она все имъ рассказывала „по душамъ“: и про свое твердое рѣшеніе съ театромъ проститься, ѣхать въ провинцію, хуторъ отдать на „хорошее дѣло“, самой жить уроками пѣнія или „чѣмъ придется“.

Ида спросила ее:

— А вдругъ увлечетесь... и пойдете въ пропаганду, вернетесь къ старому?

Про это „старое“ она же вспоминала въ долгіе вечера, когда Ида сидѣла около ея кровати съ работой или книгой.

— Не знаю! Если заберетъ какое дѣло,—отвѣтила она,—лучше пострадать, чѣмъ такъ только мамонѣ служить.

— Позвольте васъ проводить?—спросила Липа Акридину, выходя въ коридоръ вслѣдъ за нею.

— Благодарю... Только не нужно. Холодно. Я и ей не позволяю,—прибавила она, указавъ головой на Иду.

Липа поняла: значить, будетъ онъ. А можетъ, не хочетъ, чтобы видѣли, какъ актерка съ „исторіей“ ее провожаетъ. Это немножко кольнуло Липу, но она тотчасъ же дала на себя окрикъ: „А кто же ты была?! Ну, и терпи!“

Не успѣла она вернуться къ себѣ, какъ вошелъ Кострицынъ.

Она не удивилась. Знакомы они не больше десяти дней, а точно давнишніе пріатели. Сразу онъ ей не очень понравился своимъ тономъ и складомъ разговоровъ. И пошли у нихъ споры нескончаемые. Уходя отъ нея, онъ каждый разъ смягчался и даже просилъ извиненія за свое упорство и „дикія мнѣнія“.

Ему она любила выкладывать все, что у ней на душѣ. Сначала онъ пытался уговаривать ее не бросать искусства. Теперь пересталъ, умолялъ только объ одномъ, когда уѣдетъ туда, на Волгу, воздерживаться отъ близкаго знакомства съ разнымъ „нелегальнымъ народомъ“. И онъ зналъ отъ нея, что у нея есть кое-какое прошедшее, отъ котораго она скрывалась за границу съ чужимъ паспортомъ.

Вчера она ему рассказала и про свой визитъ Гольцу. Кострицына это передернуло замѣтно, и онъ сталъ было не то что возмущаться, а жалѣть. Но и тутъ она его разомъ успокоила, весь ея тонъ показывалъ, что „Антошка“ больше для нея не опасенъ. Все-таки Кострицынъ взялъ съ нея слово, что вечеромъ она къ нему читать не поѣдетъ.

Про свою встрѣчу съ дамой—она сообразила, что это Кумачева—Липа умолчала, не считая себя въ правѣ быть нескромной.

Онъ заѣзжалъ къ ней передъ обѣдомъ и всегда извинялся, что беспокоитъ.

На этотъ разъ извиненія не было.

Онъ подаль ей неразрѣзанную книжку толстаго петербургскаго журнала.

— Только что получили... Захватилъ у Карбасникова,—сказалъ Кострицынъ.—Продолженіе романа.

— А, вотъ это отлично! Хотите, сегодня будемъ читать вслухъ? Я за дѣвочками своими пошлю. У нихъ вечеръ свободный.

Кострицынъ чуть-чуть поморщился.

— Да онѣ васъ развѣ стѣсняють?—серьезнѣе спросила Липа.

— Онѣ—очень милыя,—заговорилъ Кострицынъ кротко, совсѣмъ не своимъ обычнымъ тономъ, — только, право, лучше будетъ... Имъ серьезное чтеніе не то что въ гость, а все-таки: хи-хи, да ха-ха!..

— Ну, какъ хотите.

Слишкомъ выходило ясно, что онъ желаетъ быть съ-глазу-на-глазъ. Но она не хотѣла разбирать его чувства къ ней. Никакого кокетства она въ себѣ не допускала и въ обращеніи съ нимъ держалась такого же точно тона, какъ съ Лелей или Катей.

Кострицынъ сѣлъ на свое любимое мѣсто, около изголовья кушетки, куда Липа прилегла.

Послѣ ея „случая“ она сдѣлалась гораздо слабѣе на ноги.

— Сейчас прощалась съ Акридиной. Ёдетъ въ Петербургъ... Очень веселая.

Кострицынъ подмигнулъ съ лукавой усмѣшкой.

— Питаетъ надежды на побѣду?

— Не знаю... Вы, Иванъ Кузьмичъ, покумить, я вижу, любите?

— Посплетничать, другими словами?

— Да... Есть грѣшокъ?

— Болтать лишнее—склоненъ, это точно. И, кажется, у меня, такого отчаяннаго классика, должна быть всегда на памяти притча...

— Вотъ и притчами говорить тоже есть замашка.

— Ха-ха! Дорогая Олимпіада Дмитриевна... Вѣдь притча-то прямо для меня, изъ міеологіи. Про Тантала, конечно, слышали?

— Муки Тантала?

— Вотъ-вотъ! А за что онъ былъ Юпитеромъ такъ схибно наказанъ?..

— Почему же я знаю?.. Меня этакимъ глупостямъ не обучали.

— Глупости? Не скажите! Иксіонъ и Танталъ были допущены за небесную трапезу. Они оба тамъ и урѣзали нектара и стали болтать всякія непутѣвыя вещи. Вотъ отецъ-то боговъ оттуда ихъ обоихъ и выпшвырнулъ вверхъ тормашками?..

Липа тихо засмѣялась.

— Какой вы молодой, Кострицынъ! — выговорила она задумчиво. — Гораздо моложе меня. Даромъ, что суесловите и выдаете себя за человѣка, который подо все подпускаетъ подковырку.

— Подковырку!.. Хе-хе!

Имъ обоимъ дѣлалось очень весело.

Кострицынъ наклонился къ изголовью кушетки и началъ говорить тише звукомъ:

— Сплетникъ я—это точно. И если вы меня исправите, я вамъ въ ножки поклонюсь. Однако, позвольте покумить, какъ вы выражаетесь, Олимпіада Дмитриевна. Тутъ я—въ вашемъ интересѣ.

— Чтѣ еще такое?—откликнулась Липа, безъ тревоги, скорѣе лѣнивымъ тономъ.

— А вотъ что. Супруга моего принципала, Захара Лукьяновича...

— Знаете, Иванъ Кузьмичъ, — перебила его Липа, — мнѣ не нравится, что вы его такъ называете, хотя бы и въ шутку. Точно онъ въ самомъ дѣлѣ баринъ вашъ...

— Позвольте... — Кострицынъ замѣтно покраснѣлъ. — Такъ вотъ Антонина Борисовна вдругъ произвела ко мнѣ подходъ на вашъ счетъ.

— Что ей отъ меня нужно?

Липа сдвинула брови.

— Да вы развѣ ничего не знаете?—съ удареніемъ выговорилъ онъ и поглядѣлъ на нее.

— Это насчетъ Гольца... Что изъ-за нея дуэль была?

— Я этого не сказалъ.

— Вотъ это нехорошо, Кострицынъ... Это уклончивость.

— Ей-Богу нѣтъ, Олимпиада Дмитріевна, — голосъ его просительно дрогнулъ. — Клянусь вамъ, нѣтъ, а просто порядочность. Я болтунъ, но я не сплетникъ, особливо въ такихъ дѣлахъ... Эта женщина—безъ сердца. Она не даромъ разспрашивала о васъ... Съ тѣмъ же подѣзжала она и къ Лыжину. Ради Бога... не вышло ли чего у васъ, я умоляю васъ не скрывать отъ меня!

Липа была тронута, въ первый разъ, тономъ его словъ.

— Такъ и быть, я вамъ скажу. А не говорила тоже—вы поймете почему. У Гольца она при мнѣ вошла къ нему прямо въ спальню.

— Она?

— Да, теперь я въ этомъ увѣрена.

— Те-те-те... Мнѣ все понятно. Берегитесь, голубушка. Теперь ей надо кашу съ муженькомъ расхлебывать, а онъ выказываетъ себя въ этой исторіи съ такимъ характерцемъ, что — ой-ой. И у ней могли явиться комбинаціи.

— Не боюсь я ея. Да и что ей со мною дѣлать?

— Однако, она васъ нашла у него тоже въ спальнѣ, — выговорилъ Кострицынъ, скользя по словамъ. — Этой причины слишкомъ достаточно.

По лицу Липы пошли тѣни.

— Разумѣется... если она злущая. Да пустяки!.. Черезъ недѣлю меня здѣсь не будетъ.

Кострицынъ замигалъ и спросилъ быстро и петвердыми нотами:

— Вы серьезно уѣзжаете?

— Серьезно, голубчикъ, серьезно.

— Пока чтò, а я васъ долженъ былъ предупредить.

— Спасибо!

Она протянула ему руку. Кострицынъ взялъ и, въ первый разъ, поцѣловалъ.

— Знаете, Иванъ Кузьмичъ, все это — тамъ гдѣ-то, вдали... И госпожа Днѣпровская для меня — точно покойница.

Кострицынъ ничего не промолвилъ и сидѣлъ, не выпуская ея руки.

Въ дверь постучали.

— Войдите! — крикнула Липа и отняла руку, но не поспѣшно, безъ всякаго смущенія.

Второй швейцаръ, путаясь, какъ всегда, въ длиннѣйшей ливреѣ и стоя въ портьерѣ перегородки, доложилъ:

— Желаетъ васъ видѣть, Олимпиада Дмитриевна, по дѣлу... генераль...

Онъ запнулся.

— Кто? — переспросила Липа.

— Какъ фамилія? — добавилъ тревожище Кострицынъ и всталъ.

— Они назвали... Кажется, Мушкетовъ.

— Такого не знаю!

Кострицынъ сказалъ это въ сторону Липы.

— По дѣлу-съ, — повторилъ швейцаръ.

— Примите, голубушка! — Кострицынъ подошелъ къ ней поближе и договорилъ шопотомъ, — и помягче будьте... Мало ли кто это можетъ быть. Я удалюсь, мѣшать не буду.

— Съ какой стати! У меня никакихъ тайныхъ дѣлъ нѣтъ.

И, поднявшись, Липа сказала швейцару:

— Просите!

XII.

— Я сію минуту, Иванъ Кузьмичъ.

Липа пошла въ спальню накинуть на себя короткую **мантію** и немножко поправить волосы.

Кострицынъ прошелся мелкими шажками, потирая руки, **что** у него означало душевное волненіе. Онъ боялся чего-то за Липу. Кто этотъ генераль? Можетъ-быть, ее при-**тали** къ дуэли Гольца и хотятъ прижать? Онъ долженъ **былъ** сознаться, что „по нынѣшнимъ временамъ“ — это воз-

можно“, и даже не папелъ, что слова: „нынѣшнія времена“, умственно имъ выговоренныя, были въ противорѣчїи съ складомъ его идей.

Гость вошелъ очень тихо.

„Вотъ кто!“ — воскликнулъ про себя Кострицынъ, воззрившись въ генерала.

— Мое почтеніе! — сказали онъ первый.

Генераль могъ надѣть свою форму, но онъ хотѣлъ и сегодня казаться молодымъ. Онъ только воткнулъ въ петлицу сюртука, плотно облегаващаго его сухощавую фигуру, красную розетку французскаго ордена.

— А!.. Monsieur...

Онъ искалъ фамилію.

— Кострицынъ — къ услугамъ вашего превосходительства.

Это было сказано съ улыбкой. Генерала онъ не долюбивалъ, безотчетно, хотя и не допытывался никогда, на чемъ основывается репутація, заставлявшая въ обществѣ бояться его.

„Дѣло дрянъ, — подумалъ онъ, и спросилъ себя вслѣдъ затѣмъ: — оставаться или уходить?“.

— Олимпиада Дмитріевна сейчасъ выйдетъ.

— Благодарствуйте.

Генераль поклонился ему вѣжливо, но руки не подалъ. Не дожидаясь приглашенія, онъ сѣлъ у стола, вынулъ изъ жилетнаго кармана гребенку и поправилъ волосы на вискахъ.

Монокль неизмѣнно торчалъ у него въ глазной впадинѣ.

— Извините...

Липа, на порогѣ спальни, не договорила. Она сейчасъ же узнала генерала, и быстро-быстро ей все припомнилось изъ того времени, когда она знавала Кишкетова, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ провинціи.

Ей ударило въ виски. Она зачуяла серьезную опасность. На Кострицына она не глядѣла, боясь выдать себя.

— Генераль Кишкетовъ.

Онъ приподнялся и протянулъ ей руку.

— Очень рада, — глухо промолвила Липа, и ей хотѣлось крикнуть: „Ступайте вонъ!.. Я знаю, что вы за человекъ!“

Она сѣла на край кушетки.

— У васъ есть до меня дѣло? — суше и тверже выговорила Липа.

— Оно подождетъ, — усмѣхнулся генералъ тонкимъ и безкровнымъ ртомъ.

Кострицынъ чувствовалъ, что между ними что-то есть затаенное, и не хотѣлъ проникать въ это. Ему слѣдовало уйти изъ простаго приличія. Своимъ присутствіемъ онъ только мѣшаетъ Липѣ. Въ концѣ концовъ, если этотъ молодой женолюбъ съ чѣмъ-нибудь „подѣдетъ“, она сумѣетъ его „спустить“.

Онъ сталъ прощаться и Липа его не вдерживала, только сказала:

— До свиданія!

И дѣйствительно, при немъ ей было вдвое тяжелѣе. Она могла себя выдать. Генералъ могъ заговорить какъ старый знакомый, и Кострицынъ счелъ бы ее за притворщицу, за пошлую актерку, у которой въ каждомъ городѣ были, похода, интриги.

Кишкетовъ, по уходѣ Кострицына, нагнувъ голову нѣсколько вбокъ и поглядѣвъ на нее.

— Вы, кажется, меня не сразу узнали? А я сохранилъ очень живое воспоминаніе о госпожѣ Угловой. Вѣдь это ваша настоящая фамилія?

— Да, я по театру Дибровская.

— Знаю, знаю.

Съ кресла Кишкетовъ поднялся и пересѣлъ на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ, около кушетки, Кострицынъ.

— Вы меня... Олимпиада Дмитриевна... вѣдь такъ васъ зовутъ?

— Такъ.

Липѣ загло въ груди. Но она поглядѣла на Кишкетова быстро и смѣло.

Этимъ взглядомъ она ему показала, что знаетъ, кто онъ и чего отъ него ждать.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ онъ, разставляя слова,— вы не очень рады возобновленію нашего знакомства? И напрасно!

Короткій смѣхъ прервалъ его рѣчь.

— Напрасно! — повторилъ онъ. — Я не позволилъ бы себѣ явиться къ вамъ такъ, съ улицы, если бъ не желаніе оказать вамъ услугу.

— Какую же?—все такъ же сухо спросила она.

Ей очень трудно дѣлалось сдерживать себя и еще труднѣе взять любезный тонъ. Этотъ человѣкъ былъ для нея невыносимъ. Разъ она уже бѣжала изъ того губернскаго го-

рода, гдѣ онъ съ ней познакомился и гдѣ онъ проживалъ, на выборахъ. Ея прошлое ему извѣстно, и онъ, еще тогда, хотѣлъ поиграть на немъ.

— Только я прошу одного,—продолжалъ Кишкетовъ,—полной откровенности.

„Съ какой это стати?“—чуть не крикнула она.

Опустивъ голову, она сжала ротъ и ждала, чтѣ онъ выпуститъ, какую предательскую гадость.

— Васъ можетъ постичь нѣчто весьма неприятное.

— Меня?—спросила она и повела плечами.

— Позвольте мнѣ досказать... Исторія дуэли одного пріѣзжаго гвардейца разнеслась по городу... Есть особы, принимающія въ немъ особое участіе, и онѣ будутъ хлопотать о томъ, чтобы васъ потревожили. Ваше пребываніе въ Москвѣ кажется имъ вреднымъ для этого молодого человѣка...

— И еще чтѣ?—уже рѣзче прервала Липа.

— Незадолго до этой дуэли и здѣсь была тоже исторія,—Кишкетовъ оглянулъ комнату. — Я не желаю, какъ французы выражаются, *surprendre votre religion*, но газетныя шавки все достаточно разгласили или дѣлали прозрачныя намеки. Вы, надѣюсь, этого отрицать не будете.

— Это мое личное дѣло.

— Знаю-съ. Но одно къ одному. Васъ, повторяю, могутъ побеспокоить.

— Выслать, что ли? Пускай!

— Позвольте... Извѣстно воть, на примѣръ,—кому надлежитъ вѣдать, все извѣстно,—что вы проживаете съ ненадлежащимъ видомъ?

— Вздоръ! У меня законный видъ.

— Вамъ такъ только кажется... Вы живете по аттестату консерваторіи... И это—пущеніе полиціи. Надо имѣть настоящій, общедворянскій видъ.

„Какъ же вы-то все это знаете?“—хотѣла она презрительно кинуть ему въ лицо.

— Положимъ, это не очень важно. Но если васъ обезпокоятъ,—Кишкетовъ все замедлялъ свою рѣчь,—могутъ обратиться до нѣкоторыхъ подробностей вашего прошлаго.

„Такъ и есть! Вотъ куда ты мѣтишь, гадина!“—вскричала про себя Липа и замѣтно поблѣднѣла.

Кишкетовъ протянулъ руку. Она своей не давала.

— Милая моя!—еще тише звукомъ заговорилъ онъ.—

Въ вашемъ прошломъ есть кое-какіе счеы уже не съ простымъ городскимъ надзоромъ.

„Если ты его сейчасъ оборвешь—онъ предательски отомститъ! Зачѣмъ глупо попадать въ ловушку? Передъ тобой еще цѣлая жизнь для того же самаго дѣла, на которое ты когда-то пошла съ такой вѣрой. Перехитрить его надо, а не брыкаться!“

Все это мгновенно пронеслось въ ея головѣ.

— Мнѣ нечего больше дѣлать въ Москвѣ, — довольно сдержанно выговорила Липа. — Я никому не хочу досаждать своимъ присутствіемъ и никому, увѣряю васъ, не опасна... ни тому офицеру, ни тѣмъ, кто дрожитъ надъ нимъ.

— Бѣжать въ эту минуту была бы огромная ошибка. Вы мнѣ не довѣрите—это ясно. Когда-то мы встрѣтились. Я былъ вашимъ искреннимъ поклонникомъ. Но—насилъно миль не будешь,—съ мягкой усмѣшкой добавилъ онъ.—Зла я не помню... когда дѣло идетъ о женщинахъ. О! мужчины—другое дѣло! Случаю угодно было поставить меня опять на вашемъ пути. Я совсѣмъ собрался уѣзжать за границу, и на цѣлые полгода; но для васъ я останусь, сколько нужно будетъ. И мой совѣтъ былъ бы, если васъ ничего особенно не придерживаетъ въ любезномъ отечествѣ, отправиться на югъ... напимѣръ, на Ривьеру... Вы должны поправиться послѣ того, что съ вами было.

„Дьяволъ!.. Съ тобой на Средиземное море! И за свою протекцію ты потребуешь вознагражденія“, — задыхаясь, думала Липа.

Будь это мѣсяцъ назадъ, она, и зная, что онъ можетъ „нагадить“ ей,—разнесла бы его и выгнала вонъ. Тогда она была увѣрена въ себѣ, въ силѣ обаянія красивой женщины, опереточной пѣвицы, съ репутаціей легкой особы. Она бы нашла защитниковъ и противъ такого генерала.

Теперь она безпомощна. Она покончила со своимъ актерствомъ. Ни къ какому старому сановнику она не пойдетъ и не позволить трепать себя по щекѣ и приговаривать:

— „Мы васъ въ обиду не дадимъ, душечка“.

— Напротивъ, — закончилъ свои доводы Кишкетовъ, — вамъ скрываться такъ порывисто не слѣдуетъ. Мы найдемъ средство отвести отъ васъ все непріятное. А черезъ

недѣлю-другую выправимъ вамъ такой видъ, по которому вы можете получить и заграничный паспортъ.

На нее нашелъ точно какой столбнякъ. Она все блѣднѣла и блѣднѣла.

Генераль замѣтилъ это и всталъ.

— Вамъ, я вижу, не по себѣ! Не пугайтесь ничего. Позвольте охранять васъ.

Онъ нагнулся, взялъ ея руки и медленно поцѣловалъ два раза. Мурашки гадливости пошли по всему тѣлу Липы.

— Не дальше, какъ завтра, въ это же время, я заверну къ вамъ.

Она даже не сказала ему ничего на прощанье.

XIII.

Лыжину попался дрянной ванька и тащилъ его шагомъ въ гору, черезъ Кузнецкій, на Мясницкую.

Вчера ночью—онъ только что легъ—его разбудилъ телеграфистъ, поднявшійся къ нему самъ, для полученія на чай.

Телеграмма пришла отъ Кострицына.

„Умоляю быть у меня завтра утромъ. Нашу знакомую надо спасать отъ козней ея соперницы“.

Онъ понялъ сразу, что дѣло шло о Днѣпровской и Кумачевой.

Сходя внизъ, онъ хотѣлъ постучаться у Липы, но было еще слишкомъ рано для нея—въ исходѣ девятаго.

Догадывался онъ, что Антонина Борисовна пустила какую-нибудь интригу противъ той, которую считала, вѣроятно, причиной исторіи, разразившейся надъ нею.

Не дальше, какъ вчера, она начала съ нимъ разговоръ, гдѣ стала его слегка допрашивать о Липѣ и ея жизни. Онъ не поддавался и, оставаясь съ ней любезнымъ, далъ ей понять, что наушника она въ немъ не найдетъ.

Между мужемъ и женой онъ не желалъ играть никакой роли. Насколько онъ зналъ исторію — ему поведеніе „самого“ казалось слишкомъ ужъ „купецкимъ“. Нина давала ему понять, что съ Гольцемъ она не въ „связи, что все сводилось къ простому флёрту“.

Она сильно помякла, и ему стало ее вчера жалъ, въ первый разъ, какъ женщину, очутившуюся въ совершенномъ одиночествѣ. Князь—ея родной дядя—видимо уклонялся отъ роли посредника и примирителя, что удивляло Лыжина. Идеалистъ-гегельянецъ долженъ былъ бы пока-

затъ возвышенность своихъ воззрѣній. Князя по цѣлымъ днямъ не было дома. Да если бъ онъ и пожелалъ поговорить съ Ниной о ея „положеніи“—сама Нина считала его ни къ чему негоднымъ и во всякомъ случаѣ имѣла поводъ быть недовольной: вѣдь онъ согласился пойти въ секунданты Кумачева, не предупредилъ ее наканунѣ и пропадалъ передъ тѣмъ на нѣсколько дней, стало, вель себя скорѣе какъ врагъ, чѣмъ какъ другъ.

Подъѣзжая къ квартирѣ Кострицына, — онъ ѣхалъ къ нему въ первый разъ, — Лыжинъ чувствовалъ, что придется дѣйствовать противъ Нины, и ему дѣлалось неловко, — и не отъ того вовсе, что у него слабость, похожая на увлеченіе. Разойдись она съ Кумачевымъ и выйди замужъ за Гольца, даже убѣги она съ нимъ, онъ бы нашелъ, что такъ оно все-таки выходитъ симпатичнѣе: по крайней мѣрѣ, хоть увлеклась, полюбила и не продаетъ себя, безъ любви, въ формѣ законнаго брака съ миллионщикомъ.

Депеша Кострицына давала ему понять, какъ „взвинченъ“ милѣйшій Иванъ Кузьмичъ. Должно-быть и для его натуры скептика, разлагающаго все своей діалектикой, наступилъ кризисъ. Тутъ сильно пахло увлеченіемъ... Кто его знаетъ! быть-можетъ, и настоящей страстью.

Мудреный адресъ далъ Кострицынъ въ депешѣ: „Кривое Колѣно, домъ Полукетова“. Онъ никогда ему не писалъ по городской почтѣ, ни депеши къ нему не посылалъ.

О *Кривомъ Колѣнѣ* Лыжинъ что-то помнилъ, но гдѣ оно — доподлинно не зналъ. Извозчикъ началъ путать и пришлось обратиться къ городовому. Нашлось и Кривое Колѣно.

Кострицынъ жилъ во дворѣ большого дома, во флигелькѣ, гдѣ занималъ нижній этажъ, изъ четырехъ комнатъ. Это была квартира. Онъ держалъ старую женщину; она ему и готовила.

— Пожалуйте, батюшка! — впуская, сказала она Лыжину. — Иванъ Кузьмичъ васъ ждутъ.

Кострицынъ выѣхалъ къ нему въ маленькую залу съ обѣденнымъ столомъ и повелъ его въ кабинетъ, весь уставленный шкапами, съ небогатой отдѣлкой рабочей комнаты учителя.

— Голубчикъ! Спасибо!

Онъ обнялъ Лыжина и усадилъ на клеенчатый диванъ. На немъ, распахнутымъ, сидѣлъ сѣрый драповый халатъ. Видно было, что онъ еще не умывался.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ полушутливо Лыжинъ.

Лицо пріятеля поразило его: оно потемнѣло, глаза были красны и тревожно бѣгали.

— Я бы прилетѣлъ къ тебѣ, друже, но ты живешь въ меблировкѣ... У тебя изъ спальни дверь хоть и заколочена...

— Да что мы... заговорщики, что ли?—перебилъ Лыжинъ, не желая впадать въ тревожный тонъ пріятеля.

— Да, заговорщики!—вскричалъ Кострицынъ и вскопчилъ.—Олимпиаду Дмитріевну надо сегодня же увести и скрыть.

— Отъ кого?

— Дай досказать.

Онъ опять присѣлъ, взялъ Лыжина за обѣ руки и прерывающимся голосомъ началъ ему передавать то, что узналъ отъ нея вчера. Отъ нея онъ поднимался къ Лыжину, но не засталъ его дома и боялся оставить письмо.

— Ты понимаешь?—спросилъ онъ и вздрогнулъ весь.— Ты понимаешь, чѣмъ это пахнетъ? Тотъ сикофантъ въ запасѣ,—онъ говорилъ про Кишкетова,—прямо ей поставилъ дилемму: или, дескать, вы меня осчастливите, или очутитесь кое-гдѣ, ибо въ моихъ рукахъ документки изъ вашего прошлаго, и на этотъ разъ вы не удизнете безнаказанно за границу, какъ было это пять лѣтъ назадъ.

— Пять лѣтъ... этакая старина!

— Давности въ такихъ дѣлахъ, милый другъ Юрій Петровичъ, нѣтъ! Такой злобный сатиръ способенъ на всякую гнусность. Онъ можетъ въ коварствѣ и бездушіи превзойти самого Одиссея, предательски ослѣпившаго одноглазаго Циклопа пылающимъ деревяннымъ коломъ, напоивъ его предварительно зельемъ.

— Ахъ, классикъ, классикъ!

Лыжинъ разсмѣялся.

— Не до шутокъ тутъ, другъ Юрій Петровичъ. Я сейчасъ подумалъ: у Лыжина, навѣрно, найдется такая засада. Онъ знаетъ всякихъ женщинъ... Къ Лидіи Павловнѣ въ усадьбу хорошо бы, но и тамъ есть урядникъ... У меня одно мужское знакомство, холостежь... студенты, учительки...

И, перебивая себя, онъ опять схватилъ Лыжина за обѣ руки и закричалъ:

— Нѣтъ, какова наша великолѣпная Антонина Борисовна? Это—гетера послѣдней формаціи! Ея дѣло! Гене-

радь—ея посланецъ, ея ангель! А?! Ниже такой гнусности ничего быть не можетъ!

И онъ забѣгалъ по кабинету.

Лыжинъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Погоди, однако, Иванъ Кузьмичъ,—остановилъ онъ Кострицына.—Ты разыгрываешь роль спасителя; но для тебя,—онъ протянулъ это слово,—такіе прокурорскіе обвинительные возгласы, по крайней мѣрѣ, непослѣдовательны.

— Это почему?

Кострицынъ остановился и строго посмотрѣлъ на него.

— Какъ почему? Освѣти всю эту бабью исторію твоей философій. Вѣдь ты, братецъ, проповѣдуешь, что цѣль жизни человѣка на землѣ—личность, ея расцвѣтъ, успѣхъ, наслажденіе и ничего больше.

— Развѣ есть теперь время! Побойся Бога!

— Те-те-те! Есть, братъ, всегда время глядѣть чорту въ глаза и быть выше того, что ты самъ считаешь рабствомъ и кислотой, т.-е. признанія разныхъ выдохшихся видовъ жертвы, благородства, гуманности, милосердія. Нина Борисовна желаетъ устранить соперницу—чего же проще? Она боится, что Липа Днѣпровская отниметъ у нея опять того, въ кого она влюбилась. Она и пустила въ ходъ интригу. И по-своему тысячу разъ права! Да и почему мы ей должны менѣе сочувствовать? Хочетъ ли она помириться съ мужемъ или, разведясь съ нимъ, выйти за Гольца—она въ полномъ правѣ достигать счастья всѣми способами.

— Но не подлостью! Не такимъ предательскимъ подвохомъ! Подсылать сикофанта, который вымогаетъ: или будь его любовницей, или держи ухо востро!

Въ Лыжинѣ, начавшемъ съ шутки, разрасталось желаніе поддѣть Кострицына, показать ему, какъ жизнь сверху внизъ переворачиваетъ голыя выкладки разсудка или расходившагося протеста.

— Подлость?—иронически повторилъ онъ.—Нѣтъ, ужъ ты бы объ этомъ помолчалъ, Иванъ Кузьмичъ! А твои герои—Цезарь Борджіа и Иванъ Грозный? Они,—ты скажешь,—только благородно боролись со своими врагами? Ты обмолвился... Сократъ. Ха-ха!

Кострицынъ, блѣдный, съ взъерошенными волосами, подбѣжалъ къ дивану.

— Но развѣ ихъ можно поставить на одну доску?

— Кого? Борджіа и Грознаго?

— Нѣтъ, этихъ двухъ женщинъ! Въ одной, вмѣсто души, одинъ инстинктъ татуировки, какъ у какой-нибудь фиджійки... А въ Олимпіадѣ Дмитріевнѣ...

— Что жъ въ ней-то?—спокойно спросилъ Лыжинъ.—
Добрая барынька, но, между нами, безъ царя въ головѣ. Пѣвицей она не будетъ.

— Ей на сцену надо, въ драму! Въ ней всѣ данныя.

— Иванъ Кузьмичъ! Достопочтенный другъ мой! Да васъ никакъ захлესнулъ нѣкоторый божокъ съ колчаномъ? Вы бы такъ и сказали.

— Грѣхъ, братъ, брызгать струей сарказма! Грѣхъ! — еще горячѣе заговорилъ Кострицынъ, и, опустивши одно колено, онъ сталъ трясти Лыжина и повторять: — Для меня, во имя нашей дружбы, выручи! Рабомъ твоимъ буду, въ кабалу пойду!

— Стало, теории по боку?

— Оставь теории! Тутъ борьба, и мы, становясь на сторону прекрасной женской личности, только помогаемъ ей расцвѣту. Пускай предательницу покараетъ ея сожигатель Захаръ Лукьяновичъ! Ей одного довольно! Да шутъ съ ними! Съ ихъ степенствами! Голубчикъ, Юрій Петровичъ! Выручай!

Кострицынъ началъ его цѣловать и прослезился.

XIV.

Послѣ пріснаго обѣда и кофе, князь Иларіонъ, уйдя въ глубокое кресло, сидѣлъ съ полужакрытыми глазами въ углу второй гостиной дома Кумачевыхъ.

Вдали отъ него, за столикомъ, допивая свои ликеры, развалились на диванѣ и въ двухъ низкихъ кресельцахъ похожій на Донъ-Карлоса Орѣховъ и двое молодыхъ людей: одинъ въ студенческомъ сюртукѣ съ бѣлой подкладкой, другой—въ смокингѣ. Между ними свозило сходство—оба были несомнѣнно купеческой породы; только студентъ ниже ростомъ и толще въ корпусѣ; штатскій поселилнѣе и волосы у него уже рѣдѣли на лбу.

Князь не дремалъ. Онъ думалъ на цѣлый рядъ не-пріятныхъ для него темъ. Въ ушахъ его, оставшихся очень чуткими, гудѣлъ разговоръ у столика.

Надо ему убраться во-свояси!

За послѣднія двѣ недѣли онъ чувствовалъ себя безъ всякой душевной „амплитуды“. Не легко было встрѣтить вездѣ—и у молодыхъ людей, въ родѣ Кострицына и его

пріятелей-студентовъ, и у младшаго сверстника, Цыбашева — такое отрицательное отношеніе къ тому, что онъ унесетъ въ могилу, какъ высшую мудрость.

И, рядомъ съ этимъ, здѣсь, въ домѣ родной племянницы, онъ очутился въ роли, которая кажется ему если не „подлой“, то довольно-таки двойственной.

А между тѣмъ никакой двойственности онъ себѣ не позволилъ, съ той минуты, когда увидалъ, какъ Нина обняла, въ дверяхъ гостиной, барона Гольца. Онъ уѣхалъ, на цѣлыхъ три дня, не желая вмѣшиваться, не по уклончивости, а въ силу всѣхъ своихъ правилъ и нравственныхъ навыковъ.

Если это страсть, хоть онъ и абсолютно противъ развода, — навязывать онъ ничего не можетъ. Пользоваться авторитетомъ старшаго родного — тоже не въ его правилахъ. Во всю свою жизнь онъ признавалъ и освящалъ „абсолютную свободу духа“.

Онъ ждалъ, что все это можетъ разрѣшиться по закону антиноміи: тезисъ, антитезисъ, синтезисъ. И противорѣчіе будетъ „снято“. Можетъ-быть, оно и теперь идетъ такъ между супругами.

Мужъ Нины обратился къ нему умно и съ достоинствомъ, не жаловался на невѣрную жену, а сказалъ, приглашая его быть свидѣтелемъ дуэли, что поручаетъ ему племянницу, на случай своей смерти. Всякое насиліе, кровь, война или дуэль еще признаки варварской культуры; но принципиально нельзя ихъ отрицать, когда они проявляютъ собою, хоть и въ дисгармонической формѣ, подѣмъ самыхъ благородныхъ свойствъ возмущенной души... Мужъ защищаетъ честь свою, своей подруги, своего очага, имени дѣтей своихъ.

Онъ надѣялся, что тотчасъ послѣ дуэли Нина сама чистосердечно во всемъ повинится мужу. Что-то не похоже на настоящее примиреніе. Снаружи все прилично; по „огонь супружескаго очага“ готовъ померкнуть. Оба выдерживаютъ характеръ. И поведеніе мужа гораздо достойнѣе, для него самого, по крайней мѣрѣ. Мужъ, видимо, хочетъ довести ее до того, что она почувствуетъ его характеръ и права.

Служить между ними посредникомъ онъ можетъ тогда только, если кто-нибудь изъ нихъ обратится къ нему. Разъ душа Нины до сихъ поръ „омрачена“ чувственнымъ влеченіемъ къ другому мужчине, зачѣмъ помогать чисто

внѣшнему сближенію, до тѣхъ поръ, пока правда супружескаго союза во „временномъ омраченіи“?

Однако, продолжать жить у нихъ некрасиво. Онъ сегодня за обѣдомъ самъ себѣ сталъ гадою.

Кумачевъ держится теперь какъ истый купецъ, показывающій своей „супружницѣ“, что она для него больше не царица, какой еще недавно была. И въ гостиной, и въ столовой, и у себя въ кабинетѣ онъ полный хозяинъ. Сегодня на обѣдъ пригласилъ онъ, кромѣ Эсаулова,—да и тотъ съ нимъ любезнѣе, чѣмъ съ Ниной,—своихъ двухъ кузинъ съ ихъ сыновьями. Обѣ всѣмъ извѣстны по Москвѣ своей широкой жизнью. Одни ихъ имена и отчества чего стоятъ въ фашенебельномъ салонѣ Нины: Меланья и Соломонида Давыдовны. Игрокъ Спѣшановъ засѣлъ съ Захаромъ Лукьяновичемъ внизу въ тысячный „безикъ“, тотчасъ послѣ обѣда. Теперь Нина у себя должна занимать обѣихъ купчихъ. Какъ она ни виновата,—онъ не былъ увѣренъ, отдалась ли она барону,—все-таки ея положеніе дѣлается унижительно: точно ее въ домѣ только терпятъ.

Она вѣдь дочь его покойнаго брата, и онъ обязанъ ее направить, освѣтить ей то „распутіе“, на которомъ она очутилась.

Князю дѣлалось все жутче.

Чтобы уйти немного отъ своихъ мыслей, онъ сталъ прислушиваться къ разговору.

Толстенькій, краснощекій студентъ былъ сынъ Меланьи Давыдовны Визяевой; штатскій—сынъ ея сестры, Соломонида Давыдовна Пересоловой. По пуговицамъ студента князь, сидѣвшій съ нимъ рядомъ за обѣдомъ, узналъ въ немъ мѣстнаго лиценста. Судя по разговору, и его родственникъ вышелъ изъ того же заведенія.

Орѣховъ, при полномъ безденежѣ, не пошелъ въ кабинетъ хозяина, гдѣ непременно бы увлекся игрой; а на мѣлокъ играть стыдился. Онъ оживленно разговаривалъ съ молодыми людьми.

До слуха князя, все еще сидѣвшаго въ своемъ углу, съ полускрытыми глазами, стали доходить обрывки фразъ и восклицанія. Всѣ трое собесѣдниковъ были любители спорта.

Жирный и раскатистый голосъ студента Визяева преобладалъ.

— Нѣтъ, братъ,—возражалъ онъ Пересолову.—Только

и можно положиться, что на Воронкова. Это настоящий трепёръ.

— Какъ сказать!—скептически откликнулся Орѣховъ.

— Вы переберите только лошадей. Первымъ дѣломъ: „Кражъ-Быстрый“... Или опять: „Услада“, „Фарсёръ“, „Работа“, „Бережливая“, „Первыня“...

„Господи!—вдругъ воскликнулъ про себя князь,—неужели это студентъ? Да еще, быть-можетъ, словесникъ, который обязанъ знать, когда надъ горизонтомъ мышленія взошла звѣзда великаго берлинскаго учителя, разрѣшившаго задачу бытія“.

— „Первыня“ своя,—перебилъ Пересоловъ,—точно, хорошо принимаетъ: только на послѣдней четвертушкѣ всегда у ней пренепріятный перехватъ. А помнишь, послѣ Крещенья, она шла совсѣмъ тупо, съ плохимъ сбоемъ и на одну вожжу залегла.

— Никогда не залегла!—задорно и звукомъ настоящаго заводчика крикнулъ студентъ.—Никогда не залегла! Она вѣрнѣе ходомъ твоего прославленнаго „Укора“.

— „Укоръ“—лошадь съ пространнымъ ходомъ,—мягко замѣтилъ Орѣховъ и щелкнулъ языкомъ.—Да и чистота кровей кака!

„Чистота кровей“, — повторилъ князь, раскрылъ глаза и повернулся въ ихъ сторону.

— Да, вопросъ сочетанія кровей—это цѣлая теорія,—выговорилъ важно Пересоловъ.—Возьми ты хоть „Банкиренка“.

— Ну, и что жъ?—наскочилъ на него студентъ.

— Какъ, что? Высокій поставъ! Правда, длина рычаговъ нѣсколько мала. Но какая грандіозная линия верха!

Разомъ всѣ трое заспорили.

И чувствовалось, что для нихъ это только и есть настоящая жизнь. Самыя имена лошадей произносились ими любовно, особенно женскія: „Лада“, „Молнія“, „Работа“, „Зарѣза“, „Наина“...

Студентъ, въ жару спора, отрѣзалъ своему кузену:

— Да что ты, Кузя, толкуешь! Я самъ на ней проигралъ до трехъ тысячъ... А ты со своими глупостями. Я тебѣ говорю: плохой сбой, нигуда негодный.

И, обращаясь къ Орѣхову, онъ продолжалъ:

— Развѣ вы не помните?.. Мы еще съ вами стояли у барьера. Я вамъ говорю: „смотрите, она разодолжитъ всѣхъ, кто за нее держалъ; лошадь разлаживается“. Ходъ

тупой, тупой, тупой! — вскрикнулъ онъ и повернулся на каблукѣ.

— Ну, нѣтъ! Можетъ, тамъ, въ перебѣжкѣ и въ перехватѣ — я не спорю. Случается, залегаетъ на одну вожжу. Но какой поставъ! Какой поставъ! Верхняя линія — просто влюбиться можно.

Смутно, изъ того времени, когда и ему достался конскій заводъ, припоминалъ князь охотничьи термины. Нѣкоторые совсѣмъ забылъ.

Въ ухо ему, то и дѣло, врывались слова и возгласы: „заѣздъ“, „перебѣжка“, „удружилъ“, „какъ оконченный, былъ оставленъ“, „проминка“.

Онъ вспомнилъ недавній вечеръ съ диспутомъ, на Садовой. Тамъ были тоже студенты. Тѣмъ онъ изливалъ свою душу, хотя, быть-можетъ, и всеу...

Споръ вдругъ сразу пресѣкъся; точно они предавались спорту только до извѣстной минуты.

Говорили уже о какой-то „грандіозной“ свадьбѣ. Князь понялъ, что вѣнчался студентъ, товарищъ Бизяева.

— По сколько шаферовъ? — спросилъ Орѣховъ.

— По шести штукъ съ каждой стороны.

— А цвѣтовъ на сколько?

— Тысячи на двѣ.

— Ну, и самъ Прокустовъ провозгласилъ многолѣтіе.

— Чтѣ ему за это отвалили?

— Три радужныя! Я думалъ, — воскликнулъ студентъ, — или утроба его лопнетъ, или университетская церковь рухнетъ.

Всѣ громко разсмѣялись.

Черезъ пять минутъ разговоръ перешелъ на университетъ. У обоихъ — и у студента, и у его родственника, вышедшаго изъ одного заведенія, — сейчасъ же зазвучала какая-то особенная нота, когда они заговорили о своихъ товарищахъ „простецахъ“, не учившихся тамъ, гдѣ они имѣютъ счастье учиться или окончили курсъ.

Бизяевъ былъ словесникъ и сталъ прохаживаться въ шутиливо-злбномъ тонѣ насчетъ нѣкоторыхъ профессоровъ.

— И ты на „семинаріи“ ходишь, Мити? — спросилъ его Пересоловъ.

— Реферать, братъ, намереніи соорудить. Знаешь, меня взорвало! Тѣ, лохматые, важничаютъ! Точно будто мы тоже не умѣемъ вычитать, чтѣ нужно, въ первоисточникахъ? Вотъ я и предложилъ господину либеральному за-

щитнику прогресса тѣмъ насчетъ связи между процвѣтаніемъ наукъ и искусствъ и сильнымъ кулакомъ. Эпоху Перикла взялъ. И эпиграфъ выбралъ изъ Платона. Помнишь? — спросилъ онъ звукомъ бывалаго гимназиста, — мы еще зубрили въ синтаксисѣ изреченіе: *Тѣмъ какѣмъ азъ дѣй коладзейнъ ѿна амэймонъ?*

— Ловко! — взвизгнулъ Кузя Пересоловъ.

— Что же эта тарабарщина значить? — смѣшливо окликнулъ Орѣховъ.

— „Нужна всегда лупка для исправленія гнуснеца!“ — перевелъ по-своему студентъ.

Опять всѣ закатились смѣхомъ.

„Периклъ... Платонъ... — смущенно повторялъ про себя князь. — Платонъ — великій предшественникъ моего учителя! Жеребецъ „Фарсѣръ“! Кобыла „Лада“! Вопросъ сочетанія лошадиныхъ кровей!“

XV.

Насилу поднялись обѣ купчихи — кузины Захара Лукьяновича.

Бизьева — еще очень моложавая, маленькаго роста брюнетка, съ измятымъ румянымъ лицомъ и блестящими глазами — за обѣдомъ пила много и громко, шепеляво говорила, точно она дѣйствительно „у своихъ“. Туалетъ на ней сидѣлъ ловко, очень богатый, много брильянтовъ. Это кольнуло Нину, въ первый разъ, еще за обѣдомъ.

Сестра ея, Соломонида Давыдовна Пересолова, по-старше лѣтами, худая, вся въ кружевахъ свѣтлаго платья, носила лорнетъ на дворянскій ладъ. Она считалась страстной вагнеристкой.

Нина проводила ихъ до дверей гостиной.

— Митя! Митя! — окликнула Бизьева сына-студента. — Пора, пора! Засиживаться не полагается.

Говоръ у нея былъ совсѣмъ „рядскій“. Она точно сыпала горохъ низкимъ, бабьимъ голосомъ, отъ котораго Нину все время поводило, и за обѣдомъ, и у себя.

— Все у братцевъ споры, — чопорно замѣтила Пересолова, отличавшаяся тонкостью обращенія. — Навѣрно о лошадяхъ. Мой Кузя считаетъ себя знатокомъ, а ничего-то не понимаетъ.

Кузины были уже одни — Орѣховъ не утерпѣлъ, спустился поглядѣть игру, и опять тѣ заспорили о „бровяхъ“ какого-то „Батыя“

— Маменька,—обратился дурачливо Кузя къ Нинѣ,— все изъ меня вагнериста желаютъ соорудить, а для меня это горше, чѣмъ отбывать воинскую повинность.

Нина стояла заходѣлая, усталая, съ поблѣкшими глазами, и на ея лицѣ было написано: „Господи! Когда всѣ эти уроды уберутся?“

Они убрались, наконецъ, и въ ея кабинетѣ остался одинъ Эсауловъ. Дяди она не замѣтила въ темноватомъ углу второй гостиной, когда провожала своихъ „кузинъ“.

Ее душило отъ всего этого разночинскаго родства, отъ разговоровъ, смѣха, тона, отъ сознанія своей жалкой, унижительной роли. Захаръ Лукьяновичъ продолжалъ вести свою „линію“ и держать себя какъ хозяинъ дома, не желающій нимало стѣсняться тѣмъ, что его супруга— „рожденная“ княжна Жеребьева-Зарайская.

Эсауловъ сталъ съ ней прощаться.

— Вы, кажется, совсѣмъ разомлѣли отъ всего этого... монда, — выговорилъ онъ безглаголиво, и его некрасивые глаза точно договорили остальное: „ты, молъ, милая, попрыгаешь-попрыгаешь, да и позъмешься за умъ — мени выберешь въ постоянные друзья; я тебя не впутаю въ скандальную исторію“.

— Vous savez, — вскричала она и зло на него поглядѣла, — vous êtes infecte... ma parole d'honneur!

Онъ пожалъ плечами и проговорилъ, отвѣщая превеличенный поклонъ на французскій манеръ:

— Madame a ses nerfs!

Нина готова была броситься на расшитыя подушки дивана съ балдахинномъ и разрыдаться.

Такъ дальше идти нельзя! Лучше сбѣжать внизъ, забрать дѣтей и увести ихъ туда, въ „Дрезденъ“, гдѣ живетъ ея „дѣда“—этотъ глупый и деревянный баронъ, и потребовать отъ него—нужды нѣтъ, что онъ боленъ—высказаться такъ или иначе.

И тотчасъ же все безуміе такого поступка представилось ей.

Идти на новый срамъ?! Видно, мало того, что она пережила около его кровати? Довольно и того, что та актриса на всю Москву чернить ее. Ну, ее вышлютъ изъ города — генералъ Кишкетовъ взялся за это дѣло, но что она выиграетъ?

Не сидѣлось ей. Она пошла разбитой походкой, съ опущенной головой.

Во второй гостиной кто-то громко дышалъ. Она разглядѣла князя; онъ задремалъ, вытянувъ по ковру огромныя ноги. Голова его покоилась на низкой спинкѣ обширнаго кресла.

Злость ее разобрала на эту „старую лису“. Гостить у нея и, зная, каково ей теперь, поддѣлывается къ „купчишкамъ“. Былъ секундантомъ у мужа и теперь играетъ роль наемнаго генерала на купеческихъ свадьбахъ. Захаръ Лукьяновичъ всѣмъ показываетъ: „вотъ-де, родной дядя моей провинившейся жёнушки мою руку держитъ и ко мнѣ—съ полнымъ уваженіемъ.“

Нина подошла къ креслу и окликнула строго:

— Mon oncle!

— Чтò, чтò такое?—пробормоталъ онъ спросонья.

— Vous faites un somme?

— Pardon, ma chère.

Князю было непріятно, что его застали, спящимъ: признавъ дряхлости онъ не хотѣлъ показывать никогда и нигдѣ.

Нина присѣла къ нему.

— Послушайте, дядя, — заговорила она по-русски, чтò у ней выходило въ тѣхъ случаяхъ, когда другіе прибѣгаютъ къ иностранному языку,—такъ дальше это идти не можетъ.

— Чтò такое, мой другъ?

— Неужели вы считаете меня идіоткой? Вамъ все извѣстно, и вы держитесь въ сторонѣ, точно будто меня тутъ нѣтъ... меня, вашей племянницы. Вы—человѣкъ съ такими высокими идеями и чувствами!..

— Ты о чемъ? — спросилъ князь и выпрямился. — О томъ, чтò вышло?

Онъ затруднился продолжать.

— Какъ будто вы не знаете... когда я убѣждена, что вы были его секундантомъ.

Нина кивнула головой по направленію двери на площадку.

— Былъ,—густымъ басомъ пустилъ князь.

— А я вамъ чужая?

— Нѣтъ, мой другъ! Но я не могу и вмѣшиваться. Ты должна это понять.

— Вы могли, — заговорила стремительно Нина и приблизилась къ нему свой стулъ, — вы могли предупредить эту глупую дуэль. Вы, какъ князь Жеребьевъ, мой дядя,

должны были просто пугнуть Захара Лукьяновича, потребовать у него доказательствъ, что онъ имѣетъ поводъ защищать свою честь... ха-ха! И онъ бы потерпѣлъ фіаско. Потому что ничего нѣтъ, слышите вы, ничего нѣтъ!

Князь медленно повелъ глазами, глядя на нее вбокъ.

— Ничего нѣтъ? — повторилъ онъ и тряхнулъ слегка своей серебристой гривой.

— *Puisque je vous le dis!*—крикнула Нина.

— Есть, мой другъ, такая заповѣдь: „не свидѣтельствуй ложно“.

И, наклонившись къ ней ниже, онъ выговорилъ вполголоса:

— *Ce que j'ai vu de mes propres yeux, ce n'était pas un mirage, je pense?*

Головой онъ указалъ на дверь, и Нина безъ словъ поняла, что онъ видѣлъ, какъ она прильнула къ груди Гольца.

— *Par conséquent!* — тихо вымолвилъ князь и правой рукой выразительно провелъ по воздуху.

Но она не смутилась.

— *C'était un simple flirt...*

— Какъ ты сказала? *Flirt*? Да, вы теперь такъ зовете любовь въ сухую, по-американски?.. Милая моя!.. Въ нашихъ мѣстахъ дѣвки до замужства живутъ на волѣ... На посидѣлки ходятъ съ парнями... И правы у нихъ весьма свободные. Народъ смотреть на это по-своему. Случится, что дѣвица и понесетъ плодъ. На нее это не ложится пятномъ. Берутъ и съ приплодомъ.

„*Quel viel idiot!*“—выбранилась Нина про себя.

— Я это къ тому говорю тебѣ, Нина, что въ дѣвицахъ законно пользоваться свободой выбора. Извини меня... Вышла ты замужъ уже подлѣточкомъ, по доброй волѣ. Мужъ твой—молодецъ, натура цѣльная. Въ дворянскомъ быту немного найдешь такихъ. И я радовался. Нужды нѣтъ, что я—Жеребьевъ-Зарайскій. Я вѣрилъ тому, что ты своей породой, красотой, образованіемъ и женскимъ изяществомъ внесешь высшую идею въ такой союзъ. А вышло совсѣмъ не такъ.

— Мнѣ нужна ваша поддержка,—остановила его Нина и чуть не добавила: „а не пустыя правоученія“.

— Какъ говорить тебѣ твое сердце, такъ и поступай! Виновата ты серьезно—ты понимаешь какъ—или только въ видѣ флѣрта—по твоей модной номенклатурѣ—исходъ

одинъ: полная искренность. Неужели это такъ трудно? Чего же ты ждешь? Развѣ твой мужъ долженъ просить у тебя прощенія?

— А то вѣтъ? — живо спросила Нина и поднялась со стула. — И такая азіатская хитрость! Все подъ шумокъ! Осрамить жену на весь городъ!

— Погоди, милая! — князь поднялъ тонъ. — Никто насъ не можетъ осрамить, если мы сами вѣрны тому, что для насъ свѣтъ и правда, въ чемъ идея нашего бытія. — Онъ сдѣлалъ жестъ указательнымъ пальцемъ. — Но въ томъ-то и видно духовное вырожденіе нашего сословія, въ этомъ всеобщемъ паденіи всякаго основаначала. Печально и больно видѣть, что и нашъ родъ, вмѣсто выполненія своей, завѣщанной Богомъ, задачи: вести народъ къ просвѣтленію ума и воли, все глубже и глубже погружается въ тину себялюбивой косности.

— Довольно, дядя! — не вытерпѣла Нина. — Я не того отъ васъ жду.

— Чего же тебѣ угодно? Хочешь ты, чтобы я предстательствовалъ за тебя передъ твоимъ мужемъ?

— Онъ мнѣ ни слова до сихъ поръ не говоритъ. Изводитъ своимъ молчаніемъ.

— Тѣмъ паче! Да и то, другъ мой, не по уклончивости старика я бы не взялъ на себя роли примирителя. Женщина сама должна все просвѣтлять силою своей любви и духовнаго благообразія. Желаю, чтобы и то, и другое въ тебѣ проявилось... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я вижу, что зажился у васъ. Мнѣ пора домой. Можетъ-быть, мы съ тобой въ послѣдній разъ видимся, такъ утѣшь меня передъ отъѣздомъ.

Князь протянулъ къ ней руки. Нина не бросилась къ нему на шею. Она отошла къ одному изъ дивановъ и сѣла въ напряженной позѣ.

„Красота — сіяющее добро!“ — повторялъ князь, сходя съ лѣстницы и съ горечью думая, какъ въ его племянницѣ и то, и другое враждуютъ между собою. Онъ считалъ, вмѣстѣ со многими, слова эти за подлинное изреченіе Платона, и еще болѣе огорчился бы, если бы узналъ, что великій идеалистъ врядъ ли когда произносилъ ихъ.

XVI

Вечеромъ того же дня, когда Лыжинъ былъ вызванъ къ Кострицыну, часу въ седьмомъ онъ доѣхалъ до Цвѣтного бульвара и повернулъ въ переулочъ, шедшій въ гору.

Онъ всматривался внимательно въ деревянные домики по лѣвую руку. Вотъ и садикъ, и домъ, и антресоль въ шесть оконъ по фасаду, съ крутой старинной крышей.

Снѣгъ высоко залегъ передъ воротами. Видно было, что давнымъ-давно никто не въѣзжалъ во дворъ. Къ калиткѣ протянулась чуть замѣтная тропа.

Переступивъ черезъ дощатую перекладину калитки, Лыжинъ поднялся на крылечко, все въ снѣгу. Изъ оконъ передней виднѣлся свѣтъ.

Онъ позвонилъ и довольно долго ждалъ.

Отворила горничная, и въ темнотѣ узенькихъ сѣней Лыжинъ не могъ ее разглядѣть.

— Наталья Николаевна у себя?

Горничная не сразу отвѣтила.

— Мнѣ очень нужно, — выговорилъ Лыжинъ, запахиваясь въ ергаки: онъ его опять надѣлъ, отправляясь въ „экспедицію“.

— Сию минуту... Какъ о васъ доложить?

— Лыжинъ, Юрій Петровичъ.

Горничная побѣжала, оставивъ дверь незапертой. На дворѣ стоялъ порядочный морозъ, и Лыжинъ защищалъ лицо воротникомъ ергака.

Больше двухъ лѣтъ не бывалъ онъ здѣсь, у Натальи Николаевны Шатилиной. Онъ зналъ ее еще дѣвушкой. Одно время она ему правила, когда осталась сиротой, вотъ въ этомъ наследственномъ домикѣ, съ капиталцемъ, на полной свободѣ. Только тогда она казалась ему еще слишкомъ юной. Уѣзжалъ онъ надолго изъ Москвы, и когда вернулся—нашелъ ее уже замужемъ и матерью двухъ дѣтей. Мужъ оказался изъ кавалерійскихъ офицеровъ, бросившихъ службу, красивый, щеголеватый. Тогда она еще увлекалась его глазами и пріятнымъ характеромъ. Онъ пустился въ какія-то мелкія аферы на ея деньги, много въѣзжалъ, покучивалъ, игралъ, что до нея начало уже доходить.

Въ послѣдній разъ Лыжинъ нашелъ Шатилину одну. Мужъ уѣхалъ на нижегородскую ярмарку, будто бы какъ агентъ какой-то фирмы. Въ ея тонѣ уже сквозило при-

ближеніе той минуты, когда она проснется—увидить, съ кѣмъ она связала свою судьбу. Домъ былъ заложенъ, капиталъ наполовину ушелъ на платежи его старыхъ холостыхъ долговъ. Лыжину стало ее до боли жаль, но онъ воздержался отъ роли утѣшителя. И опять упустилъ ее изъ виду.

— Пожалуйте! — пропѣла горничная, явившаяся уже со свѣчей въ рукѣ.

Пришлось сильно обивать свои боты, войдя въ тѣсную переднюю, гдѣ все было по-старому, только вѣшалка стояла пустая.

— Наталья Николаевна сейчасъ придуть... Въ гостиную пожалуйте.

И горничная торопливо и неумѣло начала зажигать лампу.

Лыжинъ сейчасъ же почувствовалъ, что въ комнатахъ холодно. Отдѣлка гостипой когда-то была хороша: мебель, много растений; стоялъ рояль, этажерка съ вещами. Теперь одинъ уголъ напоминалъ прежнее время, да и въ немъ матерія на диванѣ и креслахъ выгорѣла. Рояль исчезъ, также и растенія. Ковра тоже не было. Все смотрѣло точно наканунѣ переѣзда.

— Юрій Петровичъ? Вы ли это?

Они пожимали другъ другу руки посрединѣ кочкаты. Лыжинъ оглядывалъ ее, улыбаясь.

Все то же милое лицо съ голубыми глазами, правда, уже не съ такой прозрачной кожей и нѣжнымъ румянцемъ, прядь каштановыхъ волосъ, не поддающаяся щеткѣ, брови нервно приподнимаются, какъ и прежде, тонкій носъ, родимое пятнышко около лѣваго уха и бѣлая шея съ округленнымъ подбородкомъ.

Въ бюстѣ она пополнѣла. На ней была накинута вязаная темная косынка. Ни прическа, ни туалетъ не показывали прежнихъ привычекъ, когда она жила барыней.

— Позвольте васъ оглядѣть, — сказалъ Лыжинъ, не выпуская ея руки.

— Что на меня смотрѣты!.. Я уже старуха!

— Присядемъ къ лампѣ, я тогда и скажу, правда ли это.

— Нѣтъ, здѣсь ужасная стужа. Пойдемте въ столовую, я васъ и чаемъ угощу. Пройдемте передней. Тѣ комнаты,—она указала на дверь,—стоятъ пустые, и я ихъ не топлю. Сплю наверху, съ дѣтьми.

Все это она сказала ему, точно онъ уже знаетъ, какъ она теперь живетъ.

Спросить о мужѣ онъ затруднился, что-то подозрѣвая.

Въ столовой, небольшой четырехугольной комнатѣ съ буфетомъ, висячая лампа давала сильный свѣтъ.

— Вотъ сюда, Юрій Петровичъ! Груша, давай поскорѣе самоваръ!

— Забылъ я васъ, это точно, Наталья Николаевна, — началъ Лыжинъ. — Но видите, вспомнилъ — и когда? Когда къ вамъ пришлось обратиться, къ вашей хорошей душѣ.

Въ глазахъ ея промелькнула тревога.

— Помочь, кому?.. — спросила она. — Только не деньгами, голубчикъ, не деньгами. Я вѣдь теперь...

И она добавила жестомъ.

— Да вы, я вижу, — продолжала Шатилина, заваривая чай, — ничего не знаете обо мнѣ?

— Каюсь. Ничего! — кротко и полуплутиливо вымолвилъ Лыжинъ.

— Вѣдь я вотъ уже годъ какъ соломенная вдова.

— Какъ такъ?

Знакомымъ Лыжину движеніемъ одна ея бровь поднялась и губы сложились въ двойственную усмѣшку.

— Такъ! Мой мужъ уѣхалъ... искать счастья. Куда — я не знаю. Кажется, въ Среднюю Азію. Онъ уже больше полугода ничего не пишетъ.

Черезъ десять минутъ Лыжинъ зналъ повѣсть ея супружества. Она говорила безъ раздраженія, въ грустномъ тонѣ. Ей было совѣстно, до сихъ поръ, за человѣка, увлекашаго ее, такую умную, чуткую, хорошо учившуюся, начитанную, съ прекрасными задатками.

Безпутство мужа сразу обважилось передъ нею: долги, любовницы, исторіи въ клубахъ и съ разными темными личностями. Домъ пришлось перезаложить, изъ капитала все ушло на уплату по векселямъ.

— И вотъ я осталась одна съ дѣтьми, безъ копейки, только съ долгами. Воспитали барышней меня, хотя и съ идеями, милый Юрій Петровичъ. Туда-сюда! Какая же можетъ быть поддержка, если не искать ея въ чемъ-нибудь темномъ? Что жъ! Я не растерялась. Стала учиться... ремеслу... да! И вотъ я хозяйка цѣлаго заведенія... Хотите, покажу? У меня восемь мастерницъ, тамъ, во флигелѣ. Цѣлые дни я или надзираю, или ѣзжу по заказчикамъ работы, по магазинамъ и по поставщикамъ товара, кото-

рый намъ нуженъ. Тяжело, но кусокъ хлѣба есть... Только домъ меня сокрушаетъ. Платить проценты слишкомъ тяжело. Продать его необходимо.

— А дѣти ваши?—спросилъ Лыжинъ, тронутый ея разсказомъ.

— Они тамъ, наверху. Оба больны. Боюсь—не корь ли... Ничего! Они у меня хорошія дѣти, хоть и великіе шалуны.

— И заведеніе у васъ... цѣлое?

— Вы точно не довѣряете. Хотите взглянуть? Вамъ будетъ забавно.

— Почему же забавно? Вы—молодецъ!

— Знаете, Лыжинъ, мнѣ казалось всегда, что я—великая демократка. А какъ стала я возиться съ рабочимъ людомъ, со всѣми этими Оенями и Парашами, и убѣдилась, что мы ихъ, въ сущности, за людей не считаемъ, даже и самые либеральные изъ насъ. Такъ хотите пойти?

— Пойдемте!

— Накиньте шубу!.. Мы можемъ пройти черезъ парадное крыльцо.

Ночь стояла звѣздная и морозный вѣтеръ ударилъ въ лицо Лыжина. Наталья Николаевна выбѣжала первая на крыльцо, какъ была, даже не накинувъ на себя платка.

— Голубушка! Какъ же вы это?—почти испуганно вскричалъ Лыжинъ, остановивъ ее за руки.

— А что? Я такъ по десяти разъ на дню бѣгаю.

— Даже безъ калошъ?

— Какія тутъ калоши!

Въ тѣсномъ флигелѣ, въ трехъ комнатахъ, помѣщалась мастерская.

Спертый воздухъ обдалъ Лыжина, когда онъ, нагибаясь, вошелъ въ первую комнату. Тутъ же стояли и кровати работницъ. Двѣ дѣвочки-подростки, въ свѣтѣ дешевой висячей лампы, сидѣли за работой, у стола. Въ средней комнатѣ—побольше—еще пять-шесть дѣвушекъ, производя на своихъ машинахъ несмолкаемый шумъ.

Лыжинъ остановился у дверей, немного смущенный.

— Вотъ, — обратилась Шатилина къ дѣвушкамъ, — на работу вашу хотятъ взглянуть.

Всѣ были молодыя; одна только съ поблекшимъ лицомъ и красными глазами—уже подъ сорокъ лѣтъ. Сит-

цѣвыя блузы, подержанныя кофточки, двѣ-три смѣшныхъ прически съ лохматыми головами и руки, руки съ красными и нечистоплотными пальцами, замелькали передъ нимъ. Онъ подошелъ къ одной изъ работницъ и спросилъ, сколько она штукъ фуфасъ сработаетъ въ день.

Остальныя переглянулись между собою и смѣшливо взглядывали потомъ на него.

Наталья Николаевна въ третьей комнатѣ кому-то сдѣлала выговоръ дѣловымъ, но мягкимъ тономъ.

Когда они вернулись въ столовую, Лыжинъ присѣлъ опять къ самовару.

— Въ васъ много истиннаго мужества. Можетъ-быть и другого рода смѣлость найдется.

— Какаѣ, голубчикъ?

Онъ ей въ двухъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Спрятать надо эту особу?

— Да!

— У меня можно бы, но ей буквально негдѣ спать; развѣ въ гостиной на диванѣ. Остальныя комнаты у меня пустыя, мебель вся продана... Пойдите!.. Нашла!

Она возбужденно прошла по столовой.

— Нашли?

— Къ моей пріятельницѣ—женщинѣ-врачу. Туда... въ въ тѣ край, гдѣ Дѣвичье Поле. Она найдетъ и сдѣлаетъ. Особенно—у такого генерала вырвать изъ когтей!.. Сла-собо, Юрій Петровичъ, что вспомнили обо мнѣ.

Лыжинъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ей руку.

XVII.

Молодой смѣхъ раздавался по аллеѣ, среди полной вечерней тишины. Блѣдный матовый свѣтъ изъ-за облака лежалъ на нетронутой пеленѣ снѣга, вправо и влево отъ дороги.

Это было въ окрестностяхъ Дѣвичьяго Поля, за Zubовскимъ бульваромъ.

На облучкѣ сидѣлъ, спиной къ лошади, студентъ Шипилинъ, молодецки заломивъ старую фуражку назадъ, и еле держался на отвѣсѣ.

Въ саняхъ жались одна къ другой Божейрина и Мушина, въ башлыкахъ и шапочкахъ.

Разговоръ у нихъ шелъ со взрывами смѣха. Всѣмъ троимъ было „нестерпимо“ весело. Они вчера перевозили

въ эти края Липу, ночью, на четырехъ парныхъ извозчикахъ, взятыхъ у нѣмецкаго клуба.

Она выписалась, въ своей „меблировкѣ“, въ отъѣздъ, по курской дорогѣ, и теперь она въ безопасномъ мѣстѣ, у женщины-врача, по фамиліи Грунтъ, пріятельницы Натальи Николаевны Шатилиной. Лыжинъ, Кострицынъ и Воденягинъ составляли охрану; Шипилинъ ѣхалъ впереди съ Божеяриной.

Сегодня у нихъ тамъ вечеринка. Все свой народъ. Кажется, и Шатилина будетъ; они всѣ разомъ очень ее полюбили.

Грунтъ занимала нижній этажъ особняка, совсѣмъ на пустырь. Наверху — ясли, устроенныя по ея же мысли. Наверху Липа и будетъ, въ особой комнатѣ, спать, послѣ того, какъ дѣтей всѣхъ заберутъ, подъ вечеръ.

Дѣвочки везли на новоселье пирогъ отъ Филиппова и держали обѣ круглую картонку въ салфеткѣ. И вчера, и сегодня ихъ и студента подмывало особое чувство чего-то тайнаго и немножко опаснаго — для себя и для того, кого они „спасали“. Ихъ всѣхъ одинаково возмущала и „гнусность“ генерала. Божеярина, какъ болѣе смѣлая, строгая, уже нѣсколько разъ повторила вчера и сегодня:

— Ну, достался бы мнѣ такой генералъ, — я бы ему показала!

Онѣ знали, что Шипилинъ — бывалый, испытанный человекъ.

Мухина наивно разспрашивала его, когда они очутились въ „пустынныхъ“ мѣстахъ, про его сидѣнье въ Бутыркахъ.

— Лихіе дни были, — говорилъ студентъ.

— Хоть еще посидѣть? — полунасмѣшливо подсказала Божеярина.

— Пожалуй! Хоть въ ту же пору!

Обѣимъ онъ все сильнѣе нравился. У Кати, влюбчивой и наивной, всегда былъ романъ съ какимъ-нибудь товарищемъ-ученикомъ, даже по два разомъ — одинъ „восходящій“, другой „нисходящій“. Лея держала себя строго съ мужчинами и считала себя выше ихъ по уму и таланту. Такимъ студентомъ можетъ увлечься и она, но не раньше, чѣмъ будетъ на сценѣ и составить себѣ имя. Тогда и онъ кончитъ курсъ. Кандидату нечего важничать передъ настоящей артисткой съ репутаціей. А пока она къ нему благоволила съ отъѣздомъ шутки, способна была

пройтись слегка и насчетъ его умѣнья выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ.

Но сегодня они составляли дружескій союзъ, охваченные симпатіей къ Олимпіадѣ Дмитріевнѣ.

— Стойте!—крикнула Катя Мухина.—Мы никакъ проѣхали переулокъ.

Шипилинъ бойко оглянулся.

— Нѣтъ! Такъ! Такъ! Второй поворотъ вправо и третій домъ!—приказалъ онъ извозчику.

Онъ нарочно остановилъ за два дома до того особняка, гдѣ „хоронили“ Липу. Во всѣхъ этихъ пріемахъ видно было бывалаго жожака, охотника до всего тайнаго и запретнаго.

Катя понесла картонъ въ салфеткѣ; Лея шла позади.

Проникли они на крылечко гуськомъ. Дверь стояла отпертой. Они уже знали, что дверь направо ведетъ въ квартиру женщины-врача.

Отворила имъ очень опрятная, молодая горничная, одѣтая сидѣлкой.

Въ столовой, просторной комнатѣ, съ окнами на дворъ, было уже нѣсколько человѣкъ.

Липа разливала чай за хозяйку, не старую еще даму, въ черномъ шелковомъ платьѣ, сѣдую, съ брошкой и въ часахъ; лицо у нея было задумчиво-спокойное, съ остатками красоты. Она смотрѣла нѣмкой.

Кромѣ троихъ охранителей, ѣхавшихъ вчера въ арьергардѣ, когда перевозили Липу,—Воденягина, Кострицына и Лыжина,—посреди ихъ помѣщалась еще женщина лѣтъ за тридцать, некрасивая, по-провинціальному одѣтая, въ короткихъ волосахъ, плечистая, съ огромными черными глазами и умнымъ выраженіемъ эпергическаго, загорѣлаго лица. На ней небрежно сидѣла суконная кофточка. Она курила.

Пирогъ произвелъ впечатлѣніе. Катя тутъ же принялась его рѣзать.

Пріѣздъ новой компаніи прервалъ горячій разговоръ.

Студентъ и дѣвцы представились брюнеткѣ въ короткихъ волосахъ, а она широкимъ жестомъ головы привѣтствовала ихъ и сказала:

— Прошу любить да жаловать. А про васъ уже слышала. Такой молодежи бы побольше по пынѣшнему доблестному времени.

Кострицынъ обратился къ Шипилину и сказалъ:

— Вотъ судьба-то! Къ madame Грунтъ пріѣхала тоже погостить ея подруга, когда-то, по медицинскимъ курсамъ. И какъ бы вы думали—кто?

Шипилинъ пожалъ плечами.

— Не отгадаю, Иванъ Кузьмичъ.

— Не томите!—въ голосъ крикнули дѣвицы.

— Родная сестра господина Спондѣва... Римма Семеновна Петлина. И вотъ сейчасъ Римма Семеновна говорила намъ о братцѣ въ такомъ тонѣ, что и вамъ будетъ пріятно.

Деся и Катя навалились грудью на столъ и всѣ ушли въ слухъ. Липа ласкала ихъ взглядомъ; она похожа была на именинницу.

Воденягинъ приблизилъ голову къ Петлиной и спросилъ:

— И съ юности у братца были такія же наклонности?

— Всегда былъ лѣнивъ и подловать!—воскликнула она.—Мнѣ тяжело такъ говорить; но я отъ него, еще съ прошлаго года, отеклась. Покойный батюшка былъ человѣкъ гуманный и терпимый. Его огорчалъ Ипполитка—я его всегда такъ звала. Вы вѣдь всѣ знаете, что это его настоящая фамилія Спондѣвъ, а не псевдонимъ. Батюшка, тогда пошла на это мода, отдалъ его не въ духовное училище, а въ гимназію. И шутя любилъ повторять: „фамилію-то нашу малограмотно пишутъ съ „ѣ“, а слѣдовало бы съ „е“, отъ греческаго слова...”

— Спондѣ!—весело и громко подсказалъ Кострицынъ.

— Именно. Онъ, бывало, говорить: „дѣти, вы должны быть обязательству своему крѣпки и хвалить Творца, ибо это слово значитъ двойко: мирный договоръ и возліяніе богамъ“. И вотъ какой возліятель вышелъ изъ моего братца! Не елѣя и вина, а вонючихъ чернилъ! Съ Олимпіадой Дмитріевной гаже уже нельзя поступить,—строго выговорила Петлина.—Но что онъ въ прошломъ году сдѣлалъ? Этому имени нѣтъ! Вы всѣ, господа, помните, какъ Борисъ Петровичъ,—она назвала имя извѣстнаго писателя,—заболѣлъ и очутился въ большой крайности... Чтò бы вы думали? Братецъ мой все разузналъ и въ первой же своей хроникѣ изволилъ въ пошлѣйшемъ тонѣ не то жалѣть, не то издѣваться надъ нимъ, его болѣзнью и бѣдностью. Я тогда въ Москву пріѣзжала. Разлетѣлся онъ ко мнѣ въ красномъ галстукѣ, съ капучникомъ на лбу. Подношу ему нумеръ его мерзкой газетишки и спраши-

ваю: „Ты?“—„Я“,—говорить и нахально глядѣть въ оба. „Вонъ!—крикнула я ему.—Сейчасъ вонъ! Чтобы духу твоего не было!“ Такъ какъ бы вы думали—что онъ? Въ дверяхъ надѣлъ цилиндръ и, хихикая, говоритъ: „Тебя надо въ клинику Шарко свезти. Вѣдь это—моя профессія“. И удивительное дѣло, какъ онъ всю эту сцену не изобразилъ на другой же день!

— Такъ, такъ, — выговорилъ Воденягинъ, глядя бороду.—Совершенно такимъ же манеромъ и мнѣ отвѣчалъ.

— Богъ съ нимъ!—откликнулась Липа.—Все это было и быльемъ поросло.

Хозяйка квартиры медленно оглядѣла все общество и спокойно вымолвила:

— Есть низости, которыя и возмущать не могутъ.

— Нѣтъ, я съ тобой не согласна!—воскликнула Петлина, быстро обернувшись къ ней.—Развѣ можно мириться съ тѣмъ, что теперь вездѣ расплозается, точно масляное пятно?

Лыжинъ и Кострицынъ уже знали отъ Липы, что Петлина ушла отъ своего мужа, получившаго въ уѣздѣ мѣсто по „новымъ должностямъ“. Она не кончила на медицинскихъ курсахъ, захваченная, немного лѣтъ назадъ, эпидеміею, на которую послана была въ отрядѣ. Тѣмъ временемъ курсы закрыли, она вышла замужъ и осталась въ провинціи.

— Господа!—вдругъ вся вспыхнувъ, заговорила Петлина, и ея огромные глаза засыпали искры.—Когда мой супругъ началъ давать волю рукамъ и кричать каждый день: „пришелъ и на нашу улицу праздникъ“, я сказала себѣ: потерплю мѣсяць, два, полгода, и если это все такъ пойдетъ—брошу его. Дѣтей, къ счастью, нѣтъ... На старости лѣтъ пойду по чужимъ людямъ, но жить на изживеніи такого господина — избави Боже! Въ эти полгода онъ совсѣмъ освирипѣлъ. И знаете, какой лозунгъ у такихъ господъ? Вотъ какой: „Бей на отмашь чумазаго! Выворачивай ему скулы! Конецъ паршивой гуманности! Сокрушай выю простеца!“

Она, отъ первности, даже раскохоталась.

Лыжинъ поглядѣлъ на Кострицына. Тотъ сидѣлъ съ низко опущенной головой, и на него обращена была усмѣшка Воденягина. Молодежь вся замерла.

XVIII.

Позвонили въ сѣняхъ.

Всѣ вдругъ смолкли. Дѣвицы подняли голову. Шипилинъ отошелъ къ двери.

— Кого Богъ несетъ? — спросила Петлина, закуривая новую папиросу.

— За мной, можетъ-быть, — спокойно выговорила хозяйка и поднялась.

Черезъ минуту вошла Шатилина.

Всѣ облегченно вздохнули.

— Милая! — встрѣтила ее радостно Липа и обняла.

— Потянуло васъ повидать, только что управилась съ моими дѣвицами и работой.

— А какъ дѣти? — спросила Грунтъ. — Извините, я сегодня не могла заѣхать.

— Лучше. У Саши еще есть жарокъ; а Коля игралъ цѣлый день на коврѣ.

Шатилина сѣла около Лыжина въ уголкѣ и ея блестящіе умные глаза ласково поглядывали на него.

Она была застѣнчива и даже такой кружокъ немного стѣснялъ ее въ первыя минуты. Лыжинъ это вспомнилъ и завелъ съ ней особый разговоръ, вполголоса, подъ шумъ бесѣды, которая пошла все такой же широкой и шумной волной. Петлина была неистощима въ разсказахъ о томъ, что теперь дѣлается по деревнямъ, гдѣ царствуютъ такіе „наболѣшіе“, какъ ея супругъ.

— Смотрите, — сказала Шатилина Лыжину, указывая на столъ. — Вотъ вамъ три женщины... Грунтъ, Олимпиада Дмитріевна и я, многогрѣшная, и всѣ три — обломки одного и того же крушенія.

— И та также? — спросилъ шопотомъ Лыжинъ, указавъ головой на хозяйку квартиры.

— И она. Вы не знаете ея исторіи?

— Нѣтъ.

— Она пошла учиться медицинѣ изъ барышень... была дочь петербургскаго сановника. Много потратилась она на эту борьбу. Вы видите, какая она еще красивая. А тогда — подавно... Кончила курсъ. Влюбился въ нее офицеръ. И она не устояла. Жили хорошо. Она его любила честно, искренно. Но, разумѣется, съ каждымъ годомъ разнища развитія давала себя знать. Офицеръ былъ нервная натура, не глупъ, самолюбивъ. Засѣло ему въ голову,

что жена должна его презирать... Взялъ, да и застрѣлился. И застрѣлился-то гдѣ? На гауптвахтѣ, когда стоялъ въ караулѣ.

— Кто же знаетъ, что именно отъ этого? — спросилъ Лыжинъ.

— Никто не знаетъ доподлинно, но она такъ объяснила. А люди добавили. Офицеры его полка устроили демонстрацію противъ нея. Какъ бы вы думали? Не хотѣли даже тѣло отвезти къ ней на квартиру, а отъ себя похоронили. Нѣ, молю, полюбуйся! Ты довела своего мужа до самоубійства!

— Быть не можетъ!

— Такъ было, Юрій Петровичъ. Насилу уладили дѣло. Можете сами вообразить, что она въ тѣ дни и послѣ смерти пережила. Видите—лицо еще молодое, а волосы сѣдые. И посѣдѣла въ одну ночь.

Лыжинъ долго глядѣлъ на красивую, внушительную голову женщины-врача.

— Ничего!—бодрящимъ звукомъ вымолвилъ онъ и протянулъ Шатилиной руку.—Ничего, другъ мой! Жизнь свое возьметъ. И вы, я убѣжденъ въ этомъ, попадете опять на торную дорогу и будете прежней, жизнерадостной Натальей Николаевной.

— Мужъ не вернется. Да я и не желаю... ни для себя, ни для дѣтей. Такъ, бобылемъ, не проживешь.

— Полюбите... Только теперь уже выборъ будетъ другой.

— Охъ!—Шатилина махнула рукой.—Развѣ мы можемъ выбирать? У насъ вѣдь голова совсѣмъ не такая, какъ у васъ, господа, и вы всѣ обманываетесь. Никто изъ васъ не знаетъ женской натуры, никто.

Невольно взгляды Лыжина упали на блѣлую голову Кострицына.

„И этотъ, — подумалъ онъ, — въ согласіи съ тѣмъ, что сейчасъ сказала Шатилина, и этотъ, при всей своей книжной мудрости, не знаетъ совсѣмъ женщинъ и вдается въ сладкій обманъ“.

Кострицынъ, сквозь папирозный дымъ, поглядывалъ на Лину влюбленными глазами и тихо улыбался. Онъ совсѣмъ не слыхалъ, о чемъ горячо заспорили студентъ съ Воденягиннымъ.

Лыжинъ самъ чувствовалъ себя молодо и тепло, охваченный воздухомъ взаимной поддержки всего этого кружка. Опять передъ нимъ были члены точно тайнаго со-

общества, какъ тогда, въ поздній вечеръ, проведенный у Липы. Онъ уже не ежился отъ присутствія Воденягина. Обличительныя рѣчи Петлиной его не коробили. Ему забавно и весело было видѣть, какъ его „амбарный Сократъ“ вдругъ захваченъ жизнью, влюбленъ — и не шуточно, готовъ изъ-за Липы идти одинъ-на-одинъ на кого угодно.

И ему не хотѣлось вспоминать при этомъ, что онъ помогъ припрятать Липу отъ происковъ — кого же? Вѣдь Кишкетовъ былъ подосланъ Ниной, а Нина считаетъ его „своимъ человѣкомъ“; онъ долженъ будетъ встрѣчаться съ нею каждую недѣлю, быть любезнымъ, отвѣчать ей въ пріятельскомъ тонѣ, если она начнетъ съ нимъ откровенничать.

— Здѣсь ей будетъ совсѣмъ хорошо,—сказала ему Шатилина, наклонясь къ нему.—А переждемъ время, тогда она можетъ и ѣхать.

Лыжинъ кивнулъ слегка головой.

И точно подслушавъ ихъ разговоръ, Воденягинъ всталъ—закурить папиросу о пламя лампы—и вдругъ заговорилъ другимъ тономъ:

— Позвольте, господа, мы теперь здѣсь въ полномъ сборѣ. Вчера мнѣ ночью не спалось, и я началъ воображать себѣ, что я—этотъ милашка, генераль Кишкетовъ.

— Ха-ха!—разсмѣялась молодежь.

— Подождите. Оно забавно, быть-можетъ. Я вѣдь про него давно слышанъ... Хотя и не имѣлъ удовольствія встрѣчаться съ нимъ въ тѣхъ сферахъ, которыя достаточно изучилъ.

Шатилина и Лыжинъ стали прислушиваться.

— Ну, и что же?—спросила Липа, поднявъ глаза на Воденягина.

— Если такой индивидъ сталъ дѣлать посулы съ пристрастіемъ—значить, у него, кромѣ обычныхъ способовъ воздѣйствія, есть и еще что-нибудь.

— Что же?—крикнулъ Кострицынъ, и Лыжинъ замѣтилъ, что глаза его тревожно забѣгали.

— Положимъ, онъ могъ бы посодѣйствовать тому, что Олимпиаду Дмитріевну попросили бы удалиться изъ Москвы.

— Этого ему мало,—выговорила Липа, и ея брови сейчасъ же сдвинулись.

— Разумѣется,—подхватилъ Воденягинъ.—Онъ слиш-

комъ травленный волкъ. У него есть навѣрно особый камень за пазухой.

— Есть,—выговорила Липа.

— Какой же именно?—стремительно спросилъ Кострицынъ, пододвинувшись къ ней.—Ваше прошлое... изъ петербургской эпохи? Это мы знаемъ.

— Можетъ-быть, и документъ есть какой-нибудь,—добавила Петлина.

— Быть-можетъ,—глухо выговорила Липа.

— Но почему же у него именно въ рукахъ?—съ недоумѣмъ спросилъ Шипилинъ и отошелъ къ двери, гдѣ сталъ спиной, взявшись за ручку.

— Это, голубчикъ, безразлично: почему,—возразилъ Кострицынъ.

— Именно, — подтвердилъ Воденягинъ. — *Почему* — нельзя задавать въ научномъ мышленіи, а—*какимъ образомъ*. Да и этотъ второй вопросъ насъ не касается. Надо, какъ въ задачахъ, такъ ставить дѣло: у него есть искомый иксъ—и надо его добыть.

— Необходимо!—крикнулъ Кострицынъ и нервно заходилъ въ углу.

— Какъ же узнать — есть ли у него въ рукахъ что-нибудь фактическое?—такъ же горячо откликнулась Петлина.

— Въ этомъ-то и состоитъ задача — выждать психологическій моментъ и произнести дискурсъ съ-глазу-на-глазъ съ этимъ индивидомъ—такъ, чтобы истина всплыла.

— Какъ же? Съ ножомъ къ горлу?—сухо и отчетливо вымолвила Липа.

Всѣ смолкли секундъ на пять.

Лыжинъ поднялся со своего мѣста и подошелъ къ столу.

— Зачѣмъ такъ натягивать струну? — заговорилъ онъ, упирая обѣими ладонями въ столъ.—Олимпиада Дмитріевна поживетъ здѣсь, сколько ей нужно будетъ. И поѣдетъ въ провинцію, куда она уже собиралась.

— Погоди, другъ,—прервалъ его Кострицынъ.—Развѣ такой человекъ не способенъ и тамъ ее преслѣдовать? Олимпиада Дмитріевна!—окликнулъ онъ ее, приходя все въ большее волненіе.—Вѣдь у него тамъ и имѣніе есть?

— Какъ же, — отвѣтила Липа. — И заводъ. Потому-то онъ и попалъ туда, зимой, на выборы, когда мы познакомились. О, такой человекъ на всякую гнусность способенъ.

— Вотъ видите, госнода, — пачалъ опять Воденягинъ тономъ учителя, доказывающаго теорему. — Тѣмъ паче! Стало, моя постановка задачи правильна: надо дѣйствовать такъ, какъ будто иксъ несомнѣнно находится въ числѣ величинъ уравненія.

Петлина подбѣжала къ Липѣ.

— Васъ только понапрасну пугаютъ. Утро вечера мудренѣе. Мы васъ не выдадимъ. Хотя дѣлѣй годъ можете изъ одного убѣжища въ другое переходить.

Она посмотрѣла на стѣнные часы.

— А теперь пора и разойтись. Вѣдь со двора-то виденъ свѣтъ, а въ этомъ домѣ ложатся рано.

Всѣ стали собираться. Кострицынъ отвелъ Лыжина въ уголъ и сказалъ ему на ухо:

— Вѣдь Воденягинъ-то правду говорить.

— Одно дѣло—говорить; другое дѣло—дѣйствовать.

— Такой способенъ и дѣйствовать, даромъ что онъ самъ на особомъ положеніи.

И, выходя на крыльцо, минутъ пять спустя, онъ какъ бы не своимъ голосомъ сказалъ пріятелю:

— Я знаю—что знаю!

XIX.

Въ кабинетѣ Захара Лукьяновича уже темнѣло. Онъ еще не звонилъ зажигать лампы.

Качаясь въ креслѣ, онъ курилъ въ сумеркахъ. Газета лежала на полу, брошенная имъ.

До обѣда ему нечего было дѣлать—читать не хотѣлось, идти наверхъ—также. Предстоялъ обѣдъ съ-глазу-на-глазъ съ Ниной.

Вчера князь простился съ ними. Онъ его удерживалъ всячески, но старикъ все повторялъ: „пора мнѣ въ сугробы, пора!“

Съ самой дуэли, князь ни разу не началъ съ нимъ говорить по этому поводу. Захаръ Лукьяновичъ еще тогда смутно догадывался, что диди уже что-то такое зналъ про увлеченіе племянницы. Быть-можетъ, засталъ ихъ въ тѣ часы, когда мужъ такъ беззаботно и увѣренно развѣзжалъ по своимъ дѣламъ, охраняя свободу пріемовъ своей жены.

Какая глупость и фанаберія!

Припоминалась ему не одинъ разъ исторія женитьбы Наполеона I на Маріи-Луизѣ Австрійской.

И онъ былъ „случайный человѣкъ“ и только во второй своей женѣ имѣлъ кровную принцессу, дочь римскаго цезаря, а раньше на всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ, смотрѣлъ сверху внизъ, даже и на Жозефину, послѣ того, какъ попалъ въ императоры.

То, что для того была Марія-Луиза, то для него—княжна Жеребьева-Зарайская. Въдъ старшая-то линія имѣтъ титулъ свѣтлости. Въдъ австрійскую-то принцессу выдали за всесильнаго властелина—все равно, что обѣдѣвшая княжна попала за купца-милліонщика. Самъ папаша навязалъ ее, чувствуя, что иначе придется совѣтъ „капуть“.

И какъ же повелъ себя Наполеонъ? Вотъ это—голова, вотъ это человѣкъ, понимающій женщину! Положимъ, онъ былъ уже не молодъ, однако, только что передъ тѣмъ имѣлъ любовную связь съ польской графиней и прижилъ отъ нея ребенка... Стало, въ себѣ могъ быть увѣренъ.

Однако, какъ же онъ повелъ себя? Сталъ держать жену въ почетномъ заключеніи. Ни единой минуты безъ надзора. Дать аудіенцію мужчинѣ, съ-глазу-на-глазъ, нечего и думать. Безсмѣнно четыре дежурныхъ дамы — „les dames rouges“—по двѣ у наружныхъ и внутреннихъ дверей, днемъ и ночью. Брильянтовъ, тряпокъ на милліоны, собаки, птицы, спектакли, музыка, прогулки—чего твоя душа просить,—только ни шагу по своей волѣ.

Тотъ зналъ женщинъ. Онѣ ему отдавались всѣ, безъ исключенія. Камердинеръ водилъ къ нему въ рабочую комнату герцогини и маркизъ—и онъ обращался съ ними, какъ съ проститутками. Зато и былъ трезвыхъ взглядовъ на бракъ и супружескую невѣрность.

Небось Захаръ Лукьяновичъ помнить — пожалуй, на иной вкусъ, и циническое — замѣчаніе его, сдѣланное въ государственномъ совѣтѣ, когда обсуждался вопросъ о проступкахъ противъ брачнаго союза.

„Messieurs,—сказать онъ во всеуслышаніе, какъ истинный мудрецъ-практикъ,—l'adultère—c'est une question de sanaparé“.

Развѣ это не поразительная истина?

Теперь Захаръ Лукьяновичъ позналъ ее. И ему, по нѣскольку разъ на дню, представлялся великолѣпный диванъ Нины, подъ балдахиномъ, съ его безчисленными, расшитыми шелкомъ и золотомъ, подушками и валиками...

Князь такъ и ухалъ. Съ племянницей простился сучовато—это было замѣтно. Она—тоже. Между ними было,

вѣроятно, объясненіе, только врядъ ли она взяла во вниманіе, что онъ могъ ей сказать.

Захаръ Лукьяновичъ предложилъ ему, въ видѣ скромнаго намека, издать которое-нибудь изъ его сочиненій; старикъ поблагодарилъ его тронутымъ голосомъ, но прибавилъ:

— Нѣтъ! Мой голосъ покажется голосомъ изъ подземелья. Завѣщаю рукопись въ Публичную Библіотеку.

И вотъ теперь онъ одинъ, совсѣмъ одинъ въ домѣ. Все тотъ же вопросъ стоитъ передъ нимъ: „дошло ли между ними до настоящей связи или нѣтъ?“

Отвѣтить: „дошло“—онъ не можетъ; но ему отъ этого не легче. Она ѣздила къ нему въ отель—это несомнѣнно, хотя въ немъ, въ „калегвардѣ“, врядъ ли была настоящая влюбленность. Что-то онъ ни гу-гу! Другой бы, въ такомъ „разѣ“, или самъ, или черезъ пріятеля сталъ бы требовать:

„Вы, молъ, сами жену свою ославили на всю Москву, такъ не угодно ли вамъ дать ей разводъ“.

Однако—ничего! И она молчитъ. Ни единымъ звукомъ не выдаетъ себя: точно будто она до сихъ поръ ничего не слыхала.

Только ей не удастся его пересилить. Шалить!

Ославилъ ли онъ ее на всю Москву? Иначе онъ поступить не могъ. У него кровь въ жилахъ, и кровь не хуже сортомъ, чѣмъ у барона. Ему и то пріятно уже, что въ городѣ, не въ однихъ купеческихъ домахъ, а въ самыхъ старыхъ дворянскихъ, поведеніе его одобряютъ и во всемъ винятъ ее. Даже ея ближайшіе пріятели—Напон съ мужемъ—видимо отступились отъ нея.

А все-таки черезъ часъ надо будетъ идти наверхъ. Сегодня никто у нихъ изъ постороннихъ не обѣдаетъ.

Вошелъ дежурный официантъ.

— Иванъ Кузьмичъ!—доложилъ онъ.

— Проси.

Приходъ Кострицына его обрадовалъ. Можно будетъ оставить его обѣдать.

Встрѣтилъ онъ его особенно ласково и, спросивъ слегка—что въ амбарѣ, куда онъ сегодня не ѣздилъ, предложилъ сигару.

— Можеть, пройдетъ къ женѣ до обѣда? Вы вѣдь никуда не отозваны?

— Никуда, Захаръ Лукьяновичъ.

Кострицынъ сѣлъ бокомъ, въ неловкой позѣ. Липо его было плохо видно Кумачеву: тотъ сидѣлъ спиной къ свѣту лампы, зажженной лакеемъ въ углу.

— Вы ее найдете у себя. Она что-то все хохлитъся.

„Хитришь ты, братъ, со мной напрасно,—перебилъ его Кострицынъ, про себя,—насадила она тебѣ рога, и этого никакая дуэль не смоетъ“.

Будь онъ менѣе поглощенъ какимъ-то „своимъ дѣломъ“—онъ способенъ бы былъ сказать ему:

„Захаръ Лукьяновичъ, выговите ее, отнимите дѣтей и дайте ей разводъ. Кромѣ горя и сраму, она вамъ ничего не доставитъ. Сами виноваты! Слишкомъ преклонялись!“

Кумачевъ игралъ ему „въ руку“. Онъ пріѣхалъ собственно не къ нему, а къ Антонинѣ Борисовнѣ, и всю дорогу, въ саняхъ, перебиралъ въ головѣ—какой предлогъ выдумать этому посѣщенію. Захаръ Лукьяновичъ оказался дома, и онъ зашелъ къ нему, смутно сознавая, что такъ будетъ ловчѣе.

Теперь онъ увѣреннѣе отправится къ Нинѣ. Мужу тяжело идти туда. Онъ и обѣдать-то его пригласилъ, чтобы не оставаться вдвоемъ.

Полчаса прошло для него незамѣтно въ кабинетѣ Антонины Борисовны.

Въ первый разъ—онъ могъ поклясться—въ первый разъ въ жизни онъ надѣлъ на себя личину, и это придало ему гораздо больше свободы въ разговорѣ съ нею. Онъ ее и презираетъ, и ненавидитъ—и пришелъ съ тайной цѣлью заставить ее проговориться. И это ни на минуту не омрачило его разсудка, а напротивъ, дѣлало блестяще и забавнѣе.

Нина часто смѣялась и даже сказала ему:

— Да какой вы веселый, Иванъ Кузьмичъ! И сколько знаете смѣшныхъ вещей!

Какъ-то само собою, безъ всякихъ хитросплетеній, повелъ онъ разговоръ и въ сторону генерала.

Она, видимо, обрадовалась тому, что пришелъ къ ней человѣкъ, сочувствующій ей.

И черезъ пять минутъ она сама проболталась.

— Эту мамзель, — дурачливо сказала она, — попросятъ оставить Москву.

Стало-быть, генераль еще у нея не былъ, или утаиваетъ отъ нея то, что Лина скрылась.

Это наполнило его злобнымъ чувствомъ, которое онъ

не хотѣлъ подавлять. Съ такой женщиной надо самому вооружиться коварствомъ хищнаго звѣря.

Скажи ему Лыжинъ: „Да ты, братъ, что твой Цезарь Борджиа“—онъ бы не затруднился отвѣтить: „Всякій человѣкъ долженъ побывать въ Борджиахъ; иначе онъ—презрѣнный рабъ слюннйской морали“.

— Антонина Борисовна,—заговорилъ онъ мягко и вполголоса, наклоняясь къ дивану,—можетъ-быть, вамъ угодно что-нибудь передать генералу? Письмо... или на словахъ... Я къ вашимъ услугамъ.

— Благодарствуйте!

Она такъ была возбуждена этимъ разговоромъ, что забыла все. Вѣдь она могла легко сообразить: не познакомилъ ли Лыжинъ и его съ этой мамзелью?

Но и тогда свою личину онъ еще бы плотнѣе придвинулъ на лицо и лицедействовалъ бы такъ же развязно.

— Это идея!—продолжала она.—Онъ что-то молчить. Письма не нужно... просто на словахъ... Вы вѣдь обѣдаете у насъ?

— Какъ же.

— Ну, такъ мы еще поговоримъ на свободѣ. Захаръ Лукьяновичъ поѣдетъ въ клубъ. Онъ вѣдь нынче ударился въ карты.

Послѣ обѣда онъ узнаетъ все, что ему нужно. Наверно, Кишкетовъ если не прямо, то намеками далъ ей почувствовать, есть ли въ его рукахъ что-нибудь фактическое по той исторіи, изъ-за которой Липа должна была когда-то скрыться за границу.

„Оба вы съ генераломъ, — думалъ Кострицынъ про себя,—одного поля ягода. Вамъ нечего стѣсняться другъ съ другомъ“.

И онъ страстно сталъ ждать того, что онъ еще „выудить“ у Нины.

XX.

Изъ квартиры Иды выносили сундуки и коробки.

Она, въ шубѣ и съ дорожной сумкой черезъ плечо, стояла посрединѣ гостиной и прощалась съ Лыжинымъ.

— Значить, не вернетесь сюда, голубушка?—спросилъ онъ, не выпуская ея руки.

— Нѣтъ.

— А для Елены Константиновны?.. Вѣдь она должна быть на-дняхъ.

— Я знаю.

И, наклонившись, Ида сказала вполголоса:

— Безъ меня ей будетъ свободнѣе. Въ этомъ помѣщеніи она можетъ оставаться еще двѣ недѣли.

— Такъ вы надѣетесь на вожделѣнный исходъ?

И онъ шутливымъ жестомъ показалъ, какъ возлагаютъ на голову вѣнецъ.

— Можетъ-быть, — грустно выговорила Ида, но глаза ея блеснули доброй улыбкой. — Вы ее не дразните.

— Съ какой стати? — возразилъ Лыжинъ. — Только въ такомъ бракѣ врядъ ли будетъ толкъ. Его она не передѣлаетъ; да и самой нельзя передѣлать себя на его фазонъ. Вдобавокъ, она будетъ адски ревновать его.

— Есть грѣшокъ, — сказала Ида по-русски.

— Тянетъ васъ развѣ такъ ужъ очень къ себѣ?

— Да, Юрій, тянетъ. Здѣсь все пойдеть и безъ меня. Вы скучать не будете. У васъ большое дѣло. Липу Углову спасаетъ цѣлое общество.

Она не договорила и, поведя на особый ладъ глазами, спросила вполголоса:

— Votre ami... le philosophe... Je crois, qu'il a un béguin sérieux pour elle?

Лыжинъ кивнулъ головой.

— Сдается и мнѣ.

— Il n'y a pas de philosophe qui tienne contre cette maudite passion, — выговорила она мягко.

— Такъ вы рѣшительно не позволяете проводить себя?

— Нѣтъ, Юрій, не надо. Ко мнѣ пріѣдете скоро?

— Непремѣнно. Я сдѣлаю крюкъ съ ближайшей мануфактуры.

— Vous savez, la belle fermière vous attend.

— Кто такая?

— Анисія Прохоровна, дочь моей арендаторши. Она о васъ мечтаетъ. Et vous, ami?

Оба тихо размѣялись и стали прощаться.

— Все готово, Лидія Павловна, — доложила Евгенія, укутанная ковровымъ платкомъ.

Лыжинъ сошелъ внизъ и усадилъ Иду въ карету.

Шелъ третій часъ. Она брала почтовый поѣздъ.

Медленно поднимался къ себѣ Лыжинъ. Отъѣздъ Иды оставлялъ его въ гораздо болѣешемъ одиночествѣ, нежели онъ думалъ. Въ домѣ Кумачевыхъ онъ рѣшительно склонился на сторону „самого“. Нину ему не было жаль и

его поведеніе съ Липой набрасывало на нее некрасивую тѣнь.

Кострицынъ куда-то уходилъ,—уходилъ въ страсть, и врядъ ли онъ, при всей своей діалектикѣ, останется вѣренъ дому Кумачевыхъ. Онъ слишкомъ взвинченъ противъ Нины. Ему невыносимо видѣть ее. Развѣ объяснится объ этомъ съ мужемъ, благо тотъ уже не состоитъ къ супругѣ своей въ прежнихъ отношеніяхъ.

У себя, въ кабинетѣ, Лыжинъ, за послѣдніе два мѣсяца, впервые почувствовалъ пустоту. Бѣхатъ ему по дѣлу—некуда... Спѣшныхъ занятій — нѣтъ, дѣлать визиты — не хочется.

Онъ прилежъ съ книгой на диванъ и въ головѣ его — лица и фигуры Иды, Липы Угловой, Кострицына, студента, Воденягина, четы Кумачевыхъ стали переплетаться. Читалъ онъ вяло, и его вѣки стали полегоньку слипаться.

— Дома?—раздался въ дверяхъ окликъ, возбужденный, очень громкій.

Лыжинъ сталъ приподниматься и спустилъ съ дивана ноги.

— Иванъ Кузьмичъ!

Кострицынъ болѣе вбѣжалъ, чѣмъ вошелъ, блѣднѣе обыкновеннаго, съ блестящими глазами; брови его безпрестанно поднимались и производили крупныя морщины. Волосы на лбу и вискахъ растрепались.

Такою Кострицына Лыжинъ никогда не видалъ.

— Я отъ него!..—вскричалъ онъ и, точно послѣ тяжелой работы, опустился въ кресло.

— Отъ кого?

— Отъ Кишкетова. Имѣлъ съ нимъ коллоквиумъ... одинъ-на-одинъ.

Онъ вскинулъ правой рукой.

— Нѣтъ, дружище, не воображалъ я, что во мнѣ сидитъ такой, какъ бы тебѣ сказать, конспираторъ, что ли, умѣющій, коли нужно, надѣвать личину и производить психическое давленіе.

Лыжинъ подсѣлъ къ нему и положилъ руку на его колѣно.

— Сократъ! Перестань говорить притчами. Я еще третьяго дня подумалъ, что ты что-то задумываешь такое. Конспираторъ... Неужели,—голосъ Лыжина упалъ,—ты съ нимъ покончилъ?

— Ха-ха! Ты думаешь, бацъ-бацъ?.. Нѣтъ, братъ, до этого не дошло, но...

— Могло дойти?

— Не знаю... Такіе гнуснецы—трусъ. Имъ шкура ихъ слишкомъ дорога. Они вѣдь сладострастники и будутъ предаваться своему сатириазису до тѣхъ поръ, пока на нихъ броунъ-секаровскія впрыскиванія дѣйствуютъ.

— Значить, ты попугалъ его.

— *Есть, сэръ!*—вскричалъ Кострицынъ и не выдержалъ, вскочилъ и заходилъ по комнатѣ.—И какъ я, другъ Юрій Петровичъ, ловко повелъ себя. Живетъ онъ въ меблированной квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ. У него лакей, изъ бывшихъ денщиковъ. Я вхожу, сейчасъ ему бумажку въ руку и говорю: сбѣгайте мнѣ за папиросами въ лавку. Генералъ меня ждетъ. Доложите: отъ госпожи Бумачевой... А остальное ты можешь легко возстановить посредствомъ ассоціаціи идей. Вошелъ, произвелъ давленіе съ помощью нѣкотораго инструмента,—Кострицынъ ударилъ себя по карману пиджака,—и вотъ они здѣсь...

Онъ ткнулъ пальцемъ въ грудь, гдѣ внутренній карманъ.

— Кто они?

— Нѣкоторые документики. Ха-ха!

Въ его смѣхѣ дрожали почти истеричныя ноты.

— Насчетъ Олимпиады Дмитріевны?

— *Есть, сэръ!* И знаешь, друже, — Кострицынъ опять опустился въ кресло, — когда я сегодня отправился къ нему, развернулъ я „Мысли Марка Аврелія“. Я этого замороженнаго аскета не больно долюбиваю, но читаю, есть хорошія мысли и отличныя выраженія. А тутъ развернулъ, знаешь, по атавизму суетѣрія, — оно во всѣхъ насъ копошится, — и вотъ на какое изреченіе попалъ я. Изволь въ переводѣ и довольно точномъ: „Нравственное совершенство состоитъ въ томъ, чтобы проводить каждый день такъ, какъ бы онъ былъ послѣднимъ, безъ тревоги, безъ нерадѣнія, безъ притворства“. И вотъ такой день былъ для меня сегодняшній. Онъ могъ быть и послѣднимъ — случись у генерала подъ рукой такой же инструментъ, онъ могъ бы уложить меня на мѣстѣ. Но не уложилъ, а я его заставилъ сдѣлать то, что мнѣ угодно было. И такая удача, что и лакей-то замѣшкался съ покупкой папирсъ, и когда я уходилъ, то его еще не было въ прихожей. Что, ловко твой амбарный Сократъ обработалъ все?

— Однако,—Лыжинъ опять положилъ ему руку на колено,—онъ можетъ тебѣ серьезно пагадить.

— Пушай! Я ничего не боюсь. Я живу, Юрій Петровичъ, всѣми фибрами трепещу, какъ никогда не жилъ и не трепеталъ... Личность моя поднялась на сто локтей. Я не презрѣнный кандидатишка, а что твой Магометъ, держащій вообразить себя пророкомъ и идти на завоеваніе всего міра. Ужъ если пошло на цитаты—вотъ гебѣ подлинное изреченіе изъ Корана, я его помню наизусть: „будь снисходителенъ, приказывай доброе и избѣгай невѣждъ“. А я его такъ передѣлалъ: „будь жестокъ, приказывай гнуснцамъ и казни предателей“. Ха-ха!

Смѣхъ его не сразу остановился. Лыжинъ съ безпокойствомъ оглянулъ его.

— Послушай, Кострицынъ... Не переустыдилъ ли ты мѣры? Такія экспедиціи приличны были бы Воденягину и людямъ его покроя.

— А я чѣмъ хуже?—закричалъ Кострицынъ и выпрямился.—Ты помнишь... третьяго дня... Онъ былъ на волюскѣ отъ того, чтобы продѣлать то, что я продѣлалъ. А что ему эта женщина? Изъ одного принципа. Развѣ я могъ допустить постороннему человѣку пойти на это?.. Когда во мнѣ каждая жилка трепетала!..

— Иванъ Кузьмичъ! Да ты безумно влюбленъ въ нее! Кострицынъ замигалъ, и лицо его все передернуло.

— Ну да, люблю! Люблю!—крикнулъ онъ.—И если говорю тебѣ: никогда не любилъ еще—то не лгу! Люблю!—повторилъ онъ протяжно и страстно.—И положу на нее свою душу. И сдѣлаю изъ нея великую артистку! И подниму ея женскую личность до высшей грани!

— И люби!—грустно и тепло промолвилъ Лыжинъ, опустивъ голову.

Оба смодкли.

XXI.

Татьяна Егоровна Боярцева сидѣла въ спальнѣ, у лампы, и читала.

Утомившись немного, она сняла очки и провела ладонью по глазамъ.

Болѣзнь прошла, но оставила слабость и, почти каждую ночь, выте въ груди. Выѣзжать ей еще не позволяли, и это ее огорчало; она привыкла бывать въ церкви каждый день часто и по два раза.

Это его огорчило; но онъ не могъ еще наладить себя. Внутри его точно сидѣли какія-то зацѣпки.

— Довольна! Знаете, Романъ Денисовичъ, я и прежде не была охотница до Петербурга и его чинушей. А въ этотъ разъ мнѣ было какъ-то особенно противно.

— Воображаю!

— Что за претензія у всѣхъ, и какой отвратительный тонъ — или ноющій, или нахальный!.. Я иначе не могу сравнить Петербургъ, какъ съ становищемъ завоевателя, который водворился въ странѣ и мудритъ надъ ней.

— Ха-ха! Прекрасное сравненіе! Они только тамъ и дѣла дѣлаютъ, что мудрятъ надъ жизнью. А дѣлаетъ ее вся остальная Россія.

Еленѣ не казалось нисколько, что она отступаетъ по-немногу отъ своихъ взглядовъ и оцѣнокъ. Еще недавно она любила говорить, что Петербургъ — „единственный русскій городъ, гдѣ можно жить“.

И фраза, которую Боярцевъ только что употребилъ: „дѣлать жизнь“ — была для нея невыносима. Она не позволяла никому доказывать, что только мужикъ или чернорабочій, купецъ или промышленникъ „дѣлаютъ жизнь“. Она горячо отстаивала „интеллигенцію“ и высшій умственный трудъ, въ чемъ бы онъ ни проявлялся: въ управленіи, въ торговомъ и фабричномъ дѣлѣ, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ социальныхъ идеяхъ.

— Лидія Павловна у себя въ усадьбѣ? Я не зналъ этого, а то бы заѣхалъ къ ней.

— Какъ же... Она здѣсь немного утомилась. Знаете, вѣдь она попала въ самое пекло.

Боярцевъ поглядѣлъ вопросительно.

— Сложная исторія!..

Елена не могла воздержаться. Она по натурѣ любила всякія исторіи, гдѣ любовь играетъ людьми, показываетъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ; однихъ преобразовываетъ, у другихъ будитъ самые низкіе позывы ихъ души.

Отъ Иды она знала, какъ ея племянница выказала себя насчетъ своей предполагаемой соперницы. Та ей успѣла написать и о томъ, какъ „спрятали“ Липу и какъ Кострицынъ „а eu le coup de foudre“

Она, было, и пустилась говорить съ увлеченіемъ, но тутчасъ же сдержала себя. Ей стало совѣстно... На лицѣ Боярцева она успѣла подмѣтить черту около рта, нѣчто

въ родѣ жалостной усмѣшки. Такихъ суетныхъ разговоровъ онъ не любилъ.

— Ахъ, другъ мой! — воскликнула она и взяла его за руку. — Вотъ вамъ и любовь!

Она намекала на Нину Кумачеву, но что это, если не раздраженіе своего эротизма!

Онъ опустилъ голову.

„И этого не слѣдовало говорить“, — дала она на себя, мысленно, рѣзкій окрикъ.

Боярцевъ слышалъ про дуэль Кумачева съ Гольцемъ.

— Развѣ это серьезно? — спросилъ онъ ее вдумчиво.

— Я у нихъ еще не была и не знаю, что тамъ происходитъ. Но я не считаю Нину способной даже и на такъ-называемую незаконную любовь.

Онъ промолчалъ.

— Вы не считаете меня злоязычной, Романъ Денисовичъ? И право, я не кинула бы въ нее камнемъ, если бы она честно заявила мужу, что любить другого.

— Честно заявлять нельзя того, что, само по себѣ, нечестно, — вымолвилъ мягко Боярцевъ, не глядя на нее.

— Развѣ можно приказывать чувству?

— Можно бороться съ нимъ.

Какъ бы она крикнула, мѣсяцъ назадъ: „Это нестерпимый и лицемѣрный ригоризмъ!“

Теперь она смолчала. Онъ иначе не могъ говорить, и если бы онъ, женившись, полюбилъ другую женщину, навѣрно онъ вырвалъ бы съ корнемъ свое „грѣховное“ чувство.

Этотъ человѣкъ не броситъ никакой женщины, даже и недостойной, даже и такой, которая заставитъ его пройти черезъ муки ревности и оскорбленнаго мужского достоинства.

— Оставимъ это! — вымолвила Акридина и протянула ему руку.

XXII.

Чайный приборъ беспорядочно распозлся по столу. Никто не приходилъ его прибрать, и стрѣлка стѣнныхъ часовъ въ коридорѣ уже перешла за двѣнадцатъ.

Лампа догорала.

Елена, облокотившись о ручку дивана, сидѣла съ опущенными глазами и рука ея нервно перебирала бахрому столовой салфетки.

На лицѣ Боярцева было замѣтно утомленіе.

— Нѣтъ,—говорила она порывисто и глухо,—вы слишкомъ сурово смотрите на жизнь чувства, другъ мой. Нельзя на все налагать какую-то эпитимію: за такой-то помыселъ столько земныхъ поклоновъ, за такой порывъ — столько.

— Я вовсе не такой изувѣръ, Елена Константиновна... Но то, что зовутъ часто жизнью чувства, только... только...

Онъ затруднился словомъ.

— Ужъ никакъ не чувственность!—воскликнула Аеридина. — Любовь настоящая, могучая, — прибавила она, и голосъ ея замѣтно дрогнулъ, — такая любовь не знаетъ никакихъ рамокъ и ярлыковъ. Она все освящаетъ и живитъ.

— Конечно. Но и мрачить, и дѣлаетъ человѣка рабомъ. И рождаетъ самый ужасный видъ себелюбія — любовный эгоизмъ, дѣлающій два существа врагами всего остального человѣчества. Пропадай оно, только бы пара любовниковъ могла упиваться своей страстью.

— Но развѣ жизнь не ужасная вещь, Боярцевъ? Нести ей бремя безъ такого, если хотите, безумія — слишкомъ тяжело, слишкомъ жестоко.

Голосъ ея сразу упалъ. Она низко опустила голову и продолжала точно про себя:

— И только она и дѣлаетъ способнымъ на всякую жертву. То, что казалось безумнымъ, немислимымъ, вдругъ является возможнымъ. Что дороже убѣжденій, выношенныхъ цѣною долгой-долгой борьбы? Ни за что бы не поступился ими! И въ другихъ-то не могъ допускать чего-либо не своего; все это было нѣчто чуждое или враждебное, возмутительное!

Боярцевъ началъ понимать, что она говоритъ про свою недавнюю фанатическую преданность взглядамъ и принципамъ, которые достались ей немалой борьбой, съ той поры, какъ она начала сознавать въ себѣ личность.

Тихое чувство умиленія проникло въ него. Мало того, что она такъ самоотверженно ходила за его матерью, съ каждымъ днемъ дѣлалась она мягче, терпѣливѣе и пылка въ уваженіе къ его вѣрованіямъ. Конечно, и сама она уже не разъ задумалась надъ тѣмъ, что онъ и мать его считаютъ высокимъ утѣшеніемъ и сладкимъ завѣтомъ земной жизни.

Жестоко и несправедливо было бы считать такое чув-

ство только блажью, чувственнымъ порывомъ, задоромъ женщины, не желающей состарѣться, не испытать любовныхъ наслаждений... Она уже говорила ему, не разъ, про первое супружество, гдѣ была только одна тихая дружба.

Онъ взялъ ее самъ за руку и пожалъ.

— Я не изувѣрь,—заговорилъ онъ.—Мнѣ не по душѣ все то, что ломаетъ натуру человѣка и только пугаетъ жестокой карой.. Помните, вы у меня нашли одного суроваго византійца... Козьмина?

— Помню,—отвѣтила Елена и вздрогнула.— Неужели вы раздѣляете его символъ вѣры?

— Нѣтъ, Елена Константиновна... Я только допускаю его. Но право, какъ такой человѣкъ ни похожъ на маньяка — будешь и къ нему терпимѣе, гляди, какъ вокругъ все распаталось. Нѣтъ удержу никакимъ поползновеніямъ звѣри, научившагося носить личину культуртрегера, какъ нѣмцы называютъ...

— Зачѣмъ думать только объ этомъ? — остановила его Елена.— Неужели люди, какъ мы съ вами, не заработали себѣ дорогого права хоть на одинъ мигъ улетѣть изъ той долины скорби, гдѣ кишать зло и грязь жизни? Только на одинъ мигъ! — протяжно повторила она.

Затуманенными глазами, точно сквозь дымку, видѣла она красивое мужское лицо, и пожатіе руки Боярцева усиливало ея тревогу.

Она близка была къ чему-то, чего она сама боялась.

Неужели мало еще она себя передѣлывала? Изъ пылкой, задорной спорщицы, вѣрующей въ свой научный авторитетъ, она превращается въ уступчивую, смиренную женщину, не дерзающую ни однимъ звукомъ противорѣчить ему.

И ему всего этого мало? И онъ не испытываетъ и подобія того, что, въ эту минуту, разливается по всѣмъ ея жиламъ и производитъ въ головѣ ея родъ опьяненія?

Не такъ давно надъ нею дѣлали опыты гипноза. Она оказалась не очень податливой, но все-таки не выдержала и начала впадать въ каталепсію. Она хорошо помнитъ, какое это состояніе, когда все, кромѣ одной точки, куда-то уплываетъ, и всѣмъ существомъ чувствуешь, какъ уходитъ воля, и сознание уже не въ силахъ управлять ею.

Теперь она проходитъ черезъ что-то похожее на гипнозъ. И ей не было уже стыдно за себя. Она вся тяну-

лась къ неизвѣданному блаженству. Хотя на одинъ мигъ да испытать его, всколыхнуть и мужчину — этого сдержаннаго и строгаго хранителя традицій, заразить его той же сладкой заразой.

— Елена Константиновна, — слышала она въ полубытьѣ его голосъ, — не считайте меня неспособнымъ чувствовать все благородство вашей натуры... Я глубоко тронутъ, повѣрьте мнѣ...

„Да, да, — думала Елена, замирая, — онъ хочетъ быть моимъ... только ему мѣшаетъ его сдержанность“.

— Повѣрьте, — продолжалъ онъ, и голосъ его дѣлался все нѣжнѣе, — такія вещи не забываются. Онѣ западаютъ въ душу. И я знаю — женщина, какъ *вы*, не могла бы замкнуться въ сухомъ матеріализмѣ. Пропастъ, какая была между нами еще не такъ давно, уже наполовину заполнена. Безъ общихъ вѣрованій одна страсть не въ силахъ позволить двумъ душамъ слиться во-едино. Пробужденіе было бы ужасно!

Елена смутно понимала, что онъ говоритъ. Она чувствовала только пожатіе его теплой и мягкой руки.

Его губы прикоснулись къ ея рукѣ. Она вся вздрогнула и инстинктивно отодвинулась отъ него.

Въ глазахъ ея все сильнѣе мутилось и въ груди стало жать... Ощущеніе, похожее на обжогъ, сѣднило ее.

Если она попуститъ себя, то выйдетъ что-то постыдное... если онъ и самъ не стремится къ тому же.

Она собрала послѣднія силы, выпрямилась и пролепетала:

— Боярцевъ! Я не умѣю разбирать... Зачѣмъ, зачѣмъ?.. Неужели и безъ словъ не видно...

Дальше она не могла говорить. Она чувствовала дрожь, и если бъ она не смолкла, то услышала бы, какъ у нея зубъ не попадаетъ на зубъ.

„Развѣ это уже не постыдно? — успѣла она спросить себя. — Почему? Какіе счеты?“

Боярцевъ еще разъ поцѣловалъ ея руку. На него нашло тихое умиленіе. Эта женщина дѣлалась ему очень близкой, но никакой особой тревоги онъ не испытывалъ.

Владѣй Елена собою хоть сколько-нибудь — она бы почувствовала, что къ *женщинѣ* его совсѣмъ не тягнетъ.

И онъ былъ слишкомъ честенъ, чтобъ подвинтить себя, позволить себѣ какой-нибудь возгласъ или жестъ, выше нотой того настроенія, въ которомъ онъ находился.

Руку она высвободила, машинально, не отдавая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ, потомъ откинула голову на спинку стула. Щеки ея поблѣднѣли, глаза совсѣмъ потухли.

Она какъ-то вся покачнулася въ сторону и охватила голову Боярцева; губы ея страстно и прерывисто стали цѣловать его въ волосы, выше лба; вся она дрожала и не могла ничего выговорить. А изъ глазъ текли двѣ крупныя слезы...

XXIII.

— Юрій Петровичъ сейчасъ будутъ,—доложилъ Акридиной коридорный, показавшись въ дверяхъ.

Елена, плохо причесанная, въ домашней кофточкѣ, ходила по гостиной большими шагами.

На маленькомъ письменномъ бюро лежало раскрытымъ письмо, только что полученное ею.

Два пятна выступили на ея щекахъ, и глаза, съ краснѣющими вѣками, сосредоточенно глядѣли въ одну точку.

Она сдѣлала нѣсколько концовъ и подошла къ бюро.

Ее тянуло къ письму. Она взяла его опять вздрагивающими пальцами, хотѣла прочесть—въ который разъ!—и съ сердцемъ бросила.

Рядомъ лежалъ и конвертъ безъ марки. Письмо было доставлено сегодня утромъ отъ Боярцева.

Принесли его въ одиннадцатомъ часу. Теперь двѣнадцать. Полтора часа она была одна, сама съ собою, и не выдержала.

Оставаться одной дольше — она испугалась. Женская слабость не шла ей на подмогу, слезы не являлись; истерика не хватала ее своими желѣзными когтями и не стала ее бить.

Она вспомнила о Лыжинѣ. Онъ вѣдь все-таки „свой“, хоть они съ нимъ и стали дальше другъ отъ друга. Съ нимъ она можетъ говорить понятнымъ имъ обоимъ языкомъ.

Да и что же ей скрытничать!

Была бы тутъ Ида—она бы не послала за нимъ.

Ѣхать къ ней? Она и поѣдетъ; завтра же, — можетъ, сегодня, съ курьерскимъ, но до того, она задохнется.

Лыжинъ тихо вошелъ: Елена даже не замѣтила, стоя спиной къ двери, у окна.

— А! Другъ Лыжинъ!

Возгласъ Елены и ея лицо сейчасъ же показали ему, что она прислала за нимъ неспроста.

Лыжинъ давно забылъ ея выходку и совершенно искренно желалъ ей добраго исхода въ ея чувствѣ къ Боярцеву.

— Что такое, голубушка?

Обѣ руки его протянулись къ ней.

— А то, Лыжинъ, что я не хочу милостыни, не хочу подачекъ.

Онъ ничего не понималъ. Елена — какъ всегда женщины въ сильномъ градусѣ душевнаго волненія — произносила вслухъ то, что у ней ройлось въ головѣ въ ту именно минуту.

— Присядемъ,—сказалъ онъ ей ласково и серьезно, и не выпуская ея руки, подвелъ къ дивану.

И, сама собою, всплыла въ его головѣ мысль: „Не выйти тебѣ изъ ампула наперсниковъ“.

— Не хочу!—съ дрожью въ голосѣ, почти гнѣвно, крикнула Елена.

— Объясните! —тихо и съ улыбкой выговорилъ онъ, поглядѣвъ на нее исподлобья.

— Что жъ тутъ объяснять?! Ваша пріятельница Акридина добилась своего! Ей нужно хлѣба, а ей подають камень, въ видѣ законнаго брака, цѣломудреннаго, по Домострою, вѣроятно! И подо всѣмъ этимъ какая противная дворянская *иррепрошабельность*!.. Помилуйте! Женщина увлечена нами, чуть не стояла на колѣняхъ, заслужила наше благоволеніе — именно благоволеніе, а не любовь—тѣмъ, что выходила нашу умирающую мать. Потомъ она, въ припадкѣ женской слабости, взяла и стала цѣловать насъ въ голову—больше вѣдь ничего не было!—сказала она Лыжину, потряхнувъ головой. — Мы допустили ее до этихъ порывовъ, чувствуя, однако, за нее нѣкоторое смущеніе. Вернувшись домой, мы все обдумали и написали ей письмо съ предложеніемъ руки и сердца, достойнаго чувству признательности.

Елена порывисто схватила письмо съ бюро и подала Лыжину.

— Не угодно ли? Читайте, читайте!

Лыжинъ взялъ, не очень увѣренно, письмо и, прежде чѣмъ пробѣжать его, спросилъ:

— Да нужно ли?

— Читайте, говорю вамъ, коли я желаю этого! Не можете же вы быть „plus royaliste que le roi!“

Письмо было на четырехъ страницахъ листа матовой бумаги; почеркъ крупный, барскій, очень твердый. Чувствовалось по рукѣ, что писалъ не увлеченный страстью мужчина, а хорошій человѣкъ, относящійся къ женщинѣ „съ благоволеніемъ“, какъ жѣтко выражалась Абридина.

Онъ просилъ ее быть его женой — довольно тепло, въ умныхъ и оригинальныхъ словахъ. Сквозь все проходилъ отбѣнокъ признательности за мать, признаніе ея благородной натуры и надежда на то, что они могутъ, не вынче — завтра, соединить свои души въ единствѣ высшаго пониманія жизни.

Подъ конецъ стояло и нѣсколько фразъ, гдѣ, мягко по формѣ и очень твердо по существу, Боярцевъ выгораживалъ свободу своего „я“, указывалъ на твердость своихъ „вѣрованій“ и намекалъ, что онъ не изъ тѣхъ людей, кто способенъ, подъ влияніемъ любовнаго увлеченія, — а увлеченія въ письмѣ не было никакого, — отступить отъ своего „завѣта“.

— Что? Вы поняли всю эту музыку?

Елена заходила опять по комнатамъ большими шагами, сложивъ на груди руки усиленнымъ, чисто женскимъ жестомъ.

— Но вѣдь фактъ остается фактомъ, голубушка, — началъ Лыжинъ, отложивъ письмо. — Онъ дѣлаетъ...

— Предложеніе? — крикнула Елена. — Поймите же, что я не хочу его милостыни. Я не желаю, чтобы онъ возстановлялъ мое достоинство въ моихъ собственныхъ глазахъ.

— Это натяжка!

— Нѣтъ, не натяжка! Ты изволила меня цѣловать. Я — поборникъ традицій и дворянской чести — дарю тебѣ законное право цѣловать меня, сколько хочешь! Ха-ха!

Смѣхъ вылетѣлъ изъ ея горла, сдавленный, рѣзкій.

Лыжину дѣлалось за нее жутко.

— Можно иначе посмотреть.

— Не хитрите, другъ, не лгите мнѣ въ глаза. Вы — такой чуткій и бывалый — развѣ вы не почували, чѣмъ вѣетъ отъ этого елейно-дворянскаго письма? Не можетъ быть! Но вы хотите мнѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ, поднести ложку ревеню въ малиновомъ вареньѣ! Господи! — Она всплеснула руками, остановившись, какъ вкопанная, противъ дивана. — Господи! Налетѣла на меня страсть... Поздно... Положимъ. Не безобразно же поздно! Не ста-

рука и древняя. Мнѣ всего тридцать шесть. Вы это знаете! Объ одномъ молила судьбу—дай ты мнѣ хоть мѣсяцъ счастья, хоть недѣлю!.. Дай мнѣ знать, что такое, когда человѣкъ отдается тебѣ, когда ты закинула въ него искру—и вы оба забудете все и готовы умереть тутъ же, если это нужно. Одинъ только мигъ! Одинъ!

Елена подскочила къ нему и упала головой на его плечо. Рыданія душили ее и не могли прорваться.

— Не хочу я такого брака! Не желаю я подачки! Довольно и того, что я, какъ нѣмая раба, мѣла передъ нимъ, дѣлалась ренегаткой, выслушивала всѣ его рацеи на лампадномъ маслѣ. Зачѣмъ мнѣ такой бракъ? Что въ немъ будетъ безъ любви, настоящей, не моей одной, а насъ обоихъ,—что? Вѣчный раздоръ или постыдная измѣна всему, чѣмъ я до того жила, во что вѣрила, на что молилась!

— Послушайте! — остановилъ ее Лыжинъ и обнялъ, а свободной рукой сталъ гладить по ея рукѣ.—Вѣдь онъ не бѣжить отъ васъ. Любите! Въ бракъ или внѣ брака — развѣ это не все равно?

— Онъ допускаетъ до себя!.. Ха-ха! Ты и тѣмъ должна быть довольна. Ну, хорошо!.. Но онъ не допускаетъ свободной связи. Для него, прежде всего, обрядъ, традиція! А я этого не хочу, слышите ли вы, не хочу! Не хочу! — повторила она нѣсколько разъ и разрыдалась.

Голова ея вздрагивала отъ рыданій, лежа на плечѣ Лыжина.

— Смириться надо! — тихо выговорилъ Лыжинъ.—Голубушка! Нисская гордыня въ васъ!

— Не хочу! — повторила она съ усиленіемъ и опять, захлебнувшись въ рыданіяхъ, упала головой на подушку въ углу дивана и всхлипывала жалобно и глухо.

XXIV.

Студентъ Шинилинъ ходко подвигался по дорожкѣ аллеи, ведущей къ университетскимъ клиникамъ, на Дѣвичьемъ-Полѣ. Онъ шелъ въ своемъ подержанномъ драповомъ пальто, безъ мѣхового воротника, и рыжеватой фуражкѣ, откинутой, какъ всегда, на затылокъ.

День стоялъ мягкій, немного хмурый.

Давно не бывалъ онъ на Дѣвичьемъ-Полѣ. Съ тѣхъ поръ вывели еще цѣлый корпусъ клиникъ по правую руку.

Шелъ онъ и смотрѣлъ вдаль, на цѣлый городокъ, точно въ сказкѣ выросшій въ одинъ день, на полѣ, еще недавно запущенномъ и изрытомъ выбоинами и низкими оврагами.

Желто-красный цвѣтъ кирпича преобладалъ въ зданіяхъ. Зеленая крыша и бѣлая штукатурка виднѣлись справа.

Помнить онъ то время, когда еще новичкомъ попалъ на открытіе первой по времени клиники — слѣва, стоявшей еще безъ штукатурки. Пріѣзжали „особы“ изъ Петербурга, было торжественное собраніе въ аудиторіи, много профессоровъ и практическихъ врачей, по поводу съѣзда, случившагося, какъ разъ къ тому времени, около новаго года.

Устроительницу величали и съ кафедръ, и за завтракомъ. Безконечные столы протянулись вдоль коридоровъ.

У него тогда чуть не вышло исторіи съ однимъ изъ „фертиковъ“, исполнившихъ добровольно обязанности пѣвчихъ въ мундирчикахъ съ иголки. Это его возмутило. За завтракомъ у него немного зашумѣло въ головѣ, но въ мѣру. И сидѣлъ онъ около дверей той комнаты, гдѣ угощались пѣвчіе. Одинъ изъ нихъ — самый противный для него „мундирчикъ“ — все выбѣгалъ, точно изъ засады, и прислушивался, къ какой „особѣ“ обращаются со здравицей, исчезалъ стремительно и тотчасъ же хоръ подхватывалъ „многая лѣта“.

На этотъ счетъ онъ и сталъ прохаживаться. За „фертиковъ“ кто-то заступился и вышла порядочная перестрѣлка. Поддерживали его не студенты, а пожилые господа — одинъ писатель и двое, пріѣхавшихъ изъ провинціи, психіатровъ.

Немудрено было предвидѣть, что онъ угодитъ въ Бутырки, что и случилось.

Съ тѣхъ поръ много пережилъ онъ и въ студенческой своей судьбѣ, и въ идеяхъ, и въ чувствахъ. Онъ уже не совсѣмъ тотъ же Николай Шипилинъ. Прежней „прямолинейности“ въ себѣ онъ уже не чувствуетъ и не стыдится этого. Конечно, онъ не доходитъ до такихъ „крайнихъ граней“, какъ его пріятель Кострицынъ, но сильно склоняется къ его „теоріи личности“, не долюбливаетъ пріѣвшихъ ему общихъ мѣстъ, которыми, до сихъ поръ, пробавляются тѣ изъ его сверстниковъ, кто считаетъ себя „чистыми“ хранителями традицій шестидесятихъ годовъ.

Онъ не отступникъ. Нѣтъ! А только хочетъ думать и поступать на свой страхъ, ничего не бояться и смотрѣть на науку, на искусство, на жизнь, на народъ трезво, смѣло, не припиливая непременно извѣстнаго ярлыка.

Съ такой внутренней свободой ему теперь гораздо вольнѣ дышится. Нѣтъ уже передъ глазами какой-то дымки, сквозь которую смотреть на все тѣ, кто себя „чистыми“ величаютъ. Это — фарисейство, сознательное или нѣтъ — все равно.

А когда нужно стать на сторону честнаго дѣла — онъ все тотъ же Шипилинъ. Какъ его радостно подмигало, когда „прятали“ Олимпиаду Дмитріевну! Всѣ тѣ дни у него на душѣ было „ликованіе“, точно онъ самъ все это продѣлалъ. Радъ онъ и за Кострицына. Видимое дѣло, тутъ кончится любовью. Иванъ Кузьмичъ и теперь уже „включуль“. Его узнать нельзя. Вотъ что страсть выкидываетъ! Горами двигаетъ. Кто бы могъ подумать, что такой „Сократъ“ — и вдругъ отправится къ генералу Кншкетову и добьется своего — произведетъ „психическое давленіе“!

— Молодецъ! — громко выговорилъ Шипилинъ, ускоря шагъ.

Въ такомъ поведеніи, въ сущности, нѣтъ никакого противорѣчія его философіи. Что онъ проповѣдуетъ? Развитіе личности. Онъ полюбилъ женщину, ея натуру, талантъ — и сталъ на ея сторону, какъ онъ постоялъ бы и за себя, и совершенно такъ же, всѣми доступными ему средствами, сталъ бы бороться съ врагами.

Положимъ, и Воденягинъ способенъ на то же. Онъ и тревогу-то забилъ, тогда, на вечеринкѣ въ „Ясляхъ“. Однако, разговорись съ нимъ „по душамъ“, и сейчасъ же всплыветъ наверхъ все то, что такъ побѣдоносно громить Иванъ Кузьмичъ, что, въ концѣ концовъ, ведетъ къ рабству личности передъ навязанными запретами и повелѣніями, — къ „слюняйству“.

Съ этого пункта его, Шипилина, теперь никто не сдвинетъ.

Никто! Даже и другъ его Владимір Мечъ. Они имѣли, на-дняхъ, долгія ночныя бесѣды на эту тему. И тотъ его не переубѣдилъ.

Натура глубокая — Володя; но голова — квадратная, неподатливая. Слишкомъ въ немъ „нутро“ заѣдаетъ смѣлость отношенія къ жизни и накладываетъ на все печать

„душевнаго ковырянья“. Жизни онъ боится, женщины не знаетъ, на оперетку до сихъ поръ смотритъ какъ на что-то позорное и никогда не смѣется. Такимъ и останется.

Къ нему, въ клинику, и шель Шипилинъ. Не близкое мѣсто „пропонтировать“ туда; да онъ хорошій ходокъ и терпѣть не можетъ ждать конку и сидѣть въ каретѣ, гдѣ всякія салопницы торчатъ какъ „кикиморы“.

Володя просилъ его зайти за нимъ, по окончаніи визитаціи въ общихъ клиникахъ. Почему-то ему приспичило. Вышла у нихъ заминка въ отчетности, по суммѣ, израсходованной на пособія. Два „землячества“ вели свое дѣло сообща. Ни къ одному изъ нихъ Шипилинъ не принадлежалъ. Мечъ считался въ одномъ изъ нихъ и былъ довѣреннымъ лицомъ. Онъ—изъ юго-западныхъ губерній. Отецъ его—южно-руссъ; мать—родомъ поляка.

Въ подъѣздѣ одного изъ клиническихъ зданій Шипилинъ молодцовато взбѣжалъ и отдалъ унтеру палто въ обширныхъ сѣняхъ.

Лекціи отходили. Въ палатахъ еще работали студенты послѣднихъ годовъ. И въ сѣняхъ, и по коридорамъ не смолкалъ звукъ шаговъ, кучками и по-одиночкѣ двигались видмундиры съ голубыми воротниками, пробѣгали сидѣлки.

И по главной лѣстницѣ движеніе не прекращалось.

Шипилинъ зналъ, гдѣ ему подождать товарища.

Минутъ черезъ пять, не больше, Мечъ спустился сверху, сейчасъ же взялъ его подъ-руку и отвелъ въ сторонку, гдѣ они сѣли на подоконникъ.

Разговоръ ихъ пошелъ вполголоса.

Сюртуки были у нихъ разстегнуты. Мечъ держалъ себя очень опрятно и носилъ высокій жилетъ съ металлическими пуговицами.

Лицо у него, какъ всегда, было серьезно. Ничего особеннаго Шипилинъ въ его выраженіи не замѣтилъ.

— Въ чемъ же дѣло? — спросилъ онъ ласково и съ усмѣшкой взглянуть на товарища.

— Ты извини, Николай, — заговорилъ Мечъ, оглядываясь по сторонамъ. — Я тебя сюда вызвалъ.

— Не суть важно!

— Дежурный и сегодня. И домой скоро не попаду. У насъ третьягодня вышло безобразное галдѣнье... И такъ не могу. Уйду отъ нихъ!

— Изъ-за чего же сырѣ-боръ загорѣлся?

— Кажется, никто, — голосъ его дрогнулъ, — никто, — повторилъ онъ съ силой, — не смѣетъ меня заподозрить въ чемъ-нибудь... неблаговидномъ... хотя бы въ пустякахъ!

Онъ выговаривалъ слова съ усиліемъ и очень отчетливо.

— Кто же въ этомъ сомнѣвается?

Тонъ Шипилина продолжалъ быть легкимъ и полусмѣливымъ.

— И вдругъ, изъ-за одного пособія нашлись двое господъ, которые стали дѣлать намеки на то, что я покривилъ душою. Подделка этихъ намековъ была самая нѣшняя.

— Въ какомъ вкусѣ?

— Въ патристическомъ. Ты не знаешь того студента. Его фамилія Козелло. Держится онъ съ однимъ изъ земличествъ потому, что онъ, по матери, хохоль. Отецъ былъ литовецъ. Имя—настоящее литовское. Но онъ—православный. И какъ бы ты думалъ? Тѣ двое господъ стали инсинуировать, что я помирволилъ „своему человѣчку“.

Черта горечи залегла на лицѣ около рта.

— Почему же это?—точно не хотѣлъ понять Шипилинъ.

— Видишь ли, я—ляхъ!.. Они пронюхали, что мать моя была католичка.

— И только-то?

Шипилинъ всталъ и поправилъ фуражку.

— Это гнусно! — глухо и страстно выговорилъ Мечъ.

— Плюнь, Володя! Какъ тебѣ не стыдно! Уйди, если тебѣ это надоѣло.

— Я и уйду! Ты соглашаешься, что оставаться въ до-вѣренныхъ лицахъ нельзя.

— Плюнь — говорю тебѣ!.. Было бы это въ прежнія времена—мы бы этихъ молодчиковъ проучили. А теперь самое лучшее—оставить втуне.

Мечъ сидѣлъ, опустивъ голову, и лицо его не прояснялось.

XXV.

Совсѣмъ тихо въ клиникѣ. Кое-гдѣ горятъ лампы. По половику коридора прозвучали глухіе и скорые шаги сидѣлки.

Студентъ Мечъ только что сдѣлалъ перевязку ноги больному въ одной изъ хирургическихъ палатъ.

Больной былъ не опасный и скоро выпишется. Мечъ

занимался имъ все-таки очень старательно, какъ и всѣмъ, что онъ дѣлалъ.

Разговоръ съ Шипилинымъ оставилъ въ немъ горькій слѣдъ.

„Эхъ, Николай!—про себя повторялъ онъ, ходя по коридору замедленнымъ шагомъ, съ опущенной головой.— Эхъ, Николай! Для тебя все—пустяки! Очень ужъ ты форсистъ и въ себѣ увѣренъ! Хорошо тебѣ говорить: „плюнь!“

Онъ не могъ „плюнуть“ на то, что его мозжитъ уже который день.

Случай съ нимъ — не единственный. Такое время, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже!

Сколько онъ знаетъ фактовъ. Сотни! Они показываютъ кто нынче поднимаетъ голову; чѣмъ его ровесники и тѣ, что моложе, проникаются. Сухость, ловкачество, безпринципіе, а то такъ и просто ухарство, пошлость, и того хуже.

Развѣ онъ самъ не „влопывался“ въ грязныя исторіи, тоже изъ-за пособій, когда ручался за такихъ господъ, которые оказывались „червонными валетами“?

Одна такая исторія во всѣхъ подробностяхъ проходила передъ нимъ. Добрый малый, „душа-человѣкъ“ и на хорошемъ счету у профессоровъ, умѣлъ разжалобить хоть кого своимъ собственнымъ положеніемъ. И ему вѣрили, выхлопывали ему пособія, поручались за него... Чѣмъ же кончилось? Пошли по городу подложныя карточки и цѣлыя письма отъ извѣстныхъ лицъ къ богатымъ купцамъ... Поймался, наконецъ. Началось дѣло. Судебнаго слѣдователя онъ тоже разжалобилъ—тотъ указалъ ему на одного земляка, чтобы тотъ взялъ его на поруки. Выпустили его, и онъ на другой же день получилъ по фальшивому чеку двѣ тысячи рублей въ одной изъ конторъ Кузнецкаго-Моста, а черезъ четыре дня въ банкѣ чуть-было не получилъ по чеку въ восемь тысячъ. Тогда его засадили и будутъ судить.

Скажутъ: „всегда бывали мошенники, во всѣ эпохи“. Да! Но прежде такъ низко падали кутилы, безпутные барчуки. А вѣдь этотъ—изъ простаго званія, былъ на отличномъ счету, рефераты писалъ; всѣ считали его „симпатичнымъ“ малымъ, тихопькій, старательный по ученью, мягкій и уступчивый съ товарищами.

Замотался, говорили, женщина его запутала; такъ по-

кончи съ собою, какъ только тебя поймали съ поличнымъ. Нынѣшніе лгутъ, какъ закоренѣлые преступники, фальшиво каются, въ грудь себя бьютъ, сочиняютъ цѣлыя жалостныя исторіи. И какъ только выпустятъ ихъ на поруки—сейчасъ же фабриковать фальшивые чеки на тысячи рублей.

Онъ—„до гадости“ честный Владиміръ Мечъ—и вдругъ долженъ выносить намеки на то, что покривилъ душой въ пользу товарища „не чисто-русскаго происхожденія“. И онъ увѣренъ, что его и такіе господа, и даже другіе, болѣе порядочные, считаютъ „полячкомъ“.

Вѣдь это нынче чуть не бранное слово, немногимъ лучше „жидка“. Хорошо Шипилину говорить: „наплюй“. Ему никто не броситъ въ лицо обвиненія въ томъ, что онъ „не-русскій“... Ему—коренному москвичу по фамилии, по расті, по родителямъ.

И неужели онъ долженъ умышленно скрывать то, что его мать была полька! Если не захочетъ наживать себѣ въ послѣдствіи по службѣ разныхъ гадостей—благоразумнѣе будетъ скрывать.

„Какая гнусность!“—вскричалъ онъ про себя, и чувство почти физической тошноты засосало ему въ груди.

Да онъ и теперь, и давно уже, съ гимназіи, если не скрываетъ, то уклоняется отъ разговоровъ о своихъ родителяхъ, боясь, какъ бы какой-нибудь нахаль не выпалилъ ему:—„Такъ вы, значить, батенька, полуполячокъ?“

Если бъ не мать, онъ не зналъ бы ни одного звука на ея родномъ языкѣ. Она его учила, бывало, подъ вечеръ, послѣ того, какъ онъ приготовить всѣ уроки.

По отцу онъ южно-руссъ, но не „хохоль“, никакой въ себѣ не сознаетъ вражды и на великоруссовъ смотреть такими же глазами,—даже больше съ ними ладить, чѣмъ съ хохлами.

И онъ долженъ подавлять въ себѣ то, что ему стало дорого черезъ мать. Уйти къ людямъ ея расы онъ тоже не можетъ. У него нѣтъ ихъ чувства къ родинѣ, ихъ преданій, завѣтовъ, надеждъ и горечи. Онъ и говорить-то научился плоховато, а въ университетѣ и совсѣмъ отсталъ отъ языка.

Не желая играть двойственную роль, онъ не сходится съ поляками, но не хочетъ также выдавать себя и за коренного русскаго. Когда онъ только что поступилъ въ студенты, еще не было такого „духа“, какъ теперь во

всемъ, что—расовая борьба. Это—какое-то повѣтріе. Глядишь, тотъ, кто пять лѣтъ назадъ даже похвалялся своими общегуманными чувствами, теперь пяти словъ не скажетъ, не выбранившись въ патріотическомъ вкусѣ.

Нѣсколько разъ возвращался Мечъ къ той минутѣ, когда ему на сходѣ сдѣлали оскорбительный намекъ. Можетъ-быть, случись это три-четыре года назадъ, онъ бы сумѣлъ осадить такихъ господъ и въ концѣ концовъ „плюнулъ бы“, какъ совѣтуетъ Шипилинъ. Теперь онъ рѣшительно не можетъ отдѣлаться отъ острой боли, которую ощущаетъ второй день вездѣ—въ палатахъ, въ аудиториі, на улицѣ, дома.

Будь жива его мать, узнай отъ него про это—она бы вся затряслась и навѣрно сказала бы ему:—„Ты долженъ былъ имъ отвѣтить: да, во мнѣ шляхетная кровь, и я ея не стыжусь!“

Но развѣ можно теперь пускать такіе возгласы? Тебя или на-смѣхъ поднимутъ, или наговорятъ пошлостей, изъза которыхъ надо всѣхъ вызывать на дуэль.

Дуэль?—какъ бы не такъ! Это не въ нынѣшнемъ духѣ. Обколотить кого-нибудь, вътеромъ одного, пожалуй!

Образъ матери усилилъ его душевное разстройство.

Ему стали приходиться на память давно имъ забытые звуки вдохновенной рѣчи... Вступленіе къ „Пану Тадеушу“. Онъ беззвучно началъ выговаривать воззваніе къ родитѣ. Яркія картины стародавней жизни метались передъ нимъ. Вѣковая литовская „пуща“, великолѣпный взмахъ творчества: сцена звѣрей въ глубинахъ дремучихъ дѣбрей... „Войскій“ съ его рогомъ, судья, Зося, старый ключникъ, ряса капуцина, подъ которой скрывался грѣшникъ Соплица,—зароились въ его головѣ.

И страстные ноты изъ знаменитаго стихотворенія подкрались къ нему:

„Danaidy! rzuciłem w bezdeń...“

съ заключительными словами:

„I we łzach roztopioną duszę!“

И еще, и еще, столько сладкихъ звуковъ, отъ которыхъ дрожить въ груди и подступаютъ слезы.

Только что онъ сталъ припоминать маленькую элегію, всего въ какихъ-нибудь пять-шесть строкъ, и съ первыхъ звуковъ

„Polały się...“

двѣ крупныхъ слезы потекли по его щекамъ.

Онъ вынулъ платокъ и прошелся имъ по лицу. Ему не стало легче. Точно будто все, что въ его душѣ лежало подъ спудомъ, разомъ всплыло наверхъ. И такъ постыла дѣлалась ему вся его жизнь, ученье, будущая служба, недавніе годы наивныхъ идей и чувствъ, изъ-за чего онъ сидѣлъ въ Бутыркахъ и былъ удаленъ, вмѣстѣ съ Шипилинымъ, мытарства во время этого долгаго перерыва, постылыя хлопоты о вторичномъ принятіи въ студенты.

Все это представлялось ему такимъ печальнымъ вздоромъ. Вотъ на что слѣдовало бы „наплевать“, какъ предлагалъ Шипилинъ.

Сегодня онъ просилъ у ассистента хлороформу—съ нимъ вдругъ случилась схватка зубной боли. Тотъ хотѣлъ принести и забылъ.

Зубы успокоились—такъ же вдругъ, какъ это часто бываетъ; но про хлороформъ онъ почему-то вспомнилъ и спросилъ у прохаживавшагося по коридору служителя, дома ли ассистентъ.

— Они прошли къ себѣ.

„Попрошу,—подумалъ онъ,—на всякій случай. Ночью можетъ опять занять“.

И какъ будто у него отошло на душѣ отъ того, что онъ сейчасъ добудетъ у ассистента склянку со снадобьемъ, отъ котораго вся сознательная жизнь человека, послѣ нѣсколькихъ вдыханій, замираетъ и можетъ, безъ страданій, перейти въ небытіе, гдѣ нѣтъ ни страха, ни обиды, ни душевной боли, ни безвозвратныхъ потерь.

Поспѣшно повернулъ онъ къ комнатѣ ассистента.

XXVI.

Въ дверь къ Шипилину—онъ спалъ запершись—сильно стучались.

— Сейчасъ!—торопливо крикнулъ онъ, вскочилъ и подбѣжалъ, въ туфляхъ, къ двери.

— Что нужно?

— Къ вамъ, Николай Павловичъ,—отвѣтила его квартирная стѣмщица.—Нужно... Товарищъ...

Остальное онъ не разобралъ, накиннулъ на себя пальто и отперъ дверь.

Въ передней, рядомъ съ хозяйкой, стоялъ его товарищъ Дезидеріевъ, на этотъ разъ въ поношенномъ студенческомъ пальто и съ вязанымъ шарфомъ на шеѣ.

— Что такое?—тревожно спросил Шипилинъ.

Дезидеріевъ, прямо въ калошахъ, полныхъ снѣгомъ, вошелъ къ нему.

— Бѣда, братъ, Шипилинъ! Бѣда!

— Да говори толкомъ!

— Мечъ... приказалъ долго жить, — съ усиленіемъ выговорилъ Дезидеріевъ.

Онъ всю дорогу обдумывалъ, какъ бы ему приготовить Шипилина къ этой вѣсти; хотѣлъ сначала сказать: опасно заболѣлъ, и дорогою открыть ужасную правду. Но онъ не совладалъ съ такимъ тонкимъ подходомъ и бухнулъ.

Съ Шипилина пальто слетѣло. Онъ кинулся къ Дезидеріеву и схватилъ его за обѣ руки.

— Ты съ ума сошелъ! Нынче, братъ, не первое апрѣля. Да и шутка тупая.

Лицо у Дезидеріева все потемнѣло. Волосы торчали въ разныя стороны.

— Правда?

— Правда!—чуть слышно промолвилъ Дезидеріевъ, отвернулся и, сядя у стола, отъ волненія забарабанилъ двумя широкими пальцами.

Шипилинъ вдругъ заплакалъ и, схватившись за голову, легъ на кровать. Плакалъ онъ долго, всхлипывая, молодо и глухо, потомъ всталъ и, все еще въ одномъ бѣльѣ, подселъ къ столу.

— Говори,—слезы еще мѣшали ему говорить,—говори скорѣе... Неужели онъ самъ съ собою покончилъ?

— Самъ.

— Да вѣдь я его вчера еще въ клиникѣ видѣлъ... Онъ просилъ придти.

Шипилинъ захохоталъ по комнатѣ.

— Вотъ оно—времечко! Какихъ-то два пошляка стали инсинуировать, что онъ, видите ли, полякъ и покривилъ душой насчетъ выдачи пособія.

— Вотъ оно что! — точно про себя вымолвилъ Дезидеріевъ.

— И что же?—боязливо спросил Шипилинъ.

— А ты одѣвайся. Пойдемъ... Я расскажу.

— Хорошо, — кротко сказалъ Шипилинъ, и началъ одѣваться.

— Вчера вернулся онъ поздно. Я, знаешь, проснулся и говорю про себя: „это Мечъ пришелъ, должно-быть,

спорить. Такъ будутъ говорить и умники—смѣлѣе, чѣмъ простецы. Но ты этому не вѣрь. Ближайшій поводъ ничего, самъ по себѣ, не значить, другъ! Можно было „наплевать“, какъ ты мнѣ вчера совѣтовалъ; а я не могъ. Изъ-за этой пустяковины, на твой аршинъ, выглянулъ на меня цѣлый безконечный рядъ пошлости, измѣнъ, нахальства, попиранія всего, что не освящено расовой враждой и торжествующимъ бездушіемъ.

„Прощай, Коля, и вспоминай не обо мнѣ, не о моихъ добродѣтеляхъ, а о моей смерти—больше ни о чемъ. Берегись, говорю я тебѣ въ послѣдній разъ, бойся самого себя, бойся будущихъ легкихъ успѣховъ, ты вѣдь склоненъ къ тому, чтобы добиваться ихъ. Жизни въ тебѣ много, и это—великій даръ; но жизнь сама по себѣ ничего не стоитъ. Этотъ выводъ меня пронялъ только сегодня, и я уношу съ собою свое „я“, о которомъ твой пріятель Иванъ Кузьмичъ такъ хлопочетъ. И ему передай мой привѣтъ и желаніе, упорно защищая личность, не загубить ее. Обнимаю тебя!.. Не поминай лихомъ“.

XXVII

До Москвы оставалось двѣ станціи.

Лыжинъ взялъ ближайшій поѣздъ, плохой, но онъ могъ его доставить къ ночи въ Москву. Въ отдѣленіи онъ сидѣлъ вдвоемъ, потомъ совершенно одинъ до самой Москвы.

Онъ уже телеграфировалъ Кумачеву, прося его подождать его дома, даже и поздно—поѣздъ долженъ былъ придти около одиннадцати часовъ.

Въ немъ такъ сильно было возбужденіе, что онъ, скинувъ съ себя шубу, шагаль между диванами, держась за ихъ спинки. И отъ шапки ему дѣлалось жарко.

Стряслось нѣчто, изъ-за чего онъ станетъ лицомъ къ лицу съ своимъ принципіаломъ и увидить, можно ли ему оставаться на его службѣ, или нѣтъ.

Захаръ Лукьяновичъ, четыре дня назадъ, попросилъ его къ себѣ, рано утромъ, и „конфиденціально“ сообщилъ ему, что на его второй, ткацкой, мануфактурѣ что-то не совсѣмъ ладно. Рабочіе начинаютъ волноваться противъ главнаго техника-директора, англичанина родомъ.

Съ нимъ Лыжинъ познакомился, но не входилъ въ его дѣло, не осматривалъ самыхъ мастерскихъ, не желая вы-

зывать въ томъ подозрѣніи, точно онъ все подглядываетъ, чтобы потомъ доносить Кумачеву, да онъ и не смыслить ничего въ самомъ производствѣ. Его дѣло было: наблюдать за общимъ хозяйствомъ обѣихъ мануфактуръ и земельныхъ угодій. На обѣихъ состояло по особому управляющему, которые завѣдывали рабочими, учетомъ жалованья, заборомъ въ лавкахъ, содержаніемъ всѣхъ заведеній, состоявшихъ при мануфактурахъ, скотнымъ дворомъ, конюшнями, экипажами, огромнымъ штатомъ всякой прислуги.

На ткацкой фабрикѣ управляющій показался Лыжину жестокатымъ насчетъ рабочихъ уже въ первый его объѣздъ. Но ихъ казармы, лавки, пекарни, больницы—все было въ исправности. Вопросы штрафовъ онъ не касался, и о немъ не было у нихъ и рѣчи. Зналъ онъ и отъ управляющаго, что „Архипъ Архипычъ“ — такъ передѣлывали рабочіе по-русски имя и отчество англичанина, котораго звали *Арчибальдъ Ли*—„строгонекъ“ и „шутки съ нимъ плохія“.

Штрафы и переполнили чашу. Англичанинъ, съ годами богатѣя, — онъ имѣлъ, кромѣ большого жалованья, процентъ чистаго дохода, — становился все суровѣе. Ввелъ онъ, недавно, нѣсколько новыхъ видовъ производства и сталъ сильно выколачивать штрафы. По нѣкоторымъ книжкамъ приходилось до шестидесяти процентовъ заработной платы.

Тутъ-то и началось броженіе.

На фабрикѣ Лыжинъ, по просьбѣ Кумачева, долженъ былъ сначала „кедейно“ перетолковать съ управляющимъ и добыть отъ него самыя подробныя свѣдѣнія, дѣйствительно ли англичанинъ „перепустилъ мѣру“. Захаръ Лукьяновичъ не считалъ этой исторіи очень важной и думалъ, что управляющій слишкомъ „труса празднуетъ“. Тотъ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи, писалъ, что „не отвѣчаетъ ни за что, если не будутъ затребованы команды“.

— Иначе,—сказалъ ему успокоительно Кумачевъ,—я бы васъ не обезпокоилъ, Юрій Петровичъ, а отправился бы собственной персоной.

Вообще Лыжинъ замѣтилъ, что Кумачевъ, съ самой дуэли, дѣлами занимается спустя рукава, и всѣ почти вечера просиживаетъ за сильной игрой, и у себя, и въ клубѣ.

Двое сутокъ, проведенныхъ Лыжинымъ на фабрикѣ, убѣдили его, что если Кумачевъ не разрѣшить скидки штрафовъ, а еще лучше—не удалить директора, то выйдетъ что-нибудь очень печальное. Онъ увидѣлъ, что въ управляющемъ, когда разговоръ дошелъ до сути, сидитъ самый настоящій „жохъ“, который только по наружности „мягко стелетъ“. Онъ не отрицалъ, что директоръ стро-говецъ, но высказался такъ:

— Безъ штрафовъ нельзя стоять мануфактурному дѣлу! Захаръ Лукьяновичъ это прекрасно *сами* знаютъ. Штрафы всѣ за дѣло, хотя и „сильненьки“. Ежели въ новыхъ видахъ производства на нихъ не поналечь, будетъ чистѣйшій убытокъ.

И онъ началъ ему это высчитывать и на счетахъ, и по книгамъ.

Спорить съ нимъ Лыжинъ не сталъ. Разспрашивать у рабочихъ Кумачевъ не разрѣшилъ ему. Они прислали къ нему вожакѣвъ изъ самыхъ толковыхъ и получающихъ большую задѣльную плату. Сначала онъ не хотѣлъ ихъ принять. Но это ему показалось слишкомъ уклончивымъ, и онъ толковалъ съ ними нѣсколько часовъ.

Одинъ изъ нихъ, молодой малый, грамотный, складно говорящій, изъ тѣхъ, что стоятъ при набивныхъ машин-нахъ, сказалъ ему на прощанье:

— Извольте передать Захару Лукьяновичу, мы не за себя однихъ хлопочемъ, а за *темную массу*, — онъ такъ и выразился, — тѣмъ просто хотъ въ гробъ ложись съ такими анаѣемскими штрафами. Директоръ совсѣмъ осата-нѣлъ. Онъ собирается уходить, у него капиталъ въ триста тысячъ, коли не больше... Такъ ему, на послѣдяхъ, все едино. Теперь еще, коли хозяинъ скинетъ хотъ половину штрафовъ, народъ присмирѣетъ. А нѣтъ—мы ни за что не ручаемся; объ этомъ и управляющій достаточно увѣ-домлень.

И такъ это было сказано вѣско, что онъ почувалъ, вчуужѣ, что дѣло рѣзкое. Свое впечатлѣнiе передалъ онъ упра-вляющему, тотъ ему, все съ усмѣшкой, сказалъ:

— Это вѣрно! Надо вызывать команду, и сейчасъ же, до всякаго явнаго оказательства. Коли прогуманствовать хотъ недѣлю—будетъ погромъ на большую сумму. Можетъ, и краснаго пѣтуха пустать.

Англичанинъ и ухомъ не повелъ, даже не пришелъ

поддороваться съ Лыжинымъ. А онъ не считъ нужнымъ убѣждать его.

— Директоръ тутъ ни при чемъ, — сказалъ ему управляющій. — Онъ только указываетъ, а утверждаемъ штрафы мы.

Черезъ полчаса предстоялъ ему „докладъ“ у Кумачева, и онъ надѣлся, что Захаръ Лукьяновичъ, съ своимъ недюжиннымъ умомъ, сообразить опасность и не будетъ ставить все на карту изъ-за упорства англичанина, который и безъ того самъ собирается уходить, къ ближайшему сроку контракта.

Двое сутокъ на фабрикѣ разстроили его гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ тутъ еще разъ, на крутомъ примѣрѣ, увидалъ, какъ дѣйствуютъ „молотъ“ и „наковальня“, по образному выраженію князя Иларіона, которое ему припомнилось. Капиталь—безпощадень. Это такая же стихійная сила, какъ и броженіе массы. Хоть „въ гробъ ложись“, а штрафъ у тебя вытянуть, и ты вмѣсто пяти рублей получишь только три.

Его личное положеніе какъ бы въ сторонѣ; а все-таки ему стало жутко, и чѣмъ больше онъ перебиралъ въ головѣ подробности такого неизбежнаго столкновенія, тѣмъ роль его въ „домѣ Кумачевыхъ“ выставлялась передъ нимъ въ болѣе двойственномъ свѣтѣ. Что это за служба? Что-то въ родѣ „синекуры“, бесполезной и лживой, мѣсто какого-то „офиціалиста“, какъ говорятъ поляки, при миллионщикѣ—купцѣ, желающемъ держать при себѣ столбовыхъ дворянъ въ качествѣ приспѣшниковъ.

Въ такихъ мысляхъ ѣхалъ онъ къ Кумачеву по опустѣвшимъ улицамъ и переулкамъ Москвы. За нимъ въ слани сани. Это его тоже покорибило.

„Офиціалистъ!“ — повторилъ онъ, и ему вспомнилось умное, худое лицо молодого мастера, главнаго вожака депутаціи, которую онъ принималъ. Его клонить на ихъ сторону, и вовсе не изъ страха за мощну „его степенства“.

Кумачева засталъ онъ въ кабинетѣ, за картами, съ игрокомъ Спѣшановымъ, однимъ изъ его секундантовъ. Они играли въ палки. На столикѣ стояла ваза съ бутылкой шампанскаго.

Захаръ Лукьяновичъ съ краской, проступившей въ его смуглыхъ щекахъ, принялъ его пріятельскимъ возгласомъ и сейчасъ же предложилъ „стаганчикъ холодненьбаго“, отъ котораго Лыжинъ отказался.

— Ну, что? — спросил онъ его, дѣлая перерывъ въ игрѣ. — Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ?

Тонъ его показался Лыжину безцеремоннымъ.

— Какъ сказать! Я попросилъ бы васъ выслушать меня сейчасъ же. Дѣло рѣзкое.

И онъ взглянулъ бокомъ на Спѣшанова.

— Тутъ никакихъ секретовъ нѣтъ, — громко выговорилъ Кумачевъ. — Голубчикъ, — обратился онъ къ игроку, — извини. На четверть часика мы повременимъ. Полежи на диванѣ, родименькій.

— Ладно, — отвѣтилъ Спѣшановъ и потянулся.

Кумачевъ отвелъ Лыжина къ письменному столу.

— Ваша депеша очень ужъ была нервная, любезнѣйшій Юрій Петровичъ.

— Вы — хозяинъ, — заговорилъ Лыжинъ, — вамъ и книги въ руки. Но мое мнѣнiе таково: скинуть пятьдесятъ процентовъ, а еще лучше удалить директора или управляющаго, а то и обоихъ разомъ.

— Вы это серьезно? — сказалъ Кумачевъ и злобно усмѣхнулся.

Отъ него сильно пахнуло виномъ на Лыжина

— Безусловно!

— Ну, нѣтъ-съ! — точно выпалилъ онъ, грузно поднялся съ кресла и заходилъ по кабинету. — Слышалъ, Спѣшановъ?

— Слышалъ, — тягуче откликнулся игрокъ, зѣвнуль и еще разъ потянулся. — Анархистовъ разводить!

— Именно. Смѣху подобно! — продолжалъ Кумачевъ, выпрямляя свою широкую грудь. — Поблажать мерзавцамъ, которымъ у меня живетъ какъ у Христа за пазухой! И больницы, и школы, и разныя затѣи маменьки моей, и папушникъ имъ отпускаютъ себѣ въ убытокъ! Если бы даже штрафы и были строги, — онъ ближе подошелъ къ Лыжину, — то и тогда ни единой полушки не слѣдуетъ скидывать. Dura lex, sed lex! Штрафы законные, и ихъ мы имѣемъ право взимать. Иначе — анархія! Чистѣйшая анархія!

— А погромъ будетъ?.. — тихо и твердо спросилъ Лыжинъ.

— И очутятся на Владиміркѣ. Я скорѣе, любезнѣйшій Юрій Петровичъ, лишусь половины состоянiя, чѣмъ уступлю мое право. Онъ самъ будетъ у меня даромъ работать? Дастъ онъ мнѣ даромъ хоть одну полушку? Вы изволили

предложить: прогони директора! И плати ему неустойку въ тридцать тысячъ? Изъ-за пропойцъ, которые только и порываютъ, какъ бы имъ произвести буйство!

И, точно спохватившись, онъ отошелъ отъ стола и сказалъ, поднявъ голову:

— Извините-съ! Весьма вамъ благодаренъ за ваше одолженіе, за поѣздку. Но по доброй волѣ налагать на себя руки,—слуга покорный! Я не Людовикъ Шестнадцатый... Гуманность-то до чего его довела?

— Ха-ха!—разразился Спѣшановъ.

Лыжинъ замолчалъ и взялся за шапку.

XXVIII.

Онъ проснулся рано, только начало свѣтать, и его вчерашній разговоръ съ Кумачевымъ тотчасъ же охватилъ его всего.

Онъ не могъ больше лежать въ постели и, одѣвшись наскоро, заходилъ по кабинету.

Положимъ, Захаръ Лукьяновичъ вчера былъ возбужденъ крупной игрой — онъ, кажется, выигрывалъ — и шампанскимъ; но то, что и какъ онъ говорилъ, было такъ опредѣленно и такъ отвѣчало всему его душевному облику.

У „патрона“ съ подобной подладкой ему, Юрію Лыжину, не пристало находиться въ услуженіи.

Слѣдуетъ уйти — и какъ можно скорѣе: этотъ выводъ вытекалъ просто, безъ всякихъ дальнихъ разсужденій.

И ему стало вдругъ очень легко, точно онъ освободился отъ какой-нибудь тяжелой обузы.

За послѣднія двѣ недѣли весь этотъ домъ Кумачевыхъ дѣлался ему довольно-таки постылымъ. Нину онъ не могъ оправдывать ничѣмъ. Она пошла на порядочную „гнусность“ — какъ любятъ выражаться пріатели и пріятельницы Липы Угловой. Страсть тутъ ни при чемъ. Если бъ она отдалась барону, она ушла бы отъ мужа. Ревновать можно, но пускать въ ходъ доносы или что-то въ родъ этого...

Да и его „степенство“, Захаръ Лукьяновичъ, хотя онъ и вышелъ героемъ изъ всей этой исторіи, ведетъ съ женой какую-то чисто-купеческую „линію“. Нина должна кончить тѣмъ, что будетъ дѣлать его, Лыжина, судьей своего поведенія. А ему вовсе не желательно становиться между ними посредникомъ.

„Надо сегодня же заявить письмомъ“, — рѣшилъ-было

— Погромъ, стало-быть? — не безъ злораднаго чувства спросилъ Лыжинъ, и въ упоръ взглянулъ на Кумачева.

— Да-съ.

— Чтò я вамъ говорилъ вчера? Значить, ни я, ни даже вашъ управляющій труса не праздновали!

— Это не суть важно! — глухо и злобно выговорилъ Кумачевъ. — Я сейчасъ їду и требую усиленную команду.

— Вразумите вы его! — страстно обратилась Кумачева къ Лыжину. — Вїдь это прямо идти на душегубство!

— Мало ли чтò! — отозвался Кумачевъ.

— Когда можно сейчасъ же усмирить ихъ...

— Если уже не поздно, — добавилъ Лыжинъ. — Я вчера совѣтовалъ Захару Лукьяновичу.

— Прекрасный совѣтъ! Иначе сказать: прости имъ штрафы и прогони директора. И неустойку плати ему въ тридцать тысячъ.

„Ахъ ты аршинники!“ — подумалось Лыжину, и онъ покраснѣлъ, обиженный тономъ Кумачева.

— Ну, такъ у васъ будетъ полумилліонный погромъ! — выговорилъ онъ такъ же рѣзко, и опустился на диванъ, вытянувъ ноги.

— Непремѣнно! — вскричала Раиса Гордѣвна.

— Лучше во сто разъ погромъ, чѣмъ потакательство! Я стою на законной почвѣ. То, чтò дѣлается у насъ, — дѣлается вездѣ. Если уступать, то пристойнѣе подарить всю мануфактуру пьяной и буйной сволочи.

Лыжинъ не выдержалъ и поднялся.

— Ругательствами, Захаръ Лукьяновичъ, вы ничего не докажете. Мое дѣло — сторона. Я вамъ сдѣлалъ одолженіе, что їздилъ туда и высказалъ вамъ мой взглядъ. Теперь позвольте мнѣ, вотъ при вашей матушкѣ, заявить вамъ, что я не могу у васъ больше оставаться. Мой искусь конченъ. У насъ вѣдь контракта нѣтъ, и я васъ предупреждалъ.

Когда онъ это говорилъ, то все въ немъ дрожало; даже въ лицѣ, у рта и на вискахъ, пробѣгали нервныя струйки.

— Какъ угодно-съ! Это ваше дѣло!

У Кумачева точно чтò перехватило въ горлѣ, и онъ запустилъ обѣ руки въ карманы властнымъ и безцеремоннымъ жестомъ.

Въ дверь, безъ доклада, вошелъ Кострицынъ, держа въ рукахъ двѣ депеши.

— Я сейчасъ изъ амбара, — заговорилъ онъ, небрежно поклонившись Кумачеву, и подаль руку Лыжину. — Рансѣ Гордѣевнѣ мое почтеніе!

— Оттуда? — спросилъ Кумачевъ и подошелъ къ нему.

— Особенныя!.. Я только что пріѣхалъ вчера вечеромъ, — обратился онъ въ сторону Лыжина.

Ранса Гордѣевна подошла къ сыну. Онъ вскрывалъ депеши.

— Чтò? — упавшимъ голосомъ спросила она.

— Превосходно! — вырвалось съ усиліемъ изъ гортани Захара Лукьяновича. — Анархія! Погромъ полный! Убытка было уже на триста тысячъ въ одинъ день. Вызвана команда.

Онъ бросилъ обѣ телеграммы. Ихъ взяла его мать и, опустившись, въ большомъ волненіи, на кресло, жадно перечитывала.

— Вы этого сами желали, — выговорилъ Лыжинъ и поглядѣлъ на Кострицына.

Тотъ отвѣтилъ ему взглядомъ, гдѣ была затаенная радость. „Такъ, молъ, и нужно супругу Антонины Борисовны“.

И въ эту минуту въ кабинетъ вошла Нина, въ пеньюарѣ, свѣжая и величавая.

— Чтò такое, Закки? — спросила она смѣло.

Кумачевъ пристально поглядѣлъ на нее и выговорилъ съ оттяжкой:

— Мужъ вашъ, Антонина Борисовна, стойтъ за свое право. На ткацкой мануфактурѣ бунтъ и погромъ. Маленька и вотъ господинъ Лыжинъ требовали отъ меня простить штрафы и прогнать директора. И вы того же мнѣнія?

— Я мнѣнія моего мужа, — торжественно сказала Нина, окинувъ взглядомъ свекровь и Лыжина, и протянула руку Захару Лукьяновичу.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и вскричалъ:

— Въ добрый часъ! Такъ-то лучше!

XXIX.

Ямская пара подвезла почтовую открытую повозку къ домику, гдѣ все еще скрывалась Липа Углова.

Засыпанный снѣгомъ, выскочилъ Кострицынъ и, отряхнувшись, сказалъ ямщику:

— Ты, милый человекъ, подожди здѣсь маленько. Потому мы дохой поѣдемъ, на Мясницкую.

- Какъ угодно,—отвѣтилъ хмуро ямщикъ.
- Будетъ на-водка здоровая,—добавилъ Кострицынъ.
- И на томъ спасибо.

Ямщикъ приподнялъ свою форменную высокую шапку. Шелъ шестой часъ. Кругомъ все было уже темно, и керосиновые фонари хмуро мигали.

Кострицынъ еще разъ отряхнулся и осторожно вошелъ въ сѣни, освѣщенные лампочкой.

Въ „Яслихъ“ еще шла жизнь.

Онъ разсчитывалъ, что застанетъ Липу одну. Ея хозяйка навѣрно или наверху, или на практикѣ.

Ему отворила кухарка.

— Олимпиада Дмитриевна?—не совсѣмъ спокойно спросилъ онъ.

— Пожалуйста. Онъ у себя. Въ столовую пройдите. Я сейчасъ доложу... Какъ васъ, баринъ, занесло!

Кухарка стала отряхивать его шубу.

— Минуточку... Я сейчасъ доложу. Онъ, никакъ, отдохнуть прилегли.

— Нездоровы?—спросилъ онъ, протирая платкомъ глаза.

— Нѣтъ... такъ. Я ихъ сегодня за чаемъ видѣла.

Кострицынъ прошелъ въ столовую, гдѣ горѣла височая лампа.

Второй разъ ѣздилъ онъ въ уѣздъ. Теперь тамъ все готово, и если Липа желаетъ, хоть сегодня можно переѣхать. Его товарищъ по университету — парень хорошій, и жена его также. Они, безъ всякихъ лишнихъ разспросовъ, вызвались приютить „бѣглянку“. А оттуда, по нѣкоторомъ времени, можно будетъ и дальше отправиться. Коли на то пошло, и заграничный паспортъ выправить гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ.

Дорога, полная ухабовъ, по старому шоссе, отколотила ему всѣ бока, но онъ не чувствовалъ утомленія и заходилъ по комнатамъ, управляя руками сбившіеся на лобъ волосы.

Ему пришлось подождать.

„Навѣрно ей неможется, — прервалъ онъ нить своихъ собственныхъ соображеній,—да и бездѣйствіе ее гнететъ. Все это—только палліативныя мѣры. Не то ей нужно“.

Онъ зналъ радикальное средство прекратить всѣ эти ходы — укрывательства и переѣзды съ мѣста на мѣсто. Если бъ генераль Киншкетовъ и сталъ ей мстить изъ-за него, изъ-за того, что онъ вынудилъ его возвратитъ нѣ-

которые документы, тогда надо было бы имѣть дѣло прямо съ нимъ, съ Иваномъ Кострицынымъ. Нужды нѣтъ, что онъ не важная птица въ глазахъ *властей*. За себя онъ постоитъ, за себя и за ту, кто поручить ему навѣкъ защиту своей личности, свое достоинство и честь.

„Честь!—повторилъ онъ медленно, про себя. — Честь!“ Сколько будетъ злобныхъ прибаутокъ на этотъ счетъ—и не у одного такого Кишкетова, а у всѣхъ. Можетъ-быть, даже у Лыжина, его перваго, въ настоящее время, пріятеля, которому онъ обязанъ, прежде всего, тѣмъ, что тотъ такъ искренно принималъ участіе въ Липѣ.

„Люби!“—разрѣшилъ онъ ему на-дняхъ. Да! Но какъ люби?—„Добивайся взаимности, дѣлайся ея возлюбленнымъ. Она—актерка. У нея цѣлое прошедшее, и довольно легкое. Не ты первый, не ты послѣдній“.

Краска загорѣлась на его щекахъ. Онъ остановился у стола и оперся о него лѣвой рукой.

Лыжинъ, когда онъ ему откроетъ свою тайну, будетъ азвить:

„Батюшка, Иванъ Кузьмичъ! Такъ-то вы проводите въ жизни свою теорію личности, возмущившейся противъ всякаго рабскаго преклоненія передъ слюнявой моралью жертвы и самоотреченія? А это что же такое? Желаете возстановлять заблудшую овцу? Прикрывать своимъ именемъ ея прошедшее? Впадать въ непростительный самообманъ? Развѣ на то вы лелѣли свое „я“, чтобы донкихотствовать изъ-за какой-то шальной бабенки? Коли желаете ея обладать—добивайтесь, но не срамите себя“.

Вотъ что можетъ сказать даже благодушный и воспитанный Лыжинъ. А другіе какъ начнутъ квать!

Въ груди у него стало холодѣть.

„Да ты на что же самъ-то такъ разсчитываешь?“ — вдругъ осадилъ онъ себя.

Ему сдавалось, что сегодня, вотъ черезъ четверть часа, въ этой маленькой столовой произойдетъ нѣчто.

Развѣ Олимпиада Дмитриевна дала ему почувствовать, что онъ ей особенно дорогъ? Или онъ думаетъ поразить ее, осчастливить? Чѣмъ? Какая сласть раздѣлить его судьбу—судьбу шатуна, который ничего крупнаго не создастъ и даже не прогремитъ?

Какая претензія!

Правда, когда онъ прибѣжалъ къ ней отъ Кишкетова и вотъ на этотъ самый столъ кинулъ конвертъ съ бума-

гами, она обняла его, первая, поцѣловала въ голову и на ея прекрасныхъ глазахъ заблестѣли слезы.

— Вотъ вы какой! Вотъ вы какой! — повторяла она и долго-долго жала его руки.

Но что же изъ этого? Будь на его мѣстѣ Воденягинъ — порывъ ея благодарности сказался бы точно въ такихъ же формахъ. А развѣ она можетъ „воспылать“ къ Воденягину?

Это слово „воспылать“ бросило его опять въ жаръ — такъ онъ себѣ показался пошлѣ и преисполненъ самобытія.

Дверь отворилась изъ коридора.

— Иванъ Кузьмичъ! Голубчикъ! Простите. Я заспалась.

Вышла она къ нему въ фланелевомъ пеньюарѣ, съ полюбнаженными руками — онъ еще не видалъ ея въ немъ — и ея могучая коса была подобрана на маковѣ въ небрежный и красивый узелъ.

— Нездоровы? Скажите?..

Онъ взялъ ее за обѣ руки и глядѣлъ на нее радостно и тревожно вмѣстѣ.

— Нѣтъ. Такъ, голова все болитъ. Да и клонить ко сну... отъ ничего недѣланья, милый Иванъ Кузьмичъ. Одурь беретъ. Читаешь, читаешь...

— Затворница! — вскричалъ Кострицынъ и отвелъ ее къ буфету. — Конецъ вашему сидѣнью. Я прямо изъ уѣзда.

— Сюда? На почтовыхъ?

— Все устроилъ. Если угодно, хоть сегодня ночью совершимъ переходъ изъ земли халдейской въ землю ханаанскую.

Она опустила на стулъ. Сѣлъ и онъ — прямо противъ нея.

Липа провела рукой по лбу, и влюбленные глаза Кострицына слѣдили за этой прекрасной рукой, гдѣ оставалось, на двухъ пальцахъ, нѣсколько цѣнныхъ колецъ.

— Иванъ Кузьмичъ, — протянула она, — къ чему все это? Зачѣмъ вы меня спасаете? — съ горькой усмѣшкой добавила она. — Нѣтъ во мнѣ вѣры въ себя, нѣтъ и нѣтъ!

— Не извольте клеветать на себя! — почти вскрикнулъ онъ и схватилъ ея руки. — Я не позволю... Натура у васъ богатая. Надо дать ей свободный ходъ. Искусъ вашъ близится къ концу. Вотъ переѣдете къ моимъ пріятелямъ, поживете у нихъ... Тамъ будете готовиться. Въ васъ сидитъ душа и темпераментъ Рашели! Я въ это глубоко вѣрю... Дорогая моя!

— И-и!—протянула Липа.

На лицѣ ея все еще лежала тѣнь.

— Понимаю,—продолжалъ Кострицынъ, сразу сбавивъ тонъ, и голосъ его сталъ глуше.—Понимаю! Вамъ все это постыло. Вся эта канитель. Положимъ, у того пакостника когти обрѣзаны. Но васъ все-таки могутъ обезпокоить. Тутъ нужно было бы не то.

— А чтò?—спросила Липа.

Вопросъ ея былъ, по звуку своему, такъ простъ, что Кострицынъ совсѣмъ растерялся.

— Женщина... не можетъ сама бороться такъ, какъ мужчина,—пролепеталъ онъ, чувствуя, какъ уши у него горять.

— Ну такъ что же? — все такъ же просто спросила Липа, ласково взглянувъ на него, не отнимая руки.

— Олимпиада Дмитриевна! — голосъ у него перехватилъ. — Я прошу одного слова, одного. Вы лгать не способны. Опъ все еще вамъ... дорогъ?

— Кто онъ?—весело окликнула она.

— Тотъ... офицеръ.

— Ха-ха! Вотъ чтò выдумали, Иванъ Кузьмичъ!

Смѣхъ ея тотчасъ же оборвался.

— Значить, совсѣмъ ничего?

„Съ какой стати ты ее исповѣдуешь?“ — оборвалъ онъ себя.

— Полная пустышка!—шутливо вымолвила Липа.

„Дуракъ! Самомнительный уродъ!—бранилъ онъ себя.— Сжѣшь ли ты мечтать? Съ твоей-то рожей амбарнаго Соврата!“

— Генералъ уже имѣлъ дѣло со мною, — заговорилъ онъ, и почувствовалъ, что началъ не такъ. — Но вѣдь вы сегодня здѣсь, завтра васъ нѣтъ. И кто будетъ около васъ?

„Не то, не то!“ — почти съ ужасомъ повторялъ онъ про себя.

— Я не хочу вторгаться въ вашу жизнь, Олимпиада Дмитриевна. Но я весь тутъ. Возьмите меня! Не желаю играть роль великодушнаго Андроника! Нѣтъ! Знаю, и уродъ... Полюбить меня трудно.

— Почему?—спросила Липа и поглядѣла на него привѣтливо и съ милымъ недоумѣніемъ.

— Я весь тутъ!—шепталъ Кострицынъ и опустилъ голову низко, охваченный стыдомъ и смущеніемъ.— Не отталкивайте! Не добивайте!

Тутъ только она поняла и сказала ему тихо и просто:
— Спасибо! Милостыни я ни отъ кого не приняла бы, даже и теперь. Но это не милостыня... Я вижу...
Онъ сталъ безумно цѣловать ея руки.

XXX.

Самоваръ раздѣлялъ ихъ. Лыжинъ налилъ стаканъ и подаль его Кострицыну, сидѣвшему противъ него, у чайнаго стола.

Лицо у Кострицына было очень красное и на лбу блестяли капельки. Комнаты натопили сильнѣе обыкновеннаго. Лампа прибавляла тепла. Лыжинъ сидѣлъ въ домашнемъ пиджакѣ. Ему сегодня немного нездоровилось, и онъ еще не выѣзжалъ съ утра.

— Значить, Иванъ Кузьмичъ, произойдетъ на этихъ дняхъ возложеніе вѣнцовъ, отъ „камене чѣстна“?

— Произойдетъ, друже, произойдетъ!

Кострицынъ смотрѣлъ немного сконфуженно. Онъ все еще ждалъ, что Лыжинъ вотъ-вотъ начнетъ его пронимать на тему „слухняйской морали“. Но тотъ до сихъ поръ ничего подобнаго не говоритъ. Онъ самъ находится въ возбужденіи послѣ ухода своего отъ Кумачева.

Дѣло было при Кострицынѣ.

Они не поднимали вопроса о томъ, правъ ли былъ „патронъ“, упорствуя въ своихъ хозяйскихъ принципахъ. Лыжину сдавалось, что Кострицынъ будетъ его въ известной степени защищать. Но тотъ ни однимъ звукомъ не выразилъ даже сожалѣнія о томъ, что онъ ушелъ отъ Кумачева.

Сдавалось ему и то, что и Кострицынъ долго не останется на службѣ у Кумачева, и вообще—въ Москвѣ. Въ подробности онъ еще не вдавался; но ясно, что если они на-дняхъ повѣнчаются съ Липой Угловой, гдѣ-то тамъ, въ уѣздѣ, то онъ при ней и останется тамъ, или оба уѣдутъ куда-нибудь въ далекую провинцію.

— Тебѣ особенныхъ хлопотъ не стоило добыть священника? — спросилъ Лыжинъ и веселѣе поглядѣлъ на пріятеля.

— Нѣтъ. Товарищъ помогъ. Онъ тамъ, въ уѣздѣ, сильную руку имѣеть... кандидатъ въ предводители. У него же на погостѣ. Да мы, другъ Юрій Петровичъ, легально, по документамъ. Она вѣдь по аттестату жила... Нынче этого

въ столицахъ недостаточно, а въ уѣздѣ сойdetъ. И метрика у нея есть. У меня тоже все въ порядкѣ.

— Такъ ты желаешь, чтобы у васъ было непременно по два шафера? А?

— Ты не обидишь?..

— Да я, братъ, съ удовольствіемъ... А у Олимпиады Дмитріевны кто будетъ?

— Петренко... Знаешь, тотъ литераторикъ... душевный парень... И студентъ.

— Какой?

— Студентъ—одно слово. Студентъ по преимуществу. Пріятель мой Шипилинъ. Я, знаешь, и радъ, что онъ прійдетъ. Его распорядительская жилка затрепещетъ. Онъ и спичемъ насъ угоститъ! А то мнѣ его жалъ: хандритъ бѣдняга... потерялъ перваго своего закадыку.

— А! Тотъ студентъ! Какъ, бишь, его?

— Владиміръ Мечъ.

Оба помолчали. Лыжину было извѣстно объ этомъ самоубійствѣ и даже, отъ Кострицына, содержаніе его письма къ Шипилину.

— Времецко!—глухо выговорилъ Лыжинъ и тряхнулъ головой.

— Пустяки, Юрій Петровичъ. Все это остатки больныхъ теченій... вотъ такой неестественный пессимизмъ! Личность надо воздѣлывать—вотъ чтò! Ядомъ да революверомъ ничего не докажешь, когда они обращены на самого себя. Такъ-то!

Кострицынъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— А знаешь, я тебя о чемъ попрошу, Юрій?

Онъ назвалъ такъ пріятеля въ первый разъ.

— Говори!

— Только ты меня, пожалуйста, на смѣхъ не подними!

— Кольца тебѣ обручальныя и свѣчи купить въ городѣ?

— Нѣтъ. Не то! Не удивляйся!

— Да говори.

— Пойти со мною.

— Сегодня-то я, на ночь, не хотѣлъ бы. Знобитъ меня немного.

— Здѣсь, здѣсь, въ номерахъ. Пойти къ господину Воденягину... Видишь, Олимпиада Дмитріевна просила зайти къ нему и еще разъ поблагодарить.

— А-а!—протянулъ Лыжинъ и изъ-за самовара поглядѣлъ на Кострицына съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Можешь?

— Пойдемъ. Что жъ? Онъ себѣ вѣренъ.

— Весьма. Имѣеть полное право оставаться при своемъ credo и переть... противъ рожна!— вскричалъ весело Кострицынъ, обрадованный тѣмъ, что все у него обошлось „съ Юріемъ“ такъ безобидно и гладко.

Лыжинъ немножко оправился, и минутъ черезъ десять они спустились уже въ нижній коридоръ.

— Онъ дома,—тихо говорилъ Кострицынъ.—Я у швейцара справлялся, когда шель къ тебѣ.

Воденягинъ занималъ одну комнату, въ глубинѣ узкаго коридора, съ окномъ, выходившимъ во дворъ.

Они нашли его тоже за самоваромъ, въ своей неизмѣнной блузѣ, и не одного.

У него сидѣлъ гость, такихъ же почти лѣтъ, какъ онъ, полусѣдой, въ бородѣ, съ черепаховымъ ринсе-пез, одѣтый скромно, въ длинноватый черный сюртукъ. Онъ смотрѣлъ скорѣе писателемъ, чѣмъ чиновникомъ.

— Позвольте васъ, господа, перезнакомить, — сказали Воденягинъ, видимо польщенный приходомъ пріятелей.

И онъ назвалъ гостя:

— Лядунцовъ, Сергѣй Сергѣевичъ, давнишній мой знакомецъ. Безвыѣздно прожилъ больше двадцати пяти лѣтъ на Западѣ.

При этомъ Воденягинъ такъ повелъ глазами, что они оба догадались, въ какомъ качествѣ Лядунцовъ провелъ „на Западѣ“ болѣе четверти вѣка.

Кострицынъ отвелъ хозяина къ печкѣ и вполголоса передалъ ему привѣтствіе Липы и ся желаніе проститься съ нимъ.

Подсѣвъ къ столу, Лыжинъ закурилъ и, всмотрѣвшись въ гостя, вдругъ что-то вспомнилъ.

— Извините,—заговорилъ онъ,—кажется, мы съ вами встрѣчались въ Женевѣ?

Лядунцовъ прищурился на него изъ-за стеколъ своего ринсе-пез и повелъ носомъ.

— Можеть-быть. Давненько, стало-быть?

— Да, лѣтъ пятнадцать назадъ. Помню даже, какъ я присутствовалъ при горячемъ спорѣ, гдѣ вы жестоко разносили автора „Съ того берега“, называли его „лжерадикаломъ“ и чуть ли не „презрѣннымъ буржуа“. Я еще собрался тогда возражать вамъ, да вы куда-то заторопились.

— Очень можетъ быть, — съ кислой усмѣшкой вымолвилъ Лядунцовъ.

Воденягинъ слышалъ ихъ разговоръ и, пожавъ руку Кострицыну, поспѣшно подошелъ къ нимъ.

— Какъ же, какъ же! — началъ онъ, и насмѣшливая нота зазвучала у него. — Сергѣй Сергѣевичъ тогда стоялъ на самомъ крайнемъ краю. И авторъ „Съ того берега“ былъ для него, конечно, чистокровный буржуа! Ха-ха! Ну, а теперь, вернувшись, по доброй волѣ, „съ гнилого Запада“, онъ находитъ въ своемъ отечествѣ все превосходнымъ, а городъ Москву — палладіумомъ высшей чело-вѣческой культуры!

— Чудесный городъ! — воскликнулъ Лядунцовъ тономъ чело-вѣка, которому нѣтъ никакого дѣла до того, чѣмъ его теперь считаютъ его бывшіе единомышленники.

— И лучше нашихъ порядковъ, — продолжалъ Воденягинъ, отхлебывая чай, — Сергѣй Сергѣевичъ не находитъ нигдѣ. А Европа, особенно французишки — ужъ о нѣмцахъ и толковать нечего — презрѣнная мразь!

— Да-съ, въ родѣ того, любезнѣйшій Воденягинъ! — отозвался Лядунцовъ, сохраняя тотъ же умышленно взвинченный тонъ.

— Мы съ нимъ, — Воденягинъ указалъ головой на гостя, — знавали другъ друга еще юношами, въ Питерѣ. Онъ кадетъ былъ, а я гимназію оканчивалъ. Вотъ и теперь случились сосѣдями по коридору. Зашелъ онъ ко мнѣ, думалъ и во мнѣ найти такую же метаморфозу... да знаете, по пословицѣ: горбатаго одна могила исправитъ. Хе-хе!

Лыжину стало немного неловко: онъ сохранилъ молодое свойство стѣсняться, когда разговоръ принималъ такой вотъ оттѣнокъ. Онъ вбокъ поглядѣлъ на своего пріятеля. Какъ, даже мѣсяцъ тому назадъ, Кострицынъ попалъ бы на Воденягина и сталъ бы защищать безусловную свободу всякихъ подобныхъ „метаморфозъ“.

Но онъ сидѣлъ смиренный.

— Все это — старья дрожжи въ васъ, батенька! — сказалъ Лядунцовъ хозяину. — Какъ французики говорить, вы — „vieux jeu“ или „de l'autre bateau“.

— Да, я старомодный, это точно! — откликнулся Воденягинъ уже съ явной безцеремонностью къ своему гостю.

Тотъ больше четверти часа не сидѣлъ.

Когда его шаги смолкли по коридору, Воденягинъ всталъ, скрипя своими сапогами, и окликнулъ ихъ обоихъ:

— Ась, господа? Хорошъ экземплярецъ?

— Онъ, значить, изъ раскаявшихся? — спросилъ тимо Лыжинъ.

— Изъ какихъ? — добивался Кострицынъ. — Изъ такихъ, изъ настоящихъ?

— Это было бы много лучше, — тяжело переводя дыханіе, отозвался Воденягинъ. — Такой бы и не посмѣлъ придти ко мнѣ. А онъ, знаете, изъ безобидныхъ. „Заблужденія свои я, молъ, созналъ, но никакими умствованіями на лонѣ отечества заниматься не буду, а хочу состоять въ мирныхъ обывателяхъ“. Я—*vieux jeu*! Это точно. А онъ — съ ближайшаго судна; *bateau* его — самаго послѣдняго рейса. Какъ попугай, болтаетъ на тему доктора Панглосса: „Москва бѣлокаменная есть земной рай, и всѣ, кто противъ нея, — изверги рода человѣческаго!“ Ну, скажите, Иванъ Кузьмичъ, вы хоть и всегда при особомъ мнѣніи — развѣ такіе не хуже?

— Совершенно вѣрно.

Лыжинъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на Кострицына.

— Четверть вѣка бить въ одну доску и потомъ сдрейфить, по доброй волѣ, — это показываетъ, что въ головѣ всегда былъ сквозной вѣтеръ; воли хватало только на то, чтобы форсить, а не воевать за свой символъ вѣры!

— Браво!

Воденягинъ захолопалъ въ ладоши.

— Я все это заявляю, — оговорился Кострицынъ, — оставаясь вѣрнымъ самому себѣ.

„Ой ли?“ — невольно подумалъ Лыжинъ; но возражать пріятелю не сталъ.

XXXI.

Никогда еще, по пути отъ Никольской къ Пречистенскому бульвару, Кострицынъ не испытывалъ того, что вздрагивало въ его груди и точно иголками показывало возбужденный мозгъ.

Онъ ѣхалъ къ Кумачевымъ и зналъ, что Захара Лукьяновича онъ дома не застанетъ, а одну только Антонину Борисовну. Сегодня ея „five o'clock“. Приѣмъ начнется черезъ четверть часа, и она, навѣрно, уже одѣта и готова къ приѣму.

Подѣзжая къ Боровицкимъ воротамъ — сколько разъ

его дрожжи или сани ныряли подъ башню за послѣдніе годы! — онъ ясно, точно хорошо заученный урокъ, вспомнилъ конецъ своей рѣшительной и горячей бесѣды съ Лыжинымъ, послѣ ухода отъ него Воденагина, являвшагося просить похлопотать за еврейчика-поэта, котораго гнали изъ Москвы.

Въ то же утро, въ трактирѣ, они пили съ Лыжинымъ брудершафтъ, и съ тѣхъ поръ ихъ пріятельство все закрѣплялось.

Черезъ день Юрій Петровичъ будетъ расписываться въ церкви села Шарапуха „по женихѣ“. И ближе у него теперь нѣтъ человѣка по всей Москвѣ, даже изъ товарищей по гимназін и двумъ факультетамъ, а наберется не одна дюжина и такихъ, съ кѣмъ онъ также на „ты“.

И ему вспомнились его собственныя слова, вылетѣвшія звонко и раскатисто тамъ, въ номерахъ, гдѣ живетъ Лыжинъ:

„И вдругъ, не пройдетъ года, и вы мнѣ бросите въ лицо: „Ты, амбарный Сократъ, наполни оптомъ гнилоу ученія душу человѣка въ ергахъ. Будь ты проклятъ!“

Этою онъ теперь не боится. Какъ бы не вышло наоборотъ? Его же отецъ дѣйствуетъ и въ немъ самомъ. Лыжинъ можетъ, отправляясь съ нимъ въ церковь, сказать ему:

„Что, братъ, Кострицынъ? Небось, твоя самодовлѣющая личность не выдержала, и ты, точно второй экземпляръ Воденагина, бросилъ самъ перчатку патрону, въ видѣ ухода отъ него по доброй волѣ? Не отбодрявайся тѣмъ, что ты не желаешь служить у мужа Нины Борисовны, почему и уходишь. Ничего ты мнѣ не сказалъ протестующаго насчетъ моего поведенія въ вопросѣ о бунтѣ рабочихъ; стало-быть, ты считаешь мой образъ дѣйствій хорошимъ. Или ты хитришь, а въ честной дружбѣ это не полагается“.

И какъ онъ отвѣтитъ ему передъ тѣмъ, какъ Лыжинъ возьмется за перо и будетъ писать подъ диктовку отпадѣка или старшаго причетника: „по женихѣ, кандидатъ правъ Юрій Петровичъ Лыжинъ“?

Неужели вся его „сократовская мудрость“ куда-то сгинула отъ перваго натиска жизни, оттого только, что онъ полюбилъ не на шутку? Поэтому только?

„Нѣтъ, — стремительно думалъ онъ, когда сани были около храма Спасителя, — не оттого только! И никакой въ

твоемъ другѣ Кострицынѣ нѣтъ измѣны своему основному пониманію добра и зла, морали и альтруизма. Никакой! Любовь — высокое бродило души! Она ведетъ къ подвигамъ, она окриляетъ. Она же ведетъ и къ рабству... Но онъ не рабствуетъ. Онъ и не жертвуетъ собою изъ-за униженной и оскорбленной, изъ-за падшаго существа! Къ чему его тинетъ, тѣ онъ и беретъ. Женщина его захватила и сама отдается ему. Въ ея талантливость онъ вѣритъ. Не изъ-за нея, а для себя онъ хочетъ сдѣлать поворотъ, бросить свою „амбарную“ службу. Довольно! Пора вернуться къ наукѣ, къ мышленію, вспомнить, что онъ — магистрантъ Кострицынъ. А то вѣдь и экзамена, пожалуй, не зачтутъ. Тема диссертации у него давно выбрана, но и только! Поѣдетъ онъ съ Липой на Волгу, туда, подалше, къ Каспійскому морю, будетъ работать и надъ ея личностью, и надъ собственной“.

Доводы казались ему побѣдоносными, и предстоящій „разговорецъ“ съ великолѣпной Антониной Борисовной опять наполнилъ его веселымъ и злобнымъ ощущеніемъ. Иголки еще явственнѣе стали ему покалывать въ мозгъ.

Онъ — не рыцарь, не селадонъ. Его не проймешь окрикомъ: „Развѣ на женщинѣ можно вымещать свое чувство!“ Мало ли что! На такой не только можно, но и должно. Такая драпируется изяществомъ, породой, благородствомъ тона и порядочностью привычекъ, а сама способна на самую гнусную интригу. Если бъ онъ захотѣлъ рассказать все Кумачеву — тотъ, при всѣхъ своихъ охранительныхъ взглядахъ, тоже нашелъ бы, что такой образъ дѣйствій — низость.

Да вѣдь и онъ теперь уже не прежній рабъ своей суруги. Въ немъ проснулся „самъ“, „хозяинъ“, и при первой ея новой попыткѣ „вернуть хвостомъ“ — онъ покажетъ, каковъ въ немъ характерецъ.

Съ нимъ его поведеніе безупречно. Онъ везетъ письмо, гдѣ говорить ему прямо:

„Объясняться съ вами мнѣ тяжело. Противъ васъ я ничего не имѣю. Если бы кто-нибудь сказалъ, что я уйду отъ васъ въ критическую минуту, послѣ погрома на фабрику, я готовъ, вернувшись въ Москву на-дняхъ, остаться до тѣхъ поръ, пока вы не найдете мнѣ замѣстителя“.

Но онъ зналъ, что Кумачевъ слишкомъ гордъ, чтобы удерживать его.

У подѣзда еще не было ни одного экипажа, когда

Кострицынъ подѣхалъ къ палатамъ Кумачевыхъ. До начала пріема Нины оставалось ровно пятнадцать минутъ.

Онъ нашелъ ее все подъ тѣмъ же балдахиномъ, сіяющую и разодѣтую „до гадости“. Чувствовалось, что у мужа ея пошло съ нею „по-старому“.

Безъ всякихъ подходовъ, Кострицынъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Захара Лукьяновича, — началъ онъ, — нѣтъ ни въ амбарѣ, ни дома... А я долженъ отлучиться на нѣсколько дней. Будьте добры передать ему.

Нина прищурилась на него и небрежно спросила:

— Развѣ это такъ экстренно?

И ея глаза досказали:

„Ты, милый мой, могъ бы положить письмо въ кабинетѣ, на столѣ“.

— Вотъ видите, Нина Борисовна, мнѣ хочется, чтобы письмо это попало къ Захару Лукьяновичу именно отъ васъ.

— Почему же?

— На то у меня есть причины.

Весь ея тонъ показывалъ ему, что она боится, какъ бы какая-нибудь барыня съ „Сивцева Вражка“ не застала у ней господина съ такой „рядской“ наружностью.

„Ладно, матушка! — подумалъ онъ, — ты ни о чемъ не догадываешься и про меня ничего доподлинно не знаешь, а я про тебя — достаточно“.

— Хорошо, — благосклоннѣе промолвила Нина и положила письмо на низенькій столикъ.

— А у меня къ вамъ есть порученіе, — заговорилъ Кострицынъ, и кровь прилила ему къ лицу, точно онъ проглотилъ рюмку крѣпчайшаго вина.

— Порученіе? Отъ кого?

— Отъ одной особы, которую вы не такъ давно встрѣтили... гдѣ ужъ — не могу вамъ сказать... вѣроятно, вы сами вспомните.

Нина не столько по голосу, сколько по глазамъ Кострицына, зачуяла нѣчто, вся выпрямилась и нервно перевела ногами, видными изъ-подъ оборокъ юбки.

— Отъ какой это особы? — протянула она.

— Отъ госпожи Угловой. Она по театру Днѣпровская... артистка.

— Что такое?

Плечи Нины передернулись, и она замѣтно измѣнилась въ лицѣ.

— Да такъ! Я знаю, что говорю, Нина Борисовна. И вы прекрасно знаете, у кого вы ее застали.

Она молчала. По вздрагиванію ея поздрей можно было бояться, что она позвонить и крикнуть лакею: „Вывести этого господина“.

— И мы всё—Лыжинъ, мой пріятель, и цѣлое общество хорошихъ людей и женщинъ—тоже фактически знаемъ, кто напустилъ на госпожу Углову нѣкого генерала.

— Вы Богъ знаетъ что говорите!—вырвалось у Нины.

Кострицынъ быстро всталъ и, плотно придвинувшись къ дивану, заговорилъ дробно и нервно:

— Я знаю, что я говорю, Нина Борисовна. Ваше доблестное поведеніе всѣми оцѣнено. И расскажи я все Захару Лукьяновичу—онъ бы васъ за это не одобрилъ. Онъ—охранитель; но такимъ поступкомъ не будетъ себя знаменовать.

Быстро вынулъ онъ изъ бокового кармана пакетъ.

— Вотъ эти бумаги я добылъ отъ генерала. Онъ могли очень повредить госпожѣ Угловой. Генералъ, съ вашей поддержкой, и меня можетъ потревожить. Но я хоть и простецъ, а не боюсь! За мной никакихъ проступковъ не значится. А затѣмъ—имѣю честь кланяться! Госпожа Углова просила передать вамъ свою признательность за такой благородный образъ дѣйствій. Она вамъ не мѣшаетъ владѣть тѣмъ, кого ей совсѣмъ не нужно!

Нина спустила ноги и, вся блѣдная, съ гнѣвными глазами, что-то хотѣла сказать; но въ дверяхъ показался какой-то гость, и Кострицынъ, съ поклономъ, вышелъ изъ кабинета.

XXXII.

Оттепель испортила дороги.

Попадая изъ одной „зажоры“ въ другую, пробирался Лыжинъ въ кибиткѣ и повернулъ съ проселка на шоссе. Въ полуверстѣ стоялъ домикъ Иды.

Онъ спѣшилъ къ ней. Ему хотѣлось попасть засвѣтло, къ обѣду. Лошаденки бѣжали порядочно; отъ ихъ мохнатыхъ спиць и боковъ шелъ паръ.

Къ Идѣ Лыжинъ ѣхалъ изъ того имѣнія, гдѣ третьяго дня обвинчались Кострицынъ и Липа. Оттуда онъ и проводилъ ихъ до ближайшей желѣзнодорожной станціи.

„Амбарный Сократъ“ былъ, передъ вѣнчаніемъ, тихонь-

кій; но потомъ, за завтракомъ, разошелся, и всё его „слова и рѣчи“ клонились къ тому, чтобы Лыжинъ не считалъ его измѣнникомъ ученію о „самодовлѣющей личности“.

Не обошлось, конечно, и безъ античныхъ цитатъ. Одна, очень короткая, осталась въ памяти у Лыжина, хотя и была греческая. Иванъ Кузьмичъ развивалъ ту мысль, что жизнь надо брать такой, какой она намъ сама дается, не затѣмъ, чтобы „слюняйствовать“, а затѣмъ, чтобы заставлять ее „плясать по нашей же дудкѣ“. „Иной разъ, — добавилъ онъ, — слѣдуетъ довольствоваться, на первыхъ порахъ, и тѣмъ, что Маркъ-Аврелій любилъ называть греческимъ терминомъ, — Лыжинъ заставилъ пріятеля повторить ему эти слова: — *дейтеросъ плюсъ*, т. е. „плаваніе второго сорта“, не на парусахъ, а на веслахъ“.

Но самъ онъ плылъ на всѣхъ парусахъ. Его красное, круглое лицо сіяло счастьемъ, и Липа цѣнитъ это. Въ ней Лыжинъ слышалъ другія ноты. Она точно почувала, что человѣкъ, такъ беззавѣтно отдавшійся ей, живя съ нею, перестанетъ быть „ни въ сихъ, ни въ оныхъ“. И сама она, видя вѣру въ ея талантливость, уже не говоритъ такъ горько о театрѣ.

Эта чета радовала его, и до самой той минуты, когда они всё обнялись и онъ ихъ посадилъ въ вагонъ, Лыжинъ совершенно забывалъ о себѣ.

Дорогой, проселкомъ, раздумье, въ нѣсколько приѣмовъ, начинало его щемить. И теперь, подъѣзжая къ усадьбѣ своего другого друга — Иды, онъ не могъ сбросить тѣхъ же „оборотовъ на себя“. Это его какъ-то особенно обижало. Онъ вспомнилъ тотъ ноябрьскій полдень, всего три съ небольшимъ мѣсяца, когда онъ поднимался по Никольской и вдругъ задалъ себѣ вопросъ, увидавъ двоихъ студентовъ: „полно, самъ-то онъ пересталъ ли сдавать вѣчный свой экзаменъ?“

Теперь всё экзамены у него назади. Но и впереди — ничего. Уходя отъ Кумачева вышибъ его изъ колен. Дѣла у него нѣтъ, ничто его не притягиваетъ къ Москвѣ. Ѣдетъ онъ въ тотъ домикъ, гдѣ еще два полуживыхъ обломка, какъ и онъ — Ида и Елена, съ ея свѣжей язвой въ сердцѣ, и съ язвой, отъ которой врачеванія уже нѣтъ въ ея лѣта.

Ее болѣе жаль, чѣмъ Иду. Та съ истинной покорностью обрекла себя на полное отреченіе отъ того, что для всѣхъ женщинъ — смыслъ и сладость жизни.

Въѣзжая во дворъ, Лыжинъ увидать извозчиковъ горюхія сани—навѣрно со станціи. Собаки кинулись на его лошадей. На крыльцѣ сарайчика показался Финогенъ въ полушубкѣ. Онъ подбѣжалъ.

— Юрій Петровичъ! Съ пріѣздомъ! Лыжинъ удивился, что Финогенъ не назвалъ его „милостивый государь“.

— Кто у васъ? Финогенъ, высаживая его изъ кибитки, наклонился и вполне доложилъ:

— Господи... заграничный. Барыню на станціи встрѣтилъ наемникъ, а теперь визитъ имъ дѣлается... на легковомъ пріѣхалъ. Такимъ же манеромъ и въ обратный путь.

— Елена Константиновна здѣсь?—продолжалъ спрашивать Лыжинъ, входя въ сѣни.

— Какъ же-съ! Однако, никакъ на будущей недѣлѣ собираются. Въ передней висѣло мужское пальто. Изъ гостиной доходилъ разговоръ.

Въ гостяхъ у Иды—Елена сидѣла тутъ же—Лыжинъ нашель мужчину лѣтъ сорока, похожаго на иностранца. Доснящійся лобъ, съ проборомъ посрединѣ, обстриженные щеки, борода, множество мелкихъ морщинъ, монокль, одѣтъ въ обтяжку, въ цвѣтномъ галстукѣ. Сильными духами пахло отъ шелковаго цвѣтного платка, торчавшаго въ наружномъ боковомъ карманѣ его очень короткаго вестона.

Ида встрѣтила Лыжина у дверей, а Елена быстро встала.

— Юрій Петровичъ! Милый!

Такъ привѣтствовала его Елена. Ида, точно сконфуженная, молча пожала ему руку крѣпко-крѣпко и подвела къ гостю.

— Monsieur Мокшанинъ,—назвала она. Мокшанинъ, весь ушелъ въ плечи, по-прежнему и, кланяясь, весь ушелъ въ плечи, по-прежнему подумалъ бы: „не тотъ Мокшанинъ, во-второй разъ“.

— Да!.. Липа мнѣ писала.

Ида тихо улыбнулась и, вспомнивъ, что надо занимать гостя, обратилась къ нему.

— И вы опять прямо въ Парижъ?

Она спросила это по-французски.

Тотъ, шепеляво и подражательно по звуку, отвѣтилъ, что онъ проводитъ конецъ зимы на Ривьерѣ.

Не зная, кто этотъ Мокшанинъ, Лыжинъ сообразилъ, что онъ, вѣроятно, изъ того міра вивѣровъ, гдѣ Ида встрѣтила когда-то своего француза.

Точно въ подтвержденіе этого, гость выбросилъ монокль привычнымъ движеніемъ головы и заговорилъ, мигая и съ усмѣшкой поблеклаго рта:

— Просто страшно жить. Или покойники, или вотъ такія, какъ онъ,—Ида опустила глаза,—полуживыя муміи.

— Онъ совсѣмъ лишился ногъ?—спросила Елена.

— Еле движется на двухъ палкахъ. Сначала онъ попалъ въ руки Шарко... Немного стало получше. Полгода въ лѣчебницѣ. Потомъ все хуже и хуже. Наконецъ, это лѣчение... впрыскиваніями...

— Броунъ-Секара?—спросила Елена.

Ида все блѣднѣла и глаза ея ушли въ другую сторону.

— Oui, madame, les injections Brown-Séguard!.. Une fameuse blague, par exemple!

И въ блѣсоватыхъ глазахъ русскаго парижанина, вмѣстѣ со скептической усмѣшкой рта, Лыжинъ читалъ страхъ смерти, предательскій страхъ людей, ничего не знавшихъ, кромѣ женщинъ; трепеть закоренѣлыхъ и циническихъ сладострастниковъ.

Такимъ же долженъ быть теперь и тотъ французъ, пораженный атаксіей, котораго не воскресятъ никакія эмульсіи.

Русскій парижанинъ, попавъ на эту зарубку, долго еще говорилъ, такимъ же дѣланнымъ жаргономъ, о нервной болѣзни ихъ общаго знакомаго, моднаго писателя, который злоупотреблялъ наркотическими средствами—вдыхалъ эфиръ и принималъ внутрь „des drogues suggestives“, чтобы возбуждать себя для работы, „pour le travail créateur“.

„И для всего прочаго“,—прибавилъ отъ себя Лыжинъ.

Ему дѣлалось тошно отъ этого господина. Они съ нимъ были однихъ лѣтъ. Навѣрное, и тотъ—холостякъ. Не его изломанность и отсутствіе всякой связи съ какою бы то

ни было здоровой жизнью претили ему, а „подлый“ страхъ конца, дрожаніе за свое „поганое“ я, полнѣйшее бездушіе самаго гнилого пессимизма ненасытныхъ вивѣровъ. Отъ него точно отдавало плѣсенью и тиной болота. Даже такое физическое ощущеніе испытывалъ Лыжинъ, потянувъ носомъ раздражающій запахъ его духовъ.

И вотъ такому же „мужчинѣ“, только не копін, а французскому подлиннику, отдавалась Ида, ослѣпленная и жаждущая страсти, куда бы можно кинуться съ головой.

Два женскихъ крушенія метались передъ нимъ въ лицѣ этихъ подругъ. Можетъ-быть, и Елена думаетъ, въ ту минуту, то же, что и онъ. Если да, той ей еще невыносимѣе отъ сознанія, какъ выше стоитъ личность того, кого она полюбила, въ сравненіи съ такими представителями „de la haute vie“.

И она отказала ему, въ увлеченіи своей женской ненасытностью. Страсти ей надо было, а не признательности.

Тягуче прошло еще полчаса. Гостю надо было вернуться къ поѣзду. Онъ оставилъ свои вещи на станціи и сдѣлалъ визитъ Идѣ точно затѣмъ только, чтобы сообщить ей, какъ ихъ общій „ami“, въ качествѣ полумертвеца, безнадежно борется „avec cette coquine de mort“ и впрыскиваетъ въ себя ежедневно то, что онъ самъ называлъ „une fameuse blague“.

Оставшись втроемъ, они, стоя посреди гостинной, взялись за руки. На Идѣ все еще лица не было. Елена, взглянувъ на нее, силилась улыбнуться, и не выдержала. Боясь, что выдастъ свою душевную горечь, она спросила Лыжина, освободивъ руку:

— Вы у насъ ночуете, другъ?

— Ночую.

— Такъ я пойду распоряжусь. Ида, я у тебя на кушеткѣ буду спать, а онъ—въ моей комнатѣ.

Лыжинъ отвелъ Иду къ дивану, посадилъ и молча, чувствуя приливъ нѣжности, поцѣловалъ ее въ голову.

Двѣ слезы заблестѣли на ея рѣсницахъ.

— Бѣдная моя!—проронилъ онъ.

Они долго глядѣли другъ на друга, безъ словъ понимая, что у каждого на душѣ.

— Quelle épreuve! — промолвила наконецъ Ида. — Elle est salutaire.

— Хорошо бы!

— Та Ида умерла,—сказала она уже по-русски.—Она принимала за людей...

Русское выраженіе ей не давалось.

— Ходячіе трупы?

— Да, Юрій, да!

Точно облако прошло въ ея безкровному лицу. Сегодня она всѣмъ своимъ существомъ познала, что для нея уже нѣтъ личнаго счастья. И то, что было, глянуло на нее своимъ искаженнымъ обликомъ.

XXXIII.

Вѣтеръ завывалъ, жалобной и жидкой нотой, на террасѣ, гдѣ талый снѣгъ еще высился толстымъ пластомъ.

Гостиная, съ своими голыми стѣнами, стояла тихая и печальная. Только въ углахъ растенія, совсѣмъ темныя въ полусвѣтѣ комнаты, дѣлали ее уютнѣе и красивѣе.

Елена сидѣла на табуретѣ передъ піанино. Одна ея рука бродила по клавишамъ. Она только что проиграла, медленно и съ тупой педалью, одинъ изъ извѣстныхъ романсовъ Рубинштейна. Присаживалась она къ инструменту только въ рѣдкія минуты и любила тихо говорить подъ мелодію.

Лыжинъ, облокотившійся о косякъ клавиатуры, былъ тутъ же.

Ида ушла въ другія комнаты позаботиться объ ужинѣ и помочь Евгеніи уладить Еленѣ постель въ своей спальнѣ.

Голосовъ не было слышно черезъ коридоръ, точно весь домъ стоялъ совсѣмъ пустой.

— Нѣтъ, другъ,—говорила Елена, и голосъ ея нѣтъ-нѣтъ да и вздрогнетъ отъ сдержаннаго чувства,—нѣтъ, я не стану больше унижаться. А подачки я не хочу.

— Но вѣдь, голубушка, онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ и ждетъ.

— Нисколько! Развѣ такая бываетъ любовь? Я ничего не отвѣтила—и онъ понялъ. О! если бъ было иначе!—Елена перестала бродить по клавишамъ,—въ тотъ же день онъ прилетѣлъ бы. Одного звука довольно, когда въ насъ говоритъ страсть.

— Страсть! Страсть! Какъ будто вся прелесть въ ней!

— Не знаю, другъ, не знаю. Налетѣлъ на меня шквалъ, схватилъ меня. Поздновато... Но вѣдь я не лю-

била... Можетъ-быть, даже и не поздно... Я вѣдь не старуха еще.

— Какая же старуха!

— И къ чему меня несло? Къ вѣчному блаженству, что ли? Ха-ха-ха! Одинъ годъ, какое... мѣсяцъ, недѣля...

— Почему не мигъ?—подсказалъ Лыжинъ.

— Именно—мигъ! И я бы его знала, я бы испытала эту болѣзнь... чуму—„la peste“—такъ его зоветъ наша Ида, калѣка любви... Ну и что жъ!—Елена взялась рукой за верхній карнизъ піанино.— Не суждено было! Такъ и нечего толковать. Припадокъ былъ долгій и мучительный.

— Полно, прошелъ ли?

— Не пытайте меня, Лыжинъ. Это не хорошо.

— Голубушка! Развѣ я съ недобримъ чувствомъ?

— Ваша пріятельница Акридина не изъ такого, въ концѣ концовъ, тѣста! Надо встряхнуться.

Она подняла голову и остановилась взглядомъ на одномъ изъ оконъ.

— Онъ все повторялъ,—заговорила она съ оттѣнкомъ горечи и чуть замѣтнаго сарказма,— что такіа, какъ я, не знаютъ народа, не входятъ въ его душу, сверху внизъ просвѣщаютъ его, а про себя презираютъ; навязываютъ ему всякіе развѣдающіе плоды европейской культуры! Ладно!—вскричала она и поднялась совсѣмъ съ табурета.

Въ этомъ возгласѣ Лыжинъ слышалъ прежнюю Акридину.

— Ладно!—повторила она, не такъ громко, но съ бѣлымъ выраженіемъ въ звукѣ этого слова.— Романъ Денисовичъ! Господинъ предводитель дворянства! И мы умѣемъ работать для того же народа.

Она отошла къ печкѣ и, заложивъ руки за спину, окликнула:

— Лыжинъ!

— Что, голубушка?

— Я еще вамъ не говорила. Я задумала большую экспедицію.

— Куда?

— Въ Сибирь. Тамъ еще цѣлый непочатый уголь всего. Чуть не съ того времени, когда нѣмецъ Миллеръ—отецъ россійской исторіи—списывалъ тамъ акты по приказамъ цѣлымидесять лѣтъ.

— Не зимой же вы поѣдете?

— Скоро весна. Я съѣзжу въ Петербургъ, останусь тамъ до Святой, кое-кого заинтересую. У меня есть на примѣтѣ одинъ молодой купецъ. Родомъ оттуда же. Онъ настоящій набобъ. Съ одними купцами теперь и можно имѣть дѣло. А чинуши, дворяне только теоретизируютъ. Снарядить экспедицію у нихъ финансовъ не хватаетъ, всѣ растрясли на всякіе антикультурные пустяки.

„Да, да, — думалъ Лыжинъ, слушая ея возбужденную рѣчь, гдѣ прежняя Акридина выступала опять, — ты и экспедицію затѣнешь, въ пику ему или во имя его, это все равно. Ты его все еще безумно любишь и долго будешь болѣть этимъ недугомъ. Разъ женщина глотнула этого яда, она навѣки отравлена“.

— Tout est près! — раздался изъ коридора усталый и жалкій голосъ Иды. — Юрій!

— Вы меня?

— Да, на минутку сюда!

Онъ вышелъ въ темный коридоръ.

— Une surprise pour vous, — сказала ему Ида на ухо и беря его за руку.

— Что такое?

— La belle veuve est ici — à votre intention, cruel!

— Анисья Прохоровна?

— Да, — продолжала по-русски Ида. — Идите въ столовую. Она вамъ нальетъ водки. И мы съ Еленой позволимъ вамъ — vous mettre à votre aise. Можете надѣть и туфли.

Лыжинъ поцѣловалъ ея руку и заглянулъ въ столовую, весело освѣщенную.

Дочь арендаторши дѣйствительно была тамъ и устала, на отдѣльномъ столикѣ, закуску.

— Анисья Прохоровна! — звонко окликнулъ онъ ее.

— Ахъ, батюшки!

Она вся зардѣлась и въ смущеніи даже присѣла на стулъ.

— Здравствуйте! Какъ я радъ!

Лыжинъ взялъ ее за руки и поднялъ со стула.

— Юрій Петровичъ! — заговорила вдова смущенно и радостно. — Опять у насъ! Мы такъ вамъ всегда рады... И маленька...

— А она какъ поживаетъ?

— Маленько нездорова.

— Что у ней?

Анисья Прохоровна конфузливо повела головой.

— Знаете... Это, говорятъ, здоровая болѣзнь. Вередъ у ней вскочилъ на рукѣ.

— Ничего, пройдетъ. Она еще вся желѣзная.

— Не сглазьте! Водочки вамъ не налить ли?

— Налейте.

Лыжинъ присѣлъ около самаго столика съ закуской, и пока Козикина наливала ему изъ графинчика, онъ ее оглядѣлъ.

Какая она статная, благообразная женщина. Въ ней чувствуется „народный крикъ“, какъ выразился бы и народолюбивый предводитель Боярцевъ. И платье онъ узналъ—то самое, въ которомъ она была на праздникѣ открытія школы.

— Юрій Петровичъ,—спросила осторожно Анисья Прохоровна, медленно поднимая на него пышныя рѣсницы,— правда, говорятъ, вы отъ Кумачева-то ушли?

— Ушелъ.

— А землю-то съ лѣсомъ продали?

Его кольнуло въ сердце. Онъ почувствовалъ себя измѣнникомъ—не „прописамъ“, въ которыхъ извѣрился,—а землѣ, народу, въ лицѣ хоть этой вотъ умной, сильной и красивой женщины.

— Теперь не удержишь! — выговорилъ онъ и повелъ плечами.

Изъ трехъ женщинъ въ этомъ домикѣ, только эта и была для него женщиной. Будь у него земля, сѣлъ бы онъ здѣсь, и взялъ ее себѣ, и народилъ бы такихъ же статныхъ и сильныхъ дѣтей, какъ она.

— Спасибо! — почти сконфуженно проговорилъ онъ и пошелъ въ комнату, гдѣ ему приготовили постель.

И передъ нимъ стали вдругъ выплывать отдѣльныя фразы, сжатая, страстная, похожая на стихи псалтири. Онъ зналъ когда-то наизусть все обращеніе „къ дворянству“ того, чья бронзовая статуя слышала его послѣднюю исповѣдь не измѣнника, но отступника.

„Изъ вашихъ рядовъ вышли Пушкинъ и Лермонтовъ“. — „Къ вамъ первымъ мы и обращаемся“. — „Мы рабы, потому что мы господа“. — „Нельзя даже и говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцами человѣческихъ душъ“. — „Учитесь, пока есть еще время“. — „Мы еще въ-

римъ въ васъ". — „Но торопитесь—время страдное. Ни одного часа терять нельзя“.

Лыжинъ, сидя облокотившись о столикъ у кровати, задумался глубоко, и думы его, связанной вереницей, потянули его сызнова туда, откуда онъ бѣжалъ.

„А теперь время не страдное?—спрашивалъ онъ себя.—Крѣпостныхъ нѣтъ, но сословіе, къ которому его учитель когда-то обращалъ это воззваніе, можетъ, если хочеть, занять мѣсто на вершинѣ, откуда будетъ свѣтить безбрежному океану народа. И никогда не кончится его страда“.

— Ami!—окликнулъ его голосъ Иды.—Vous êtes servi! Въ дверяхъ показалась голова Анисы Прохоровны и раздался ея звучный голосъ:

— Юрій Петровичъ, пожалуйста кушать!

И опять, при взглядѣ на эту женщину „простого званія“, его кольнуло за измѣну землѣ.

XXXIV.

У Кумачевыхъ отобѣдали.

Все общество собралось во второй гостиной. На почетномъ мѣстѣ сидѣлъ старикъ, за шестьдесятъ, широкій въ плечахъ, съ лицомъ Грознаго, какъ имъ гримируются актеры въ послѣднемъ актѣ „Василисы Мелентевой“: жидкая, сѣдѣющая борода, изрытое лицо, обнаженный лобъ, надвинутыя брови, насмѣшливый взглядъ узкихъ глазъ. Тѣломъ онъ казался худощавъ и свои длинныя ноги вытянулъ по коври.

Всѣ мужчины были во фракахъ; онъ одинъ въ короткомъ пиджакѣ и не первой свѣжести.

Нина занимала уголь дивана, около его кресла, Захаръ Лукьяновичъ—напротивъ. Въ сторонѣ размѣстились Эсауловъ, Ковригинъ, Шахматовъ и еще молодой человѣкъ бѣлокурый, въ усахъ, бритый, довольно красивый, въ такихъ же очкахъ, какъ Шахматовъ, на видъ не то чиновникъ, не то адвокатъ. Онъ всѣхъ внимательнѣе слушалъ то, что говорилъ почтенный гость.

Гость приводился князю Иларіону Ивановичу двоюроднымъ братомъ. Какъ и всѣ члены старшаго „колѣна“, носилъ онъ титулъ „свѣтлѣйшаго“. Звали его Петръ Никитичъ. Онъ проѣзжалъ за границу, гдѣ и прежде жывалъ подолгу.

Хозяинъ въ почтительной, но свободной позѣ наклонилъ

голову впередъ. Своей посадкой онъ какъ бы говоритъ всѣмъ гостямъ:

„Вы видите, у насъ дяденька свѣтлѣйшій и такъ же богатъ, какъ и я, но мы и передъ нимъ унижаться не намѣрены“.

На свѣжестъ, нѣсколько поблѣднѣвшемъ обликѣ Нины, съ особымъ блескомъ, который шелъ отъ ея кожи даже и при вечернемъ освѣщеніи, застыла спокойная улыбка. Полоска искристыхъ зубовъ придавала новое выраженіе, гдѣ хорошо ее знающій человекъ прочелъ бы цѣлый итогъ всего того, что она пережила въ эту зиму. И ея глаза оглядывали медленно и спокойно гостей, останавливаясь на своеобразной фигурѣ князя Петра Никитича.

Онъ—ея дядя. Всѣмъ извѣстно, что это за человекъ, какого права, какого склада во всей своей личности. Это—полное олицетвореніе древне-русскаго удѣльнаго князя, считающаго себя равнымъ всѣмъ и каждому или, по меньшей мѣрѣ, именитаго дружинника, кому право „отъѣзда“, т. е. протеста противъ своего князя,—самое дорогое право. У него могутъ и должны быть „холопы“; но онъ скорѣе лишится „животишекъ“, чѣмъ въ челобитной назоветъ себя „холопъ твой Петрушка“.

И какъ его глухая, отрывистая и постоянно насмѣшливая рѣчь идетъ къ нему. Такъ, навѣрно, говорилъ и Грозный, когда издѣвался надъ крамольниками, которыхъ потомъ слалъ на лютую казнь, или въ Грановитой палатѣ „шпынялъ“ пословъ польскихъ и рыцарей Ливонскаго ордена, когда имъ приходилось плохо отъ его полчищъ, и они пріѣзжали просить мира и жалобно произносили пространныя рѣчи о разореніи своей земли его свирѣпыми инородцами.

И ей самой сдавалось, что она—царевна или дочь такого удѣльнаго князя, или вдовствующая княгиня, пріѣхавшая изъ своего удѣла, гдѣ она правитъ за малолѣтствомъ его внука, ея единороднаго сына, въ томъ древнемъ приволжскомъ городѣ, гдѣ еще держится, не прибранный хищною Москвой, „княжій столъ“.

Развѣ на такой высотѣ можно безпokoиться о случайностяхъ своего личнаго поведенія? Была правительница Елена Глинская, мать грознаго властелина, на котораго похожъ вотъ этотъ ея дядя, сидящій рядомъ съ нею. И она увлеклась. И при ней стоялъ любимецъ-временщикъ, Телепень-Оболенскій. Что жъ изъ этого? Но тотъ

обладалъ ею, какъ женщиной, и пользовался ея слабостью женщины.

Въ ея личномъ поведеніи—маленькая, совершенно ничтожная „pécadille“, о которой и вспоминать-то смѣшно, не то что уже сокрушаться. Могло все рухнуть, все, чѣмъ она снова владѣетъ; но не рухнуло. Она опять прежняя Нина, и на тѣхъ, кто глупо къ ней относится, она сама обращаетъ „нуль вниманія“. Ея родной дядя своимъ присутствіемъ все освящаетъ, и Захаръ Лукьяновичъ поклонилъ, вотъ уже больше мѣсяца, выдерживаніе своего купеческаго нрава. Они опять, фактически, мужъ и жена.

Князь продолжалъ говорить одинъ, и сарказмъ игралъ въ его зеленоватыхъ глазахъ.

— Какъ же намъ соперничать съ Западомъ по части производительности,—обратился онъ къ Кумачеву,—когда у насъ, по статистикѣ, на полтораста дней въ году праздниковъ?

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Кумачевъ, съ наклономъ головы.

— Я еще изумляюсь, какъ господа фабриканты могутъ управляться со своими народамъ.

— Истинная каторга!—подтвердилъ Захаръ Лукьяновичъ.

И тотчасъ же онъ, поднявъ голову, посмотрѣлъ властнымъ хозяйскимъ взоромъ. „Со мною-де шутить не вкусно. Былъ у меня погромъ и стоилъ мнѣ четыреста тысячъ рублей. Я уперся и штрафовъ не убавилъ. И никогда не убавлю. Военская команда—не свой братъ. А пить-ѣсть надо православному крестьянству“.

Послѣ погрома онъ сократилъ всѣ „гуманности“ своей маменьки Раисы Гордѣевны.

— Только вѣдь посредствомъ вашихъ безобразныхъ заpretительныхъ пошлинъ можно дешево продавать ситецъ и миткаль.

Князь былъ „фритредеръ“, но Захаръ Лукьяновичъ не смѣлъ вступать съ нимъ въ споръ ни по этому, ни по какому другому поводу.

— Да и вообще нашего рабочаго только господа пародолубы прославили образцовымъ. Чистѣйшее вранье! Я десятки лѣтъ хозяйничалъ, перепробовалъ всего... фабрики, хутора, искусственное луговоедство, разработку лѣсныхъ производствъ, скотоводство всякихъ видовъ, и раз-

мѣровъ — и сошелъ на нѣтъ. Русскому дворянину-земле-
владѣльцу, въ то безумное время, когда я имѣлъ удоволь-
ствіе хозяйничать, то-есть въ эпоху эмансипаціи, въ те-
ченіе цѣлой четверти вѣка нельзя было ничего ни пред-
принять, ни провести въ жизнь. Всѣ гарантіи пали, вся-
кій авторитетъ подкошенъ въ корень. Объ этомъ заднимъ
числомъ глупо плакать! Если теперь взялись немножко за
умъ — многое уже положено въ лоскъ! Но я не о томъ
веду рѣчь, господа. Рабочая способность нашего мужика —
а всѣ наши господа увіеры мужики — относится къ сред-
ней трудовой способности заграничнаго рабочаго какъ
одинъ къ тремъ. Я еще очень щедро кладу. Даже и наши
хваленые смоленскіе землекопы — чистѣйшая мразь въ
сравненіи съ поджарыми итальянцами, какихъ десятки
тысячъ работаютъ за границей въ туннеляхъ и на-
горныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Чистѣйшая мразь! И вотъ
позвольте рассказать вамъ маленькій комическій инци-
дентъ изъ моего маленькаго же заграничнаго хозяйства...
При моей избенкѣ, — Кумачевъ зналъ, что эта „избенка“,
вила съ паркомъ, цѣнится въ полмилліона франковъ, —
на первыхъ порахъ случилось не мало земляныхъ работъ:
рвы, разрыхленіе почвы, дренажъ, всякая штука. — Князь
сдѣлалъ громкую передышку. — Нанимаю рабочихъ тоже
больше изъ породы „фүштра“: такъ я называю всякихъ
савойцевъ, южныхъ французовъ и швейцарцевъ изъ кан-
тона Тиччино. Фүштра! Чумазые, малаго роста, испытые,
ободренные — чистѣйшая фүштра!

Всѣ гости тихо размѣялись.

— А при мнѣ, надобно вамъ знать, состоялъ русскій
парень — Прошка. Тогда онъ впервые попадалъ къ „цицар-
цамъ“ — онъ такъ зоветъ всѣхъ, кто не нѣмецъ или не
чистый французъ.

Гости опять размѣялись.

— Подаетъ онъ мнѣ чай. Я его спрашиваю: „Ну, какъ
тамъ въ саду работаютъ?“ — „Да что, говорить, князь, они
только валаждаются. Срамъ смотрѣть!“ — „Какъ такъ?“ —
„Да такъ-съ... Ежели имъ урокъ заданъ, ни одинъ изъ
нихъ ни въ жисть не докончить къ вечеру. Они уже
чуть не съ пѣтуховъ копаются — и ни съ мѣста. Просто
охота разбирать, утереть имъ носъ, показать, какъ рос-
сійскій человѣкъ работаетъ.“ — „Что жъ! — говорю я ему, —
становись съ ними завтра чѣмъ свѣтъ, и посмотримъ, кто
раньше покончить урокъ. Я тебя освобожу на цѣлыхъ

четыре дня. Одного дня мало. Сгоряча ты ихъ сразу побьешь, а потомъ и сядешь на заднія лапы“.

Князь прибралъ ноги и подался впередъ туловищемъ. Его зеленоватые глаза заискрились. Разсказъ его подымалъ.

— И что же вышло, господа! Становится мой Прошка гоголемъ на свой урокъ. Выхожу я передъ завтракомъ въ паркъ—онъ уже отмахалъ двѣ трети. Ухмыляется, подмигиваетъ и киваетъ на „цицарцевъ“. Тѣ плетутся позади его на цѣлыхъ полдесятины.

— Вотъ видите!—отъликнулся докторъ Шахматовъ.

— Дайте срокъ. Въ первый день онъ кончилъ въ четыре часа пополудни. Во второй еле дошелъ съ ними ровень. Въ послѣдніе два дня они его обгоняли, и у него осталось работы на полсутокъ.

— Вѣрно!—сказалъ Кумачевъ. — Они могутъ работать, да не хотятъ.

— Нѣтъ-съ, любезнѣйшій Захаръ Лукьяновичъ! — возразилъ князь. — И не могутъ! У русака рыхлая конструкція. Онъ не жилистъ, нѣтъ въ немъ наслѣдственной выдержки всякаго фуштры. Тотъ, наконецъ, при всей своей дьявольской умѣренности, пьетъ всегда красное вино и ѣстъ колбасу; колбаса—мясо, а не рѣдька съ квасомъ.

Тутъ только князь злобно разразился дробнымъ смѣхомъ.

XXXV.

Передъ уходомъ князь, перемѣнивъ позу, обратился къ Эсаулову; за обѣдомъ тотъ съ нимъ не согласился въ чемъ-то.

— Вотъ вы изволили какъ бы защищать пресловутый принципъ самоуправленія,—началъ онъ медленно и болѣе барскимъ звукомъ.

— Не совѣмъ такъ, князь! — поправилъ, весь съежившись, Эсауловъ.

— Ои ѧ реи рѣс! Тридцать лѣтъ путешествія и безобразія показали, до чего дошли наши православные, предоставленные самосѣченію и самоспаизванію. Когда мы въ земствѣ—насъ всего было тогда пять-шесть человѣкъ, сохранившихъ здравый смыслъ — настаивали на необходимости возстановить законную опеку дворянина надъ мужикомъ—насъ побивали камнями. И забавно! Вашъ покорный слуга представилъ тогда записку... въ этомъ именно смыслѣ. Ее, разумѣется, осмѣяли; оставили шутомъ го-

роховымъ. И что же?.. Основная идея была—iota въ iоту—та самая, которая находится въ учрежденіи нашихъ доморощенныхъ шерифовъ.

— Шерифовъ!—подхватилъ вполголоса Кумачевъ, первый понявъ, кого князь называетъ иносказательно.

— Но все — заднимъ умомъ, когда уже никакіе шерифы ничего не исправятъ! То же самое и насчетъ пресловутой реформы суда. Тридцать лѣтъ назадъ я составилъ записку, гдѣ доказывалъ, что дальше суда, въ родѣ нѣмецкихъ шеффеновъ, у насъ безумно идти. Разумѣется, меня обили помоями. А теперь идея шеффеновъ на очереди. И опять будетъ послѣ ужина горчица. Ха-ха!

Князь поднялся и, немного нагнувшись къ племянницѣ, положилъ ей руку на плечо:

— Bonsoir, petitel! — сказалъ онъ ей; Захару Лукьяновичу подаль руку, а остальнымъ мужчинамъ сдѣлалъ легкой круговой поклонъ и повернулся быстрымъ поворотомъ.

Нина проводила его до дверей, мужъ ея пошелъ съ нимъ дальше.

Гости не нашли умѣстнымъ дѣлать какія-нибудь замѣчанія о князѣ, и только Ковригинъ, присѣвъ къ Нинѣ на диванъ, высказался своей шепелявой, изломанной дикцией:

— Très crâne, son altease princière, très crâne!

На это Нина отвѣтила однимъ возгласомъ:

— Oui — dà!

Кумачевъ вернулся довольный, съ тихой усмѣшкой на крупныхъ губахъ.

Шахматовъ подошелъ къ нему.

— Настоящій Рюриковичъ — вашъ дяденька, Захаръ Лукьяновичъ.

— Да, настоящій,—подтвердилъ Кумачевъ.

— Большая цѣльность взглядовъ, что такъ рѣдко въ русскомъ тѣри,—полунасмѣшливо выговорилъ Эсауловъ и подселъ къ Нинѣ, на мѣсто, оставленное ея дядей.

Ей не хотѣлось руководить разговоромъ. Она чувствовала пріятное утомленіе и была бы рада, если бы гости не засиживались.

Всѣ опять сѣли въ кружокъ. Молодой человекъ, такъ внимательно слушавшій князя,—его фамилія была Ненароковъ,—спросилъ Кумачева серьезно и дѣловито:

— Вѣдь князь, если не ошибаюсь, свѣтлѣйшій?

— Какъ же,—отвѣтилъ за Кумачева Шахматовъ.

— И вы, Ненароковъ, — спросилъ молодого человѣка Захаръ Лукьяновичъ, — если не ошибаюсь, должны находить многое, что говорилъ князь Петръ Никитичъ, весьма и весьма цѣннымъ, именно въ настоящее время?

— Въ особенности его взгляды на судъ и вопросъ возмездія.

Гости анали, что этотъ молодой человѣкъ — прїѣзжій изъ Петербурга, гдѣ и учился въ университетѣ. Захаръ Лукьяновичъ доставилъ ему мѣсто въ Москвѣ и предложилъ у себя дополнительныя занятія, въ родѣ какъ бы домашняго юрисконсульта.

— Это насчетъ смертной казни? — окликнулъ Шахматовъ, собиравшійся уходить.

— Да-съ. И насчетъ смертной казни. Вѣдь, согласитесь, профессоръ, — почтительно наклонился Ненароковъ въ сторону Шахматова, — и съ научной точки зрѣнія нераціонально сентиментальничать, разъ ватура преступника признана неисправимой. Такой членъ, пораженный гангреной, общество не только имѣетъ право, но положительно обязано отсѣкать. И въ этомъ вопросѣ Ломброзо безусловно правъ.

— Вы сами составили себѣ такое воззрѣніе, — учительскимъ тономъ отозвался Эсауловъ, — или вынесли его изъ аудиторіи?

— Изъ аудиторіи-съ, — убѣжденно и вѣско выговорилъ Ненароковъ. — Время гуманнаго франтовства кануло въ вѣчность. И наука, и польза государства сходятся въ этомъ пунктѣ безусловно.

„Такъ, такъ, — думалъ Кумачевъ и благосклонно поглядывалъ на молодого человѣка, прошедшаго новую школу. — Съ такими юнцами дѣло пойдетъ иначе. Ихъ стоить поощрять“.

Шахматовъ тоже былъ, повидимому, доволенъ направленіемъ молодого юриста. Прощаясь съ Захаромъ Лукьяновичемъ, онъ спросилъ:

— А что я давно не вижу у васъ вашего домашняго мудреца Кострицына и господина... какъ, бишь, его?

— Лыжина? — подсказалъ Кумачевъ и выпятилъ губы. — Оба удалились. Одинъ изволилъ поступить въ супруги актрисы сомнительнаго поведенія, а другой выказалъ себя достаточно краснымъ, когда у насъ вышло волненіе на мануфактурѣ. Будь вотъ у меня сей молодой человѣкъ —

Кумачевъ указаль на блондина—онъ, конечно бы, не сталъ на сторону бунтарей.

— Конечно, нѣтъ!—откликнулся молодой человѣкъ, и съ усиленнымъ наклономъ головы сталъ прощаться.

Нина сидѣла все на томъ же мѣстѣ. Провожать Шахматова пошелъ Кумачевъ. При ней остались на нѣсколько минутъ ея два кавалера—Эсауловъ и Ковригинъ.

Эсаулова она—не дальше, какъ третьягодня—сначала пріятельски пожурила за то, что онъ вздумалъ держать себя съ нею двойственно и говорить тономъ ментора, а потомъ поставила ему категорическій вопросъ: желаетъ онъ быть съ нею на прежней пріятельской ногѣ, но безъ всякихъ „репримандовъ“? Въ городѣ уже перестали говорить о дуэли. Гольцъ уѣхалъ въ полкъ. Рана не сдѣлаетъ его калѣкой. Съ мужемъ они попрежнему, и если въ ея столовой и салонахъ князь Петръ Никитичъ чувствуетъ себя какъ старшій родственникъ и, можетъ-быть, „sans danger“, то подавно каждый изъ московскихъ ея знакомыхъ—титлованныхъ или нѣтъ—будетъ себя чувствовать точно такъ же.

Эсауловъ улыбнулся и пропустилъ сквозь зубы, но съ особеннымъ выраженіемъ:

— Былъ вчера у Tonton. Она мнѣ изливалась.

— Въ чемъ?

— Насчетъ васъ.

Поближе присѣлъ и Ковригинъ и, прищуриваясь, глядѣлъ на Нину. Его руки отвѣсно лежали на груди, точно онъ ихъ нарочно показывалъ.

— И что же?—спросила Нина и выпрямилась.

— Ей, кажется, неловко.

— Je crois bien!—вырвалось у Нины. — Нельзя такъ дуться, безъ всякаго серьезнаго повода. Этого мало! Être indiscret et méchante... envers celle, dont elle se disait l'amie... до гробовой доски!—докончила она по-русски и повела ртомъ вбокъ.

— C'est ça, c'est ça!—произнесъ тономъ судьи Ковригинъ. — Nanon, Богъ знаетъ, какого тона дѣлается. Elle se rouille... со своимъ собачникомъ Платошей.

— Словомъ, она притихла?—спросила Нина, и чуть не сказала вслухъ то, что подумала: „мнѣ-де нечего терять, а она и ея супругъ потеряютъ открытый домъ, гдѣ они катались какъ сыръ въ маслѣ; да и денегъ всегда можно перехватить у Захара Лукьяновича“.

— Да, если хотите—притихла,—сказала Эсауловъ.

— Другими словами—она васъ прислала... Только вы ходите перетонить, мой другъ.

— C'est ça! — процѣдилъ Ковригинъ и въ носъ засмѣялся.

Эсауловъ хотѣлъ-было обидѣться, но не обидѣлся. Ссориться съ Ниной не было причины. Въ немъ, какъ въ холостякѣ, все еще признающемъ, что онъ „опасенъ для женщинъ“, надежда когда-нибудь сблизиться съ нею, незамѣтно и „подъ шумокъ“, усилилась съ тѣхъ поръ, какъ у ней была „исторія“. Она ему и какъ женщина стала больше нравиться.

— Можете ей сказать, — выговорила авторитетно Нина, — мой домъ всегда открытъ для нея. Но первая я прыгать не намѣрена.

— C'est ça! — рѣшилъ Ковригинъ, поднялся и сталъ цѣловать ея руку.

За нимъ и Эсауловъ. Оба ушли вмѣстѣ и въ дверяхъ встрѣтили Кумачева. Онъ, какъ достойный племянникъ Рюриковича, проводилъ ихъ до лѣстницы, хотя ни съ однимъ изъ нихъ не стоило особенно церемониться.

Захаръ Лукьяновичъ тихо подошелъ къ женѣ, взялъ ея руку и высоко поднесъ ее къ губамъ.

— Ты, я думаю, ужасно утомилась? — спросилъ онъ ласково, съ какимъ-то новымъ, точно отеческимъ оттѣнкомъ.

— Да, немножко.

— Поди, раздѣнься... Ты никого вечеромъ не ждешь?

— Нѣтъ, никого.

Этимъ вопросомъ онъ показывалъ, что попрежнему ограждаетъ независимость своей супруги: она можетъ принимать когда и кого ей угодно, и выѣзжать — такимъ же манеромъ. Чтò было, тò прошло. Она слишкомъ умна, чтобы другой разъ рисковать всѣмъ изъ-за какого-нибудь „верзили въ мѣдномъ шишакѣ съ птицей“.

Когда у нихъ дошло до объясненія — оно было всего въ три минуты. Нина, вздрагивающимъ—„нутрянымъ“, какъ онъ называлъ—голосомъ, сказала ему тогда:

— Барону Гольцу я никакихъ правъ на себя не давала. Прошу этому вѣрить.

Онъ и повѣрилъ. Будь она не замужемъ, даже дѣвицей подъ строгимъ надзоромъ—такая интрижка съ офицеромъ была бы пустячкомъ. Есть дѣвицы, что, по-аме-

рикански, флёртируютъ, до замужества, безчисленное число разъ.

— Отдохни!—сказалъ онъ такъ же мягко, поцѣловалъ ее въ лобъ и удалился къ себѣ.

Ему надо было поработать. Теперь онъ—предсѣдатель двухъ городскихъ комиссій, и ему на-дняхъ дали Владимира на шею. Погромъ на фабрикахъ, тѣ, какимъ молодцомъ онъ понесъ убытокъ чуть не въ полмилліона, и какъ онъ приструнилъ рабочихъ,—все это подняло его на двѣ головы въ глазахъ избирателей всѣхъ сословій.

„Съ ними ты прекрасно проживешь весь свой вѣкъ!“—думала Нина, провожая его замедленнымъ взглядомъ.

XXXVI.

На подавленномъ сугробахъ дворъ заущенной усадьбы только въ петухомъ флигелькѣ, гдѣ когда-то жилъ управляющій, виденъ былъ свѣтъ въ трехъ окнахъ.

Вѣтеръ вылъ и крутилъ свѣжнущую пургу, врываясь въ околицу съ дырявымъ частоколомъ. Деревня ютилась далеко, подъ горой. Уныло и жутко смотрѣла вся мѣстность.

Ворота стояли открытыми. Ихъ столбы давно повачнулись. Земская пара, позвякивая колокольчикомъ, поднялась слѣва и вѣхала въ ворота. Лошади съ трудомъ ступали по рыхлому снѣгу. Въ саняхъ сидѣлъ одинъ только сѣдокъ, ушедшій въ высоко поднятый воротникъ сибирской дахи.

У флигеля сани остановились, и колокольчикъ издалъ послѣдній надтреснутый звукъ.

Лыжинъ вылезъ и, съ трудомъ отыскивая въ полутьмѣ порошу, пошелъ къ крылечку. Сюда онъ попадалъ въ первый разъ.

Съ той зимы, когда онъ въ Москвѣ поступилъ на службу къ Кумачеву, прошло больше года.

Сюда онъ попадалъ въ первый разъ, и вѣхалъ съ послѣдней станціи желѣзной дороги.

На крылечко онъ вошелъ осторожно и съ трудомъ отворилъ дверь, обитую рогожей и примерзающую внизу.

Въ полутемной передней, со старинными ларями, онъ сталъ снимать свой ермакъ, такъ долго и честно послужившій ему.

Его обоняніемъ сейчасъ же овладѣлъ запахъ лѣкарствъ, комнаты, гдѣ лежитъ тяжело больной.

„Бѣдная!—подумалъ онъ.—Встанетъ ли?“

На легкій шумъ его прихода изъ первой комнаты-зальцы выбѣжала женщина съ платкомъ на головѣ, въ пальто. Лица онъ не могъ рассмотреть.

— Кто это? Ахъ! вы, Юрій Петровичъ?

Это была Леля Божеярина.

Она, уже недѣля, какъ жила съ Идой въ этомъ флигелькѣ. Обѣ ухаживали за Акридиной, заболѣвшей тифомъ. Ей пришлось просить отпускъ. Съ радостью отказалась она отъ самой „выигрышной“ роли.

— Чтѣ?—упавшимъ голосомъ спросилъ Лыжинъ.

— Тяжела... очень тяжела!

— Я послалъ отчаянную депешу доктору Гурьянову. Онъ будетъ.

— А!—радостно вскричала Леля, сдерживая звукъ.

— А теперь какъ она?

— Забылась. Температура—адская. Рѣдко приходитъ въ сознание. И ничего здѣсь не достать! Такая трущоба! Докторъ ѣздитъ только черезъ день. Лучше бы не ѣздилъ. За лѣкарствомъ послать—десять верстъ, да и то дрянъ!

Она говорила ему, вводя въ зальцу, гдѣ, за ширмами, стояла ея кровать. Стѣны, въ деревѣ, почернѣли. Мебель вся состояла изъ длиннаго дивана, стола и трехъ стульевъ. Свѣча, подъ абажуромъ, уныло освѣщала эту комнату, похожую на передбанникъ.

Изъ дверей въ слѣдующую комнату вышла Ида, въ темной блузѣ, съ головой, укутанной платкомъ, какъ и у Лели. Домишко нагрѣвался туго, и въ стѣны дуло во всѣхъ углахъ.

— Mon ami!

Они обнялись. Ида, глотая слезы, глубоко впалыми глазами приласкала его, взяла за руку и отвела къ дивану, сказавъ Лелѣ:

— Посидите около нея. Надо ставить термометръ, какъ только она придетъ въ себя.

По уходѣ Лели они оба съ полминуты молчали: слишкомъ много было у нихъ на душѣ и на языкѣ разспросовъ.

— Чтѣ она? —спросилъ Лыжинъ и поглядѣлъ въ ту сторону, гдѣ лежала тяжело-больная.

Ида только покачала головой и какъ будто что-то въ родѣ усмѣшки повело ея блѣдный ротъ.

— Неужели?

— Не знаю... Не могу надѣяться.

— Гурьяновъ будетъ.

— Спасибо.

Она протинула ему руку, горячую и сухую.

— Да и у васъ жаръ, голубушка!

— Нѣтъ. Это такъ... отъ печей.

— И вы ухлопаете себя, какъ она.

— Ничего!

— Своего рода самоубійство,—сказалъ Лыжинъ, опуская голову въ ладони рукъ, упертыхъ въ колѣна.

— Не знаю, другъ.

— Разумѣется. Все это—реваншъ тому елейному блондину.

— Можетъ-быть,—медленно промолвила Ида.

— И ея экспедиція въ Сибирь. Развѣ это не вызовъ, брошенный ему же: я-де покажу, какъ я изучаю народъ, съ какимъ чувствомъ и пониманіемъ. Тамъ она надорвала здоровье. Плевать схватила. А теперь этотъ объѣздъ доконалъ.

— C'est sublime!

— Кто говорить! Бѣда стряслась общенародная. Оставаться холоднымъ нельзя. Но она точно искала смерти. Другая бы взяла работу, положимъ, тяжелую, но не такую, гдѣ не заразиться нельзя. Стала бы развозить хлѣбъ, открывать столовые. А то прямо въ уѣздъ, гдѣ голодный тифъ валить всѣхъ—и взрослыхъ, и дѣтей.

— А вы? — остановила его Ида, точно желая иначе направить разговоръ.—Расскажите мнѣ, Юрій...

— Да чтò... Вотъ очутился тоже въ кухаряхъ. Деньги пока прибываютъ; не знаю, чтò дальше будетъ.

— Столовые хорошо идутъ?

— Это самое лучшее, чтò можно придумать.

— И не дорого?

— Рубли на полтора въ мѣсяцъ. Ъда до отвалу.

Ида тихо усмѣхнулась.

— Отъ васъ долженъ ѣхать сегодня же въ Софроновскую волость. Тамъ еще не налажено. Ночевать попаду къ лѣсничему. Туда съѣдутся и господа комиссары по работамъ. Знаете,—онъ наклонился и продолжалъ тише:— слышалъ я, что и Боярцевъ пошелъ въ эти комиссары. Если я его встрѣчу—сказать о ней?

Лыжинъ указалъ головой на дверь.

И опять они смолкли, прислушиваясь къ тому, чтò черезъ комнату, гдѣ лежала больная.

— Говорить,—сказалъ Лыжинъ.—Ея голосъ узнаю.

— Въ бреду... когда она начнетъ, то сейчасъ горячо спорить.

— Съ нимъ?

— Да. Иногда кричитъ: „Я докажу, я докажу! Пустите меня, пустите!“ Или начнетъ пѣть... по-итальянски... И голосъ такой сильный.

Половина дощатой двери отворилась. Леля окликнула:
— Господа! Лидія Павловна!

Лидія тотчасъ же подошла къ двери. Лыжинъ остался на мѣстѣ.

— Сильно мечется... Я ее не могу удержать. А Настасья ушла на порядокъ.

— Не могу ли я?—шопотомъ спросилъ Лыжинъ и поднялся.

Онъ пошелъ слѣдомъ за Идой. Леля уже держалась за дверь комнаты больной. Проходная комната была вся заставлена двумя кроватями, узкая и холодная, съ печью, отъ которой шелъ запахъ глины.

Въ дверяхъ Лыжинъ остановился.

На низкомъ диванѣ, занимавшемъ всю стѣну, лежала, разметавшись, Елена. Голова ея упиралась въ высоко поднятыя подушки. Замѣтная сѣдина смягчала цвѣтъ волосъ, стриженныхъ недѣли двѣ назадъ. Такъ она казалась еще болѣе похожей на мальчика.

Глаза возбужденно выходили изъ глубокихъ впадинъ и взглядъ бѣгалъ вправо и лѣво.

— Кто? Кто?—заговорила она и сдѣлала быстрое движеніе, точно хотѣла вскочить съ постели.

Леля схватила ее подъ мышки. Ида, у изголовья, наклонилась надъ нею.

— Лежи, милая, лежи! — тономъ мольбы заговорила она.

— Кто? — гнѣвно крикнула Елена. — Какая Іуліанія Вяземская? Какая?

И она, расхохотавшись, упала головой на подушку, плашмя.

„Іуліанія Вяземская“,—повторилъ про себя Лыжинъ, и тотчасъ же ему вспомнился, почти дословно, весь споръ Елены съ Боярцевымъ въ квартирѣ Иды. И тогда она иронически и задорно кинула Боярцеву вопросъ: „Что это еще за Іуліанія Вяземская?“

Въ воспаленномъ мозгу работало усиленно нѣсколько

ячеекъ, захваченныхъ однимъ стремленіемъ, однимъ образомъ того, кто ее выбилъ изъ колен.

Тяжелый воздухъ проникалъ въ грудь Лыжина. Тутъ можно было ежесекундно схватить заразу. Невольное жуткое чувство зашевелилось у него—что-то въ родѣ страха. Но онъ не успѣлъ его отчетливо сознать. Обѣ женщины стояли у постели. Больная уже не порывалась вскочить и бредъ стихъ. Она неопредѣленно промычала и, повернувшись къ стѣнѣ, тяжело задышала, съ носовымъ звукомъ, который прошелся по слуху Лыжина особенно жутко. Онъ слышалъ въ этомъ свистящемъ, хрипломъ дыханіи близость конца.

И ему вдругъ подумалось:

„Развѣ такъ не лучше будетъ? И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“

Ему не стало жаль извѣстной Акридиной, ея ума, знаній, энергіи, плановъ, все новыхъ и новыхъ изслѣдованій.

Жизненный нервъ надорванъ. Если и встанетъ—будетъ влечить жалкую долю женщины, отравленной любовнымъ ядомъ.

Леля обернулась къ нему, и по ея лицу онъ понялъ, что ему лучше удалиться. Кажется, больную надо было раздѣть и обмыть.

Онъ радъ былъ тому, что полутемнота отъ дешевой лампочки не позволяла ему разглядѣть лица и тѣла Елены, и онъ еще не зналъ, какой это тифъ: простой, желудочный или пятнистый.

На цыпочкахъ выдвинулся онъ изъ комнаты, гдѣ его сверстница была въ когтяхъ заразнаго недуга.

XXXVII.

Небольшая деревянная станція съ плохенькимъ буфетомъ пустынно темнѣла среди волнистой снѣжной равнины. Вдали тянулась полоса хвойнаго лѣса.

Послѣдній поѣздъ давно ушелъ. Въ буфетѣ, за чайнымъ столомъ, сидѣлъ всего одинъ пассажиръ.

Лыжинъ завернулъ на станцію закусить и согрѣться, между двумя посѣщеніями деревень: тамъ надо было, какъ можно скорѣе, наладить столовую.

Онъ уѣхалъ изъ усадьбы, гдѣ лежала Елена, безъ надежды увидать ее. Болѣзнь вошла уже въ третью недѣлю, а признаки становились все зловѣщѣе. Ида выносила эту

грядущую потерю съ тихимъ мужествомъ. Ни одной слезы не проронила она, ни одного лишняго восклицанія не вырвалось у нея. Въ этой женщинѣ онъ уже не впервые распознавалъ чудесную душу и натуру, способную на подвиги, если бъ какая-нибудь высокая идея охватила ее своимъ пламенемъ.

Вотъ они оба почти ровесники, люди одной полосы—доживаютъ врознь. Такъ и дойдутъ до конца. А соединиться не тянетъ. Ида еще очень привлекательная женщина. Довольно ей страсти. Хорошее, испытанное чувство могло бы навѣки согрѣть ихъ обоихъ.

Но онъ не могъ бы настроить себя на сближеніе, за которымъ стоитъ сожителство, какое бы оно ни было—въ бракѣ или внѣ его. Ида слишкомъ долго была его товарищемъ, а теперь она вызывала въ немъ чувство, близкое къ сыновнему. Никого онъ такъ не жалѣлъ, да никого и не считалъ настолько выше себя по благородству и глубинѣ душевнаго склада. Это и мѣшало—больше, чѣмъ что-либо—влеченію къ женщинѣ.

Да и время было не такое.

Подползла грозная бѣда, и вотъ онъ по доброй волѣ, совершенно просто, безъ всякихъ вопросовъ и развѣдающаго резонерства, очутился на службѣ народу. И ему ни разу съ тѣхъ поръ, какъ онъ ѣздитъ по деревнямъ, закупаетъ крупу и горохъ, капусту и картофель, собираетъ сходки и налаживаетъ хозяйство столовыхъ, буквально ни разу не пришло на умъ:

„Не опять ли онъ повернулъ къ прежнимъ поискамъ, къ тому состоянію, когда пустишь себѣ вошь въ ухо и пойдешь въ зипунѣ стучать лбомъ передъ своимъ идоломъ—мужикомъ?“

Онъ тотъ же Лыжинъ, что состоялъ на службѣ у „его степенства“ Захара Лукьяновича Кумачева и вступилъ въ дружбу съ „амбарнымъ Сократомъ“ — Иваномъ Кузьмичомъ Кострицынымъ.

Поджидая поѣздъ, Лыжинъ смутно надѣялся, что изъ Москвы подѣдетъ Гурьяновъ. Должны придти два поѣзда съ разныхъ сторонъ—съ сѣвера и съ юга—и встрѣтятся здѣсь. Московскій будетъ стоять всего десять минутъ, а южный останется дольше и придетъ первымъ.

Показались признаки приближенія второго поѣзда. Буфетчикъ сталъ за стойку. Дѣвица, у самовара, начала перемывать чашы. Лакей принесъ блюдо съ чѣмъ-то и

поставилъ его на столъ съ приборами. Въ окно Лыжину было видно, какъ порывѣлая шинель дежурнаго жандарма мелькала взадъ и впередъ.

Раздѣльно и мягко ударили въ сигнальный аппаратъ: поѣздъ вышелъ съ послѣдней станціи.

Лыжинъ допилъ свой стаканъ и прошелся взадъ и впередъ по залу.

Грудь локомотива показалась слѣва, выѣстъ съ порывистымъ и слитнымъ первымъ звонкомъ.

Потянулись пассажиры и жадно набросились на чай.

— Юрій Петровичъ! Дружище!

По громкому оклику Лыжинъ не сразу узналъ голосъ.

— Кострицынъ!

Они обнялись.

— Позвольте и мнѣ поцѣловать васъ.

Липа, въ мѣховой ротондѣ, повязанная оренбургскимъ платкомъ, раскрыла широко руки и обняла Лыжину.

— Куда? Откуда? — спрашивалъ онъ ихъ, отведя къ чайному столу.

— Сидежь туда, въ уголокъ, — сказалъ Кострицынъ. — Намъ не къ спѣху. Мы вѣдь отсюда на обывательскихъ.

Они сѣли въ уголъ, отъ окна, около кіота.

Лыжинъ жалъ имъ руку и оглядывалъ то одного, то другого.

Липа пополнила и глаза получили прежній блескъ. По ея фигурѣ Лыжинъ догадался, что она беременна. Кострицынъ въ тулупчикѣ и въ сѣрой смушковой шапкѣ смотрѣлъ артельщикомъ — краснощекій, кудрявый на вискахъ, попрежнему юркій въ движеніяхъ.

— Куда? — переспросилъ Лыжинъ, держа ихъ за руки.

— Вотъ Липа пожелала навѣстить Елену Константиновну.

— И оттуда.

— И что жъ? — спросила Липа, и брови ея сдвинулись.

Лыжинъ опустилъ голову.

— Опасна?

— Да. Идутъ пріѣзда доктора Гурьянова.

— Тамъ Ида Павловна? — продолжала расспрашивать Липа.

— Тамъ.

— Какой видъ тифа? Пятнистый?

— Не знаю навѣрно. Но очень тяжела.

— Заразилась! — вырвалось у Липы.

Мужъ поглядѣлъ на нее и тихо сказалъ:

— Вѣдь ты же не боишься?

Въ его вопросѣ Лыжинъ почувствовалъ тревогу.

— Мнѣ ничего не сдѣлается.

— Тамъ и Лёля Божеярина, — добавилъ Лыжинъ.

— Вотъ видишь! — выговорила Липа, кивнувъ головой въ сторону мужа.

— Да вы сами-то откуда? — спросилъ Лыжинъ.

Больше двухъ мѣсяцевъ онъ ничего не зналъ о нихъ.

Годъ прошелъ у Липы въ устройствѣ ея амбулаторіи на хуторѣ. На сцену ее не тянуло, и она воевала съ мужемъ, въ котораго упорно засѣло желаніе создать изъ нея драматическую артистку. Самъ онъ усиленно работалъ надъ диссертацией, и они совсѣмъ собрались въ Москву печатать ее, когда были захвачены все тѣмъ же, что и Лыжина понесло въ деревню.

— Да, дружище, — рассказывалъ Кострицынъ, попивая съ блюдечка, — поѣздъ ушелъ, и они остались одни, — пригодились и мнѣ служба въ амбарѣ моего ученика Захара Лукьяновича, идущаго въ гору не по днямъ, а по часамъ. Когда мы съ Липой надумали организовать помощь, я тряхнулъ стариной и раздобылъ одного юнца, тоже изъ моихъ бывшихъ учениковъ, съ здоровущимъ капиталомъ. Винищемъ торгуешь, и кабаковъ у тятеньки, и складовъ — видимо-невидимо. Поналегъ на него и возжегъ патріотическое чувство. А можетъ, и на тщеславіи уловилъ. Но какъ ни какъ, а на нѣсколько вагоновъ хлѣба раскошелся, и вотъ мы съ Липой ѣздили на югъ, въ Николаевъ, въ Ростовъ и Таганрогъ. Вѣсть о болѣзни Елены Константиновны захватила насъ въ самомъ развалѣ нашихъ разѣздовъ.

Кострицынъ уже зналъ про то, что Лыжинъ заводитъ столовую.

— Тѣмъ же кончимъ и мы, — говорилъ Кострицынъ, подувая на блюдечко, — но пока выдаетъ на руки. Липа сразу находила, что безъ общественныхъ трапезъ не обойдется. Какъ у спартанцевъ! Помнишь, Юрій Петровичъ, у Стобѣя: *гесіонтай пайтесъ энъ койно?* — вылетѣло изъ его сочныхъ, красныхъ губъ.

— Да вѣдь я не понимаю! — взмолился Лыжинъ.

— Онъ по этой части неисправимъ, — сказала Липа.

Всѣ весело и молодо разсмѣялись и тотчасъ же смолкли, разомъ вспомнивъ объ Еленѣ.

Опять прозвучало пять раздѣльныхъ сигналовъ.

— Вы какъ же отсюда?—спросилъ Лыжинъ.

— Батюшки! Вѣдь надо насчетъ лошадей.

Кострицынъ вскочилъ.

— Найдете. Здѣсь всегда есть пары двѣ-три, — успокоилъ его Лыжинъ.

И, нагнувшись къ Липѣ, шепнулъ ей:

— Ухабовъ и выбоинъ не бойтесь, Олимпиада Дмитриевна?

— Почему?

— Да развѣ вы не...

Она его поняла и, немного покраснѣвъ, отвѣтила:

— Ничего. Это здоровая болѣзнь.

Однимъ изъ первыхъ пассажировъ московскаго поѣзда вошелъ въ залъ докторъ Гурьяновъ.

Они окружили его. Лыжинъ долго пожималъ ему руку. Липа расцѣловалась съ нимъ. То, что ему успѣлъ сообщить Лыжинъ, видимо, смутило Гурьянова.

— Богъ милостивъ! Натура крижистая! Такія борются съ болѣзнию до послѣдней крайности.

Надо было добывать двѣ повозки—для Кострицыннхъ и Гурьянова. Лыжинъ, чтобы стряхнуть съ себя тяжелое чувство, опять налетѣвшее на него отъ разговора о болѣзни Елены, самъ пошелъ нанимать ямщиковъ. Кострицыны принялись угощать доктора чаемъ.

XXXVIII.

Немного въ сторонѣ отъ главнаго лѣснаго проѣзда, на полянкѣ, лѣтомъ полной зелени и цвѣтовъ, теперь покрытой все тѣмъ же снѣжнымъ пологомъ, красиво выступаетъ каменный одноэтажный домъ со службами и садикомъ.

Тутъ живетъ лѣсничій.

Часа въ три—солнце уже скрылось за вершины сосенъ—обывательская нара, въ открытыхъ пошевняхъ, подвезла Лыжина къ этой лѣсной усадьбѣ.

По дорогѣ къ тому селу, гдѣ у него была „штабъ-квартира“, онъ ѣхалъ въ первый разъ въ это лѣсничество. Онъ узналъ отъ урядника, что участкомъ завѣдуетъ нѣкто Грушинъ, и вспомнилъ, что когда-то, не такъ еще давно, они съ нимъ встрѣчались и какъ разъ въ самую курьезную полосу его жизни, незадолго до того перелома, ко-

торый оставилъ позади него исканія и опыты съ самимъ собою.

Будь это полтора года, даже годъ назадъ, ему, быть-можетъ, было бы нужно перебирать старое, а теперь ему положительно захотѣлось возобновить знакомство съ этимъ Грушинымъ. Вдобавокъ, сюда ожидали приѣзда комиссаровъ по общественнымъ работамъ. Должны были на-дняхъ начаться порубки и корчеванье, и всѣ ждали, что это сейчасъ же уменьшитъ число „ртовъ“ въ столовыхъ. О платѣ уже оповѣстили и пѣшихъ рабочихъ, и съ подводами. Лошадей можно будетъ спасти отъ голодовки и падежа, хоть и далеко не всѣхъ, даже и по окрестнымъ волостямъ.

Лѣсничій былъ дома.

Въ свѣтлой, просторной комнатѣ, съ широкимъ окномъ на балконъ, сидѣлъ Лыжинъ передъ хозяиномъ. Оба курили.

На Грушинѣ было служебное короткое сѣрое пальтецо; изъ-подъ воротника виднѣлась рубашка съ косымъ воротомъ.

Лыжинъ не сразу бы узналъ его. Изъ худого, почти безбородого студента онъ превратился въ осанистаго мужчину съ четырехугольной бородой и прекраснымъ цвѣтомъ лица; курчавые волосы онъ сильно запустилъ.

— Да, вотъ какъ жизнь-то вертитъ!—выговорилъ Лыжинъ.—Гдѣ она въ послѣдній разъ столкнула насъ и гдѣ—въ настоящій моментъ!

— Истинно!—пріятнымъ басомъ подтвердилъ Грушинъ.

Когда Лыжинъ проживалъ въ общинѣ, откуда ушелъ съ сильно расшатанной вѣрой во всякія такія „затѣи“, этотъ Грушинъ заѣзжалъ къ нимъ и присматривался недѣли двѣ къ ихъ жизни. И самъ онъ въ тѣ поры искалъ „исхода“ и не прочь былъ продѣлать суровый испусъ „интеллигентнаго рабочаго“. Тогда еще онъ былъ на послѣднемъ курсѣ въ Петровской академіи и мечталъ объ этомъ ко времени окончанія курса. На юго-востокъ заѣхалъ онъ съ Кавказа, куда его посылали лѣчиться, послѣ остраго воспаления печени, въ Эссентуки.

Однако, онъ въ общину не вернулся, и послѣ частной службы у одного князя, владѣющаго огромнымъ лѣсомъ за Волгой, получилъ казенное мѣсто.

— Помните, Юрій Петровичъ,—заговорилъ онъ, трячущъ своими кудрями,—женскіе экземпляры?

— Какъ же!

— Напримѣръ, Дуньку? А?

И онъ подмигнулъ Лыжину.

— Она, кажется, и сыграла роль искусительницы въ этомъ парадизѣ?

— Именно. Вѣдь все дѣло разгорѣлось положительно изъ-за нея; то-есть причины-то назрѣвали, но она представляла изъ себя бродило, химическій ферментъ.

— Съ кѣмъ же она?

— Съ Гудзенкой.

— Тотъ, хохоль, косая сажень въ плечахъ?

— Да, я полагаю, и не съ однимъ имъ, только онъ изъ-за нея на другихъ полѣзъ. Грѣшный человѣкъ, я тогда на вашихъ радѣніяхъ, когда Усачевъ произносилъ проповѣди, наблюдалъ за ней и, знаете, нарочно пускалъ въ ходъ глазенка.

— Переглядывались?

— Она меня не волновала... своими глазами и сахарными устами. И сейчасъ она начинала самый убійственный огонь. Такъ и кончилось. И гдѣ бы вы думали я ее встрѣтилъ?

— Гдѣ?—спросилъ, оживляясь, Лыжинъ.

— Въ Рыбинскѣ, весной, Периколу играла. И тамъ я узналъ, что она книгиня... татарская фамилія, Мурзаханова... что-то въ этомъ родѣ... Ушла она отъ мужа-офицера, такъ, ни съ того, ни съ сего. Скучно—и баста! И передъ тѣмъ, какъ попасть въ общину, чего-чего не попробовала, и въ сестрахъ милосердія, и сыръ училась варить гдѣ-то въ Ярославской губерніи. И кончила опереткой, и здоровущій купчина-мучникъ значился ея покровителемъ. Да!.. крутить всѣхъ насъ, и мужчинъ, и женщинъ, пока не наступитъ часъ сказать: стопъ!

— А для васъ онъ наступилъ?—спросилъ задумчивой нотой Лыжинъ.

— Что жъ, Юрій Петровичъ, — вы, быть-можетъ, про себя въ правѣ сказать, что окончательно подвели итоги. Это—дѣло лѣтъ. Я тоже порывался... Небось, помните, какіе мы съ вами разговоры вели, сидя на заваленкѣ, подъ вечеръ, послѣ ужина. Я гдѣ-гдѣ не побывалъ, даромъ что мнѣ всего двадцать шестой годъ пошелъ съ октября.

Лыжинъ зналъ, что лѣсничій родомъ сибирякъ.

— И тамъ, у себя,—Грушинъ провелъ въ воздухѣ ру

кой,—гнало меня на самый крайній край. Пріятели завелись изъ подневольныхъ жителей полярныхъ странъ.

— Вотъ какъ!

— Я въ Среднеколымскѣ гащивалъ подолгу, когда еще юнцомъ былъ. И къ чукчамъ ѣзжалъ не разъ. И вотъ тамъ меня одинъ человѣкъ на всю мою жизнь пронзилъ своимъ примѣромъ.

Ласковые глаза лѣсничаго слегка отуманились. Онъ опустилъ голову и сталъ говорить медленнѣе и тише звукомъ:

— Сколько лѣтъ онъ провелъ въ юртѣ, жевалъ струганую мерзлую рыбу и валялся въ безпамятствѣ отъ ежедневныхъ угаровъ. Холодина въ сорокъ градусовъ, мракъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, вонь и чадъ отъ плошекъ съ тюленьимъ жиромъ. Годами словомъ человѣческимъ не съ кѣмъ переболвиться. Грудь слабая, нервы расшатаны до послѣдней степени—и выдержалъ, вернулся все съ тѣмъ же душевнымъ складомъ. Вотъ, часто, когда сидишь одинъ, скука начинаетъ засасывать, читать одурь возъметь. Ъхать некуда и нельзя—метель крутитъ. Графинчикъ съ настойкой какъ разъ очутится въ званіи притягательной отравы. И на душѣ такъ скверно: ты, молъ, на казенныхъ харчахъ, тебѣ туда и дорога—въ винтъ лупить съ урядникомъ да водку сосать съ утра до вечера. Вспомню о моемъ благопріятелѣ изъ Среднеколымска, и опять на душѣ легко, и сдается, что не одолѣть тебя ни сукъ, ни лѣни, ни сивухѣ.

Грушинъ ждалъ не сегодня—завтра пріѣзда комиссаровъ по лѣснымъ работамъ. Онъ уже готовилъ имъ ночлегъ и въ своемъ помѣщеніи, и во флигелѣ у кондуктора.

— Вамъ, Юрій Петровичъ, стѣсняться этимъ нечего,—говорилъ лѣсничій, когда Лыжинъ перевелъ разговоръ на эту тему.—Вы со мною въ спальнѣ; тамъ диванъ роскошный. А для нихъ здѣсь постелемъ и въ залѣ.

— Сколько ихъ будетъ?

— Кажись, трое. Одинъ, слышно, изъ гвардейцевъ, чуть не титулованный. И двое помѣщиковъ, одинъ изъ земскихъ начальниковъ пошелъ, а третій—предводитель... оттуда, изъ подмосковныхъ уѣздовъ.

— Фамилію знаете?

— Боюсь перепутать; кажется, Боярцевъ.

— Боярцевъ?—переспросилъ Лыжинъ и всталъ.

— А вы знакомы?

— Если это тотъ самый. Изъ Москвы?

— Да, москвичъ. И земскій-то начальникъ оттудова же.

Имя „Боярцевъ“ всколыхнуло въ Лыжинѣ все, съ чѣмъ онъ уѣхалъ изъ деревни, гдѣ, быть-можетъ, умирала въ ту минуту Елена Акридина. Онъ рѣшилъ остаться здѣсь даже и весь завтрашній день, до обѣда, подождать того, кто выбилъ изъ колен бѣдную Елену и толкнулъ ее на героическій видъ самоубійства, точно на добровольное исканіе заразы.

— А теперь пора и пожевать, Юрій Петровичъ,—пригласилъ лѣсничій и тоже всталъ.—Перейдемте въ столовую. Видите, какимъ я паномъ живу. Цѣлыхъ четыре аппарата подъ одного человѣка. Даже зазорно дѣлается... Только,—оттянулъ онъ,—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, я бы сейчасъ пошелъ къ вамъ въ помощники. Безъ разрѣшенія начальства этого нельзя, а теперь и подавно. Я обязанъ быть теперь самъ на чеку, давать указанія господамъ комиссарамъ. И слава тебѣ Господи! А то крѣпнись-крѣпнись, и всего-то тебя начнетъ разбирать отъ обилія лишняго досуга.

— Женись!—сказалъ Лыжинъ.

— На комъ? Ужъ не на Дунькѣ ли? Вотъ теперь я поджидаю господъ дворянъ. Она бы одновременно съ каждымъ изъ нихъ завела любовную игру. А у меня крови много, какъ разъ прилетѣть къ головѣ, и если бъ я ее спалалъ, я и ножъ всажу.

— Будто?

— Всажу! Можетъ, инстинктъ меня и воздерживаетъ, а кончишь тѣмъ, что обабишься... все лучше, чѣмъ съ чумазой кухаркой жить.

И болѣе весело, жестомъ руки, онъ пригласилъ Лыжина идти къ обѣду.

XXXIX.

За чаемъ, вечеромъ того же дня, сидѣли съ ними оба пріѣзжихъ комиссара.

Это были Боярцевъ и Ястребовъ, тотъ земскій начальникъ, котораго Лыжинъ видѣлъ на открытіи школы. Оба пріѣхали голодные и прозябшіе.

Боярцевъ смотрѣлъ все такъ же спокойно и немного торжественно. Ястребовъ спрашивалъ лѣсничаго обстоятельно. Онъ долженъ былъ начать работы въ этомъ самомъ лѣсу: Боярцевъ отправлялся на другой день дальше.

Ни тотъ, ни другой не выказывали особеннаго настроенія и какъ бы даже избѣгали разговора о народной бѣдѣ. Лыжинъ, наблюдая ихъ, считъ это если не рисовкой, то чѣмъ-то въ родѣ пароля.

Боярцевъ, узнавъ, что Лыжинъ открываетъ въ ближайшей волости столовую, сталъ говорить съ нимъ объ этомъ мягко и сдержанно, въ довольно искреннемъ тонѣ, но съ какимъ-то трудно уловимымъ оттѣнкомъ, который ему не нравился.

Ястребовъ сначала только прислушивался къ ихъ разговору.

— Такъ-то такъ, — началъ онъ, точно вколачивая слова, — нужда большая... Только даровые харчи въ родѣ нищенства, и народъ избалуется въ лоскъ!

Лыжинъ переглянулся съ лѣсничимъ.

— Доводъ вашъ, — возразилъ онъ, точно его что внутри укололо, — уже избить извѣстнаго рода прессой.

Ястребовъ строго поглядѣлъ на него.

— Меня этимъ нельзя смутить, — отвѣтилъ онъ ему въ упоръ.

— А ваши работы? — впадая въ нервность, заговорилъ Лыжинъ. — Вѣдь и на нихъ можно поглядѣть, какъ на національныя мастерскія, какія были заведены комиссией Луи-Влана послѣ февральской революціи.

— Не совсѣмъ, — тихо замѣтилъ Боярцевъ. — Тамъ дѣйствовалъ принципъ, провозглашающій державное право рабочихъ на трудъ, во что бы то ни стало!

— А здѣсь, — продолжалъ Ястребовъ, — мы вызываемъ нуждающихся въ работѣ и платимъ. Они не нищіе и не бунтари, а трудовой народъ. Вотъ что-съ!

Лѣсничій, раскраснѣвшійся отъ чая, приподнялся и отошелъ къ печкѣ.

— Толку отъ этихъ работъ тоже не предвидится, — сказалъ онъ. — Кое-кто прокормится... да и то скверно, потому что мукѣ будутъ покупать втридорога; плата все-таки не важная. А подылка-то остается все одна и та же.

— Почему? — спросилъ за Ястребова Боярцевъ.

— А какъ же? Вѣдь ежели казна сама приходитъ на помощь и, такъ сказать, выдумываетъ работы, значитъ, она признаетъ право голоднаго на трудъ.

— Несомнѣнно! — откликнулся Лыжинъ и тоже всталъ. Ему не сидѣлось.

Ястребовъ глядѣлъ на лѣсничаго все такъ же строго. Въ его глазахъ можно было прочесть вопросъ:

„Какъ же ты, на службѣ, и позволяешь себѣ такъ разсуждать, милый мой?“

Щеки разгорѣлись и у Лыжина. Но онъ взглянулъ на обоихъ комиссаровъ, и внезапно его настроеніе, близкое ко взрыву, измѣнилось. Оба эти дворянина, каждый по-своему, хотѣть показать, что ихъ взгляды не измѣнить никакая народная бѣда,—и все-таки они служатъ этому народу, изъ-за него каждый изъ нихъ оставилъ должность и поѣхалъ мерзнуть на лѣсныхъ просѣкахъ, дурно спать, дурно ѣсть, возиться съ нарядчиками, всюду поспѣвать.

О себѣ самомъ онъ точно забылъ. Его уже такъ захватило дѣло, что онъ не могъ задавать себѣ никакихъ личныхъ вопросовъ. Бѣдствіе было на его глазахъ слишкомъ ярко и многообразно. Не расколаживалъ онъ себя и тѣмъ, что помощь, идущая черезъ его руки, „капля въ морѣ“. Тамъ, гдѣ онъ заводилъ столовые, тѣ, кому нечего было ѣсть, всѣ ходили по два раза на день, и ихъ было сорокъ процентовъ, а когда и шестьдесятъ. И всѣ были сыты и въ проектѣ, и въ дѣйствительности. Быть-можетъ, они ѣли лучше, чѣмъ ѣдятъ въ избахъ и въ обыкновенное, не голодное время. Но онъ и этимъ не смущался.

— Господа,—слышалъ онъ голосъ лѣсничаго.—Къ чему тутъ мудрствовать лукаво? Пришла бѣда—отворяй ворота. А если разбирать все до тонкости, то вы, въ два-три дня, потеряете всякую вѣру въ толковость и смыслъ того дѣла, для котораго пріѣхали сюда организовать національныя мастерскія.

— Несомнѣнно! — тѣмъ же вѣскимъ звукомъ подтвердилъ Лыжинъ.

Ему видѣлась, подъ висячей лампой, бѣлокурая красивая голова Боярцева. Бѣлый, вдумчивый, нѣсколько узковатый лобъ отражалъ на себѣ свѣтъ, смягченный матовымъ колпакомъ.

И ему впервые пришелъ вопросъ:

„Какъ же это я до сихъ поръ не скажу ему про болѣзнь Елены?“

Онъ пододвинулся къ нему тихо и, нагнувшись, сказалъ вполголоса:

— Романъ Денисовичъ... на два слова.

Оба отошли къ итальянскому окну, съ обмерзлыми углами рамъ.

— Вы знаете, гдѣ Елена Константиновна?

Боярцевъ замигалъ и оглянулъ его сверху до низу.

— Нѣтъ, давно ничего не знаю.

— Вы не слышали и о томъ, что она поѣхала бороться съ голоднымъ тифомъ мѣсяца два назадъ?

— Нѣтъ,—болѣе искренней нотой отозвался Боярцевъ.

— И сама заразилась. Теперь она недалеко отсюда... верстахъ въ пятидесяти лежитъ. Опасность все растеть.

Лыжину хотѣлось разглядѣть, какое выраженіе появится на лицѣ и въ глазахъ Боярцева. Лицо было серьезное, глаза полуопущены.

— Вы ее видѣли? — спросилъ Боярцевъ послѣ маленькой паузы.

— Она была въ бреду.

— И какого вы мнѣнія?

— Не знаю, встанетъ ли.

— Благодарю васъ! — болѣе искреннимъ звукомъ заговорилъ Боярцевъ и поднялся. — Вы будете добры, сообщите мнѣ, по какой дорогѣ можно туда попасть.

Въ Лыжинѣ проснулось-было недоброе желаніе сказать ему:

„Безумная любовь къ вамъ погнала ее на вѣрную смерть“.

Но чѣмъ же онъ былъ виноватъ?

— Кого-то Богъ несетъ? — вдругъ сказалъ лѣсничій у стола и оглянулся на окно.

Можно было отчетливо распознать звякъ колокольчика.

Черезъ нѣсколько минутъ въ переднюю вошли.

Хозяинъ выбѣжалъ туда.

— Здѣсь Лыжинъ, Юрій Петровичъ? — раздался вопросъ одного изъ пріѣзжихъ.

Лыжинъ не сразу узналъ голосъ Воденягина.

— Здѣсь.

— Мы къ нему... извините! — прибавилъ другой голосъ.

Его Лыжинъ и совсѣмъ не узналъ.

Онъ подошелъ къ дверямъ передней.

Служитель помогалъ пріѣзжимъ снять шубы и валенки, всѣ въ снѣгу.

Съ Воденягинымъ пріѣхалъ художникъ Лукошкинъ. Его лицо осталось въ памяти Лыжина, но голоса его онъ не помнилъ.

— Къ вамъ, Юрій Петровичъ, по дорогѣ на станцію.

Въ лицѣ Воденягина было что-то особенное.

— Откуда вы, господа? — спросилъ Лыжинъ.

— Мы вотъ съ Лукошкинымъ ѣздили производить опись голодающимъ и завернули навѣстить Елену Константиновну Акридину.

— И какъ же она?—подсказаль Лыжинъ.

— Приказала долго жить.

— Умерла!

Вѣсть эту Лыжинъ ждалъ съ-часу-на-часъ, но она его ударила въ сердце—онъ даже присѣлъ и взялся за голову.

— Умерла,—беззвучно повторилъ онъ.

— И докторъ Гурьяновъ не помогъ. Поздно было. Форма-то больно лютая схвачена была.

— Романъ Денисовичъ! — окликнулъ Лыжинъ, вводя пріѣзжихъ въ гостиную:—Елена Константиновна скончалась.

Онъ это сказалъ громко и раздѣльно, и въ немъ опять зашевелилось желаніе хоть этой вѣстью за что-то выместить на „елейномъ“ предводителѣ.

— Быть не можетъ!

Боярцевъ быстро всталъ и, опустивъ голову, истово перекрестился.

— Царство ей небесное!—выговорилъ онъ отчетливо.

Всѣ сѣли вокругъ стола. Лѣсничій началъ пить чаемъ новыхъ гостей.

— Гдѣ же будетъ погребеніе? — спросилъ Боярцевъ, оставшійся съ выраженіемъ лица, какое бываетъ въ домахъ покойниковъ.

— Отпѣваніе тамъ, а повезутъ въ Москву.

— Вы не вернетесь туда?—спросилъ Лыжинъ.

— Нѣтъ. Намъ сегодня же надо добраться до станціи, а тамъ начать объѣздъ. Къ вамъ, въ волость, заглянемъ. Поучиться! Придется и въ нашемъ районѣ завести столовую. Выдавать по рукамъ слишкомъ тягостно. Много грѣха на душу возьмешь.

— Да,—протянулъ со вздохомъ художникъ,—много!

— Вотъ мы съ нимъ,—Воденягинъ указаль на Лукошкина, — на той недѣлѣ такъ вотъ загубили одну душу. Притащился паренекъ—плачетъ, Христа ради молить — третій день маковой росинки. А мы говоримъ: подожди... Есть и старики безногіе, старухи, дѣти. И какъ бы вы думали—въ ту же ночь побрелъ онъ побираться, да и замерзъ отъ истощенія силъ. Находятся, однако, господа, кричащіе, что народъ балуется, и помогать ему даромъ—значить разводить анархистовъ!

Взглядъ Воденягина, точно противъ его воли, обратился въ сторону бывшаго земскаго начальника. Тотъ упорно молчалъ.

— Замерзъ!—повторилъ Лыжинъ, и смерть Елены отошла куда-то вдалъ, а въ его сердцѣ трепетало только умильное чувство къ женщинѣ, пошедшей, безъ оглядки, на заразную смерть, для того же народа.

XL.

Изъ вчерашнихъ гостей—Боярцевъ и Ястребовъ еще спали; Воденягинъ и художникъ уѣхали поздно ночью.

Чуть брезжилъ день. Лыжинъ проснулся въ шесть часовъ и въ темнотѣ лежалъ съ открытыми глазами. У другой стѣны спалъ Грушинъ. Его молодое, ровное дыханіе ритмически раздавалось въ темнотѣ.

Проснувшись, Лыжинъ почувствовалъ себя совершенно не такъ, какъ могъ бы ожидать. Первое, что онъ вспомнилъ, было: „Елена скончалась“. Но это не вызвало подавляющаго настроенія.

„Такъ лучше“,—сказалъ онъ мысленно, и не устыдился своихъ словъ.

Смерть его пріятельницы освѣтила ему все, что дѣлалось въ немъ и вокругъ него, на родинѣ—этой печальной, обреченной на вѣковые искусы родинѣ. Славная смерть, какъ тамъ ни суесловы! Даже и „амбарный Сократъ“ не посмѣлъ бы умничать и обзывать ее рабствомъ передъ прописью народничества. Небось, они, вмѣстѣ съ Липой, ѣздить тоже по деревнямъ, и Кострицынъ не стыдится; убѣжденъ и въ томъ, что онъ—не отступникъ передъ своей теоріей личности.

Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ не отступникъ. Вѣдь онъ будетъ печатать диссертацию и займетъ каеэдру.

И всѣ они: Ида, Липа, Лёля Божеярина, Кострицынъ, Воденягинъ, художникъ Лукошкинъ, вотъ этотъ лѣсничій, даже Боярцевъ и Ястребовъ—изъ одного стана; во всѣхъ живетъ нѣчто выше теорій, кружковъ, прописей, направленства, личнаго задора—во всѣхъ. И въ покойницѣ оно жило. Полюби она своего елейнаго предводителя или нѣтъ—все равно, она точно такъ же могла бы очутиться въ грязной избѣ на полатахъ, гдѣ разметалась цѣлая семья въ голодномъ тифѣ.

А онъ самъ?

Вся его уже сорокалѣтняя жизнь — ему уже шелъ со-

рокъ третій—чрезвычайно отчетливо, широкими пластами наслоивалась передъ нимъ.

И сквозь всё эти наслоенія чего-чего не выдѣлывалъ онъ съ собой, ища правды и настоящаго „дѣланья жизни“! Вотъ онъ, тревожный умомъ гимназистъ, до глубокой ночи читаетъ запретныя книжки. Уже въ пятомъ классѣ онъ задумалъ покончить съ „безплодной“ наукой и идти къ „новымъ“ людямъ. Чуть горячки не схватилъ отъ внутреннего огня мысли и жажды подвига. Вотъ онъ студентъ, уже съ закоренѣлымъ возмущеніемъ всѣмъ, что „казенщина“ — лекціями многихъ профессоровъ, образомъ жизни своихъ родныхъ, изъ „руководящихъ“ классовъ, всѣмъ, что предлагало нѣчто среднее, разсудительное, достижимое, а не тянуло туда, въ безконечную даль душевныхъ блужданій. Умеръ отецъ. Умерла мать. Онъ любилъ ихъ, но ему сдѣлалось легче, когда ихъ не стало, потому что онъ не могъ ихъ не осуждать. Вотъ онъ на полной свободѣ. Уже и тогда онъ хотѣлъ служить знаніемъ и сердцемъ темной массѣ. Въ адвокаты онъ не пошелъ; не сталъ и жить около мужиковъ, служа имъ даровымъ совѣтчикомъ и вожакомъ.

Онъ искалъ послѣдняго слова общественной правды и разъ по крайней мѣрѣ восемь, въ теченіе двадцати лѣтъ, былъ фанатически убѣжденъ, что нашелъ ее. Опыты были не одни книжные. Двѣ трети его дворянскаго достатка ушли на нихъ. Кого и что только онъ не поддерживалъ, въ томъ числѣ и крестьянъ!..

По наклонной плоскости дошелъ онъ и до того, что его заграничный знакомый извилъ въ своихъ горячихъ обличеніяхъ. И онъ „пускалъ вошь въ ухо“ и „стукалъ лбомъ передъ мужицкимъ зипуномъ“.

Послѣдняя „ипостась“, какъ выразился бы Иванъ Кузьмичъ Кострицынъ, нашла его въ той общинѣ, куда лѣсничій Грушинъ заѣзжалъ студентомъ Петровской академіи.

Послѣ того произошелъ его душевный крахъ.

И что же?

Отчего у него, Юрія Лыжина, кающагося дворянина, — „какая старомодная и жадная кличка!“ — не было въ ту минуту никакой охоты предаваться горечи и самобичеванію?

Точно будто судьба, посылая на тотъ народъ, къ которому онъ то пылалъ влеченіемъ, то охладѣвалъ, такую

осязательную и жестокою бѣду, готовила ему это испытаніе, чтобы излѣчить окончательно, показать, что жизнь сильнѣе всякихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и блужданій.

Ему теперь легко. Чудовишно было бы возиться съ собою. Даже Кострицынъ—и тотъ захваченъ тѣмъ же потокомъ.

„Однако, неужели надо непременно что-нибудь роковое, стихійное: морь, голодъ, потопъ, трусь?—проговорилъ Лыжинъ умственно,—чтобы такихъ, какъ онъ, превратить въ людей, забывшихъ о себѣ, знающихъ, что надо дѣлать, кому помогать, съ чѣмъ бороться, о чемъ кричать на всю Русь?“

И этотъ вопросъ что-то не смутилъ его.

Не жалѣлъ онъ ничего и въ своемъ дальнемъ, и въ близкомъ прошломъ, и это чувство было самое радостное и сильное.

Ничего! Никакихъ поисковъ, глупостей, задора, опытовъ, самообмановъ,—ничего не жаль!

Развѣ человѣкъ можетъ управлять собою, какъ машиной, когда его толкаетъ въ ту или другую сторону? Почему? Зачѣмъ? Разглядить онъ тогда, когда придется проводить черту подо всѣми итогами жизни.

А тогда—впору умирать.

Грушинъ потянулся, крикнулъ и окликнулъ:

— Вы не спите, Юрій Петровичъ?

— Нѣтъ, давно проснулся.

— Пора вставать. Гостей отправить пораньше. Закусить имъ надо. А вы куда? Въ волость?

— Нѣтъ, я съѣзжу въ другое мѣсто. Вы слышали, Елена Константиновна скончалась. Я туда попаду еще засвѣтло, а завтра опять за работу.

Они стали подниматься. Оба комиссара еще спали. Ихъ пришлось разбудить. Лыжину не хотѣлось выходить къ Боарцеву. Говорить съ нимъ о смерти Елены—выйдетъ, точно онъ кланяться: „удостойте, молъ, посѣщеніемъ покойницу“. Захочетъ, и самъ догадается поклониться ей.

Онъ просидѣлъ въ спальнѣ лѣснаго, пока гости пили чай и собирались въ дорогу. Грушинъ забѣжалъ къ себѣ въ комнату—проститься съ Лыжинымъ.

— Вы къ генераламъ не выйдете?—спросилъ онъ вполголоса.

— Нѣтъ... Пускай думаютъ, что я сплю.

— Ладно... А вѣдь какъ тотъ строгій-то, изъ земскихъ

СЪ УБИЙЦЕЙ.

(ПОВѢСТЬ.)

„Ne cherchons pas les explications des catastrophes conjugales dans ce qui suit le mariage; elles sont toutes dans ce qui *précède*“.

A. Dumas-fils.

(Изъ частнаго письма).

I.

Его привезъ изъ крѣпости адвокатъ Завацкій.

Въ квартирѣ, гдѣ я вбивала каждый гвоздикъ, все было готово къ принятію Николая. Меня тянуло—точно я была загипнотизирована—въ сѣни, на лѣстницу, на крыльцо. Когда по звуку колесъ я узнала, что это *изъ* карета, я не выдержала и бросилась на лѣстницу.

Николай тяжело поднялся на предпоследнюю площадку.

У меня закружилась голова. Я очнулась у него на колѣняхъ. Маленькій диванчикъ площадки случился тутъ.

На меня съ испугомъ смотрѣло его милое, исхудалое лицо. Онъ очень измѣнился, очень: щеки впали и глаза красны. Волосы еще отросли. И весь онъ былъ такой трепетный. Въ рукѣ его—горячей и влажной—пробѣгали нервныя струйки.

— Полно, Дима! Я съ тобою! Я съ тобою! — повторялъ онъ.

Я обняла его... искала его губъ. Но онъ смутился... Тутъ же стоялъ Завацкій, въ длинномъ, модномъ пальто,

и поглядывать на насъ въ свое черепаховое рinсе-пезъ съ усмѣшкой... Меня это выраженіе покорило и мнѣ стало вдругъ стыдно, что я при чужомъ—на колѣняхъ у Николая.

Какъ это было глупо! Чего же мнѣ стыдиться? Онъ—мой мужъ. Цѣною какихъ нравственныхъ страданій приобрѣли мы право на ласку и любовь!

— Идемъ, идемъ!—шептала я, смущенная.

— Не стѣсняйтесь, — сказалъ Завацкій, отвернувшись къ периламъ площадки.

Въ передней мы, вмѣстѣ съ Ѳеней, стали стаскивать съ Николая пальто. На немъ все платье какъ-то странно сидѣло, точно онъ разучился одѣваться. И весь онъ казался разбитымъ, съ такимъ выраженіемъ глазъ, какого я еще не видала у него никогда. Не безумная радость, а что-то другое было въ нихъ, и это холодной капелькой капнуло мнѣ на сердце.

— Ты голоденъ?—спросила я, вводя его въ столовую.

Завтракъ былъ готовъ. Столъ аппетитно убранъ, и вся столовая смотрѣла такъ нарядно.

Я пригласила позавтракать и Завацкаго. Вѣдь онъ защитникъ. Его блестящая рѣчь подѣйствовала на судъ, и, вмѣсто годового заключенія въ крѣпости, Николая присудили только на шесть мѣсяцевъ. И въ эти полгода, и во время слѣдствія и суда Завацкій велъ себя какъ джентльменъ. Старался и меня утѣшать... Быть-можетъ, больше, чѣмъ я бы сама желала.

Адвокатъ принялся острить, разспрашивая Николая о его сидѣнн. Онъ собираетъ матеріалы для „психологіи узниковъ“, какъ онъ шуточно выразился. Николай отвѣчалъ вяло. Разговоръ вообще не клеился. Мнѣ стало досадно на то, что Завацкій не отказался завтракать. Правда, онъ, послѣ кофе, тотчасъ же ушелъ.

Мы остались одни. Была такая минута, когда мы, проводивъ Завацкаго до передней, вернулись въ кабинетъ Николая и остановились одинъ противъ другого. Мнѣ—я стояла спиной къ окнамъ—было видно все лицо Николая. Въ глазахъ его не зажглось искры. На поблѣднѣвшихъ губахъ явилась улыбка, и эта именно улыбка смутила меня.

Онъ протянулъ мнѣ руки какимъ-то неопредѣленнымъ жестомъ. Я обняла его и прижалась.

Тихо подвелъ онъ меня къ дивану. Мнѣ стало вдругъ

пеловко. Я не могла цѣловать его, а внутри у меня все дрожало отъ потребности ласки. И захотѣлось плакать, но не отъ радости.

— Вотъ ты и у себя,—сказала я, не находя *настоящаго слова*.

— Да, Дима,—отвѣтилъ онъ, держа меня за талию, но не крѣпко, не страстно, и даже не заглянулъ мнѣ въ лицо.

— Такъ я стосковалась, Николая... въ послѣдніе мѣсяцы особенно. Если бы не устройство квартиры—просто бы не знала, что съ собою дѣлать. А вѣдь мы могли видѣться.

Онъ взглянулъ на меня вбокъ и повелъ плечами.

— Ты знаешь, почему такъ вышло, Дима?

Я знаю! Потому что онъ не хотѣлъ этого. Мы были уже мужъ и жена, законно вѣнчаны, когда начался судъ надъ нимъ за дуэль съ моимъ первымъ мужемъ. И на судѣ Николай держалъ себя такъ, точно будто я не жена его. Моего имени почти и не упоминалъ. Въ крѣпости мы могли бы часто видаться, стоило только объ этомъ попросить. Вѣдь онъ былъ самый обыкновенный арестантъ. Сидѣть за дуэлы! Это не считается ни важнымъ, ни позорнымъ.

Николай написалъ мнѣ большое письмо, гдѣ настаивалъ на томъ, что будетъ „порядочнѣе“ не видаться... Почему порядочнѣе? Я протестовала. Но онъ опять сталъ убѣждать меня—написалъ цѣлую диссертацию. Я тогда подчинилась. Писала я ему въ первый мѣсяцъ каждый день. Потомъ я заболѣла... Потомъ надо было ѣхать по дѣламъ. Потомъ устраивала квартиру. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ... Николай сидѣлъ ровно полгода.

— Теперь,—сказала я,—никто уже насъ не разлучить. И ты—у себя, Николая. Посмотри, такъ ли я все устроила здѣсь? Ты вѣдь узнаешь свой кабинетъ?

Онъ оглянулъ комнату. Она была еще обширнѣе кабинета въ его холостой квартирѣ. Я прибавила новый шкафъ, нѣсколько креселъ, этажерокъ, столиковъ. Смотрѣло и солидно, и нарядно.

— Все очень мило,—выговорилъ онъ и поцѣловалъ мою руку.—Но эта квартира слишкомъ велика для насъ...

Онъ не договорилъ. Но я знаю, что его смущаетъ. Когда мы завтракали, онъ посматривалъ на отдѣлку столовой. Я ее измѣнила противъ той, что была въ квартирѣ

на Сергіевской. Но нѣкоторыя вещи онъ сейчасъ узналъ. Обстановка принадлежала наполовину мнѣ; ему это извѣстно. Спальню теперь не узнаешь, и у меня есть будуаръ. Для гостиной я обмѣнила мебель. Есть многое изъ его холостой квартиры. И все-таки его что-то смущаетъ.

— Зачѣмъ намъ такое помѣщеніе?—спросилъ онъ, помолчавъ, и взялъ меня за руку.

А я все еще чувствовала себя скованной. Такъ бы и прильнула къ нему, схватила бы его, подняла и стала прыгать отъ радости! Его тонъ, лицо — всего больше глаза—замораживали меня.

— На твои средства я, Дима, жить не согласенъ,—выговорилъ онъ съ усиленіемъ. — Заработка у меня нѣтъ... Мѣста я лишился...

— Все будетъ, Коля!.. Насъ двое... Только бы держаться такъ, вдвоемъ.

Я опять припала къ нему головой на плечо. Онъ поцѣловалъ меня въ волосы. Эта ласка согрѣла меня; но что-то, точно холодная змѣйка, проползло между нами.

Такъ провести первыя минуты, съ-глазу-на-глазъ, не ожидала я.

II.

Его продолжаетъ беспокоить то, что онъ теперь безъ собственнаго заработка. Это мнѣ очень непріятно. Съ какой стати раздражать себя, въ первые дни нашей жизни на свободѣ, такими преждевременными заботами?

Во-первыхъ, у него есть кое-какія сбереженія. Положимъ, не Богъ знаетъ что; но вѣдь онъ не нищій. Если онъ потерялъ мѣсто изъ-за дуэли съ моимъ первымъ мужемъ, то изъ этого не вытекаетъ, что ему теперь нѣтъ никакого хода. Въ послѣдніе мѣсяцы я почти не бывала нигдѣ и не знаю, что говорятъ про насъ въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ насъ помнятъ; но я не думаю, чтобы на него именно падали какія-нибудь нареканія. На процессъ публики ему сочувствовала и, когда сдѣлался извѣстенъ приговоръ, очень многіе жалѣли о немъ: мнѣ это передавалъ Завацкій. Если кому досталось, то скорѣе мнѣ, да и то только отъ господина прокурора.

Стало-быть, что же ему бояться? У него есть сослуживцы, товарищи. Я увѣрена, что не пройдетъ и какого-нибудь мѣсяца—ему ничего не будетъ стоить получить мѣсто. Для этого, конечно, надо возобновить свои зна-

комства, а Николай, вотъ уже который день, почти нигде не выходить, жалуется на мигрени, запирается у себя въ кабинетѣ, что-то такое пишетъ. Я догадываюсь, что онъ велъ свой дневникъ, когда сидѣлъ въ крѣпости. Спросить объ этомъ мнѣ неловко.

И вообще я замѣчаю, что въ эти нѣсколько дней у насъ какъ-то не установилось настоящаго тона. Меня какъ будто что сдерживаетъ, чего прежде никогда не было, съ тѣхъ минутъ, какъ мы стали близки другъ къ другу. Вызывать его на объясненіе я просто не рѣшаюсь, не то что не хочу, а именно не рѣшаюсь. Что-то говорить мнѣ: „если ты разбередишь его душу, то можешь вызвать такой взрывъ, послѣ котораго не будетъ, пожалуй, никакого возврата къ прежнему“.

Наши завтраки и обѣды съ-глазу-на-глазъ проходятъ въ отрывочныхъ разговорахъ. Я, конечно, стараюсь ихъ оживлять, но, кажется, это стараніе чувствуется.

— Отчего ты не поводишься съ Еремѣевымъ?—спросила я его вчера за обѣдомъ. — Вѣдь ты былъ съ нимъ всегда въ очень хорошихъ отношеніяхъ... кажется, вы даже на ты?

— Да, на ты,—отвѣтилъ Николай какъ бы нехотя.

— Онъ человѣкъ со связями.

— Что ты хочешь сказать этимъ? Клянчить черезъ него мѣстечко!

— Почему же клянчить?

— Я не понимаю,—продолжалъ Николай, метнувъ на меня быстрый и раздраженный взглядъ,—я не понимаю,—повторилъ онъ,—какъ ты не можешь этого сообразить. Еремѣевъ занялъ мѣсто Ивана Андреевича.

Въ первый разъ Николай, по возвращеніи изъ крѣпости, назвалъ такъ Тарутину.

— Ну, такъ что жъ изъ этого?

Онъ пожалъ плечами и не сразу отвѣтилъ.

— Право, чѣмъ больше я вглядываюсь въ то, что составляетъ душу женщины, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что у васъ какая-то особенная совѣсть.

Эти слова произнесены имъ были съ двойственной усмѣшкой, не рѣзко, не зло, по все же такъ, что меня всю передернуло.

Ничего подобнаго, годъ тому назадъ, онъ не въ состояніи былъ бы выговорить. Сколько разъ, въ тѣ свиданія, какія были у насъ, Николай съ такой убѣжденностью

и съ такимъ энтузіазмомъ преклонялся передъ женщиной, признавая за нею гораздо больше нравственной чуткости, доказывалъ, какъ большинство мужчинъ грубы въ своихъ инстинктахъ, какъ они мало достойны тѣхъ безза-вѣтныхъ привязанностей, какими мы ихъ очень часто награждаемъ, очертя голову.

Я ничего ему не возразила и только значительно поглядѣла на него.

Онъ понялъ этотъ взглядъ.

— Ты желаешь, чтобы я пошелъ къ моему товарищу, занимающему какъ разъ постъ Ивана Андреевича?..

— Это случайность!—вырвалось у меня.

— Въ жизни никакихъ нѣтъ случайностей, все держится за строгій законъ. По-научному это называется детерминизмомъ, тебѣ, конечно, извѣстенъ этотъ терминъ, а попросту—судьбою. И эта судьба—въ насъ самихъ, ни въ комъ больше. Во всякомъ случаѣ, согласишься, что мнѣ было бы крайне тяжело являться, хотя бы и къ пріятелю, съ задней мыслью похлопотать о мѣстечкѣ. И какъ разъ къ тому, кто сидитъ на мѣстѣ челоѣка... убитаго мною.

Николай проронилъ эти два слова чуть слышно, но такимъ звукомъ, что я вся вспыхнула.

Протянулась длинная пауза.

Во мнѣ все закипѣло. Но не женская вздорность заставила меня возмутиться. Съ какой же стати любимый челоѣкъ, знающій прекрасно, какъ онъ любимъ, хотя бы и обмолвился такими словами? Но онъ не обмолвился.

Да, онъ правъ. У мужчинъ тоже не та совѣсть, какъ у насъ. Никогда, никакая женщина, если только въ ней кроется капля привязанности, не позволила бы себѣ, въ такомъ точно положеніи, смутить любимое существо подобнымъ напоминаніемъ. Никогда!

Съ какой стати было произносить эти слова? Онъ убил моего перваго мужа?! Убилъ не изъ-за угла, а подставляя свою грудь на дуэли. Вѣдь не онъ его вызывалъ? Если Иванъ Андреевичъ оказался челоѣкомъ, неспособнымъ великодушно отнестись къ тому, что произошло, то кто же въ этомъ виновать? Лучше было бы, если бъ мы продолжали цинически и пошло обманывать его, какъ дѣлается это въ безчисленныхъ „ménages à trois“? Я прожила съ нимъ нѣсколько лѣтъ честно, безукоризненно, и не знала любви. Онъ былъ, или считался, хорошимъ че-

ловѣкомъ, но что такое „хорошій человѣкъ“, когда онъ совершенно чуждъ вашему сердцу, когда это сердце заговорило, наконецъ, и захватило васъ страстью? Развѣ Николай не доказывалъ мнѣ сотни разъ, что этотъ мужъ не понимаетъ и не можетъ понять такой натуры, какъ моя, что мы имѣемъ полное нравственное право „устранить“ его, что наше поведеніе вполне безупречно, особенно съ той минуты, когда на откровенное признаніе жены, сказавшей ему, что она не можетъ уже больше быть его женою, онъ отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ поступковъ, которые показывали, какаѣ въ немъ крылись жесткая, безпощадная натура, не знающая ничего, кромѣ формальнаго чиновничьяго догмата.

Я первая попросила Ивана Андреевича возвратить мнѣ мою свободу. Онъ сталъ вымещать на мнѣ свои супружескія права и добился того, что я потеряла къ нему даже всякую жалость и то уваженіе, къ какому онъ прежде приучилъ меня. Потомъ Николай пошелъ къ нему и такъ же искренно, смѣло предложилъ возвратить мнѣ свободу. Между ними вышло столкновение. Если даже предположить, что Николай, по горячности, нанесъ ему оскорбленіе словомъ, все-таки же въ Иванѣ Андреевичѣ крылось рѣшеніе вызвать того, кто у него отбилъ жену. Такъ передавалъ мнѣ сцену Николай; такъ оно и должно было случиться.

Дуэль есть дуэль. Или оба цѣлы, или одинъ погибнетъ. Но спрашивается: кто изъ нихъ обоимъ сильнѣе жаждалъ смерти другого? Допускаю, что тотъ, кто, вульгарно выражаясь, отбилъ у мужа жену. Для него не было иного исхода. Если бы Иванъ Андреевичъ остался живъ, онъ, по доброй волѣ, не далъ бы мнѣ развода: онъ мнѣ это прямо сказалъ и въ первое наше объясненіе, и во всѣ слѣдующія.

Неужели Николай знаетъ и понимаетъ все это хуже меня? И все-таки у него вырвались эти неумѣстныя, тяжелыя слова.

Я говорю „вырвались“. Полно, такъ ли? Хотя онъ произнесъ ихъ очень тихимъ голосомъ, но въ этомъ голосѣ я зачуяла какое-то особенное вздрагиваніе, говорившее о томъ, что онъ врядъ ли смотритъ на исходъ своей дуэли, какъ я на него смотрю.

— Если такъ разсуждать,—сказала я, съ трудомъ сдерживая свое волненіе,—то ты теперь не смѣешь ни съ

вѣмъ говорить о себѣ, искать занятій, мѣста, потому только, что у тебя была дуэль съ человѣкомъ, съ которымъ ты вмѣстѣ служилъ? Это очень странно. Наконецъ, если тебя это тревожить больше, чѣмъ слѣдовало бы, если тебѣ непріятно видѣть даже тѣхъ, кто, навѣрно, относился къ тебѣ хорошо, съ сочувствіемъ,—какая надобность сидѣть въ Петербургѣ? Мы могли бы уѣхать на мѣсяцъ, на два, куда тебѣ угодно, хочешь въ Крымъ, хочешь за границу. Ты высидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ одной камерѣ, нервы твои, да и весь организмъ нуждается...

— Въ чемъ? Въ отдыхѣ?—спросилъ онъ, насмѣшливо улыбувшись.

— Не въ отдыхѣ, а въ другихъ впечатлѣніяхъ. Тамъ мы будемъ совсѣмъ одни, многое забудется...

— Покорно благодарю!—закричалъ онъ и почти злобно засмѣялся.—Что же это такое? Un voyage de pose? Этого еще не доставало! И на какія средства?..

— Николай, — прервала я, — тебѣ не грѣшно? Ты не можешь какихъ-нибудь два-три мѣсяца позволить мнѣ раздѣлить съ тобою то, что я имѣю?.. Я не понимаю такой щепетильности... между нами?—спросила я съ удивленіемъ.

— Конечно, конечно!—съ горечью подхватилъ онъ. — Женщины многого не понимаютъ. То, что для насъ — категорическое требованіе нашей совѣсти, то для нихъ — щепетильность!

И вставая изъ-за стола, онъ бросилъ мнѣ, уходя въ кабинетъ, возгласъ:

— Никогда я не позволю себѣ такой voyage de pose, никогда!

Слезы душили меня. Я была прикована къ стулу. Я боялась идти за нимъ и продолжать этотъ тяжелый, обидный разговоръ.

III.

Николай, наконецъ, пошелъ куда-то. Я не знаю куда. Вѣроятно, купить что-нибудь для своего письменнаго стола. Онъ несомнѣнно пишетъ дневникъ. Разрозненныхъ листковъ я не вижу на его столѣ... Можетъ-быть, у него кончилась вся тетрадь, и онъ начнетъ завтра-послѣзавтра новую.

Никто у насъ не бываетъ. День тянется-тянется. Мои знакомые, тѣ, кого я, годъ назадъ, принимала въ своей

гостиной, точно всё вымерли. Женщины... такъ-называемыя „пріятельницы“, ни одна меня не любила. Онѣ играютъ въ добродѣтельныхъ... И почти у каждой есть по любовнику. Моя главная вина не въ томъ, что я полюбила при живомъ мужѣ, а та, что полюбила человека бѣднаго, безъ солиднаго положенія, тогда какъ мужъ былъ съ состояніемъ и съ вѣсомъ. И я довела до того, что мужъ умеръ отъ раны, полученной на дуэли.

Мнѣ и не надо ихъ — этихъ фальшивыхъ и глупыхъ бабенокъ!

Но и мужья ихъ не являются.

Цѣлую недѣлю не былъ Завацкій. Сегодня пришелъ онъ въ отсутствіе Николая. Я ему почти обрадовалась.

— Вы совсѣмъ насъ забыли, — слегка упрекнула я его.

— Не хотѣлъ смущать васъ. Всего одна недѣля...

— Какая? Медовая?

— А то какая же?.. Вамъ обоимъ никого не нужно было. Провались вся вселенная!..

Должно-быть, я не воздержалась отъ двойственной усмѣшки.

Онъ подсѣлъ поближе и спросилъ, прищуривая глаза, сквозь стекла своего рінсе-пез:

— Развѣ не такъ?

Въ немъ есть что-то, мѣшающее мнѣ сблизиться съ нимъ, какъ съ добрымъ знакомымъ Николая, наконецъ, какъ съ его защитникомъ, который по-своему сумѣлъ значительно облѣпить его: вмѣсто года, Николай просидѣлъ только шесть мѣсяцевъ. Но въ Завацкомъ чувствую я какую-то смѣсь, не позволяющую мнѣ, до сихъ поръ, быть съ нимъ на вполне дружеской ногѣ. Теперь мнѣ бы нуженъ былъ умный пріятель; но только *пріятель* — не больше. Для этого у него есть и большая развитость, и знаніе людей. Можетъ-быть, онъ гораздо раньше меня сталъ понимать настоящую натуру Николая. Мнѣ не очень правилось то, какъ онъ говорилъ о немъ, когда мы бесѣдовали во время процесса. Въ немъ чувствуется слишкомъ явное сознаніе своего превосходства. Онъ — любитель женщинъ: это всѣмъ извѣстно, и, кажется, онъ только выдаетъ себя за холостого. Кто-то мнѣ говорилъ, что онъ рано женился и очень скоро разошелся съ женой. Въ томъ обществѣ, гдѣ онъ бываетъ, у него было много тайныхъ связей съ замужними женщинами... Кажется,

теперь онъ перешелъ уже къ другимъ, болѣе легкимъ побѣдамъ.

Въ Завацкомъ вы чувствуете всегда этотъ инстинктъ охотника... „un chasseur de femmes“, какъ выражаются французы. Впрочемъ, онъ и самъ себя называлъ при мнѣ *либертиномъ* и выговаривалъ это слово съ особеннымъ удовольствіемъ. Если къ нему относиться снисходительно, проще, то его манера съ вами—очень пріятна. Женщинъ онъ понимаетъ и неспособенъ задѣть васъ даже въ мелочахъ. Можетъ-быть, какъ умный человѣкъ, хорошо знающій жизнь, онъ дѣйствительно выработалъ себѣ широкій взглядъ на насъ всѣхъ... Только эта терпимость можетъ многимъ показаться оскорбительной...

Я совсѣмъ не такая ригористка; я думаю, что мужчина, какъ Завацкій, пѣнить чувство, страсть, увлеченіе, даже поэтический капризъ больше многихъ. Самъ онъ либертинъ; но это только недостатокъ натуры. Быть-можетъ, онъ внутренне ставитъ тѣхъ, кто способенъ на пылкое, захватывающее чувство, гораздо выше себя?..

— Послушайте, Завацкій, — начала я, не отвѣчая ему прямо на вопросъ о нашей „медовой“ недѣлѣ,—вы были такимъ талантливымъ защитникомъ моего мужа... Но были ли вы его наперсникомъ, слышали ли вы его настоящую исповѣдь?

Онъ немного откинулся на спинку дивана и снялъ ринсепез. Его крупныя, очень чувствennыя губы сложились въ неопредѣленную усмѣшку. Что-то было въ его короткой, полной фигурѣ и въ лысой круглой головѣ такое, что заставило меня сейчасъ же пожалѣть о моемъ вопросѣ.

Но назадъ нельзя уже было пѣтаться.

— Видите ли, Авдотья Петровна, когда Николай Аркадьевичъ сдѣлался моимъ кліентомъ, мы съ нимъ были въ хорошихъ отношеніяхъ, но дружеской связи между нами не было. Для меня, какъ для его защитника, мотивы его поступковъ не представляли ничего загадочнаго. То, что онъ мнѣ самъ говорилъ, вытекало, такъ сказать, изъ существа дѣла. Тогда,—протянулъ онъ съ особенной интонаціей,—Николай Аркадьевичъ находился въ очень сильномъ аффектѣ...

— Былъ сильно охваченъ страстью,—подсказала я.

— Ну, да, если угодно... однако,—онъ опять надѣлъ свое ринсепез,—позвольте мнѣ сейчасъ, не умничая, сдѣлать маленькое различіе. Употребляя педантское слово

„аффектъ“, я хочу этимъ сказать, что общее душевное состояніе Николая Аркадьевича было чрезвычайно возбужденное. Но я не употребилъ этотъ терминъ, какъ однозначій съ захватомъ любви, съ страстнымъ чувствомъ къ женщинѣ.

— Да, вотъ въ такомъ смыслѣ... — выговорила я, невольно смущенная.

— Изъ моихъ наблюденій надъ вашимъ мужемъ я позволю себѣ вывести то заключеніе, что это натура, въ одно и то же время, и прямолинейная, и склонная къ чисторусскому... простите за неизящество выраженія: къ большому душевному *ковыряню*.

— Какъ это вѣрно!

И тотчасъ же я упрекнула себя.

— Не будемъ разбрасываться, — продолжалъ Завацкій и, наклонившись ко мнѣ, ласково и вкрадчиво сталъ поглядывать на меня сквозь стекла своего ринсе-пез. — Вопросъ, заданный вами, я самъ себѣ нѣсколько разъ ставилъ, то-есть: высказывался ли Николай Аркадьевичъ въ нашихъ свиданіяхъ съ-глазу-на-глазъ такъ, чтобы это можно было принять за настоящую исповѣдь? Вполнѣ — не думаю. До суда, какъ я сейчасъ сказалъ, онъ былъ чрезвычайно взвинченъ и повторялъ то, что я могъ и самъ возстановить въ смыслѣ его психологій — психологій чловѣка, выступившаго соперникомъ... вашего перваго мужа. Но на засѣданіи — васъ тамъ не было и отчетъ не даетъ вѣдь очень многого, — на засѣданіи, говорю я, въ тонѣ, именно въ тонѣ Николая Аркадьевича, въ маленькихъ, чуть-замѣтныхъ движеніяхъ, возгласахъ и недомолвкахъ было уже нѣчто иное.

— Что же именно? — порывисто спросила я.

— Прямолинейный чловѣкъ уступилъ уже мѣсто тому типичному русскому моралисту и самоковырятелю, если позволите мнѣ такъ выразиться, который несомнѣнно сидитъ въ Николаѣ Аркадьевичѣ. Онъ не каялся, но и не оправдывалъ себя, какъ вы помните, въ заключительномъ своемъ словѣ, и мнѣ показалось даже, что моя защита вызвала въ немъ, тутъ же, на засѣданіи, потребность выдать себя еще больше, чѣмъ онъ сдѣлалъ. Въ сущности это былъ прекрасный приемъ. Ни одинъ адвокатъ не попустилъ бы ловчѣе; только у Николая Аркадьевича все это выходило изъ его душевнаго нутра. Стало-быть, уже въ моментъ произнесенія надъ нимъ приговора, который

въ публикѣ многихъ удивилъ, въ его душевномъ настроеніи произошла, такъ сказать, трещина.

Завацкій засмѣялся своимъ короткимъ, не очень пріятнымъ для меня смѣхомъ.

— А потомъ, вы бывали у него въ крѣпости?

— Всего два раза... Въ первый разъ разговоръ былъ чисто дѣловой и ему сильно нездоровилось, отъ невралгій онъ едва говорилъ.

— А во второй разъ?

— Во второй разъ, — Завацкій перевелъ духъ и немного прикусилъ нижнюю губу, — во второй разъ самоанализъ уже сильно похозяйствовалъ. Недавнее общее аффективное состояніе прошло, и передо мною былъ уже человекъ, уходящій въ себя... въ ущербъ своему чувству...

Я поняла, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Вотъ уже больше недѣли, какъ я начала разглядывать правду.

— Дорогая Авдотья Петровна, — заговорилъ Завацкій, протянувъ мнѣ свою бѣлую и пухленькую руку, — не вдавайтесь и вы въ русскій недугъ самоанализа. Сколько я васъ понимаю, вы — настоящая женщина. Въ васъ зажглось чувство и сдѣлалось главной пружиной всего вашего душевного я. Это — большое счастье! Говорю это, несмотря на мою репутацію. Неужели вамъ до сихъ поръ невдомекъ, что у насъ, въ русскомъ обществѣ, любовь въ какой бы то ни было формѣ, глубокой или легкой, не составляетъ настоящаго *культа*. Большинство русскихъ мужчинъ, даже имѣющихъ репутацію любителей женщинъ, все-таки женщину не любятъ такъ, какъ она этого заслуживаетъ. И этого мало — они не любятъ и любви... простите мнѣ этотъ плеоназмъ; но я не умѣю иначе выразиться.

— Это прекрасное выраженіе! — вскричала я и почувствовала, что вся краснѣю. — *Да, не любятъ любви!*

Множество вопросовъ толпилось въ моей головѣ; но мнѣ стало какъ бы неловко, почти страшно продолжать эту консультацію.

IV.

Въ первый разъ я ждала Николая до поздняго часа. Онъ уѣхалъ послѣ обѣда, ничего мнѣ не сказавъ.

Я работала, читала. На меня нашла одурь отъ жданья. И часу съ двѣнадцатаго стала я метаться по комнатамъ, подбѣгая къ окнамъ гостиной и кабинета, выходящимъ

на улицу: точно я могла разглядѣть изъ второго этажа—кто подъѣхалъ къ намъ.

Вчерашній разговоръ съ Завацкимъ весь пришелъ мнѣ и получилъ вдругъ какую-то особенную яркость и силу.

Вѣдь адвокатъ правъ, тысячу разъ правъ! Въ Николаѣ уже нѣтъ того мужчины, который готовъ былъ идти изъ-за меня на вѣрную смерть. Другой человекъ, съ чисто-русской болѣзнью *самоковырня* и морализма, началъ брать верхъ во время сидѣнья въ крѣпости.

Прямо Завацкій и въ этомъ: наши мужчины не любятъ женщины и не любятъ самаго чувства. Оно для нихъ—какой-то придатокъ, средство, а не цѣль, какъ для насъ.

Начинается нѣчто страшное и обидное для меня.

Было очень поздно. Я легла и, утомленная жданьемъ, задремала. Проснулась я не очень поздно... Кровать Николая пуста... Это меня испугало. Страхъ охватилъ меня ввезанно.

Николай не возвращался домой. Развѣ это могло случиться такъ оттого только, что онъ прокутилъ всю ночь? А если нѣтъ, то онъ покончилъ съ собою.

Мысль о возможности самоубійства пронизала меня впервые, и такъ стремительно... Я вскочила и въ одномъ бѣльѣ бросилась изъ спальни.

Прислуга уже проснулась. Я подбѣжала къ двери кабинета. Она была заперта изнутри... Я постучала довольно сильно... Отвѣта не было.

Сейчасъ же мнѣ представилась картина: Николай лежитъ на диванѣ съ прострѣленнымъ вискомъ. Я стала стучать и бить кулакомъ въ дверь.

Наконецъ, Николай отперъ... Онъ былъ полуодѣтъ, безъ сюртука и галстука; лицо землистое, волосы въ беспорядкѣ.

— Что такое? Зачѣмъ ты заперся?—закричала я и не выдержала—тутъ же заплакала.

Онъ лѣниво прошелся по комнатѣ и соннымъ голосомъ выговорилъ:

— Поздно вернулся вчера... Не хотѣлъ тебя беспокоить.

— Какъ же, ты такъ одѣтый и спалъ?

— Что же за бѣда?

— Я намучилась вчера... Ты ничего не сказалъ. Заснула я очень поздно...

— Что же тутъ такого особеннаго?.. Встрѣтилъ одного товарища... москвича... Мы поужинали, я его проводилъ въ гостиницу, и тамъ мы заговорились.

— Все это прекрасно, Николай... Но я только прошу: въ другой разъ не запирайтесь такъ въ кабинетѣ.

Можетъ-быть, отъ тревожной ночи, но я не могла подавить своей нервности и слезы тихо текли изъ моихъ глазъ.

Онъ поглядѣлъ на меня, стоя поодаль у письменнаго стола.

— Съ какой стати,—началъ онъ,—ты такъ волнуешься?.. Самая обыкновенная вещь. Я тебя же не хотѣлъ беспокоить.

— Это совсѣмъ не то!—почти закричала я.

— То-есть какъ же не то? — глухимъ и неискреннимъ тономъ спросилъ онъ.

— Да, не то, не то! Я вижу, куда это идетъ!

— Что это?—уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ переспросилъ Николай.

— Ты запираешься... тебя тяготитъ то, что у насъ общая спальня.

— Съ какой же стати?—началъ-было онъ.—Но я дѣйствительно боюсь беспокоить тебя. Сплю я въ общемъ плохо.

— Я этого не замѣчала.

— Потому что я не хотѣлъ тебя тревожить.

— Стало-быть, ты притворялся спящимъ?

— Если хочешь, да. Съ какой же стати сталъ бы я лишать тебя сна?

— Все это не то, Николай, — заговорила я, чувствуя какъ слезы опять начинаютъ меня душить.—Пожалуйста, не думай, что я, какъ пустая, взбалмошная бабенка, тревожусь изъ-за пустяковъ, подозреваю тебя! Ты свободенъ... ты можешь проводить вечера какъ тебѣ угодно... И если я дѣйствительно беспокоилась, то на это есть причины.

— Какія?

Онъ, въ разбитой и недовольной позѣ, присѣлъ у стола, опустивъ голову.

— Какія, какія?! Я теряюсь, Николай. Я не имѣю права допрашивать тебя... Только ты совсѣмъ другой. Въ тебѣ что-то такое происходитъ. Согласись самъ: развѣ мы такъ живемъ, какъ оба мечтали... по крайней мѣрѣ, какъ я имѣла поводъ мечтать? Я говорю не какъ смѣшная сентиментальная дамочка—ты знаешь, мнѣ не семнадцать, а тридцать лѣтъ. Намъ свела судьба—не зря, не по пустякамъ, мы были созданы другъ для друга. Когда чувство

охватило насъ обоихъ, у насъ не было ни минуты колебаній... Зачѣмъ я тебѣ все это повторяю! Ты это самъ прекрасно знаешь, — прибавила я, — и послѣ столькихъ испытаній, послѣ твоего полугодичнаго сидѣнья въ крѣпости — и вдругъ, точно все рухнуло!

Голосъ мой упалъ; я была на волоскѣ отъ того, чтобы горько разрыдаться, быстро встала и начала ходить по кабинету. Николай продолжалъ сидѣть въ той же позѣ у стола.

— Что же по-твоему надо дѣлать?

Это было сказано не то что жестко, а деревянно и неискренно. Я подбѣжала къ нему и схватилась за спинку кресла.

— Зачѣмъ ты говоришь со мной такимъ тономъ, Коля? Это грѣшно, недостойно тебя. Недостойно нашей любви. Право, если бы кто видѣлъ, какъ мы переживаемъ нашъ медовый мѣсяцъ, то бы подумалъ одно изъ двухъ...

— Что такое? — чуть слышно спросилъ онъ, и недобрая усмѣшка повела его блѣдныя губы.

— А вотъ что: или ты тайно заподозрилъ меня въ чемъ-нибудь... я не знаю именно въ чемъ! Въ моей вѣрности къ тебѣ?.. Или же въ тебѣ самомъ что-нибудь произошло, въ твоей внутренней жизни. Но я чувствую, всѣмъ своимъ существомъ чувствую, что ты не тотъ человѣкъ, за которымъ я пошла. Вотъ ты говоришь мнѣ, что встрѣтилъ товарища и просидѣлъ съ нимъ въ ресторанѣ, и потомъ у него въ отелѣ до пѣтуховъ... Я была бы такъ рада этому... твоей встрѣчѣ съ товарищемъ, съ которымъ бы ты отвелъ себѣ душу. А я не могу этого... Я точно ревную къ нему... къ этому товарищу.

— Напрасно.

— Ты не хочешь знать почему? — спросила я порывисто, чувствуя, что все во мнѣ вздрагиваетъ.

— Скажи — узнаю.

— А потому, что этотъ невидимка... онъ отнялъ у меня то, что принадлежитъ мнѣ по праву нашей любви, нашей связи. Конечно, ты говорилъ ему о себѣ, о встрѣчѣ со мною, о дуэли, о сидѣньи въ крѣпости... А главное, ты долженъ былъ изливаться ему о томъ, что въ тебѣ въ настоящую минуту происходитъ...

— Все это — преувеличенія, Дима.

— Какія преувеличенія, Николая? Неужели ты не понимаешь, что я теряюсь, что у меня точно нѣтъ земли

подъ ногами! Тебя начали угнетать какія-то совсѣмъ ненужныя соображенія: и насчетъ того, что ты живешь на чужой счетъ, и насчетъ мнѣнія о тебѣ общества. Я чувствую, что не въ силахъ успокоить тебя, разубѣдить. Ты никуда не хочешь идти, ни съ кѣмъ переговорить, а со мной ты избѣгаешь задушевной бесѣды...

— О чемъ же гворить?—спросилъ онъ, вставая, и повелъ плечами. — Я начинаю чувствовать, Дима, до какой степени трудно мужчинѣ и женщинѣ сойтись, сладиться на чемъ бы то ни было, какъ только они не охвачены инстинктомъ...

— Что ты называешь инстинктомъ? Самое дорогое, что у насъ есть съ тобой — нашу привязанность? Какъ тебѣ не стыдно!

Я разрыдалась и упала на диванъ. Николай не бросился меня успокаивать. Онъ отошелъ къ окну и долго не оборачивался. Это такъ меня кольнуло, что слезы остановились и въ груди заныло. Я оправилась и, продолжая сидѣть на диванѣ, послѣ длинной паузы, стала говорить спокойнѣе и совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ну, хорошо. Я не буду нервничать. Я тебя слушаю, изложи мнѣ твою теорію. Ты что же хотѣлъ сказать? Что только чувственная страсть можетъ минутами превращать мужчину и женщину въ одно существо? Ты такъ безпощаденъ ко всякимъ clichés, къ общимъ мѣстамъ морали; а что же это такое, какъ не общее мѣсто?

— Ты не дала мнѣ докончить,—заговорилъ Николай, поворачиваясь отъ окна. — Ты преисполнена только своимъ женскимъ чувствомъ... Но дѣло идетъ вѣдь не о тебѣ, а обо мнѣ. Тебя обижаетъ то, что я какъ бы замкнулся въ себѣ... Стало-быть, ты желаешь проникнуть въ мою душу, вѣдь такъ?

— Развѣ я не имѣю на это права?

— О правахъ намъ не пристало спорить, Дима, — выговаривалъ онъ гораздо искреннѣе, чѣмъ все предыдущее, и голосомъ, и тономъ. — Какія права?..

— У насъ нѣтъ правъ другъ на друга?

— Тебѣ нельзя держаться на этой почвѣ,—промолвилъ онъ, покачавъ головой.

— Это почему?

— А потому, что для тебя, какъ и для всѣхъ почти женщинъ, все сводится къ своему аффекту.

Я вспомнила выраженіе Завацкаго... Мужчины не могут не педантствовать!

— А кто не признаетъ ничего выше своей страсти, поползновенія или похоти,—обронилъ онъ,—тотъ не долженъ выставлать идею права.

— Мы не на диспутъ, Николай!—закричала я съ пылающими щеками.—Зачѣмъ намъ спорить? Въ эту минуту ты ведешь себя со мною недостойно такого честнаго и прямого человѣка, какъ ты!

— Честный! Прямой!—повторилъ онъ и засмѣялся такъ громко и странно, что меня даже дрожь пробрала. — Ты бы лучше спросила меня самого, какого я мнѣнія въ настоящую минуту о собственной личности...

Отойдя къ двери, онъ взялся за ручку и выговорилъ упавшимъ, почти просительнымъ тономъ:

— Ради Бога, прекратимъ этотъ разговоръ. Позволь мнѣ умыться и переодѣнуть платье.

Онъ ушелъ. Я оставалась на диванѣ и въ груди чувствовала я все то же засасывающее нытье:

Я точно вышла изъ оцѣпенѣнія. „Что это такое?—внутренно повторяла я, — что это еще за новость? Почему этотъ дикій хохотъ? Развѣ онъ пересталъ себя даже считать просто честнымъ человѣкомъ? Стало-быть, я не могу уже судить и объ этомъ, знать, что за человѣкъ, котораго я полюбила?“

На письменномъ столѣ увидала я толстую переплетенную тетрадь и сейчасъ же подумала, что это—его дневникъ.

И такъ мнѣ тетрадь эта сдѣлалась ненавистна, что я подбѣжала къ столу, схватила ее и стала теревить. Но она была сдѣлана въ видѣ портфеля съ замочкомъ. Замокъ былъ запертъ. Я было рванула кожу. Мнѣ стало стыдно. Портфель-дневникъ выпалъ у меня изъ рукъ.

V.

Я уже предчувствовала, что Николай не хочетъ имѣть общей спальни. Маленькая инфлюэнца продолжалась съ нимъ четыре дня.

Онъ этимъ воспользовался и перешелъ въ кабинетъ, подѣлывая предлогомъ, чтобы меня не беспокоить.

Но это одинъ предлогъ. Ему тяжело со мною.

Въ немъ сильнѣе, чѣмъ я думала, всплылъ наружу холостякъ, женившійся подѣлывая сорокъ лѣтъ. Онъ какъ бы

совсѣмъ не созданъ для жизни вдвоемъ, для такой жизни, безъ которой не можетъ быть горячей супружеской связи. Ему до сихъ поръ точно не по себѣ быть въ интимныхъ отношеніяхъ съ женщиной, одѣваться при ней, умываться... И этого мало! Чувствуется, что женщина въ спальнѣ вызываетъ въ немъ брезгливое чувство. Онъ стѣсненъ и слишкомъ плохо скрываетъ это.

Завацкій тысячу разъ правъ, находя, что Николай — настоящій русскій, не любить ни женщины, ни любви.

Боже мой! Развѣ я требую распущенности? Развѣ я бьюсь изъ-за того только, чтобы *обладать имъ*, какъ мужчиной? Мнѣ и самое слово-то это противно! Но кто любить, тотъ ищетъ постоянной близости, тому дорого то, что приноситъ съ собою жизнь душа-въ-душу.

А душа его уходитъ отъ меня.

Мнѣ стало такъ горько вчера ночью, что я не выдержала и пошла къ нему. Каюсь, только подъ предлогомъ узнать—не нужно ли ему чего-нибудь? Я слышала, что онъ покашливалъ.

Я тихонько пріотворила дверь кабинета. Тамъ было темно.

— Коля!—окликнула я.

Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Ты вѣдь не спишь! Я слышала, что ты кашляешь. Не нужно ли тебѣ чего?

— Ничего не нужно, — выговорилъ онъ хрипло и недовольнымъ тономъ.

— Жара вѣтъ?

Я вошла въ кабинетъ и полуошупью придвинулась къ турецкому дивану, гдѣ онъ устроилъ свою постель.

Сознаюсь, мнѣ не слѣдовало дальше беспокоить его, „приставать“, какъ выражаются всѣ мужья, но я не могла справиться съ собою, да и не считала честнымъ скрывать отъ него горькіе вопросы, нахлынувшіе на меня особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, подъ предлогомъ своего нездоровья, сталъ жить холостой жизнью.

Николай повернулся къ спинкѣ дивана; я почувствовала это по легкому треску пружинъ.

Онъ своимъ движеніемъ хотѣлъ, вѣроятно, показать мнѣ, что мои вопросы тяготятъ его, а я продолжала „приставать“.

Такова, видно, наша женская доля: наталкиваться на невниманіе и упорство тѣхъ, кого мы любимъ. Только

мы не позволяемъ себѣ возводить это въ теорію и бросать имъ въ лицо низменность ихъ натуры.

— Я уйду,—кратко, почти сконфуженно вымолвила я; но не ушла, а, нащупавъ край дивана, гдѣ валякъ, присѣла.

— Тебѣ не спится?—спросила я.

— Немного забылся,—отвѣтилъ онъ тягучимъ, простуженнымъ голосомъ.—Теперь такъ лежалъ.

— Давно?

— Не знаю; не смотрѣлъ на часы.

— Не зажечь ли свѣчу?

— Нѣтъ, не надо... Только мнѣ непріятно, что ты все аскакиваешь. Съ какой стати утомлять себя? Вѣдь у меня нѣтъ ничего серьезнаго... Да и рискованно.

— Что рискованно?

— Инфлюэнца прилипчива... И ты слижешь...

— Мнѣ все равно!

Мой возгласъ былъ неумѣстенъ, я это знаю. Въ немъ Николай не могъ не почуять ѣдкаго упрека за его поведение. Какъ же съ этимъ быть? Душа—не машина. Легко говорить: „нужна воля, нужна выдержка!“ Мужчины любить это повторять, а сами на каждомъ шагу провираются. Они въ тысячу разъ несдержаннѣе насъ.

— Какая ты странная, Дима,—началъ Николай, какъ будто нехотя, не поворачивая ко мнѣ головы. — Ты видишь, я избѣгаю всякихъ поводовъ къ столкновеніямъ или, лучше сказать, къ неопытнымъ дризмамъ совместной жизни.

— Какія дризги? Какія неопытности?—порывисто вскричала я.—Я не понимаю: о чемъ ты говоришь!

— Ну, хорошо... извини меня. Я, быть-можетъ, самъ дурно на тебя дѣйствую. Не желая того, вызываю въ тебѣ беспокойство. Вспомни, что я никогда не жилъ... вдвоемъ,—выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.—У всякаго уже немолодого холостяка образуются привычки.

Эти слова Николая скорѣе обрадовали меня. Онъ самъ подтверждалъ мою мысль: холостякъ дѣйствительно свазался въ немъ, и въ этомъ нѣтъ еще ничего ужаснаго. Хорошо, если бъ подъ этимъ не крылось другого.

Но, видитъ Богъ, я не хотѣла его допрашивать!

— Прекрасно,—сказала я ему.—Я и не настаиваю. Тебя стѣсняетъ многое... ты привыкъ имѣть все отдѣльное... Жаль только, что ты мнѣ не сказалъ этого раньше. Я

могла бы взять другую квартиру и у тебя при кабинетѣ была бы еще комната...

— Мнѣ здѣсь очень удобно,—остановилъ онъ меня менѣе мягко.— Я привыкъ лежать низко. Да и воздуху въ этой комнатѣ гораздо больше.

— Хорошо, хорошо!—поторопилась я согласиться.

Мнѣ надо было уходить, а внутри меня глодалъ какой-то червякъ. Я готова была крикнуть:

„Все это не то! Ты ушелъ отъ меня не въ одинъ этотъ кабинетъ, не матеріально... Въ тебѣ происходитъ нѣчто, и оно грозитъ чѣмъ-то зловѣщимъ нашему чувству“.

Такъ оно и вышло. Въ настоящую минуту я не могу даже припомнить, что я сказала, собравшись уходить отъ Николая. Вѣроятно, это было какое-нибудь одно слово или восклицаніе. Кажется, онъ отозвался на него тоже однимъ словомъ или звукомъ, который переполнилъ чашу.

И опять полились мои рѣчи. Я не хныкала, не придиралась къ нему, не позволяла себѣ гнѣвныхъ выходокъ, но я настаивала на томъ, что я права, что онъ ведетъ себя со мною болѣе чѣмъ странно, что онъ не можетъ не понимать, до какой степени это огорчаетъ и гнететъ меня.

— Вѣдь ты меня знаешь,—сказала я ему,—не со вчерашняго дня. У насъ есть большое прошедшее. Вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ мы полюбили другъ друга. Вспомни, какъ ты сближался со мною, что заставляло тебя всего больше сочувствовать мнѣ? То, что между мною и моимъ первымъ мужемъ была только внѣшняя связь. Я не упрекаю тебя за то, что такой мотивъ разговоровъ между замужней женщиной и другомъ дома—обыкновенный приемъ ухаживанья, то, съ чего такъ часто начинаются романы нашихъ дамъ. Я не считаю тебя теперь, какъ не считала и тогда, хищникомъ, который пускаетъ въ ходъ избитый приемъ ухаживанья. Я говорю только, что ты долженъ, болѣе чѣмъ кто-либо, понимать: до какой степени меня убиваетъ чувство отчужденности, въ какой я очутилась... и такъ неожиданно, такъ незаслуженно!

И вмѣсто прямого отвѣта на крикъ моей души, Николай самъ задалъ мнѣ вопросъ тономъ человѣка, который точно будто ждалъ случая накинуться на себя самого.

— Такъ по-твоему уходить,—спросилъ онъ меня съ дрожью въ голосѣ,—что я сближался съ тобою, при жизни твоего перваго мужа, какъ благородный рыцарь? Ха-ха-ха!

Этотъ дикій хохоть окатилъ меня нестерпимо жуткимъ ощущеніемъ.

— Въ томъ-то и заключается трагедія между мужчиной и женщиной, — продолжалъ Николай, приподнимаясь на локтяхъ, — что вы помогаете намъ лгать самими себѣ... Безъ васъ намъ легче обнажать передъ самими собою наши хищные инстинкты... А тутъ — насъ слушаютъ, благодарятъ насъ за сочувствіе, позволяютъ расцвѣтать на разные лады эту ложь и этотъ самообманъ!

— Что ты говоришь...

Я просто вся похолодѣла.

— То и говорю. Шесть мѣсяцевъ, проведенныхъ мною съ-глазу-на-глазъ съ собою и своей собственной совѣстью, прошли не даромъ... Не взыщи за то, что я показываю тебѣ въ настоящую минуту итоги этого сидѣнья... Хуже всего ложь!.. Нужды нѣтъ, что она была неумышленная, что она сказывалась въ формѣ постоянного и прогрессивнаго самообмана. Я отвѣчаю на твою аттестацію. Пеній на себя... ты вызвала во мнѣ отпоръ.

Онъ совѣмъ сѣлъ, облокотившись на подушки. Я видѣла въ полутьмѣ отъ уличнаго свѣта, какъ онъ началъ нервно жестикулировать.

— Нѣтъ, говорю я тебѣ. Ты, какъ настоящая женщина, когда страсть заговорила въ тебѣ, потеряла чутье правды... не распознала, что и я, въ сущности, былъ такой же хищникъ, какъ и большинство тѣхъ мужчинъ, кто доводитъ женщину до разрыва съ мужемъ. И, быть-можетъ, въ десять разъ хуже перваго попавшагося развратника, который и не станеть прикрываться никакими высшими мотивами и фразами. Да, я инстинктомъ зачуялъ, что тема твоего душевнаго одиночества самая благодарная, и мнѣ казалось, что я поступаю, какъ истинный рыцарь, а подкладка была все та же!

Я не дала ему досказать. Мнѣ было слишкомъ больно, больнѣе, чѣмъ если бъ онъ сталъ обличать меня, назвалъ бы меня развратницей, которая вовлекла его въ грязную связь съ женой чловѣка, не сдѣлавшаго ему никакого зла. Но это была новая вспышка все того же душевнаго процесса. Онъ опять воспользовался моимъ естественнымъ, неизбѣжнымъ вопросомъ, чтобы выставить себя, заднимъ числомъ, какъ хищника, разыгравшаго со мною, скучающей тридцатилѣтней барыней, пошлую комедію адюльтера.

И за него, и за насъ обоихъ мнѣ было невыносимо

обидно. Это являлось какимъ-то озорствомъ, если не временнымъ помраченіемъ, если не запоздалымъ припадкомъ того самоковирья, о которомъ говорилъ такъ тонко и проникательно Завацкій.

Мнѣ захотѣлось дать на него окрикъ, какъ на капризнаго больного, и сейчасъ же мнѣ стало его жаль. Какое-то смутное предчувствіе зашевелилось внутри.

Быть-можетъ, онъ нажилъ, во время шестимѣсячнаго сидѣнья, начало какого-нибудь нервнаго расстройства, и было бы неразумно, дико негодовать на него, даже возражать.

Эта мысль совсѣмъ меня парализовала. Я поднялась, подошла къ его изголовью и прикоснулась къ плечу.

— Ради Бога, замолчи, — сказала я ему умоляющимъ голосомъ. — Не разстраивай себя! Прости меня, я сама виновата. Почивай!

Николай не порывался больше говорить, но онъ сдѣлалъ жестъ, который я истолковала, какъ убѣжденіе въ томъ, что женщина, и всего болѣе я, неспособна понять его.

VI.

Два горькихъ разговора и никакого выхода. Мнѣ самой дѣлается слишкомъ тяжело приставать къ нему, но и выносить такое положеніе еще тяжелѣе.

Живемъ мы вмѣстѣ, въ одной квартирѣ, проводимъ нашъ медовый мѣсяцъ... И что это за жизнь? Мы точно арестанты... Онъ сидитъ у себя или уходитъ, всегда одинъ. Я тоже въ своемъ кабинетикѣ. Ни программы жизни, ни занятій, ни свѣтскихъ интересовъ—ничего!

На меня даже нашла какая-то оторопь, малодушный страхъ, я какъ будто не рѣшаюсь никому показаться на глаза... Положимъ, меня не очень привлекаютъ знакомые, но все-таки Николаю слѣдовало бы самому сдѣлать нѣсколько визитовъ вмѣстѣ со мною. А то мы точно какъ бѣглецы или преступники.

Онъ не занятъ, а голова его продолжаетъ болѣзненно работать.

И я также не могу, вотъ уже который день, освободиться отъ постоянного перебирания все однихъ и тѣхъ же вопросовъ. Сонъ у меня отвратительный, я забываюсь только на разсвѣтѣ. Мнѣ не хочется прибѣгать къ нарко-

тическимъ средствамъ, а придется; и, пожалуй, незамѣтно превратиться въ морфинистку.

Послѣдній разговоръ, ночью, у него въ кабинетѣ, сначала испугалъ меня за него... На меня пахнуло чѣмъ-то ненормальнымъ. Въ первый разъ я готова была увидѣть въ немъ чуть не психопата. Я и теперь думаю, что ему надо бы обратиться къ врачу. Но въ немъ есть много пассивнаго упорства, и эту сторону его натуры я совершенно проглядѣла. Такъ оно и всегда бываетъ съ нами, когда загорится въ насъ то, безъ чего, должно-быть, не прожить никакой женщинѣ съ душой. Если я ему скажу:— „тебѣ бы посовѣтоваться съ врачомъ“,—онъ, разумѣется, не согласится. Какого врача рекомендовать ему? По общимъ болѣзнямъ—это ни къ чему не послужитъ, а указать спеціалиста по нервнымъ разстройствамъ—онъ пойметъ, что я заподозрила его въ психопатіи.

Психопатія! Этимъ словомъ теперь такъ злоупотребляютъ. Но для меня гораздо важнѣе: сначала попытаться, чтò происходитъ въ душѣ Николая возможнаго, допустимаго даже и безъ всякаго болѣзненнаго разстройства.

Въ послѣднемъ разговорѣ была опять вспышка его *мужской* совѣсти. Онъ обвиняетъ себя заднимъ числомъ. Онъ считаетъ свое сближеніе со мной совсѣмъ не такимъ честнымъ, какимъ я его считала и до сихъ поръ считаю. Это преувеличено, но безумно ли?—не знаю. Опять характеристика, сдѣланная Завацкимъ, припомнилась мнѣ, и я снова убѣждаюсь въ ея вѣрности.

Да, былъ такой моментъ, когда Николай увлекся мной. Тогда его чувство и поведеніе были *прямолинейны*, какъ выражается его адвокатъ. Но съ тѣхъ поръ прошло болѣе года... Дуэль и сидѣніе въ крѣпости вызвали броженіе, и вмѣсто страстно любящаго мужчины передо мной кающійся грѣшникъ.

Но полно, такъ ли? Одно ли это говорило въ немъ, когда онъ сталъ обличать себя, какъ хищника? Обвинялъ онъ себя, по себя ли одного?

Постараюсь распутать это, насколько позволяетъ мнѣ моя бѣдная *женская* голова. Пускай я несвободна; пускай я нахожусь въ рабствѣ у своего чувства, у своей страсти, но все-таки и у меня есть нѣкоторая логика.

Теперь онъ смотритъ на себя какъ на хищника, который впадалъ въ самообманъ. Что же это значитъ? Развѣ этимъ самымъ онъ не хочетъ сказать, что главная винов-

нида — я? Я во-время не остановила его, не распознала въ немъ „презрѣннаго инстинкта“. Онъ мнѣ не сказалъ ничего оскорбительнаго въ такомъ именно смыслѣ, но это чувствовалось. Не прекрати я разговоръ, навѣрно я услышала бы отъ него что-нибудь въ такомъ родѣ: — „женщина должна фатально помогать намъ во всемъ хищномъ, во всякой поблажкѣ нашей чувственности и самообману“.

И разъ въ немъ самомъ нѣтъ вѣры въ то, что наше сближеніе было неизбѣжно, что насъ влекло нѣчто, стоящее выше всякихъ фарисейскихъ запретовъ морали, онъ не можетъ ни чувствовать, ни разсуждать иначе.

Я дѣлаюсь для него сообщницей...

Неужели это такъ? И я въ какихъ-нибудь десять дней дошла до сознанія своего безсилія?..

Боже мой! Къ чему я все это перебираю? Видно, и я уже заразилась болѣзнью моего мужа. Вѣдь это прямо признаваться въ банкротствѣ. Стало-быть, я, какъ женщина, не могу, не умѣю привлечь его опять къ себѣ, заставить стряхнуть съ себя этотъ психопатическій маразмъ. Господи! Неужели такъ оно выходитъ? И это не временное разстройство, а начало глубокаго душевнаго переворота?

Не хочу съ этимъ соглашаться! Мы привыкли слишкомъ многое объяснять чисто-нравственными причинами. А дѣло тутъ часто гораздо проще и нейдетъ дальше матеріи. Я, слава Богу, не считаю себя истеричной. Зато сколько я уже знавала нервныхъ женщинъ, у которыхъ вся жизнь была испорчена оттого, что онѣ во-время не занялись собою... Запущенное малокровіе, неудачное материнство, глупый образъ жизни, и глядишь — психопатка готова!

Но какъ довести Николая до необходимости заняться собою? Не можетъ быть, чтобы я чего-нибудь не придумала, а пока я даю себѣ слово: не вызывать его ни на какой нервный разговоръ. Простуда его почти совсѣмъ уже прошла. Я не знаю, хорошо ли онъ спитъ, по крайней мѣрѣ, я не слышу отъ себя ночью ни малѣйшаго шороха. Онъ не ворочается, не зажигаетъ свѣчи, не ходить по комнатѣ.

Если же онъ самъ начнетъ опять обличать себя, я буду отвѣчать ему иначе, я напомню ему, не въ общихъ фразахъ, а подробно, если нужно, шагъ-за-шагомъ, какъ происходило наше сближеніе. Онъ долженъ будетъ сознаться, что мы не могли обманывать другъ друга или вдаваться

въ жалкій самообманъ. И въ эту минуту я готова была бы явиться передъ какимъ угодно судилищемъ и самымъ безпощаднымъ образомъ разобрать всѣ свои побужденія, мысли, поступки.

Я полюбила. Боже мой! Неужели мужчины не могутъ признать, что безъ какого-то электрическаго удара, когда все ваше существо преобразается—страсть немислима, и то, что они называютъ *чувственностью*, есть только неизбежная уступка нашей природѣ?! Развѣ женщина, способная любить, въ состояніи быть хищницей? Всегда ея чувство переживаетъ инстинктъ. Мужчина старѣетъ, дурнѣетъ, теряетъ въ глазахъ всѣхъ свой престижъ, но для нея одной онъ все тотъ же... и гораздо больше, чѣмъ женщина для мужчины.

Мой первый мужъ былъ только на два года старше Николая, красивѣе его, бодрѣ на видъ... Я знаю, что многимъ онъ серьезно нравился. Я и сама испытывала на себѣ его физическое обаяніе мужчины, до тѣхъ поръ, пока не узнала, что такое *друная* любовь.

Мы сошлись съ Николаемъ вовсе не такъ, какъ онъ теперь представляетъ. Никакихъ селадонскихъ утѣшеній и „подходовъ“ онъ не позволялъ себѣ. Какъ только я почувствовала, что и онъ любитъ, то сейчасъ же вся моя жизнь съ мужемъ представилась мнѣ пустой, безсознательно-лживой, лишенной поэзіи и высшей радости. Я не драпировалась, я не выдавала себя за жертву, за несчастную женщину, изнывающую отъ непониманія, эгоизма и грубости своего супруга и повелителя.

Онъ выказалъ себя жестче, ограниченнѣе, себялюбивѣе—потомъ, когда я предложила ему возвратить мнѣ мою свободу, но раньше, во время нашего сближенія съ Николаемъ, я никогда ни въ чемъ мужа не обвиняла. Я жила полусознательно.

А если это такъ, то какая я сообщница, какая я подстрекательница, и какой разумный поводъ имѣть Николай считать меня сколько-нибудь виновной въ томъ, что онъ называетъ теперь своимъ хищничествомъ?

Боже мой! Если бъ въ немъ самомъ было то, чѣмъ онъ пыдалъ годъ тому назадъ, развѣ мыслимо было бы то, что теперь начинаетъ подѣлать нашу жизнь? Да, они не такъ созданы, какъ мы, и то, что для насъ—высшая радость, и сила, и обаяніе, то для нихъ—только пароксизмъ, припадокъ, блажь, что-то чуть не низменное и не живот-

ненное! Мы способны все простить и все перенести изъ-за чувства. Они ведутъ какую-то двойную бухгалтерію, для нихъ нужно, чтобы любовь не смѣла нарушать ихъ душевный покой, они не поступятся ей ничѣмъ, что составляетъ ихъ достоинство, безукоризненность ихъ поведения или даже ихъ совершенно условные взгляды и привычки.

И прежде я это понимала, но никогда еще не переживала этого такъ, какъ теперь.

Пожалуй, какой-нибудь дешевый моралистъ закричитъ:

„Пришло *возмездіе*, и вы должны претерпѣть его!“

Возмездіе—за что? Все это фразы! Развѣ мы одни полюбили другъ друга въ тѣхъ же точно условіяхъ? Кто мѣшаетъ намъ отдаться тому счастью, какое мы взяли дорогой цѣной? Никто и ничто. У меня нѣтъ предубѣжденій, я не боюсь никакихъ пересудъ и гримасъ кумушекъ; но я и не желаю открывать у себя салонъ. Николай былъ не менѣе меня смѣлъ, онъ зналъ, на что онъ идетъ. Не изъ одной жалости ко мнѣ сошелся онъ со мной. Надо пользоваться тѣмъ, что добыто такой дорогой цѣной. Надо! Мы, женщины, это понимаемъ и чувствуемъ. А у мужчинъ другая логика.

Когда мы сближались съ нимъ—ни одинъ изъ насъ не хотѣлъ выгораживать своего поведения. Мы прекрасно знали, какимъ словомъ, даже въ самыхъ испорченныхъ кружкахъ, называютъ то, что между нами завязалось.

Потому-то мы и не хотѣли адюльтера съ его унижающей грязью и пошлостью. Его и не было, если формально не придираются. Довольно и того, что мнѣ, какъ вѣроятно десяткамъ и сотнямъ замужнихъ женщинъ, пришлось испытать, когда я въ первый разъ пошла объясняться съ Иваномъ Андреевичемъ. Вѣдь и онъ считалъ себя либеральнымъ мужемъ, и онъ говаривалъ, что за чувство, если оно искренно, никто не можетъ быть отвѣтственъ. А тутъ сейчасъ же слышались другіе звуки. И въ этомъ мужчины—сколько бы ни просуществовала земля—будутъ всегда вѣрны себѣ: ихъ увлеченія, какъ бы они ни были дрянны и пошлы, не могутъ представляться имъ такими, какъ увлеченія женщины, если она связана. Мнѣ теперь сдается, что въ мужчинахъ есть какой-то первородный грѣхъ возмутительной несправедливости, какъ только дѣло коснется женщины, ея чувства, ея правъ на счастье. Они этимъ самымъ выдаютъ себя, свои чисто-животненные инстинкты, свою неспособность подняться надъ грубой

подозрительностью, въ которой сквозить ихъ унижающій взглядъ на чувство любви.

VII.

Судьба или детерминизмъ, какъ любить выражаться Николай. Подаютъ мнѣ карточку: *Пелагея Герасимовна Кобрина*. Я въ первую минуту не сообразила, кто это, но вспомнила, что это моя когда-то старшая подруга по гимназіи Паша Клементьева. Мы съ ней не видались больше восьми лѣтъ, можетъ-быть, и цѣлыхъ десять. Она рано вышла замужъ и рано овдовѣла, поступила на медицинскіе курсы и потомъ получила степень въ Парижѣ. О ней даже писали въ тамошнихъ газетахъ. Кажется, она на годъ или на полтора старше меня.

Когда она вошла, мнѣ сразу показалось, точно будто это совсѣмъ другая личность. Въ памяти моей сохранилась фигура довольно красивой, худенькой блондинки, не очень большого роста, а теперь она—рослая, полная, даже очень полная женщина: лицо круглое, съ немного пухлыми щеками и, какъ мнѣ показалось, цвѣтъ кожи слишкомъ ровный. И глаза чуть-чуть подведены. На лбу модный хохоль. Шляпка огромная, со множествомъ цвѣтовъ и бантовъ, и дорогое шелковое платье. Отъ вздутыхъ рукавовъ фигура ея кажется еще болѣе мужественной.

Мы встрѣтились какъ подруги и заговорили на ты. И голосъ ея сдѣлался ниже, гуще, гораздо сильнѣе, чѣмъ прежде, немножко съ хрипотой. Сейчасъ видно, что Парижъ сильно прошелся по ней, особенно въ манерѣ говорить—сыпать слова увѣренно и рѣзковато.

Обо мнѣ она тоже ничего не знала и даже здѣсь въ Петербургѣ, за цѣлые полгода, ни отъ кого не слыхала. Теперь она обжилась и приобрѣла уже хорошую практику

— Ты по какой же спеціальности?—спросила я ее.

Она оглянула меня, какъ бы желая сказать этимъ взглядомъ: „какъ же ты не знаешь, кто я и на чемъ приобрѣла извѣстность“.

Я даже немножко сконфузилась.

— Я ученица Шарко,—сказала она мнѣ.

— И тамъ же получила степень?

— Тамъ.

— Значитъ, ты докторъ медицины парижскаго университета?

— 'turellement!—шутливо воскликнула она парижским жаргонным словомъ.

— Поздравляю.

И сейчас же меня пронизала мысль, что этотъ визитъ не спроста. Не спроста—для меня. У ней врядъ ли была какая-нибудь задняя мысль, кромѣ желанія расширить свои связи.

Особенной дружбы между нами не было, но мы ладили, одно время даже удалялись въ физическій кабинетъ и тамъ много болтали. Если она была ученицей Шарко, стало-быть, ея специальность — нервныя и душевныя болѣзни.

— Ты психіатръ?—спросила я, стараясь сдержать свое волненіе.

— Конечно.

Сейчасъ же я сообразила: чего же лучше, какъ не воспользоваться знакомствомъ съ ней, чаще приглашать ее къ обѣду?.. Она по профессіи должна быть наблюдательна... Въ какихъ-нибудь три-четыре недѣли она, и безъ моихъ указаній, составитъ себѣ мнѣніе о душевномъ настроеніи Николая.

— Ты за вторымъ мужемъ?—спросила меня Кобрина, и глаза ея, очень искусно подведенныя, игриво прищурились.

Значить, она слышала—кто мой мужъ и какое у меня прошедшее.

— Да, я вышла въ другой разъ.

Она наклонилась ко мнѣ и вполголоса, все съ той же миной, спросила:

— Ты, кажется, со мной стѣсняешься? Я безъ предразсудковъ.

Будь у ней другой тонъ—я бы не выдержала и стала бы ей изливаться. Но она, должно-быть, именно въ Парижѣ, приобрѣла что-то для меня чуждое. Я рисковала наткнуться на тотъ оттѣнокъ женской положительности, который наши барыни такъ хорошо себѣ усваиваютъ, проживши во Франціи, на полной волѣ.

Кобрина смотрѣла именно такой свободной женщиной. Можетъ-быть, у ней есть возлюбленный... Она сумѣетъ устроить свои любовныя дѣла такъ же ловко, какъ и все остальное.

— А ты давно вдовѣешь?—спросила я.

— Ахъ, Боже мой, я уже забыла даже, когда я овдовѣла.

— И держись за свою свободу?

— Безусловно.

Мы сидѣли въ моемъ будуарѣ. Это было часу въ четвертомъ.

Вошелъ Николай. Онъ, кажется, не зналъ, что у меня гостя. Вѣроятно, онъ откуда-нибудь вернулся, потому что былъ одѣтъ не по-домашнему. Я сейчасъ же подмѣтила на его лбу извѣстную мнѣ черту недовольства. Онъ, должно-быть, хотѣлъ спросить меня о чемъ-нибудь. И видъ моей подруги, и ея тонъ заставили его сразу же сжаться. Онъ вообще и прежде былъ застѣнчивъ и не любилъ такихъ женщинъ, на которыхъ надо сейчасъ же обращать вниманіе. Я познакомила ихъ, сказала, что Кобрина — женщина-врачъ, учившаяся въ Парижѣ, но умышленно скрыла, что она ученица Шарко. Она могла, конечно, упомянуть объ этомъ въ разговорѣ, но могло случиться и по-другому.

Въ съезженной мозѣ сидѣлъ Николай и сначала отмалчивался.

Кобрина стала говорить о себѣ, о своихъ успѣхахъ, о томъ, что ей эти успѣхи достались гораздо труднѣе, чѣмъ женщинамъ, которыя учатся теперь въ Парижѣ.

— Тамъ и до сихъ поръ, — продолжала она, — студенчество парижскихъ школъ еще не помирилось съ тѣмъ, что женщины могутъ конкурировать съ нимъ. Французъ въ сущности презираетъ женщину во всемъ, что не ея особенное царство. Вы помните, — обратилась она къ Николаю, — еще не такъ давно происходили дивныя сцены и въ Ecole de médecine, и въ Сорбоннѣ, на лекціяхъ по исторіи литературы? Кто самъ не испытывалъ этого — не имѣетъ понятія о томъ, до какого цинизма могутъ всѣ эти милые молодые люди въ беретахъ доходить въ крикахъ, издѣвательствахъ, пѣсенкахъ... Que sais-je!..

— Тутъ, можетъ-быть, — сказалъ Николай, поглядывая на нее вбокъ, — кромѣ чувства профессиональнаго соперничества, есть и еще кое-что...

— Что же именно? — нѣсколько задорно спросила Кобрина.

— Да вотъ хотя бы въ скандалахъ въ парижской Сорбоннѣ... Тутъ какое же профессиональное соперничество? Приходятъ слушать лекціи литературы. А на дѣлѣ дамы —

насколько я могу судить по газетамъ—сдѣлали изъ нѣкоторыхъ аудиторій ярмарку тщеславія. По уставу, аудитория принадлежитъ настоящимъ слушателямъ—студентамъ и всѣмъ, кто связанъ съ университетомъ серьезными занятиями. Дамы овладѣли лучшими мѣстами, являются, конечно, расфранченными, — Николай посмотрѣлъ на ея шляпку, — конечно, болтаютъ, переглядываются, дѣлаютъ лектору дешевыя оваціи... Имъ непремѣнно нужно какого-нибудь... какъ бишь, имя того метафизическаго философа въ комедіи Пальерона?..

— Le Bellac des dames?—весело подсказала Кобрина. — Что же! Это, если хотите, правда. Всегда у такихъ дамъ были свои первые тенора по части философіи и литературы... Вы помните, что Беллякъ—это немножко шаржированный портретъ покойнаго профессора философіи Каро... Теперь пошли другіе, теперь любимцемъ сдѣлался господинъ Брюнетьеръ, — протянула она, поведя насмѣшливо своимъ крупнымъ ртомъ, тоже, какъ мнѣ кажется, немножко поддѣченнымъ.

И въ эту минуту я замѣтила, какъ Николай глядѣлъ именно на ея слишкомъ яркія губы.

— Стало-быть,—болѣе тревожно продолжалъ онъ,—вы сами допускаете, что у студенчества были и другіе мотивы?

— Но развѣ можно смѣшивать вздорныхъ дамочекъ... des saillettes — какъ ихъ называютъ тамъ — съ молодыми женщинами и дѣвушками, способными серьезно преслѣдовать свои цѣли... нисколько не хуже тѣхъ, между нами говоря, шлопаевъ, которые сидятъ по цѣлымъ днямъ въ caboulots Латинскаго квартала?..

— А что такое caboulots?—спросила я.

— Ты не знаешь?

— Да и я не знаю,—прибавилъ Николай.

— Пивныя, гдѣ прислуживаютъ женщины. Это — язва Латинскаго квартала и скандалисты всего больше наблюдаютъ изъ такихъ... piliers d'estaminet.

— Можетъ-быть,—откликнулся Николай,—но вѣдь студенты, какъ они ни юны и ни безпорядочны, все-таки, въ концѣ концовъ, чувствуютъ, что тутъ дѣло идетъ о радикальной разницѣ...

— Въ чемъ?—перебила его Кобрина.—Въ натурѣ мужчины и женщины? Ха-ха-ха!

И обращаясь ко мнѣ, она, вскинувъ головой, спросила:

— Развѣ твой мужъ—*мизантъ*?

— Ненавистникъ женщинъ, хотѣли вы сказать?

Николай всталъ и отошелъ къ моему письменному столу.

— Мой личный взглядъ тутъ не при чемъ, — продолжалъ онъ гораздо рѣзче. — Но возьмите вы ту самую дамскую аудиторію, о которой сейчасъ была рѣчь. Неужели вы думаете, что есть какая-нибудь существенная разница между этими, какъ вы ихъ называете, перепелками...

— И кѣмъ? — сухо и довольно строго остановила его Кобрина.

— И какой бы то ни было другой женской аудиторіей. Она можетъ быть болѣе подготовлена, сдавать экзамены, дѣлать даже операции или работать въ лабораторіяхъ, но психологія ея, и въ общемъ, и въ частностяхъ, останется та же самая. Всегда у ней будутъ фетиши: профессоръ ли, проповѣдникъ ли, теноръ или наѣздникъ въ циркѣ! Что парижская Сорбонна, что любой петербургскій институтъ благородныхъ дѣвицъ — факты женской психологіи будутъ принадлежать къ тому же порядку.

— Такъ вотъ какихъ взглядовъ твой мужъ?! — обратилась ко мнѣ Кобрина, и ея прищуренные глаза сказали: „Не поздравляю тебя“.

— Вы не думайте, что я слагаю оружіе передъ вашими доводами, — сказала она поднимаясь. — Если позволите, мы еще съ вами поговоримъ на эту тему.

Она встала, оправилась и, уходя, сказала Николаю:

— Женщинѣ нѣтъ никакой надобности отказываться отъ своей натуры. Оттого-то милые молодые люди въ беретахъ такъ и неистовствуютъ: до сихъ поръ она царила только какъ женщина, а теперь приходится тягаться съ ней и мозгами.

Проводивъ Кобрину, я вернулась къ себѣ и не нашла уже Николая. Онъ былъ въ кабинетѣ.

— Тебѣ нужно было что-нибудь?

— Я уже совсѣмъ забылъ, — отвѣтилъ онъ мнѣ упавшимъ голосомъ. — Эта профессиональная барыня — твоя подруга?

— Да, я, кажется, тебѣ о ней говорила.

— И она воображаетъ, что докторскій дипломъ переродилъ ее! Можетъ-быть, она написала прекрасную диссертацию, но пускай свѣжій человѣкъ войдетъ въ салонъ, гдѣ она изволить возсѣдать. Что она собою изображаетъ?

Бабѣ сильно за тридцать, щеки набѣлены, брови подерашены, да и губы также. Что мечется въ глаза во всемъ ея существѣ? Чѣмъ она хочетъ быть прежде всего, что возбуждать въ своихъ соперникахъ-мужчинахъ? Какому богу она служить? Да все тому же. Ха-ха-ха!

Я не стала ему возражать. Мнѣ было только очень, очень досадно, что Кобринъ произвела на него такое именно впечатлѣніе. Ей будетъ непріятно бывать у насъ... Николай способенъ заводить съ ней все такіе же раздражающіе разговоры; это ее будетъ монтировать и она — какъ врачъ, какъ специалистка по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ — не въ состояніи будетъ наблюдать спокойно.

И тутъ неудача. Но сдается мнѣ, что никакой специалистъ не поможетъ тому, что надвигается на наше супружеское счастье.

VIII.

Около двухъ недѣль прошли спокойно, но это спокойствіе — только внѣшнее. Николай часто вызываетъ изъ дому. Кажется, онъ сталъ усиленно хлопотать о мѣстѣ... Я этому очень рада; бездѣйствіе довело бы его Богъ знаетъ до чего. Онъ мнѣ мало рассказываетъ кого видѣлъ. И вообще наши разговоры ведутся точно по обязанности.

Меня пугаетъ мысль о той безпомощности, въ какой я могу очутиться. Безпомощность и полное одиночество! Во мнѣ такое чувство, какъ будто вынули изъ моего существа всю сердцевину. Какъ будто моя личность совсѣмъ не существуетъ теперь и вдругъ я очутилась безъ всякой *своей* жизни.

Въ первое мое замужество жизнь проходила незамѣтно, иногда пестро, иногда болѣе однообразно. Жила, какъ и сотни другихъ обезпеченныхъ молодыхъ женщинъ. Любовь заставила меня тогда прозрѣть и почувствовать, до какой степени такая жизнь была суха и пуста.

„Старая пѣсня! — скажутъ мнѣ на это. — Всѣ невѣрныя жены такъ защищаютъ себя“. На это я отвѣчу, что я могла бы до тридцатилѣтняго возраста оставаться въ дѣвицахъ... Отъ этого ничего бы не измѣнилось въ содержаніи моей жизни; тогда она была бы только тоскливѣе и монотоннѣе.

Я знаю, стану повторять общія мѣста: „вы могли жить для общества, создать себѣ свои интересы, выбрать живую дѣятельность“... Но отчего-нибудь такъ вышло, что

я не оставила своей жизни такимъ именно образомъ. И не потому, чтобы я считала себя особенно пустой. Всякое живое дѣло требуетъ опять-таки любви, а она не являлась. Не любви и страсти, а идеи, что ли, преданности чему-нибудь, что считаешь цѣннымъ или, по крайней мѣрѣ, полезнымъ.

Наше сближеніе съ Николаемъ потому такъ и захватило меня, что мы не рисовались, не строили фразъ... Мы искали другъ друга безъ всякихъ постороннихъ цѣлей. Онъ полюбилъ во мнѣ женщину, а не отвлеченную идею, не общественнаго дѣятеля.

И вотъ теперь эта женщина точно перестала существовать для Николая и, какъ я сказала, изъ моей души точно выѣли сердцевины. Но развѣ это говорить что-нибудь противъ самаго чувства? Кто же велѣлъ глушить его, впадать во что-то дикое? Если тутъ дѣйствительно происходить что-нибудь болѣзненное—надо принять мѣры.

Легко сказать! Николай избѣгаетъ всякихъ разговоровъ о своемъ здоровьи. Но я вижу, что онъ страшно худѣетъ, цвѣтъ лица продолжаетъ быть землистымъ; вѣроятно, страдаетъ бессонницей, можетъ-быть, принимаетъ въ сильныхъ дозахъ наркотическія средства. Теперь онъ устроилъ свою спальню въ кабинетѣ, и я не могу слѣдить ни за чѣмъ.

Съ третьяго дня онъ никуда не выѣзжалъ. Обыкновенно онъ встаетъ довольно рано. Часу въ одиннадцатомъ моя Оеня сказала мнѣ, что Николай Аркадьевичъ, должно-быть, очень мучится головой.

Я вошла въ кабинетъ, извиняясь за то, что его побеспокоила. Николай лежалъ одѣтый на кушеткѣ, съ закрытыми глазами.

Боли были такъ сильны въ правомъ вискѣ и въ темени, что онъ едва могъ говорить. Я настояла на томъ, чтобы онъ принялъ порошокъ, который на меня особенно хорошо дѣйствуетъ: въ немъ есть и антипиринъ, и кофеинъ. Боль продолжалась до обѣда; потомъ вдругъ, какъ это часто бываетъ, голова совсѣмъ прояснилась. Послѣ обѣда у него въ кабинетѣ я сидѣла у стола и читала ему вслухъ. Онъ ходилъ на другомъ концѣ комнаты. Лампа подъ абажуромъ оставляла половину ея въ полутьмѣ.

— Какъ это странно!—вдругъ какъ бы про себя выговорилъ онъ и остановился, глядя на ту стѣну, гдѣ виситъ только одна гравюра; обои въ кабинетѣ свѣтло-шо-

коладные, одноцвѣтные, безъ всякихъ рисунковъ, съ золотыми багетами по карнизу...

— Что такое?—спросила я.

— Ничего,—онъ повернулся, сдѣлавъ шага два и опять сталъ, глядя въ противоположный уголъ.

Это меня начало тревожить. Я положила на столъ книгу журнала, откуда читала ему, и подошла.

— Ты что-нибудь чувствуешь?

— Да, странная какая-то тревога... раздраженіе зрительнаго нерва.

— Вѣдь это бываетъ въ сильныхъ припадкахъ. Развѣ у тебя съ этого не начинается?

— Да, бываетъ... только совсѣмъ не такъ. Тогда является какая-то муть, пестритъ передъ глазами или застилаются предметы съ какого-нибудь края... А это совсѣмъ не то.

— Что же такое?

Я старалась быть спокойной.

— Обоимъ одноцвѣтные,—продолжалъ онъ, вглядываясь въ стѣну,—а мнѣ совсѣмъ отчетливо видны рисунки... листочки и цвѣты; я различаю довольно яркое окрашивание... то розоватые, то золотистые цвѣточки, полосы, гирлянды... И все это движется снизу вверхъ и непрерывно мелькаетъ...

— Закрой глаза и прилягъ на диванъ, лицомъ къ стѣнѣ... Можетъ-быть, все это и пройдетъ.

Николай тотчасъ же послушался. Это меня даже удивило. Онъ прилегъ на диванъ и повернулся лицомъ къ его спинкѣ.

— Теперь у меня глаза закрыты...

— И что же?

— Какъ будто немножко слабѣе, но все-таки видѣнія продолжаютъ.

— Можетъ-быть, отъ лѣкарства?

— Не знаю, только очень-очень неприятно. Лежать съ закрытыми глазами еще тяжелѣе.

Онъ замолчалъ. Протянулось нѣсколько минутъ. Я стояла выжидательно посрединѣ кабинета. Тревога моя не усилилась. Я успокоила себя тѣмъ, что это непременно должно быть въ связи съ припадкомъ невралгіи.

— Ахъ, Боже мой!—вдругъ вскрикнулъ Николай.—Куда дѣваться отъ этого?

И онъ сталъ метаться головой по валику дивана, схва-

ней жизни такой, какъ и у сотни петербуржцевъ. Онъ получилъ мѣсто скорѣе, чѣмъ самъ думалъ. И эта должность еще болѣе удалила его отъ меня. Только за обѣдомъ мы видимся, да изрѣдка за вечернимъ чаемъ.

Для меня уже не тайна, что Николай избѣгаетъ быть со мною съ-глазу-на-глазъ. Поэтому онъ и выноситъ Кобрину за обѣдомъ.

Я этимъ и объясняю всего больше, почему онъ поуспокоился насчетъ Кобриной. Если она ему и не симпатична, то все-таки же ея присутствіе избавляетъ отъ интимныхъ разговоровъ со мною.

Неужели это правда? Мы въ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль дошли до подобныхъ отношеній? Безъ всякой серьезной причины. По крайней мѣрѣ, я не могу ее признать иначе, какъ временнымъ разстройствомъ Николая.

И обвинять себя въ томъ, что я устроила надъ нимъ какъ бы тайный надзоръ—рѣшительно не могу. Наконецъ, если бы онъ даже и догадывался, что я начинаю немного подозрѣвать, то и тогда суть дѣла не мѣняется. Напротивъ, я должна была воспользоваться такимъ случаемъ, какъ визитъ Кобриной. Сколько я себѣ ни ломаю голову—другого выхода нѣтъ. Отказаться отъ желанія выяснить болѣзненную причину переменъ въ Николаѣ—это значить идти на что-то въ десять разъ болѣе ужасное. Тогда мнѣ надо будетъ признать, что для него умерло все наше прошедшее...

Мы условились съ Кобриной видаться каждую недѣлю для разговоровъ о Николаѣ.

У насъ въ квартирѣ, даже въ его отсутствіе, никакихъ особенныхъ совѣщаній не бываетъ.

Когда она садится передо мною у своего письменнаго стола въ чисто мужскомъ докторскомъ кабинетѣ, у ней сразу мѣняется тонъ и лицо дѣлается старше и серьезнѣе. За границей пріобрѣла она этотъ тонъ большой увѣренности въ себѣ и такого же самообладанія.

— Я боюсь, — начала я, — что Николай подозрѣваетъ насъ въ уговорѣ. Развѣ ты не замѣтила, напримѣръ, въ послѣдній разъ, что онъ нѣтъ-нѣтъ за обѣдомъ да взглянетъ на тебя полунасмѣшливо? Но всегда въ такую минуту, когда ты говоришь со мной и повернешь голову. Онъ этой мипой хочетъ какъ бы сказать: „не думайте, что я ни о чемъ не догадываюсь“.

— Ну, такъ что жъ изъ этого? — увѣренно возразила Кобрина. — Самый обыкновенный фактъ! Въ немъ происходитъ вотъ что: онъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе убѣждается, что душевное его состояніе вполне нормально... И ему, можетъ-быть, кажется даже забавной моя роль... И пускай! Только бы онъ не закусиль удила и не сталъ бы тебѣ дѣлать спены изъ-за меня.

— Нѣтъ, въ послѣдніе десять дней онъ почти ничего не говорилъ о тебѣ.

— Это—тоже признакъ. Онъ считаетъ и же своего достоинства выводить меня на чистую воду. Но развѣ ты не замѣчаешь, что каждый разъ онъ такъ или иначе возвращается къ одной и той же темѣ: внутренній антагонизмъ между мужчиной и женщиной—глубокая разниа между совѣстью того и другой!

— Какъ же не замѣчать!

— И даже я нахожу въ немъ большую виртуозность по этой части. Онъ заводитъ рѣчь совсѣмъ о другихъ вещахъ. Повидимому, дѣло идетъ вовсе не о женщинѣ, не объ ея натурѣ, а, вникая хорошенько, видишь, что это все новыя иллюстраціи одной и той же мысли.

— И ты уже подозреваешь тутъ зародышъ настоящей болѣзни?—спросила я, внезапно охваченная страхомъ.

— Почва есть... для меня это не подлежитъ сомнѣнію...

— Почва для чего?

— Для того, что французы называютъ: *manie raisonnée*.

— Но вѣдь это грозитъ безуміемъ?!..

— И да, и нѣтъ, смотря по натурѣ. Есть примѣры, что индивиды съ такимъ расположеніемъ живутъ всю жизнь на свободѣ. Они могутъ заниматься своими дѣлами, служить или ничего не дѣлать, жуировать, и во всемъ остальномъ они разсуждаютъ здраво. Память ихъ не парализована, логическая способность — также. И даже въ своемъ пунктикѣ они не говорятъ ничего безумнаго въ тѣсномъ смыслѣ слова. Иногда это бываетъ въ родѣ повѣтрія... *une contagion*! Въ обществѣ вдругъ оказывается много экземпляровъ, тропутыхъ такимъ повѣтріемъ. Да вотъ, чтобы далеко не ходить, у васъ теперь въ Петербургѣ, да и вездѣ въ провинціи, есть такой видъ коллективной резонирующей маніи.

— Что же это такое?

— Иудеобія! И прежде было не мало ненавистниковъ

еврейской расы; но въ послѣдніе годы это чувство обострилось. Я не хочу читать тебѣ лекціи о причинахъ такого настроенія; я беру только примѣръ, выгодный для меня въ эту минуту.

Она откинула голову назадъ, сидя въ своемъ большомъ креслѣ, и жестъ правой руки показывалъ, какъ ей въ эту минуту пріятно сознать свой умъ и наблюдательность. И въ самомъ дѣлѣ она могла бы сейчасъ сѣсть на кафедрѣ и прекрасно читать. Но ея умъ и знаніе не подсказывали ей того, какъ ей говорить *со мною*. Моя сердечная рана какъ бы не существовала для нея.

— И вотъ мы видимъ, — продолжала Кобрина тономъ настоящей французской *conférencière*, — что, здѣсь и тамъ, разные индивиды, склонные къ болѣзненному резонерству, получаютъ усиленный зарядъ и іудеобіи дѣлается у нихъ постояннымъ аффектомъ. Такой антисемитъ, если только вы съ нимъ разъ поговорили, когда бы и гдѣ бы вамъ потомъ ни встрѣтился въ обществѣ, — не можетъ буквально раскрыть ротъ, чтобы третье или четвертое слово его не было окрашено въ тотъ же колоритъ. Попадаются даже и такіе, что не въ силахъ говорить рѣшительно ни о чемъ другомъ. И мы въ правѣ считать это почвой для *manie raisonnée*. Такіе маньяки могутъ слыть за совершенно нормальныхъ до тѣхъ поръ, пока въ ихъ обличеніяхъ есть подобіе логической связи...

— Все это такъ, — остановила я Кобрину, — можетъ-быть, тутъ и нѣтъ прямой опасности. Мужъ мой не сойдетъ съ ума, а будетъ только переходить отъ одного такого пунктика къ другому...

— И это возможно.

— Но ты пойми, — продолжала я, охваченная волненіемъ, и слезы выступили у меня на глазахъ, — пойми, что для меня выше всего наша сердечная связь, чувство, рѣшившее нашу судьбу съ Николаемъ! То, что ты сейчасъ сказала, только кажется менѣ ужаснымъ, чѣмъ возможность настоящаго безумія. Но для меня, какъ для женщины, это, пожалуй, еще ужаснѣе. Одно изъ двухъ: или это только начало неизлѣчимой болѣзни съ роковымъ исходомъ, или же... какъ бы это сказать... болѣе хроническое состояніе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ что же предстоитъ намъ? Ты теперь моя...

— Сообщница? — подсказала Кобрина.

— Да... лучше сказать союзница; отъ тебя я жду чего-

нибудь вѣрнаго. Позволь мнѣ высказать тебѣ еще разъ то, что каждый день мучить меня. Скажи мнѣ: развѣ ты не видишь, какая огромная разниа между нашими мужчинами и заграничными, особенно французамъ?

— Конечно, вижу.

— Я тебѣ передавала, какъ защитникъ Николая, Завацкій, опредѣляетъ...

— Самоковырянье?!—вскричала она весело.

— Да, но это слово не даетъ еще полного объясненія. Припомни, кажется, года два тому назадъ, а можетъ и больше—ты еще была въ Парижѣ...

— Тогда это было передъ моимъ отъѣздомъ. Я здѣсь уже больше полутора года.

— Ну, такъ вотъ помнишь, на какомъ-то тамъ театрикѣ поставили „Грозу“ Островскаго?..

— Какъ же не помнить! Была даже на этомъ спектаклѣ.

— А я читала только рецензіи. И не помню уже, гдѣ и какой фельетонистъ—кажется, онъ говорилъ не за себя одного, а за всю публику... Такъ вотъ онъ изумлялся въ юмористическомъ тонѣ тому, какъ у насъ, русскихъ, въ нашей драмѣ неизбѣжный мотивъ, это — *раскаяніе*. На немъ все держится и къ нему все сводится. Онъ очень ловко провелъ параллель между героемъ пьесы Толстого „Власть тьмы“ и Катериной въ „Грозѣ“... А мнѣ, когда я читала эту статейку, припомнилась еще и третья, чисто-русская пьеса: „Горькая судьбина“ Писемскаго. И тамъ раскаяніе на особенный ладъ, который французамъ, особенно твоимъ парижанамъ, кажется чѣмъ-то мистическимъ и даже дикимъ.

— И что же!—подхватила Кобрина съ авторитетнымъ жестомъ.—Мои парижане по-своему правы. Когда-то, дѣвочкой, я проливала слезы, глядя на эту истеричку Катерину; а въ Парижѣ мнѣ ея поведеніе показалось дѣйствительно чѣмъ-то до дикости первобытнымъ!

— Положимъ такъ,—продолжала я.—Но ты—врачъ, прежде всего ты должна брать факты, какъ они есть. Первобытно, дико,—все, что тебѣ угодно, но оно такъ. И развратный крестьянскій парень, и мой Николай могутъ очутиться родными братьями; разъ въ нихъ запала какая-то капля душевнаго яда—и все исчезаетъ: связь женщины тяготитъ ихъ, они видятъ въ ней только источникъ нравственнаго паденія...

— Та-та-та!—прервала меня Кобрина и энергическимъ

жестомъ положила ногу на ногу. — Въ тебѣ самой, мой милый другъ, та же закваска... Вы всѣ, русскія барыни—сентиментальщицы, извини меня. У васъ тоже своего рода манія: безконечно говорить о чувствахъ. Милая моя, ты мнѣ все толкуешь о нравственномъ переворотѣ... это метафизика... извращенный идеализмъ.

— Однако, ты, какъ психіатръ, не можешь отрицать того, что душевныя болѣзни происходятъ и отъ чисто-нравственныхъ ударовъ?

— Ну, такъ что жъ изъ этого слѣдуетъ? Но гдѣ же этотъ ударъ въ жизни твоего мужа? Ты была женой другого, вы полюбили другъ друга разомъ, съ первымъ твоимъ мужемъ у Николая Аркадьевича не было никакой особенной вражды. И ты, и онъ шли напроломъ, дѣйствовали смѣло и откровенно.

— А дуэль со смертельнымъ исходомъ?

— Что же тутъ такого особеннаго?—спросила Кобрина и въ тонѣ ея вопроса слышалась настоящая парижанка, для которой все это было такъ ясно и просто. — Дѣло понятное, — продолжала она тономъ председателя суда, дѣлающаго свое резюме, — если предположить, что нервный организмъ твоего мужа былъ уже склоненъ къ чисто-русскому душевному ковырянію. Онъ полгода высидѣлъ въ крѣпости—это не шутка. Чѣмъ онъ питалъ свой мозгъ? Разъ у него была склонность къ самоуглубленію—настоящая органическая причина должна была существовать.

— Если ты права, какъ же быть?

— Какъ быть—мы это рѣшимъ; только дай мнѣ время. Это не то, что прописать рецептъ отъ мигрени. Правильный діагнозъ составляется изъ сотни мелкихъ фактовъ. А тебѣ мой совѣтъ,—закончила она вставая,—слѣди за самой собою, а то ты вдашься въ такую же манію. Ты молодая женщина, красивая, живая, умная, тебѣ хочется возвратить любимаго человѣка къ прежнему чувству... *Agis en conséquence!* Надо вести свою линію, какъ вы здѣсь говорите, безъ борьбы ничего не дается. Надо вѣрить въ себя, въ свой престижъ женщины, а не считать себя жертвой, не мучить себя, не находиться въ постоянномъ тяжеломъ напряженіи. *Que diable!* Возьми и ты себя въ руки и, прежде всего, показывай своему мужу, что ты не намѣрена кланяться у него, какъ милостыню, и ѣжиться отъ ласку.

Консультація кончилась. Все, что Кобрина говорила,

было, съ ея точки зрѣнія, умно и послѣдовательно. Но мы не понимаемъ другъ друга. Я ушла отъ нея еще болѣе безпомощной.

Х.

Николай опять сталъ мучиться невралгіями.

Онъ до обѣда лежалъ и за столомъ почти ничего не ѣлъ. Вечеромъ онъ куда-то ѣздилъ и вернулся рано. Я хотѣла предложить ему почитать что-нибудь вслухъ и вошла въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ у стола, въ большомъ креслѣ, съ низко опущенной головой. Руки болтались по обѣимъ сторонамъ ручекъ. Мнѣ показалось, что съ нимъ дурно. Я тревожно окликнула его еще отъ двери и подбѣжала.

— Что съ тобою, Николая?

Онъ тяжело поднялъ голову и поглядѣлъ на меня какимъ-то дикимъ взглядомъ.

„Господи!—внутренно воскликнула я.—Начинается!“

Меня неудержимо охватило убѣжденіе въ томъ, что онъ помутился... вотъ теперь, или сейчасъ, до моего прихода.

— Ничего,—отвѣтилъ онъ и положилъ руки на колѣни съ жестомъ нравственно потрясеннаго человѣка.

Я присѣла на табуретъ тутъ же у стола. Мнѣ такъ хотѣлось схватить его за руку или взять его голову и приласкать. И я не смѣла. Я боялась вызвать какую-нибудь дивную выходку.

— Скажи мнѣ, ради Бога, Николая,—чуть слышно начала я,—что съ тобой? Ты бы легъ. Не послать ли за докторомъ?

— За какимъ? — злобно сверкнувъ глазами, воскликнулъ онъ.—Не за твоей ли франтихой?

— За кѣмъ угодно.

— У меня ничего не болитъ... голова ясна.

— Но ты такъ подавленъ... измученъ.

— Измученъ! — повторилъ онъ мои слова и, быстро нагнувшись ко мнѣ, схватилъ меня за руку.

Я вздрогнула отъ радости.

— Коля!

И прильнула къ его рукѣ головой.

— Ты знаешь, — заговорилъ онъ точно совѣмъ не своимъ голосомъ.—Ты знаешь, онѣ меня преслѣдуютъ.

— Кто?

— Фигуры... и одно лицо... всегда одно... головка... зрачки расширены и кровь на висках... струится...

— О чемъ ты, Коля?

— Ну да, ну да! Вы всё скажете: „лѣчитесь! Это нервное расстройство“. А это только крикъ совѣсти...

И вдругъ онъ схватился за лицо руками и зарыдалъ, глухо, не всхлипывая. Его поводили вздрагиванья.

— Что ты, Коля!

Я хотѣла обнять его.

Николай еще ниже опустилъ голову въ ладони и стихъ. По щекамъ текли слезы. Лицо было мертвенно-блѣдно.

Онъ опять схватилъ мою руку.

— Я не могу таить... Дима! Меня это задущить! Ты должна все знать.

— Не надо, не надо!—истерически вскрикнула я.

— Ты должна все знать, — повторилъ онъ жалобной нотой.—Вотъ какъ было дѣло.

Я еще не понимала, о чемъ онъ говорить, но заставить его замолчать—не могла.

— Онъ стоитъ передо мною всегда, какъ живой, только что я закрою глаза. И видится мнѣ поляна... и стволъ березы справа... И пятна талаго снѣга... На немъ была короткая синяя визитка... и голова его вырѣзывалась на свѣтлой полосѣ неба... Вотъ мы сходимся... секунданты кричатъ: разъ, два, три! Стрѣлять мы имѣли право въ промежутки этихъ трехъ сигналовъ... У меня зрѣніе особенное. Я видѣлъ малѣйшую складку на его лбу, когда онъ приближался къ барьеру... Не доходя до него — ты слышишь, на ходу — онъ выстрѣлилъ. Но взглядъ его... такъ и пронизалъ меня. Въ этомъ взглядѣ было явное презрѣніе ко мнѣ... Онъ говорилъ: „ты подло укралъ у меня жену... Ты не стоишь и того, чтобъ уложить тебя на мѣстѣ...“ И онъ выстрѣлилъ на воздухъ... такъ выстрѣлилъ, что секундантамъ не было это замѣтно. Но я видѣлъ... и подошелъ къ барьеру... и на двухъ-аршинномъ разстояніи сталъ цѣлить прямо въ високъ... прямо...

— Быть не можетъ!—крикнула я.—Ты мнѣ не говорилъ этого... тогда... тотчасъ послѣ дуэли.

— Я скрылъ... я былъ подлый лжець...

— Ты тогда не лгалъ!

— Что жъ, я выдумалъ это? Дима! Дима! Какъ это гнусно! Какъ это гнусно!

— Ты имѣлъ право...

— На что право?—точно съ ужасомъ прошепталъ онъ.

— Онъ тебя вызвалъ своимъ взглядомъ... тѣмъ, что онъ нарочно не дѣлилъ въ тебя. Ты — мужчина. Ты его смертельный соперникъ.

— Замолчи! Ради Создателя, замолчи!—крикнулъ онъ.— Имѣлъ право! Какое? Оттого, что мужъ твой смѣрилъ меня взглядомъ честнаго человѣка, а имѣлъ право предательски убить его?

— Предательски! На дуэли?

— Да, предательски.

— Дуэль есть—дуэль.

— Не говори этого! Не смѣй говорить!—гнѣвно крикнулъ онъ.—Это гнуснѣе, чѣмъ зарѣзать человѣка изъ-за угла, чтобы ограбить его. Быть самому воромъ, быть уличеннымъ въ воровствѣ, въ скверномъ поступкѣ, въ посягательствахъ...

— На что? — опять не выдержала я. — Я тебя полюбила! Ты забываешь, что я личность. Что ты говоришь? Опомнись!.

— Дима! — прервалъ онъ меня и протянулъ ко мнѣ обѣ руки. — Дима! Опомнись и ты! Пойми, какъ гадко, какъ глубоко безстыдно то, что мы дѣлали послѣ, тотчасъ же послѣ того, какъ я убилъ твоего мужа... Убилъ злодѣйски... Не защищая свою кожу, а изъ самага отвратительнаго побужденія... Что мы дѣлали?

Онъ снова охватилъ ладонями лицо и зарыдалъ.

И я была, наконецъ, потрясена его страданіемъ. Я не могла считать его безумнымъ; слишкомъ все это было сильно и убѣжденно. Каждое слово вылетало изъ самой глубины его измученной груди.

Я сама стала плакать, глотая свои слезы.

— Что мы дѣлали? Въ тотъ же день! Въ ту же ночь!

Мнѣ представилась моя комната въ отелѣ, куда я перѣѣхала, куда я убѣжала. У меня не было вида на жительство. Иванъ Андреевичъ отказалъ мнѣ въ немъ; но я тайно жаловалась на него, и начальство меня не беспокоило.

Николай пріѣхалъ прямо ко мнѣ. И это была моя первая безумная ночь съ нимъ.

— Мы какъ звѣри,—слышался мнѣ прерывистый, плачущій звукъ его голоса, — какъ звѣри отдавались другъ другу. А онъ у себя, одинъ, смертельно раненый, хрипѣлъ въ агоніи. Господи! Какой ужасъ!

Онъ весь дрожалъ. И я была сражена этой картиной.

— Кто же довелъ и тебя до такой гнусности? Кто, коли не я? И мы забыли все! Ни проблеска совѣсти! Это называется любовь? Вѣдь, да? А она все искупляетъ, все оправдываетъ? Не правда ли?... Ну, говори, говори... Приведи мнѣ хоть одинъ доводъ... Хоть одинъ...

Я не могла выговорить ни одного слова. И я вся дрожала. Но внутри у меня все возмущалось противъ такихъ обвиненій. Наша любовь была оклеветана имъ, растоптана, брошена въ какую-то грязную лужу. Если бы я могла говорить, я бы подавила его „доводами“, на которые онъ вызывалъ меня.

— Ты молчишь? Ты со знала только теперь, Дима, что мы стали сообщниками кроваваго и грязнаго дѣла? Да! Кроваваго... Оно начало душить меня черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ я попалъ въ крѣпость... Но и на судъ меня уже мучило что-то. Мой франтъ-защитникъ не понималъ меня... Того, что уже сквозило въ моемъ словѣ судьямъ. Онъ навѣрно счелъ это ловкимъ приѣмомъ... Для смягченія кары... Кровь и грязь... все подступали, все поднимались, и я барахтался въ нихъ. И мозгъ не выдержалъ. Мнѣ, какъ Борису Годунову... стали казаться кровавыя фигуры и головы, головы безъ конца... Отъ нихъ можно излѣчиться... А отъ этого — онъ ударилъ себя въ грудь — вылѣчиться нельзя. Это требуетъ искупленія...

„Какого?“ хотѣла я вскрикнуть и не могла.

— Мы прощаемся, Дима,—выговорилъ Николай, и руки его опустились, голова откинулась назадъ.

— Зачѣмъ прощаемся?—вымолвила я съ усиленіемъ.

— Ты не понимаешь? Поймешь! Я долженъ искупить. Я не въ силахъ, пойми же въ послѣдній разъ: не въ силахъ я выносить... Изстрадался! — протянулъ онъ жалобно.—А ты не понимаешь! — повторилъ онъ подавляющей нотой жалости и горечи.

— Уйди! Уйди!—чуть слышно вымолвилъ онъ.—Умоляю тебя. Я все сказалъ. И больше ни слова, ни звука... пока вытерплю.

И движеніе его руки показывало, что мое присутствіе тяжело для него, невыносимо.

Я поднялась.

XI.

Къ кому же мнѣ было идти, какъ не къ его адвокату? Такой тонкій человѣкъ, какъ Завацкій, не могъ не подмѣтить, въ то время, когда онъ бесѣдовалъ съ своимъ кліентомъ до суда, было ли на его совѣсти хоть что-нибудь, указывающее на то, что я выслушала отъ Николая.

Я была такъ нравственно измучена и потрясена, что не сразу могла совладать съ собою... Со мной сдѣлался припадокъ, кажется, первый въ моей жизни, по крайней мѣрѣ такой именно. Завацкій не растерялся... Онъ очень скоро привелъ меня въ чувство, усадилъ въ кресло и не позволилъ говорить до тѣхъ поръ, пока я хоть сколько-нибудь не успокоюсь.

И тутъ, когда мнѣ нужно было передать, какъ можно яснѣе и вѣрнѣе, то, что я услышала отъ Николая, я почувствовала приливъ душевныхъ силъ; слезы уже не мѣшали мнѣ; я не путалась въ словахъ и нѣкоторыя фразы Николая выговорила, точно я ихъ выучила наизусть. Это меня даже изумило.

Завацкій слушалъ, сидя около меня, съ низко опущенной головой, ни разу не остановилъ ни вопросомъ, ни замѣчаніемъ.

— Что это такое? — спросила я, докончивъ свой докладъ. — Есть ли въ этомъ хотя подобіе фактическаго сдержанія?

Онъ сначала подумалъ.

— Мнѣ, Авдотья Петровна, почти невозможно отвѣчать на вашъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту... Какъ происходило дѣло на дуэли — могли знать только секунданты и врачъ. И ихъ показанія значатся въ процессѣ — вы ихъ читали. Я ихъ помню если не дословно, то довольно хорошо.

— Тамъ ничего подобнаго нѣтъ.

Завацкій сжалъ губы и прищурился.

— Позвольте,—заговорилъ онъ, нѣсколько другимъ тономъ,—мнѣ вспомнилась фраза, гдѣ былъ какъ будто намекъ... Это—въ показаніи одного изъ секундантовъ Ивана Андреевича.

— Какой же это намекъ? Я не помню его. Вчера я ночью нѣсколько разъ перечитала отчетъ процесса, придиралась къ каждой фразѣ, и ничего не нашла.

— Говорю вамъ, это былъ одинъ легкій намекъ... Онъ могъ и не попасть въ отчетъ. Теперь я припоминаю, что у меня явилось даже опасеніе: не хочетъ ли свидѣтель поиграть на какой-нибудь инсинуаціи.

— Развѣ онъ что-нибудь подобное сказалъ?

— Нѣтъ, онъ намекнулъ только, что Иванъ Андреевичъ держалъ себя, какъ человѣкъ, не желавшій серьезнаго исхода.

— Это не такъ!—воскликнула я.— Въ сценѣ объясненія съ Николаемъ, какъ онъ велъ себя, выказалъ такую жесткость, такой эгоизмъ, наконецъ, онъ оскорбилъ Николая. Тому нельзя было не вызвать его. Дуэль была неизбежна.

— На нашъ съ вами взглядъ, — замѣтилъ Завацкій съ усмѣшкой.— Судъ посмотрѣлъ иначе: для него и для всѣхъ сторонниковъ вашего перваго мужа Иванъ Андреевичъ былъ жертва. У него отняли жену и явились къ нему требовать категорически, чтобы онъ отъ нея отказался по доброй волѣ. Если же идти дальше, то выходить такъ, что мужъ долженъ былъ, чтобы обезпечить вамъ выходъ замужъ, принять вину на себя.

— Ни я, ни Николай никогда этого не требовали.

— Я знаю, что не требовали, но я становлюсь въ настоящую минуту на почву обвиненія. Какъ вы съ Николаемъ Аркадьевичемъ вели себя? Правильный исходъ, какой представлялся, это—открытый бракъ. Будь у васъ другіе мотивы—и у васъ, и у него—тогда вы или пошли бы на тайную супружескую невѣрность, а онъ на такое же тайное или явное положеніе вашего возлюбленнаго, или же вы, безъ всякихъ объясненій съ мужемъ, ушли бы отъ него. Не правда ли?

— Но зачѣмъ намъ все это перебирать, Семенъ Семеновичъ?—почти закричала я.—Я хочу знать одно: было ли на самомъ дѣлѣ что-нибудь похожее на то, что выросло теперь въ глазахъ моего мужа въ нѣчто страшное, что сдѣлало его мученикомъ своей совѣсти?

— Повторяю опять, Авдотья Петровна: объективно засвидѣтельствовать это я не имѣю никакой возможности. Николай Аркадьевичъ говорилъ со мной, какъ со своимъ защитникомъ. Впрочемъ, вы припомните то, что я вамъ сообщалъ не такъ давно... То же повторю и теперь... Сначала въ немъ дѣйствовалъ аффектъ и не было никакого раздвоенія. Потомъ, въ залѣ суда и нѣсколько раньше,

начался какой-то процессъ самоуглубленія и, какъ я, кажется, тогда позволилъ себѣ назвать, самоковырянья.

— Но если такъ, то вѣдь это, можетъ-быть, не что иное, какъ результатъ постоянной работы мысли на одну тему.

И тутъ я ему призналась, что, вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ Кобрина наблюдаетъ Николая; привела ему и то, что она говорила о такъ-называемой *разсуждающей маніи*.

— И это возможно,—выговорилъ онъ значительно.—Но тутъ я опять-таки нахожусь въ пассивномъ положеніи. Мужа вашего я за послѣднее время совсѣмъ почти не видалъ... Разъ только встрѣтились съ нимъ на улицѣ. Мы остановились, перекинулись нѣсколькими словами. Онъ мнѣ показался и физически очень измѣнившимся: поху-дѣлъ, цвѣтъ лица нездоровый и даже во взглядѣ что-то тревожное. На мои вопросы онъ отвѣчалъ какъ-то уклончиво; вообще, если бъ я былъ обидчивѣе, я бы подумалъ, что онъ хочетъ отъ меня отдѣлаться.

— Вотъ видите!

— Да... но, дорогая Авдотья Петровна, пынче вѣдь словомъ *психопатія* нестерпимо злоупотребляютъ! Вѣроятно, и ваша пріятельница, госпожа Кобрина, какъ многіе психіатры, склонна каждаго произвести въ умалишенные? Вѣдь у специалистовъ есть также склонность къ тому, что ваша пріятельница называетъ *разсуждающей маніей*. Читали вы когда-нибудь „Записки доктора Крупова“?

— Нѣтъ, не читала.

— Остроумная пещь, и до сихъ поръ не потеряла своей соли. Кто-то мнѣ говорилъ, вернувшись изъ Италіи, что и знаменитый Ломброзо, сочинившій исторію о томъ, что гений и безуміе одно и то же, во всѣхъ талантливыхъ людяхъ подозрѣваетъ примѣсь умственной разстройственности и готовъ чуть не каждаго признать кандидатомъ или въ сумасшедшій домъ, или на каторгу...

— Ахъ, Завацкій,—перебила я,—оставимъ мы все это... я знаю, что вы очень умны и начитаны... Но развѣ вы не чувствуете, что въ моей жизни происходитъ что-то страшное? Вы видите, что я беспомощна, я теряюсь, я не вижу, какъ мнѣ возвратить прежняго Николая. Какъ я ни бьюсь—я не могу выйти изъ этой дилеммы: или Николай дѣлается душевнымъ больнымъ и намъ грозитъ его прав-ственная смерть, или же тутъ дѣйствительно страдающъ

совѣсти — и для меня, какъ для женщины, это едва ли еще не ужаснѣе!..

Завацкій посмотрѣлъ на меня пристально.

— Вы скажете, что это отвратительный эгоизмъ! — закричала я. — Пускай, дескать, онъ лучше сойдетъ съ ума, чѣмъ я его потеряю здороваго, но охладѣвшаго ко мнѣ?..

— Напротивъ, я васъ очень хорошо понимаю... для васъ, какъ для женщины, вторая вѣроятность альтернативы, пожалуй, еще ужаснѣе.

— Допустимъ, — продолжала я уже вся пылающая, — допустимъ, что въ немъ только работа совѣсти. Но я-то въ чемъ же виновата? А выходитъ какъ будто, что виновница я! Онъ мнѣ не сказалъ еще ни разу: „ты вовлекла меня въ постыдное дѣло“, но это я чувствую. И вся его послѣдняя исповѣдь... Онъ плакалъ, ломалъ руки, клеймилъ себя, точно послѣдняго злодѣя... А подъ этимъ я чуяла что-то другое...

— Что же еще, Авдотья Петровна? — остановилъ меня Завацкій. — Не впадайте и вы въ болѣзненный анализъ.

— Что — спрашиваете вы? Я вамъ не могу сейчасъ опредѣлить такъ, чтобы вы приняли это за что-нибудь серьезное, но я знаю, что оно такъ.

Тутъ я почувствовала, что нашъ разговоръ ушелъ въ сторону; вѣдь я прибѣжала къ Завацкому, ища совѣта и поддержки — и сама запуталась.

— Простите, Семенъ Семеновичъ, — сказала я уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ. — Я буду молчать. Говорите вы, дайте мнѣ какую-нибудь нить! Если бъ я бросилась не къ вамъ, а къ Кобриной — она, конечно бы, какъ специалистка, увидала во вчерашней сценѣ новый признакъ, подтверждающій ея діагнозъ. Но вы не согласны злоупотреблять словомъ психопатія. Вы знаете жизнь, вы умный человѣкъ, къ Николаю вы относитесь хорошо, спокойно; надѣюсь, и ко мнѣ такъ же.

Онъ взялъ меня за руку, пожалъ ее и сталъ глядѣть на меня ласково, но опять съ тѣмъ оттѣнкомъ неизбѣжной игривости, который мнѣ казался неумѣстнымъ въ такомъ умномъ человѣкѣ и въ подобную минуту.

— Авдотья Петровна, — заговорилъ онъ гораздо слабѣе и медленнѣе, — вы — настоящая женщина! Для васъ потеря чувства — самое высшее несчастье. Это тѣмъ сильнѣе, что вы долго, слишкомъ долго жили безъ любви. Какъ же вамъ теперь быть? Во всякомъ случаѣ — не осложнять ни-

чего. Мужъ вашъ находится теперь въ новомъ аффектѣ; онъ переживаетъ пароксизмъ раскаянія, годъ спустя послѣ того, какъ его пуля смертельно ранила его соперника. Съ русскими натурами все возможно. Спросите вы самое себя, какъ слѣдуетъ, строго: что для васъ страшнѣе — то ли, что онъ дѣйствительно, какъ онъ называетъ, умышленно убилъ своего великодушнаго соперника, или то, что вы лишаетесь его любви? Развѣ второе для васъ не страшнѣе?

— Страшнѣе, — прошептала я.

— Вотъ видите. Такъ оно и должно быть въ каждой настоящей женщинѣ. Я это говорю безъ всякаго Сеничкина яда, — сказалъ Завацкій, засмѣявшись своимъ короткимъ, непріятнымъ для меня смѣхомъ. — Онъ — убійца? Разумѣется, если смотрѣть на это прямолинейно, евангельски. Да и какъ могло быть иначе? Если онъ тогда страстно любилъ васъ, желалъ вами обладать — ему нужно было, во что бы то ни стало, устранить мужа. Предположимъ даже, что Иванъ Андреевичъ повеликодушничалъ такъ очевидно, что нельзя было его противнику не замѣтить этого. Даже самое это великодушіе могло только вызвать въ немъ лишній импульсъ гнѣва. Онъ могъ почувствовать въ этомъ желаніе показать ему, что онъ не стоить даже выстрѣла. Такъ, вѣроятно, и было, и только теперь, по прошествіи года, вдавшись въ процессъ самоанализа, онъ оцѣниваетъ это иначе, и, конечно, никому — ни вамъ, ни мнѣ, ни вашей пріятельницѣ-психиатру — не удастся разубѣдить его въ этомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не переживетъ того, что въ немъ происходитъ.

— Вы правы, — проронила я.

— Предположимъ даже, что онъ завтра, или чрезъ полгода, или черезъ годъ, совершитъ настоящее уголовное преступленіе — зарѣжетъ кого-нибудь или застрѣлитъ, въ припадкѣ запальчивости или изъ мести. Придумайте сами какой угодно случай. Вѣдь вы раздѣлите его судьбу навѣрно. Для всѣхъ онъ будетъ преступникъ, а для васъ — нѣтъ, особенно если этотъ преступникъ любитъ васъ. Даже если бъ онъ теперь сдѣлался дѣйствительно убійцей — вы все-таки пойдете за нимъ, хотя и чувствуете, что онъ уже не тотъ, что прежде, пойдете потому, что страсть въ васъ не перегорѣла.

— Но какъ же мнѣ поступать? На что мнѣ надѣяться?

— Надо переждать, Авдотья Петровна, берегите себя, —

онъ опять взялъ меня за руку,—подумайте; передъ вами еще долгая жизнь, вы молоды...

„Красивы“,—прибавила я мысленно.

— Не тратьтесь такъ на всѣ эти волненія. Вы въ первомъ замужествѣ жили безъ любви... Теперь вы опять въ одиночествѣ. Если ужъ не удастся вамъ вернуть къ себѣ прежняго Николая Аркадьевича—изъ-за чего же вамъ-то хирѣть и увядать?

Взглядъ Завацкаго досказывалъ остальное. Я отдернула руку. Мнѣ было горько за всю эту ненужную консультацию. Но я воздержалась отъ всякаго рѣзкаго слова.

— И это все?—спросила я.

— Нѣтъ, не все. Если ваша пріятельница права и въ Николаѣ Аркадьевичѣ начинается серьезный психопатическій процессъ, тогда дѣйствуйте въ его же интересахъ. Выздоровѣетъ онъ—верните его къ себѣ... а нѣтъ—помиритеcь съ этимъ, какъ всѣ мы должны помириться со смертію, и не убивайте себя понапрасну, а сохраните въ себѣ способность отдаваться чувству, не обрекайте себя на ненужное мученичество.

И опять выраженіе его глазъ досказало остальное.

XII.

Протянулось болѣе недѣли затишья. Николай какъ будто пришелъ въ себя и сталъ одумываться. Никакихъ выходокъ, никакихъ обличеній самого себя. За обѣдомъ ровный разговоръ въ мягкомъ тонѣ. Какъ будто даже онъ самъ усиленно избѣгаетъ всего, что можетъ дать ему поводъ обличать себя.

И я стала надѣяться. Съ каждымъ днемъ росла во мнѣ потребность ласки; меня все сильнѣе влекло къ нему. Не скрываю: влекло, какъ влюбленную женщину. Мое одиночество глодало меня. Каждую ночь я прислушивалась—спитъ онъ или нѣтъ. Вотъ онъ придетъ, и протянетъ ко мнѣ руки, и возьметъ меня. И мы оба все забудемъ вмигъ: его вольное и невольное безуміе. Пойдетъ та жизнь, которая, какъ лучезарная звѣзда, манила меня съ той минуты, когда я впервые сказала ему, что люблю его.

Но онъ не шелъ. Это было сильнѣе меня. Я сама пошла къ нему. Онъ уже заснулъ. Я разбудила его, бросилась на колѣни у его изголовья, обвила его шею руками и стала цѣловать... Я не могла ничего говорить, вся дрожала, и только отрывистые звуки вылетали изъ гортани, не

то вздохи, не то рыданія. Въ головѣ у меня совсѣмъ помутилось.

Отрезвленіе было быстрое. Когда я пришла въ себя—я сидѣла у его ногъ, съ такимъ чувствомъ, точно меня въ чемъ-то позорномъ уличили и оттолкнули.

Лица Николая я не видѣла. Опъ не зажегъ свѣчи. Только голосъ его доходилъ до меня, его переливы и раскаты разносились надо мною и хлестали меня, какъ презрѣнную блудницу.

— Не могу я, не могу! — говорилъ Николай сначала задыхающимся голосомъ. — Не могу я отвѣчать на твои ласки, Дима! Мнѣ гадко и страшно за тебя, за насъ обоихъ.

— Не надо, не надо мнѣ твоихъ окриковъ!

Въ первую минуту я была еще въ силахъ выговорить это.

— Я не того хочу! Приди въ себя, дай мнѣ хоть проблескъ счастья! За что же отталкивать меня, точно я самая послѣдняя развратница?..

Губы мои вздрагивали, и я не могла докончить.

Николай приподнялся и порывистымъ движеніемъ приблизилъ ко мнѣ голову. Я чувствовала, какъ все его тѣло поводило нервные подергиванья.

— Такъ что же такое, — гнѣвно и громко вскричалъ онъ, — я-то для тебя? Ты, стало-быть, забыла то, что вотъ въ этой самой комнатѣ, не больше, какъ десять дней назадъ, я говорилъ тебѣ? Что же это комедія была, выдумка, рисовка? Или я душевно больной? Такимъ, вѣроятно, твоя ученая пріятельница меня и считаетъ. Ты думаешь, я не замѣчалъ ничего? Прекрасно все понялъ и сообразилъ: она предавалась исподтишка наблюденіямъ надъ психіатрическимъ субъектомъ. На здоровье! Но если я сумасшедшій, то твое поведеніе еще ужаснѣе. Ты пришла зачѣмъ? Разбудить чувственный инстинктъ въ сумасшедшемъ? Вѣдь это чудовищно!

— Я не считаю тебя такимъ, — чуть слышно промолвила я.

— Не считаешь? Тогда что же выходитъ? Пойми, какая пропасть между вами и нами. Ты выслушала мою исповѣдь. Если ты не считаешь меня помѣшаннымъ, то не имѣешь и никакого права смотрѣть на то, въ чемъ я безповоротно убѣжденъ, какъ на пустую выдумку. Ты слышишь: я называю себя добровольнымъ и зlostнымъ

убійцей твоего перваго мужа, и никакіе психіатры, никакіе франты-адвокаты, никакія соблазнительницы въ мірѣ не разубѣдятъ меня въ этомъ, и пока голосъ моей совѣсти не замеръ—онъ сильнѣе всего остального.

— Все это лишнее! — растерянно выговорила я. — Ты самъ хочешь убить въ себѣ всякое чувство къ той, которая отдалась тебѣ вся... беззавѣтно...

— Молчи!—глухо вскрикнулъ онъ.—Ради Бога, молчи! Не выставляй своей души въ такомъ цинически обнаженномъ видѣ... И выходитъ, что я не ошибался, и ты—какъ и всѣ остальные женщины. Для васъ выше всего—выше Бога, чести, правды, идеи—инстинктъ!..

— Я люблю тебя, Николай!—почти съ воплемъ вырвалось у меня.—Люблю! Люблю! Не клевети, не оскорбляй! Ты мнѣ дорогъ, вся твоя душа... все твое!

— Что же дорого-то во мнѣ? Тѣло мое? Черты лица? Носъ, глаза, ростъ, все сложеніе? Твой первый мужъ былъ гораздо красивѣе меня. Стало-быть, душа, какъ ты говоришь? Что же это такое душа? Вѣдь она изъ чего-нибудь состоитъ, а? Изъ какихъ-нибудь свойствъ? Ты вообразила себѣ, что встрѣтила избранную натуру, человѣка съ высокой душой, а вышло, что онъ самый заурядный себялюбецъ и хищникъ, и только дожидался случая показать, на что онъ способенъ. Дима! Ты слышала мою исповѣдь. Второй разъ я ее повторять не стану. Теперь не обо мнѣ рѣчь идетъ, а о тебѣ. Неужели ты—разъ моя исповѣдь не бредъ сумасшедшаго—неужели ты сама не почувствовала такой боли, такого потрясенія, при которыхъ любовной страсти нѣтъ больше мѣста? Но зачѣмъ я спрашиваю? У меня налицо голая правда. Ты сама себя выдала. Такъ и должно быть для всякой истинной женщины! Сколько разъ, читая отчеты объ уголовныхъ процессахъ вездѣ, и за границей, и у насъ, я чувствовалъ, до какой степени для женщины безразлично: кто ее любить и кого она любить. Злодѣй или закоренѣлый мошенникъ возбуждаетъ во всѣхъ отвращеніе вплоть до сыщиковъ, а она готова жизнь свою положить за него! И силошь и рядомъ онъ ее билъ, торговалъ ею, всячески унижалъ... И—ничего, все забыто!.. Этотъ злодѣй, этотъ мошенникъ будетъ ея кумиромъ до тѣхъ поръ, пока въ ней говоритъ инстинктъ.

Эти слова Николая были точно страшнымъ откликомъ того, что я слышала на-дняхъ отъ его защитника.

— И ты, какъ другія! Ни одного проблеска совѣсти... Я далъ тебѣ время, я ждалъ. Въ эти десять дней ты могла придти къ какому-нибудь выводу... А ты даже не старалась меня разубѣдить. Для тебя что было, то прошло! Для тебя моя исповѣдь—мужская блажь, лишнее доказательство того, что мужчины не умѣютъ любить.

— Не умѣютъ!—повторила я.

— Ну, да! А вы умѣете! Вотъ это-то ваше умѣнье и мрачить нашу совѣсть.

Николай произнесъ послѣднія слова ослабѣвшимъ голосомъ и упалъ головой на подушку.

— Довольно!—чуть слышно выговорилъ онъ.

И отъ этихъ прерывающихся звуковъ я вздрагивала сильнѣе, чѣмъ отъ раскатовъ его голоса.

— Мнѣ тяжело, прошу, оставь меня. Намъ не о чемъ больше говорить, не унижая себя. Еще одинъ шагъ, и ты совсѣмъ пропадешь въ собственныхъ глазахъ. Убийца, какимъ я себя считаю, не можетъ быть твоимъ возлюбленнымъ.

Онъ повернулся головой къ спинкѣ дивана и смолкъ. Это былъ мой приговоръ. Я сидѣла, какъ истуканъ. Никакого слова больше не находила я въ себѣ. Меня убивала моя жалкая безпомощность, какъ женщины, еще не такъ давно любимой этимъ самымъ человекомъ.

Чего же легче было—броситься къ нему, дать ходъ чувству, которое клокотало во мнѣ, когда я проникла къ нему въ кабинетъ? Но это было бесполезно. Николай правъ: какъ бы женщина ни отдавалась своему чувству—есть предѣлъ для всего. Къ чему идти на новый стыдъ, на лишнее посрамленіе?

Рыдать, цѣловать его ноги, умолять... о чемъ? Чтобы онъ мнѣ, какъ милостыню, кинулъ ласку?

Такъ я просидѣла... сколько времени—не могу сказать. Я вся захолодѣла и на щекахъ чувствовала свѣжесть застывающихъ слезъ. Какъ пьяная, пошатываясь, добралась я до моей спальни и повалилась на постель.

Припадка не было, ни истерики, ни обморока. Напротивъ, черезъ нѣсколько минутъ голова стала страшно ясной—должно-быть, такъ бываетъ съ тѣми, кто выслушиваетъ смертный приговоръ. Послѣ самыхъ тяжелыхъ терзаній души все проясняется и смотришь безстрастно на свою судьбу. Приговорили васъ къ смертной казни, и вы тутъ только въ силахъ обсудить: стоить ли вамъ еще на-

дѣяться на что-нибудь, подавать просьбу объ отпѣнѣ приговора или о помилованіи. Позднѣе, быть-можетъ, жажда жизни возьметъ верхъ, и осужденный оттягиваетъ приближеніе рокового дня; но въ эту минуту у него нѣтъ никакихъ иллюзій и пустыхъ тревогъ.

Почти то же испытала и я, лежа съ открытыми глазами на моей засвѣжѣвшей постели.

Приговоръ произнесенъ и скоро будетъ казнь. Въ какой формѣ—я не знаю, да это и безразлично! Онъ не вернется ко мнѣ. Что онъ съ собою сдѣлаетъ—тоже не знаю. Фактически—что же онъ можетъ съ собою сдѣлать для искупленія того, что онъ считаетъ своимъ злодѣйствомъ? Вѣдь это не простое уголовное преступленіе. Пошелъ бы онъ къ прокурору и заявилъ, что убійца — онъ. Что же бы тогда было? И тогда дали бы какой-нибудь ходъ дѣлу только въ томъ случаѣ, если бъ за него пострадалъ другой; а иначе не все ли равно? Наконецъ, если бъ даже онъ убилъ моего перваго мужа, придя къ нему въ кабинетъ, или изъ-за угла, на прогулкѣ, на лѣстницѣ? Присяжные могли бы его оправдать... И тогда, сколько онъ ни кайся, все-таки его никуда бы не сослали! А тутъ и подавно. Завадкому вспомнилось про какой-то намекъ одного изъ секундентовъ. Призовите этого секунданта, допросите его теперь: навѣрно онъ дастъ уклончивый отвѣтъ. Наконецъ, это могло ему только показаться. Грозный судья Николая — его собственная совѣсть, и ничего больше...

Вотъ совершенно такъ разсуждала я, лежа съ открытыми глазами... И никогда еще я такъ связано и послѣдовательно не думала на такія чисто-мужскія темы.

Да, что онъ съ собою сдѣлаетъ—я не знаю. Но онъ для меня погибъ... И я предметъ его если не ненависти, то уничтожающей жалости, какъ существо съ такой низменной душевной жизнью!..

Можетъ-быть, онъ мнѣ предложить разойтись мирно, безъ новыхъ раздражительныхъ сценъ. Разойтись—какъ? Въ его теперешнемъ настроеніи онъ не разведется... Для этого надо продѣлывать многое, на что онъ ни подъ какимъ видомъ не пойдеть. Онъ не возьметъ на себя вины въ вымышленномъ нарушеніи супружеской вѣрности... не позволить и мнѣ взять на себя того же.

Да и зачѣмъ мнѣ свобода? Чтобы опять, полюбивъ кого-нибудь, налагать на себя узы? Любовь точно подстерегла

меня изъ-за угла и предательски бросила въ какую-то яму, откуда нельзя выбраться на Божій свѣтъ. Полюбишь—и опять вырастетъ передъ тобой и любимымъ человекомъ стѣна, опять скажется та глубокая рознь между нами и ими, о какой я никогда прежде не думала.

Гдѣ же мое счастье? Когда оно было? Въ короткія минуты самообмана? Вѣдь если вѣрить Николаю—одинъ инстинктъ говорилъ въ насъ...

И новая любовь, будь она мыслима для меня, уже не спасетъ отъ раздвоенія... Душа моя, быть-можетъ, навѣкъ отравлена...

Что же мнѣ дѣлать? Чего ждать? Ждать исхода пассивно. Я жалка и безпомощна, какъ женщина. Не могу я ничего сдѣлать и для Николая. Мнѣ надо быть приготовленной ко всему...

XIII.

Подкралась весна, а мы все еще въ городѣ. Въ моемъ теперешнемъ настроеніи я ни о чемъ не могла хорошенько подумать. На дворѣ май, а дачи у насъ нѣтъ. Я даже не знаю, гдѣ и какъ проведемъ мы лѣто. Каюсь, это моя оплошность. Но теперь развѣ не все равно? Меня преслѣдуетъ увѣренность въ томъ, что не нынче—завтра должно что-то случиться.

Я было заговорила съ Николаемъ о дачѣ... Еще не поздно, можно было бы найти гдѣ-нибудь не въ очень бойкихъ мѣстахъ. Онъ сказалъ, что ѣзда каждый день въ городъ для него несносна.

— По крайней мѣрѣ, поѣхать хоть на море, въ Выборгъ или въ Либаву, попозднѣе, въ іюль. Можешь ли ты получить отпускъ?—спросила я его.

— Не знаю... не думаю...

Кобрина поселилась въ Павловскѣ и приглашала меня навѣстить ее. Я сейчасъ же поѣхала. Мы съ ней не видѣлись около двухъ недѣль. Она еще не знала, что было между мною и Николаемъ въ послѣдніе дни.

День выдался прелестный. Я поѣхала послѣ завтрака. По дорогѣ все уже зеленѣло и такъ вольно дышалось. Я сидѣла въ отдѣленіи вагона одна. И такая заговорила во мнѣ потребность сбросить съ себя мое нестерпимое душевное состояніе! Сколько времени я не слыхала живого, веселаго разговора, сколько времени не смѣялась.

Поѣхала я, зная, что придется опять говорить о томъ же, разбереживать свою рану...

Въ Царскомъ вошло ко мнѣ цѣлое общество: нарядныя молодыя женщины и двое военныхъ. Всѣ они разомъ болтали, смѣялись; видно было, какъ имъ радостно жилось въ ту минуту... Игривыя мины, влюбленные взгляды, молодой, задорный, беззаботный смѣхъ—все это такъ и мелькало передо мной, такъ и искрилось. Переѣздъ прошелъ мгновенно.

Я предупредила Кобрину депешей, и она встрѣтила меня на вокзалѣ очень нарядная, вся въ бантахъ и прошивкахъ; на огромной соломенной шляпѣ цѣлый цвѣтникъ; въ глазахъ игра женщины, не только довольной своимъ положеніемъ, но и живущей во всю... Мы это сейчасъ чувствуемъ.

„Навѣрно у ней начинается романъ“,—подумала я, пожимая ей руку.

Это былъ тотъ часъ, когда на площадѣ въ кіоскѣ играетъ военный оркестръ музыки,—часъ дѣтей, гувернантокъ и нянекъ. Вся площадка была весело освѣщена солнцемъ. Инструменты солдатъ ярко блестѣли. Играли такую же веселую польку. Группы дѣтей пестрѣли тамъ и сямъ: розовый, красный, голубой, желтый цвѣта переливали на солнцѣ.

— Не правда ли, какъ у насъ хорошо? — спросила Кобрина.—Хочешь ты остаться въ паркѣ или мы пойдемъ прямо ко мнѣ?

— Погуляемъ.

Когда мы перешли мостикъ и стали пересѣкать луговину по направленію ко дворцу, Кобрина, взглянувъ на меня, остановилась.

— Навѣрное есть что-нибудь новое... съ твоимъ мужемъ?

— Да, только не будемъ объ этомъ сейчасъ же говорить.

— Разумѣется. Ты слишкомъ ушла сама въ роль несчастной жены. Страхни съ себя это, милая! Que diable! Надо же немножко и о себѣ подумать! Ты, такая молодая, красивая, смотри, на что ты похожа. Между нами говоря, на моихъ глазахъ ты постарѣла на нѣсколько лѣтъ. И совсѣмъ не занимаешься собою! — Она оглядѣла мой туалетъ.—Если бъ кто-нибудь сейчасъ прошелъ и его спросить: кто изъ насъ просто свѣтская женщина и кто

работникъ-специалистъ, женщина-врачъ въ русскомъ вкусѣ,—прибавила она со смѣхомъ,—ужь, конечно, не меня примутъ за врача.

Мы спустились къ рѣчкѣ и тамъ присѣли на скамейку въ тѣни.

И тутъ опять меня охватило чувство приближенія чего-то рокового.

— Я бы и рада,—сказала я Кобриной,—уйти куда-нибудь... отдаться другимъ впечатлѣнiямъ, но я безсильна, я боюсь...

— Что Николай Аркадьевичъ кончитъ серьезнымъ душевнымъ разстройствомъ?—спросила Кобрина уже тономъ психіатра.

— Что онъ произнесетъ самъ себѣ приговоръ.

— Въ какомъ смыслѣ? Съ собой покончить? Не надо его допускать. Если у тебя есть факты, показывающіе, что онъ близокъ къ такому исходу, слѣдуетъ принять энергическія мѣры. Что же ты не начинаешь дѣйствовать? Чего же ты ждешь? Вѣдь съ такимъ больнымъ надо Osborne принять. Это не то, что острая болѣзнь, которая свалитъ тебѣ человѣка. Тутъ слѣдуетъ поступать осторожно, но энергично. Милая моя Дима! Я тебѣ ничего не навязываю, если ты недостаточно довѣряешь мнѣ. Желаетъ, я обращусь къ хорошему консультанту по моей специальности? Боишься ты приготовить твоего мужа—поручи это мнѣ: я сумѣю обойтись съ нимъ, какъ слѣдуетъ... какъ указываетъ мнѣ долгъ врача и требованія науки,—прибавила она опять тономъ парижской *conférencière*.

— Сказать тебѣ всю правду?

— Сдѣлай одолженіе.

— Я не считаю его настоящимъ душевно-больнымъ.

— Та-та-та! Это ужь ты предоставь намъ. Настоящій — не настоящій, но онъ на прямой дорогѣ къ чему-нибудь весьма опредѣленному. Всего вѣроятнѣе,—сказала она, сдвинувъ немного свои слегка подведенныя брови,—тутъ готовится просто-напросто: *pejné*.

— Что это такое значитъ? Я не понимаю.

— Извини, это я по студенческой парижской привычкѣ. Мы такъ называемъ болѣзнь, конечно, тебѣ извѣстную. По-русски слѣдовало бы сказать: *пенѣ*...

— Оставимъ мы эту игру словъ,—перебила я ее.

Мнѣ стало слишкомъ жутко.

— Не нервничай, моя милая Дима, — успокоительно

протянула Кобрина.—А то я тебя начну серьезно лѣчить. Что же дѣлать, есть болѣзни; мы, врачи, ихъ не выдумываемъ. Въ нашей практикѣ эта болѣзнь теперь самая частая. Это—прогрессивный параличъ. По-французски она называется *paralysie générale*, вотъ почему и говорить: *pégé*.

— И у тебя есть основаніе думать, что Николай...

— Не утверждаю положительно, но это очень, очень вѣроятно. А если оно такъ, то врядъ ли тебѣ нужно бояться за то, что онъ покончить съ собою самъ... За періодомъ подавленности можетъ явиться періодъ большого возбужденія и даже непременно настанетъ, если у него дѣйствительно эта болѣзнь. Тогда онъ покажется тебѣ совершенно возрожденнымъ. Явится необычайная бойкость, пылъ... въ томъ числѣ и любовный пылъ...

Она остановилась на нѣсколько секундъ и продолжала:

— А можетъ быть такой періодъ возбужденія и покончился уже... и вотъ въ этотъ-то періодъ и могла произойти ваша любовная исторія.

— Какъ?—спросила я и вся задрожала. — То, что рѣшило мою судьбу, что мнѣ открыло новую жизнь, было не что иное, какъ начало неизлѣчимой нервной болѣзни?

Я готова была разрыдаться, но сдѣлала надъ собою усиліе.

— Милая моя, я не утверждаю это, но это допустимо... Наука не шутитъ, у ней есть свои итоги; періодъ возбужденія долженъ быть въ исторіи этой болѣзни. Тогда, глядя по натурѣ и способностямъ, можетъ быть и любовная страсть, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто похожее на нее, и развѣзды, и проекты, а у людей съ талантомъ усиленная творческая работа... Это буки-азъ-ба... *Chaque savant sait ça!* Но во всякомъ случаѣ надо принимать мѣры. Подобное несчастье можетъ всегда случиться... Такъ неужели изъ того, что твой мужъ дѣйствительно заболѣлъ прогрессивнымъ параличомъ, ты-то сама должна обречать себя на двойную каторгу? Встряхнись!

— Но пойми, — вскричала я, — что Николай для меня—все!

— А если бъ онъ смертельно заболѣлъ и умеръ?—сказала Кобрина. — Одно изъ двухъ: или ты бы умерла съ горя, или ты пережила бы эту потерю... *Et tu aurais pris ta part de vie... et de jouissances*,—прибавила она, вкусно выговаривая послѣднее слово.

Эта женщина не можетъ меня понимать; у ней слиш-

комъ много разсудительности и здороваго себялюбія. Она можетъ только мнѣ оказать содѣйствіе, какъ умный врачъ-специалистъ. Какъ показать ей силу и глубину моей безъисходной бѣды?..

— Полно, Дима, — начала Кобрина другимъ тономъ, и лицо ея приняло опять то выраженіе, съ какимъ она меня встрѣтила на вокзалѣ. — Я имѣю право, и какъ пріятельница твоя, и какъ врачъ, запретить тебѣ такіе разговоры. Если ты согласна дѣйствовать, я къ твоимъ услугамъ, а пока поживемъ хоть немножко сами по себѣ... Ты пріѣхала подышать воздухомъ, погулять, видѣть вокругъ себя жизнь, веселыя лица... И знаешь, что я тебѣ скажу, — она прищурилась, — у меня здѣсь пріятный сосѣдъ. Мы съ нимъ очень скоро подружились... Отгадай кто?

— Право, не умѣю.

— Завацкій, тотъ самый Завацкій, про котораго ты мнѣ какъ-то говорила... защитникъ твоего мужа. *C'est un homme très bien!* — протянула она, совсѣмъ какъ выговариваютъ это слово французенки. — Умница, понимаетъ жизнь, много видѣлъ... во всемъ такой вкусъ. Умѣетъ цѣнить въ женщинѣ все, что въ ней есть выдающагося.

„Такъ и есть, — подумала я, — у нихъ начинается любовная игра, а можетъ-быть, они уже и совсѣмъ близки“.

— Онъ знаетъ, что ты пріѣдешь, — продолжала такъ же оживленно Кобрина, — и я, на всякій случай, сказала ему, что въ началѣ пятаго онъ можетъ насъ застать на фермѣ. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?

— Нѣтъ, я должна вернуться.

— Полно, пошли депешу. Право, это лучше! Вы слишкомъ много вмѣстѣ... Наконецъ, если ужъ тебя такъ потянетъ домой, ты успѣешь. Идемъ.

На фермѣ мы не ждали Завацкаго больше десяти минутъ. Онъ явился немного запыхавшійся, такой розовый, свѣжій, сіяющій. По ихъ взглядамъ и тону сейчасъ же можно было почувствовать уже большую интимность. И онъ, и она отлично подходятъ другъ къ другу. Врядъ ли они кончатъ бракомъ. Да имъ и не нужно: они слишкомъ дорожатъ свободой и умѣютъ брать изъ жизни все самое доступное. Завацкій держался со мной въ ея присутствіи какъ преданный другъ дома, съ такимъ оттѣнкомъ, какъ будто я, какъ женщина, для него никогда не существовала. Это меня нисколько не задѣвало и даже не смѣшило. Все это чрезвычайно поцѣпно: такой виверъ и лю-

битель женщинъ не станетъ тратить своего ума и ловкости, разъ онъ увидѣлъ, что женщина, которая могла бы ему нравиться, такъ поглощена своей нелѣпой любовью къ законному мужу.

— Такъ, стало-быть, вы не переѣдете на дачу?—спросилъ меня Завацкій.—И вашему мужу ничего—заставлять васъ оставаться въ городской духотѣ?

— Она будетъ къ намъ часто ѣздить, — отвѣтила за меня Кобрина.

— И прекрасно!—вскричалъ онъ.— Мы въ васъ поднимаемъ тонъ жизнерадостности, дорогая Авдотья Петровна. Зачѣмъ же вамъ себя изводить?

— Je me tue à le lui démontrer! — дурачливо выговорила Кобрина.

— Пускай супругъ, — продолжалъ Завацкій въ томъ же тонѣ, — чувствуетъ почаще сладость одиночества. Самое лучшее средство—отнять у него возможность предаваться своему самоанализу вслухъ, дѣлать васъ подневольной наперсницей своихъ болѣзненныхъ изліяній.

Я ничего не возразила, но мнѣ очень скоро стало тяжело съ ними. Какъ бы я на нихъ ни смотрѣла, но они все-таки переживали минуты взаимнаго влеченія, и я была тутъ лишняя. Чѣмъ скорѣе я удалюсь, тѣмъ имъ будетъ привольнѣе. Они отправятся туда, гдѣ имъ никто не будетъ мѣшать, будутъ цѣловаться, тѣшить другъ друга своимъ умомъ, острыми шутками, взаимной лестью.

Вмѣсто облегченія, я получила новый и неожиданный ударъ. Тоска душевнаго одиночества разлилась по мнѣ, а впереди—что-то неизбѣжное, точно зіяющая пропасть.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже заторопилась и просила ихъ не провожать меня на желѣзную дорогу.

XIV.

— Кто тамъ?—испуганно окликнула я.

Это было въ моей спальнѣ. Я засидѣлась съ книгой. Сна у меня не было, я знала, что не засну раньше разсвѣта. Наступили бѣлыя ночи, и онѣ еще сильнѣе подерживали мою бессонницу. Вошелъ Николай, одѣтый, но въ туфляхъ, очень блѣдный. Выраженіе лица—небывалое: какое-то особое, спокойное, на губахъ тихая, жуткая улыбка, глаза вспыхиваютъ лихорадочно.

— Ты еще не спишь?—спросила я, откладывая книгу на столикъ.

— Вѣдь и у тебя нѣтъ сна, — сказалъ онъ такъ же странно - спокойно, какъ странно было выраженіе его лица. — У меня, ты знаешь, убійственный слухъ; я слышалъ, какъ ты перелистываешь листы.

Тутъ только я замѣтила, что у него въ лѣвой рукѣ книга въ переплетѣ, довольно старомъ, и еще тетрадь. Тотчасъ же узнала я въ этой тетради, переплетенной въ сафьянъ, съ замочкомъ, ненавистный мнѣ дневникъ.

— У насъ обоихъ нѣтъ сна, Дима, — продолжалъ онъ все такъ же спокойно и какъ бы чуточку сладковатымъ тономъ. — Минута самая благопріятная.

— Для чего? — порывисто спросила я.

— Вотъ ты сейчасъ узнаешь для чего. Зачѣмъ торопиться...

Онъ пододвинулъ низкое кресло и сѣлъ въ него, въ позѣ человѣка, собирающагося что-то такое читать или рассказывать... Сафьянную тетрадь съ замочкомъ отложилъ онъ на тотъ столикъ, гдѣ стояла свѣча подъ абу-журомъ.

А книгу взялъ и сначала положилъ на колѣни. Сидѣлъ онъ немного согнувшись, но въ позѣ не напряженной, покойной.

Въ комнатѣ бѣловатый свѣтъ съ приближеніемъ заридѣлалъ пламя свѣчи чуть замѣтнымъ. Мнѣ эта двойственность освѣщенія сдѣлалась какъ-то жуткой, и я погасила свѣчу. Я не хотѣла малодушно настраивать себя и не могла воздержаться отъ внутренней дрожи. Голова моя, ясная, даже заходоѣлая, подсказывала мнѣ, что этотъ приходъ не проста, что я услышу и увижу что-нибудь дѣйствительно роковое... и послѣднее. Есть такія минуты ясновидѣнія. Все, что произойдетъ, — только подробности того, въ чемъ вы уже впередъ увѣрены.

— Дима, — началъ онъ, приподнявъ слегка голову и глядя на меня вбокъ, — ты, сколько мнѣ извѣстно, философскихъ книжекъ не читала?

Вопросъ былъ странный, совершенно неумѣстный, его можно было счесть за выходку помѣшаннаго, но я не подозрѣвала въ немъ безумія.

Слишкомъ твердъ и разуменъ былъ самый звукъ этихъ въ сущности незначительныхъ словъ.

— Читала кое-что... Давно уже, еще дѣвушкой, когда мы въ выпускномъ классѣ увлекались именами англійскихъ писателей: Льюиса, Герберта Спенсера... Больше

именами. Но кое-что я помню изъ „Физиологіи обыденной жизни“, изъ статей Спенсера; мнѣ теперь припомнилось, что всего раньше по-русски появился переводъ его статей изданія Тиблена... Кажется такъ?

Я сама чувствовала, что готова разговориться, начать припоминать, что именно я знаю... затѣмъ только, чтобы что-то оттянуть, продлить, и въ то же время сознавала бесполезность такой уловки.

— Тѣ англичане,—отвѣтилъ мнѣ Николай, поведя правымъ плечомъ по своей привычкѣ,—мало занимались душой... Это представители такъ-называемаго здраваго смысла... увѣренные въ себѣ позитивисты. А другихъ, старыхъ, очень старыхъ мудрецовъ, ты, конечно, не читала?

— Не помню... врядъ ли... кое-что осталось, конечно, въ памяти... имена...

— Какія же, на примѣръ?

Я засмѣялась, и этотъ смѣхъ отдался у меня внутри, какъ что-то глубоко-малодушное... Этотъ смѣхъ былъ похожъ на свистъ труса, который пробирается по темному переулку и дрожитъ какъ бы кто на него не напалъ изъ-за угла.

— Ты меня экзаменуешь, Николя? — выговорила я поллуштуливо.

— Экзаменъ не страшенъ, Дима. Я тебѣ самъ помогу. Конечно, слыхала про древнихъ философовъ?..

— Разумѣется! Не такая же я ничегонезнайка. Кому же неизвѣстно, кто былъ... ну хоть Сократъ, Платонъ...

Николай схватилъ меня за руку и въ этомъ прикосновеніи его свѣжей, почти холодной руки было что-то не передаваемое словами. Такія движенія бываютъ только въ самыя высшія минуты, переживаемыя человѣкомъ.

— Сократъ! Платонъ!—повторилъ Николай.—Какъ это хорошо, что ты сама вспомнила ихъ первыхъ... Во всемъ есть судьба,—какъ бы про себя сказалъ онъ.

И вслѣдъ за тѣмъ онъ развернулъ книгу въ потертомъ переплетѣ большого формата.

— Вотъ видишь, Дима, этотъ томъ—русскій переводъ сочиненій какъ разъ одного изъ этихъ двухъ мудрецовъ. Другой самъ ничего не писалъ при жизни...

— Сократъ?—спросила я.

— Ты и это знаешь! Его ученики записывали то, чему онъ училъ устно. Самый гениальный ученикъ его былъ Платонъ.

Мы никогда не говорили такъ съ Николаемъ и на подобныя темы. Прежде, когда мы сближались, было у насъ не мало разговоровъ о разныхъ вопросахъ женской жизни... нерѣдко о романахъ, о какой-нибудь умной критической статьѣ; почти всегда мы оба волновались, перебивали другъ друга или онъ произносилъ длинные, горячіе монологи. Теперь это было что-то совсѣмъ особенное... Я готова была поддерживать эту странную бесѣду до безконечности, только бы отдалить неизбѣжную минуту...

— Припомни,—продолжалъ Николай,—за что и какъ умеръ Сократъ?

Я обрадовалась такому вопросу и, точно бывало въ гимназіи, духомъ отвѣтила ему:

— Его обвинили въ невѣріи и осудили на смерть; онъ долженъ былъ выпить ядъ... цикуту,—прибавила я, обрадовавшись и тому, что вспомнила, что именно выпилъ Сократъ.

— Совершенно вѣрно; и вотъ у Платона есть чудесная защита своего великаго учителя... Она такъ и называется „Апология Сократа“. Я ее перечитываю каждый день... въ послѣднее время,—прибавилъ онъ,—я прошу тебя прочесть ее хоть одинъ разъ, но такъ, какъ читаютъ предсмертное слово самаго дорогого человѣка.

„Начинается!“—совсѣмъ захолодѣвъ, вскричала я мысленно.

А лицо Николая, совсѣмъ поднявшаго голову, было не только спокойно, но какъ-то торжественно; что-то въ родѣ умиленія виднѣлось въ его глазахъ. Это выраженіе можно было опять-таки признать за безуміе; но меня страшило не безуміе, а что-то другое. Да и никогда онъ такъ тихо, задумчиво не говорилъ; никогда не слышалось такого глубокаго убѣжденія въ каждомъ его звукѣ.

— Платонъ,—продолжалъ онъ,—и другіе ученики Сократа окружали его ложе въ день исполненія приговора... И тутъ я тебѣ долженъ разъяснить одну подробность. Сократъ просидѣлъ цѣлый мѣсяцъ въ тюрьмѣ, а обыкновенно казнъ происходила тотчасъ послѣ приговора или въ очень скоромъ времени. Тутъ же вышло такое обстоятельство: каждый годъ Аѣины посылали корабль съ дарами оракулу въ Делосъ, и обычай не позволялъ никого предавать смерти до тѣхъ поръ, пока галера не вернется оттуда. Сократъ и долженъ былъ въ тюрьмѣ ждать ея возвращенія. Лишніи мѣки—скажешь ты. А этотъ искусъ—

самый свѣтлый, самый великій моментъ его жизни. Онъ готовилъ себя къ смерти безстрашно, ея приближеніе дало только поводъ ученикамъ понять все величіе его души. Они молили его не разъ бѣжать; хотѣли доставить за него выкупъ... Онъ не соглашался. И вотъ, когда уже смерть холодила его члены, что онъ сказалъ имъ между прочимъ...

Николай отыскалъ страницу. Въ комнатѣ было уже настолько свѣтло, что онъ могъ безъ труда прочесть:

— „...время намъ разстаться: я долженъ идти на смерть, вы останетесь наслаждаться жизнью. Кому изъ насъ достался лучшій удѣлъ—это тайна для всѣхъ насъ; оно извѣстно одному Богу“.

Онъ медленно закрылъ книгу и сидѣлъ съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ, глядя на меня пристально, но не сурово, а кротко, и опять съ оттѣнкомъ какого-то жуткаго умиленія.

Тутъ я уже не могла овладѣть собою.

— Николя! Что ты хочешь сказать всѣмъ этимъ? Вѣдь ты не просто пришелъ съ этой книгой... и вонъ съ той тетрадью. Я знаю, что въ ней...

— Въ ней записано все то, что тебѣ слѣдуетъ знать, Дима,—отвѣтилъ онъ торжественнымъ тономъ.—Этотъ разговоръ—последній.

— Какъ последний?—закричала я.—Ты хочешь...

— Я хочу примириться съ собою. Вотъ чего я хочу.

— Но чѣмъ, чѣмъ? Договори!..

— Всякое злодѣйское дѣло должно быть искуплено.

Онъ сдѣлалъ жестъ правой рукой, какъ бы предупреждая меня.

— Дай мнѣ докончить. Ты прекрасно понимаешь, о чемъ я говорю. Искупленія другого нѣтъ, какъ добровольный выходъ... изъ жизни.

Эти два слова سکвали меня. Я что-то хотѣла вымолвить и не могла. Въ глазахъ стало мутиться.

— Я не хочу,—продолжалъ Николай горячѣе и держа меня сильно за руку,—я не хочу довольствоваться раскаяніемъ на словахъ... Вѣдь и меня почти что оправдали... Что такое просидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ одной комнатѣ? Но это сидѣнье и помогло мнѣ понять все, дойти до искупающаго приговора надъ самимъ собою...

Онъ отнялъ руку, взялъ тетрадь и подалъ ее мнѣ.

— Храни это у себя. Тутъ есть и ключикъ. Я прошу тебя только не отпирать этой тетради до тѣхъ поръ...

Онъ усмѣхнулся и добавилъ:

— Пока не вернется галера.

Чуть живая отъ ужаса, я опустила на колѣни и упала головой на ручку его кресла. Мои руки судорожно старались схватить его. И мнѣ слышались его слова: тихія, трепетныя, проникавшія въ меня, какъ что-то уже не здѣшнее:

— Полно, Дима! Неужели жизнь сама по себѣ такъ драгоценна? Вѣдь это жалкое заблужденіе. И развѣ ты можешь сдѣлать ее для меня другою? Ни ты, и никто на свѣтѣ!—повторилъ онъ.—Я тебя не заставляю искать того же исхода. Но вдумайся, когда ты прочтешь вонъ ту тетрадь... Уйди въ свою совѣсть женщины... Быть-можетъ, я и не правъ, быть-можетъ, между нами и вами и нѣтъ такой пропасти... Тѣмъ лучше. Тогда ты будешь знать, что тебѣ съ собою дѣлать.

Что онъ мнѣ дальше говорилъ, я не слыхала. Я лишилась чувствъ.

XV.

Я исполнила все, что онъ требовалъ. Ему не было дѣла до моихъ мукъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня происходила казнь надъ самимъ собою человека, взявшаго всю мою душу, а я безсильно, въ смертельной тоскѣ и ужасѣ, ждала, когда онъ покончитъ съ собою.

Николай сказалъ мнѣ:

— Стучаться ко мнѣ бесполезно. Я не отопру.

Долго ли онъ страдалъ, я не знаю. Кажется, ядъ подействовалъ почти мгновенно. Онъ не хотѣлъ даже проститься со мною еще разъ. И опять, какъ истинный маньякъ, со своимъ Сократомъ! Тотъ, видите ли, попросилъ увести отъ него жену, чтобы она криками и ревомъ не нарушала красоты и величія его разставанія съ жизнью.

Боже! Какъ они рисуются! Сколько въ нихъ жестокости и бездушія!

Да, я все выполнила. Что мнѣ стоило ждать той минуты, когда, по его росписанію, я могла войти въ кабинетъ,—этого не перескажешь!..

Меня замертво отнесли опять въ спальню. Но я нашла силъ всѣмъ заняться. Полиція, прокуроръ, гробовщики,

панихиды. Господи! Какая ненужная агонія! Лучше самой умереть.

И что жь! Я не лгу, не храбрюсь заднимъ числомъ. Когда гробъ вынесли и я рухнулась на полъ и пришла въ себя только послѣ часового обморока, я не хотѣла жить. Если бы у меня хватило тогда силъ дотащиться до кабинета—я бы перерыла всѣ ящики, чтобы найти ту склянку, откуда онъ выпилъ свою смерть.

Я была охвачена отвращеніемъ къ жизни и осталась жить до тѣхъ поръ, пока не прочту, по его же приказанію, ту тетрадь въ сафьянномъ переплетѣ, куда онъ вносилъ исторію нашего брака.

Да, Николай былъ маньякъ. Это для меня неопровержимо-ясно. Мнѣ нѣтъ надобности отдавать его дневникъ Кобриной—я и безъ нея вижу это и знаю.

Но его манія—не простое безуміе. Все въ исповѣди Николая показываетъ, какъ онъ низко ставилъ мою любовь, какъ тяготился, съ первыхъ дней нашей связи, тѣмъ, что для меня вобрало въ себя всю красу и весь смыслъ жизни...

И *они* смѣютъ, эти маньяки своего мужского высокомерія и жалкаго резонерства, считать насъ низшими существами, обличать насъ въ томъ, что у насъ своя *женская*, низменная совѣсть!

Лучше быть совсѣмъ безъ совѣсти, чѣмъ не знать страсти, не знать ея восторговъ, не знать единой радости жизни, единой и все искупляющей.

Слѣпые, жалкіе маньяки! Вы никогда не поймете этого.

ГОРЛЕНКИ.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

У старинной кладбищенской церкви стояла извозчичья пролетка. Нищій, съ открытой лысой головой, ждалъ въ узкой калиткѣ, примыкавшей къ каменнымъ воротамъ.

Свѣжее, ведряное утро играло на крестахъ памятниковъ и церкви, выглядывавшей изъ-за чащи старыхъ липъ и клёновъ.

Въ теплой церкви, у лѣваго придѣла, служили панихиду. На правомъ придѣлѣ шла передѣлка. Потолокъ, сводчатый и расписной, былъ наполовину закрытъ досками маляровъ.

Только что отошла обѣдня, и молещики всѣ почти разбрелись. У выхода стояли двѣ нищенки съ красными лицами старыхъ пьяницъ. Староста запираетъ свой шкафъ со свѣчами. Въ глубинѣ, за печкой того придѣла, гдѣ служили панихиду, темнѣли двѣ одноцвѣтныя фигуры старушекъ изъ обывательницъ сосѣдней улицы.

Ближе къ амвону стояли рядомъ, точно взяли за руку, гимназистъ лѣтъ шестнадцати и такого же на видъ возраста дѣвушка въ короткой накидкѣ и темной соломенной шляпѣ. Полосатое лѣтнее платье носила она вершка на два выше обыкновенной длины для взрослыхъ.

Служили священникъ и дьяконъ, безъ дьячка.

Гимназистъ не крестился и смотрѣлъ въ эту минуту на лицо священника, обернувшагося къ нему въ пол-оборота.

Лицо это не нравилось ему: широкое, пухлое, въ вес-

нушкахъ, съ рыжеватой бородой. Очки сжимали его виски и дѣлали общее выраженіе смѣшнымъ и неподходящимъ ни къ мѣсту, ни къ облаченію. Онъ смахивалъ на какого-нибудь писца. Желтые, рѣзко обрѣзанные волосы, еще не успѣвшіе отрасти, топорщились изъ-подъ старой рясы, сшитой на другой совсѣмъ мужской станъ.

Братъ—это были братъ и сестра—чувствовалъ, что у него подступаютъ слезы, и въ груди начинало слегка ныть. Чтобы не расплакаться, онъ усиленно смотрѣлъ на священника—на его широкое лицо финскаго типа, очки и жесткія пряди волосъ.

Равнодушное и туповатое лицо очень ему не нравилось. Было въ немъ что-то совершенно неподходящее къ службѣ и къ ихъ настроенію. Каждый день служить онъ по нѣскольку такихъ панихидъ и литій, и въ церкви, и на могилахъ. Голосъ у него—въ носъ, жидкій, невнушительный и неискренній. Вова,—такъ звали брата,—продолжалъ усиленно смотрѣть на лицо священника, чтобы задержать въ себѣ слезы... Но очки и носъ стали его такъ раздражать, что онъ поднималъ голову въ сторону потолка и досокъ, съ которыхъ маляры должны были расписывать его... Сверху виднѣлось облако, изъ котораго смотрѣло „Око“.

Дьяконъ—худой, съ голосомъ, точно выходившимъ изъ котла—сильно кадилъ и переминался въ своихъ огромныхъ сапогахъ, поднимая правой рукой ораръ, закапанный воскомъ.

Съ такимъ хорошимъ настроеніемъ пришли они сюда съ сестрой, Мисенькой! Правда, мысль отслужить панихиду по нянѣ пришла ей... Онъ было возразилъ: „Ей и безъ этого хорошо“, но Мися его пристыдила.

О религіи они рѣдко говорили. Мисѣ не хотѣлось, чтобы Вова считалъ ее ханжой. И она не считала его „нигилистомъ“. Но во всемъ, что отзывается вѣрой и обрядомъ, Вова давно уже не тотъ мальчуганъ, который, бывало, вставалъ ночью и тайкомъ бѣгалъ съ нею къ утренѣ.

Мися, слушая, какъ дьяконъ завелъ о „вѣчномъ покоѣ“, замигала, и слезинки потекли по щекамъ ея продолговатаго, миловиднаго лица съ легкимъ розоватымъ загаромъ... Она стала усиленно креститься.

Братъ ея не заплакалъ и только зажмурилъ глаза, чтобы не глядѣть ни на облако съ „Окомъ“ на сводча-

томъ потолокъ сосѣдняго придѣла, ни на лицо священника, ни на его волосы сосульками и очки, вдавившіяся въ переносицу.

Вовѣ хотѣлось, чтобы панихида была скорѣе кончена. Но будетъ еще литія—на могилѣ: такъ просила Мися.

Когда они, минуту съ десять спустя, стояли около деревянной рѣшетки и смотрѣли на чугунный крестъ надъ могилой няни—имъ обоимъ сдѣлалось веселѣе... Запахъ ладана не разстраивалъ ихъ на воздухъ; кругомъ—березы и липы зеленѣли надъ памятниками; солнце то и дѣло выглядывало изъ-за нихъ и даже пекло ихъ въ затылокъ.

Литію справили въ нѣсколько минутъ.

Мисенька опустилась надъ дерномъ могилы. Вова дотронулся только рукой до земли, какъ дѣлають большіе, чтобы не класть, какъ слѣдуетъ, земного поклона.

Ему предстояла непріятная обязанность—онъ взялъ ее на себя—заплатить священникамъ. И на исповѣди ему всегда бывало это непріятно. Но онъ не хотѣлъ выказывать такого малодушія передъ сестрой. Во всемъ, что они дѣлали вмѣстѣ, онъ ставилъ себя мужчиной, старшимъ.

Послѣдній возгласъ дьякона замеръ въ утреннемъ воздухѣ.

Вова приблизился къ батюшкѣ и всунулъ ему въ руку желтенькую. Тотъ—все съ тѣмъ же безстрастнымъ выраженіемъ толстаго лица—припряталъ бумажку подъ край ризы привычнымъ движеніемъ руки.

Дошла очередь до отца-дьякона. Вова рѣшилъ съ Мисей—они платили изъ своихъ карманныхъ денегъ,—что дьякону довольно и полтинника.

Серебряную мелочь держалъ Вова въ кулакѣ лѣвой руки. Неловкимъ жестомъ перевелъ онъ деньги изъ лѣвой руки въ правую и торопливо отдалъ ихъ дьякону.

Тотъ зажалъ мелочь въ своей мозолистой рукѣ, потомъ разжалъ и вбокъ, не стѣсняясь нисколько, посмотрѣлъ, сколько именно тамъ денегъ, съ такимъ видомъ, что если бъ ихъ было меньше, онъ попросилъ бы и добавить.

Мися не замѣтила этого. Она опять прослезилась и вынула поспѣшно носовой платокъ.

Священники ушли, шагая широко между могилами. Ихъ ждала новая панихида.

— Пойдемъ!—полушопотомъ сказалъ Вова, нагнувшись къ сестрѣ, и прикоснулся губами къ ея шеѣ.

Она обернулась, вся въ слезахъ, и большими голубыми глазами приласкала его.

— Вотъ ужъ и два года протекло!—проговорила она, оправляя прядь волосъ, выбившихся у ней изъ-подъ шляпки.

— Да, два года!—повторилъ ея братъ.

Они пошли медленно, по той же тропинкѣ, между памятниками, къ воротамъ.

Старушка-няня выходила ихъ обоихъ и умерла ровно два года назадъ, отъ водяной. Хоронили ее они же. Мать ихъ не пріѣхала на кладбище, была нездорова — какъ почти всегда, какъ и теперь: не лежала въ постели, а не считала себя здоровой и сидѣла дома.

Никто уже не любилъ ихъ съ тѣхъ поръ такъ, какъ любила няня. Къ матери они оба лънули; но она слаба, не выноситъ долгаго разговора, любить быть одна, цѣлые дни проводить на кушеткѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ въ живыхъ няни, никто уже не зоветъ ихъ „горленками“. Она дала имъ это прозвище.

Съ первыхъ годовъ дѣтства, они, точно близнецы, живутъ душа въ душу и все „воркуютъ, ровно горленки“. Эти слова няни припомнились имъ обоимъ, когда они уже подходили къ воротамъ. И послѣ ея смерти они такъ же дружны, но иногда не то что ссорятся, а спорятъ. Доходитъ у нихъ и до слезъ. Прослезится Мися, а братъ назоветъ ее плаксой и всегда уйдетъ, хлопнувъ дверью. При жизни няни—никогда, ни единого раза не выходило у нихъ размолвки; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ поступили въ гимназію. Даже и маленькими не дрались. Это повторяла имъ всегда все та же няня.

II.

Пониже кладбища, въ сторонѣ отъ дамбы, черезъ оврагъ, разросся кустарникъ вдоль нѣсколькихъ балокъ.

Братъ и сестра, возвращаясь домой пѣшкомъ, спустились въ этотъ оврагъ. Имъ захотѣлось спуститься туда. Бывало, когда няня брала ихъ съ собою въ „полевою“, — такъ она называла кладбищенскую церковь, — они бѣгали по склонамъ оврага, цѣплялись за кусты, искали самыхъ укромныхъ закоулковъ.

Недавно тутъ устроили что-то въ родѣ садика. Въ самомъ низу, въ тѣни балокъ, бесѣдка, обвитая зеленью,

съ листьями, начинавшими краснѣть—въ этомъ году раньше обыкновеннаго: шли послѣдніе дни августа.

Еще глубже и совсѣмъ въ тѣни стояла скамейка.

Они сбѣжали къ ней и сѣли.

Имъ хотѣлось говорить, и они оба боялись начать разговоръ.

Вчера Мися, прощаясь съ нимъ, — они оба жили въ мезенинѣ,—сказала ему:

— Вова, я бы хотѣла тебѣ сказать одну вещь... Ты не разсердишься?

И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, у ней вздрогнули ноздри.

— Ну, ужъ на ночь нечего! — отвѣтилъ онъ, предчувствуя, что выйдетъ каксе-нибудь объясненіе.

— Завтра, вотъ послѣ панихиды по нянѣ. Да?

— Хорошо.

Но у Миси осталось такое чувство, что брату ея, съ нѣкоторыхъ поръ, непріятны ея „приставанья“.

Ужъ онъ не разъ говорилъ ей:

— Ахъ, сестренка, ты все — по книжкѣ. Смотри, совсѣмъ будешь дѣвуля... классная дама.

Это ее огорчаетъ, но она не можетъ хитрить съ нимъ, считаетъ безчестнымъ не сговориться съ нимъ въ томъ, что начинается мозжить ее.

— Ты нынче въ гости собираешься? — спросилъ Вова, сидя съ опущенной головою и хлыстикомъ проводя по песку.

— Можетъ-быть... Къ Анечкѣ. Они собираются пить чай къ Асафу-схимнику. Ты не поѣдешь?

— Скучно мнѣ съ дѣвчонками! — выговорилъ Вова и сдѣлалъ гримасу.

— Онѣ мнѣ ровесницы,—промолвила Мися.

Ее начинало тяготить то, что между ними что-то залегло и они оба уклоняются отъ „настоящаго“ разговора.

— Вова...—заговорила она тише и поглядѣла на него вбокъ.

„Ну, такъ и есть! — подумалъ онъ. — Сейчасъ начнетъ поднимать вопросы“.

Къ этому „подниманью вопросовъ“ онъ самъ давно ее приучилъ, когда ей было не больше двѣнадцати лѣтъ.

Тогда онъ развивалъ ее, гордился тѣмъ, что она его „выученица“—во всемъ: въ урокахъ, въ чтеніи, во вкусахъ, въ манерѣ разсуждать, въ выборѣ пріятельницъ.

А теперь ему иногда не по себѣ.

Мися очень ужъ до всего допытывается, пристаётъ. Нельзя же во всемъ идти напроломъ... И, наконецъ, — она многого не понимаетъ... Съ тѣхъ поръ, какъ при ней нѣтъ больше гувернантки, она ужасно какъ „пропахла“ гимназией.

Онъ находитъ, что она стала negliжировать языками. Читаетъ она много, но не старается говорить. Мать ихъ не можетъ долго разговаривать; отецъ ей не разъ уже замѣчалъ, что она не дѣлаетъ успѣховъ. Когда онъ начнетъ съ ней говорить по-французски — она, точно нарочно, отвѣтитъ всегда по-русски.

Положимъ, и онъ не очень любитъ французить; но онъ — „мужчина“. А она — дѣвушка-подростокъ. Вѣдь ее будутъ вывозить. Не пойдетъ же она въ телеграфистки или въ приказчицы въ магазинъ „Муравейникъ“? Да и тамъ нынче — какія франтихи, а одна такъ и рѣжетъ съ барынями по-французски.

Они помолчали; но по блѣднымъ щекамъ Мисы прошла струйка нервной дрожи. Она опять вбокъ оглянула брата.

— Да, — выговорила она еще тише. — Няни не стало... И прежней жизни уже нѣтъ.

— Разумѣется, — уклончиво отвѣтилъ гимназистъ.

— Миѣ, Вова, неприятно, ты вчера не далъ досказать...

— Что такое?

Въ вопросѣ брата зазвучало смущеніе.

— Насчетъ... Элоизы Христофоровны.

— Ну-у...

Этотъ звукъ „ну-у“ показался Миѣ грубымъ. Никогда Вова такъ не говорилъ.

— Послушай! — она прижалась къ нему и заглянула ему въ глаза. — Вѣдь нельзя же уклоняться... Ты — честный... Мы всегда жили душа въ душу!

На глазахъ ея заблестѣли двѣ крупныхъ слезы.

Братъ хотѣлъ перебить ее и сказать, что она дѣлается плаксой.

Но Мися сдержала слезы и, все въ томъ же положеніи, продолжала болѣе твердымъ голосомъ:

— Я давно уже догадывалась, Вова... У меня никогда не лежала душа къ этой женщинѣ... А теперь я знаю...

— Чтò ты знаешь?

— И ты знаешь... Только не хочешь сознаться.

— Въ чемъ сознаваться-то?

— Ахъ, Вова!

Мися отклонилась немного отъ брата и опустила голову.

— Ты съ ней дружилъ.

— Почему же дружилъ?

— Что же оправдываться... Ходилъ къ ней въ гости.

— Не думалъ... А она меня сама приглашала... Оставитъ на крыльцѣ или въ садикѣ...

— Подарки ты отъ нея принималъ.

— Съ какой стати ты это говоришь?

Глаза его сердито блеснули.

— А какъ же? Отъ кого у тебя книга „Самообразование“ Смайльса съ золотымъ обрѣзомъ? Это она тебѣ подарила.

— Подарила, подарила! — почти передразнилъ гимназистъ. — Просто дала читать.

— Книга у тебя уже больше года лежитъ.

— Да скажи, — заговорилъ онъ нервно и съ жестами обѣихъ рукъ, — скажи на милость — изъ-за чего я буду съ ней ссориться? Она ко мнѣ ласкова... спрашиваетъ... даетъ книжки и вообще понимаетъ меня. Что жъ? Папа придирается... мама тоже раздражительна... Иногда Богъ знаетъ чего боится. И, наконецъ, часто никто и не подумаетъ, что намъ обоимъ нужно... изъ платья... изъ бѣлья... Что жъ? Элоиза Христофоровна — женщина умная и развитая. И во все умѣетъ войти.

— Вотъ она тебя... и подкупила.

— Глупости говоришь! — крикнулъ гимназистъ, всталъ и сдѣлалъ два шага къ обрыву узкой площадки, гдѣ они сидѣли.

— Не кричи на меня! — тихо, но твердо выговорила сестра его. — Это — не доказательство... Ея расчетъ — ясный: притянуть къ себѣ насъ обоихъ и показать, что она гораздо больше о насъ заботится, чѣмъ родная мать. Какъ же ты не видишь, куда она пробирается?..

— Куда?

Мися взглянула на него своими большими глазами, гдѣ слезинки оставили еще слѣды.

— Доведетъ папу до того, что онъ на ней женится.

— При жизни матери?

— Заставить дать разводъ... Развѣ это трудно?.. Это теперь дѣлается вездѣ.

— Вздоръ какой! Сколько лѣтъ она живетъ тутъ!..

— А! вотъ видишь, Вова! Ты проговорился. Ты, значить, давно понимаешь все... то, въ чемъ я убѣдилась только на-дняхъ.

У него на губахъ зажглась фраза:

„Скажите, пожалуйста,—какая наивная!“

Но его уже смущали „приставанія“ сестры. Онъ чуялъ, что она, по-своему, права, потому что больше его любитъ мать и оскорблена за нее.

А развѣ онъ самъ—пошлякъ? Или способенъ „ломать идіота“ и увѣрять, что онъ не понимаетъ, кто для его отца Элоиза Христофоровна.

Онъ ничего не отвѣтилъ.

III.

Да, они жили душа въ душу вплоть до этого лѣта. Ихъ дразнили товарищи и товарки въ мужской и женской гимназіи. Старшіе, мать, отецъ, пріятели отца, называли ихъ „inséparables“ или „сіамскіе близнецы“.

А теперь вотъ имъ нужно объясняться.

И братъ сознавалъ, что сестра не можетъ оставить такъ, безъ разговора, того, что ее мозжитъ.

Но почему же она „воображаетъ“, что онъ, Владиміръ Майоровъ, съ его душой и мыслями, способенъ подло зажмуривать глаза на то, что нехорошо, что способно возмутить ихъ обоихъ?

Ну да, онъ сталъ—больше года, даже около двухъ лѣтъ—догадываться.

Его отецъ очень близокъ съ Элоизой Христофоровной. Не дальше, какъ весной, во время экзаменовъ, готовился онъ у товарища своего Ситнова, почевалъ у него на квартирѣ, и только что разсвѣло, когда они собрались уже читать, тотъ спрашиваетъ его:

— Майоровъ... Отецъ твой, говорятъ, живетъ съ вашей жилищей, съ нѣмкой?

Ему бы слѣдовало сейчасъ же крикнуть:

„Какъ смѣешь такъ говорить?“

А онъ стерпѣлъ и не сразу отвѣтилъ.

Что же тутъ горячиться, когда всѣ это знаютъ, весь городъ?

Когда онъ сталъ захаживать къ Элоизѣ Христофоровнѣ? Еще мальчишкой, по четырнадцатому году, а теперь ему семнадцать. Черезъ годъ онъ студентъ. Въ то время онъ ни о чемъ, какъ слѣдуетъ, не догадывался. Она стала

съ нимъ разговаривать, къ себѣ приглашала. Дѣлала и подарочки, но самыя маленькіе—книжку или какую-нибудь фотографію.

Правда и то, что съ этого лѣта, когда отецъ къ нему придирался или не хотѣлъ въ пустякахъ побаловать его,—онъ просилъ сдѣлать ему новый китель,—онъ говорилъ объ этомъ Элоизѣ Христофоровнѣ.

Тотъ же товарищъ спросилъ его:

— Что жъ... эта нѣмка у него на *держаніи*?

Товарищъ—изъ мѣщанъ—говорилъ грубо и употреблялъ всегда свои выраженія.

Но и тутъ какъ же было обижаться или обругать его? О *такихъ вещахъ* въ гимназій говорятъ, особенно въ старшихъ классахъ. Кто же не знаетъ—какая у кого интрига, между барышнями и молодыми людьми, или у замужнихъ. Все извѣстно, отъ губернатора до послѣдней телеграфистки.

Смѣшно напускать на себя гоноръ.

Сейчасъ получишь въ отвѣтъ:

— Нечего ломаться... Ты, небось, отлично знаешь...

Или уже такъ глупъ...

Вотъ и все. Больше у него на совѣсти ничего нѣтъ—никакой „подлости“.

Нехорошо, неприятно и обидно за мать... Но вѣдь она это давно знаетъ: онъ въ этомъ увѣренъ. Мать все нездорова, съ припадками

Онъ хотѣлъ-было сказать про себя:

„И отца тоже надо извинить...“

Однако удержался.

Братъ и сестра давно уже шли по дорогѣ къ себѣ и молчали.

Тамъ, въ оврагѣ, онъ ей сказалъ:

— Мися... зачѣмъ же теперь, въ день памяти няни, разстраивать себя такимъ разговоромъ?

Она замолчала и первая поднялась съ мѣста.

Теперь она не дуется—такихъ замашекъ у нея нѣтъ,—а считаетъ себя обиженной тѣмъ, что онъ уклонился отъ объясненія.

На полпути имъ надо было пересѣчь городской садъ. Можно пройти и въ сторонѣ; но прямѣе по саду, отъ однихъ воротъ до другихъ.

Мися шла ускоренно и не совсѣмъ рядомъ, съ наклоненной головой, и смотрѣла себѣ подъ ноги.

- Вова!—окликнула она брата, не поднимая головы.
- Чтò тебѣ?
- Пойдемъ садомъ.
- Изволь.

Въ саду—прудъ, запущенный. Но онъ имъ милъ, потому что тамъ они игравали, чуть не каждый день, и по зимамъ, когда жили поблизости, до покупки отцомъ дома.

„Спать за свое возьмется!“—досадливо подумалъ Вова.

Дорожка, полная щебня съ горбылями, привела ихъ къ тому мѣсту, гдѣ еще недавно стояла старинная круглая бесѣдка, пришедшая въ ветхость. Подъ парой рябинъ, съ переплетенными стволами, пріютилась скамейка.

Сестра, ничего не говоря, сѣла.

Сѣлъ и братъ.

Ему захотѣлось курить. На улицѣ было опасно—надзоръ и лѣтомъ былъ довольно строгій. Но тутъ, въ саду, совсѣмъ не видать прохожихъ—можно себѣ позволить.

Онъ закурилъ и тотчасъ же сплюнулъ.

Мися покосилась на него. Ей не очень нравилось то, что братъ пріобрѣтаетъ привычку часто сплевывать, когда курить. Но она еще ни разу ему насчетъ этого не замѣчала.

— Вова,—начала она спокойно и смотрѣла въ эту минуту на зеленѣющую плѣсень воды въ прудѣ,—ты, пожалуйста, не думай, что я хочу забираться въ твою душу. Но я не могу молчать—ты извини. Тебѣ непріятно было, что я заговорила объ *этомъ* тамъ... тотчасъ послѣ панихиды... Прости... это, дѣйствительно, было...

Она искала слова.

— Не время,—выговорила она съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Ты опять!

— Нѣтъ, дай мнѣ кончить... Всего одну минуту, милый.

Она положила ему руку на плечо.

— Только минуту.

— Ну, врядъ ли!—шутливо возразилъ онъ и улыбнулся ей глазами.

— Не больше двухъ... Клянусь тебѣ. Погоди, только не перебивай меня. Что жъ *это* перебирать... Ты отлично понимаешь. И я—не маленькая. Я не хотѣла бы ничего ни видѣть, ни слышать; но вѣдь этого нельзя... Вова, согласись самъ...

— Двѣ минуты уже прошли.

— Оставь!.. Пожалуйста, умоляю тебя... Это—очень важно, — протянула она, блѣднѣя. — Не знаю, какъ ты могъ помириться. Можетъ-быть, ты гораздо умнѣе и терпимѣе меня... Но для меня теперь необходимо выяснить...

Она путалась.

— Да что ты все высокимъ слогомъ выражаешься... Это—книжка! Точно Гамлетъ... въ юбкѣ.

— Вова! Это очень, очень дурно.

Щеки ея запылали. Она вскочила со скамейки и, обдергивая края шляпки, прошла взадъ и впередъ передъ братомъ.

— Да полно... Потомъ.

— Сегодня я не скажу ни слова. Но свое поведеніе я не могу, ты пойми, не могу...

— Вотъ видишь—все пыжишься и слова выискиваешь.

Но онъ больше не сталъ подсмѣиваться. Ему сдѣлалось жаль сестры.

Онъ тоже всталъ и, подойдя къ ней, сказалъ:

— Прощу вѣрить и мнѣ... Я ни на какую подлость не шелъ до сихъ поръ, и не пойду. А мы съ тобой между отцомъ и матерью становиться не будемъ. На это мы не имѣемъ права—пойми и ты меня. И во всякомъ случаѣ, если ты что-нибудь такое надумаешь... или захочешь свое поведеніе измѣнить, что ли... ты тогда мнѣ скажи. А теперь у тебя только такъ... нервы, что ли... Измѣнить мы ничего, сударыня, не можемъ, такъ-то! А теперь пойдемъ. У меня подъ ложечкой засосало... Чаю смерть какъ хочется.

Мися закрыла глаза и, сдѣлавъ усиліе, чтобы удержать слезы, молча пошла впередъ.

IV.

Розоватый, штукатуренный домъ съ мезониномъ украшенъ дворянскимъ гербомъ и короной изъ бѣлаго алебастра. Уже съ четверть часа стоитъ на перекресткѣ фазтонъ на шинахъ, запряженный парой сѣрыхъ съ пристяжкой. Онъ дожидается выхода на крыльцо барина, Павла Андреевича Майорова, владѣльца дома и отца Вовы и Мисы.

Кабинетъ Павла Андреевича, тотчасъ изъ дверей налѣво, очень большая комната съ альковомъ, гдѣ стоитъ кровать. Онъ давно уже не спитъ въ спальнѣ, помѣщающейся въ мезонинѣ, такъ что внизу онъ одинъ, и только

къ обѣду собирается вся семья, да и то Марѳа Петровна часто не спускается сверху.

Въ исходѣ одиннадцатаго Павелъ Андреевичъ, одѣвшись къ выѣзду, пристѣлъ къ серебряному зеркалу туалетнаго столика.

Онъ старательно выщипывалъ сѣдые волоски изъ бакенбартъ, расчесанныхъ на двѣ длинныя пряди.

Сохранился онъ на рѣдкость. Ему за сорокъ лѣтъ, а на видъ не больше тридцати-пяти; высокій, плечистый, очень франтоватый. Бѣлокурые волосы немного порѣдѣли на лбу. Въ голубыхъ глазахъ, въ губахъ, сочныхъ и красиво сложенныхъ, въ кругломъ подбородкѣ—чувственность и слабость воли, незамѣтная сразу ни въ рослой, худощавой посадкѣ туловища, ни въ общемъ обликѣ красивой головы.

Чуть замѣтныя морщинки у слегка прищуренныхъ глазъ придавали ему характерное выраженіе челоуѣка, бывшаго всегда слабымъ къ женщинамъ.

Отойдя отъ туалетнаго столика, Павелъ Андреевичъ еще разъ поправилъ свой бѣлый батистовый галстукъ, по московско-провинціальной модѣ, и взглянулъ въ окно, готовъ ли экипажъ.

Онъ не былъ лошадаытникъ, любилъ только хорошую выѣздку и нарядную закладку. Свой фаэтонъ-дрошки, по особому рисунку, заказывалъ онъ у Маркова, въ Москвѣ, и такой только у него и былъ во всемъ городѣ... Надъ нимъ кое-кто изъ знакомыхъ подтрунивалъ, говоря: „Павелъ Андреевичъ у насъ, что твой полицеймейстеръ: на парѣ съ пристяжкой ѣздитъ“.

Онъ это зналъ. Но за нимъ уже установилась прочная репутація франтовства—настоящаго, дворянскаго.

Павелъ Андреевичъ зналъ, что онъ „даеы тонъ“ всему городу въ вопросахъ изящества и моды. Ни у кого нѣтъ такого бѣлья, обуви, шляпъ, канцелярскихъ принадлежностей, такихъ сигаръ и такого краснаго портвейна.

Кучеромъ своимъ онъ очень доволенъ: непьющій, ѣздитъ молодцовато и безъ бѣшеной гонки, лошадей любитъ, смыслить въ нихъ, чего про себя Павелъ Андреевичъ не можетъ сказать: ему приводилось не разъ провираться на лошадахъ „съ аттестатами“, въ которыхъ будто бы были несомнѣнные породистыя „крѣви“.

Утромъ, между кофеемъ и сословнымъ банкомъ, гдѣ Майоровъ уже второе трехлѣтіе директоръ-предсѣдатель,

у него есть полчаса совершенно свободного времени. Газету онъ читаетъ за кофеемъ и очень скоро, не любитъ передовыхъ статей, пробѣгаетъ только телеграммы и фельетонъ, если это не о скучныхъ матеріяхъ.

И всего бы лучше проводить эти полчаса во флигелѣ его дома, куда можно пройти и дворомъ, и съ улицы, у Элоизы Христофоровны Ленгольдъ, ихъ жилицы, уже болѣе пяти лѣтъ.

Но... такъ онъ не любитъ дѣлать. Безъ соблюденія декорума онъ ничего не позволяетъ себѣ. Не станетъ онъ „афишироваться“ передъ прислугой или передъ сосѣдями.

Въ теченіе дня—другое дѣло. Кучеръ уже знаетъ, что изъ банка, сдѣлавъ два-три визита, баринъ ѣдетъ домой по другой улицѣ, снизу, и остановитъ прикажетъ, каждый разъ, у подъѣзда флигеля, выходящаго въ переулокъ.

Изъ дому нельзя никакъ видѣть, что у подъѣзда: барскія дрожки или сани зимой. Оттуда баринъ скажетъ ему:

— Можешь откладывать, Сергѣй!

Тамъ Павелъ Андреевичъ обѣдаетъ—не каждый день—и всегда скажетъ дома, чтобы его не ждали.

Вѣроятно, тамъ же онъ и отдыхаетъ. Но этого доподлинно никто не можетъ знать. Вечеромъ онъ въ клубѣ, изо-дня-въ-день, кромѣ вечеровъ въ гостяхъ или театрѣ. Возвращается онъ поздно, никогда не раньше двухъ,—прямо ли изъ клуба, или изъ флигеля, тоже никто не знаетъ. Кучера онъ отпускаетъ почти всегда и беретъ извозчика,—жалѣетъ его, особенно когда начнутся кислая погода или морозы.

И такъ идетъ уже болѣе пяти лѣтъ. Вначалѣ предосторожности были еще больше.

Въ этомъ онъ полагаетъ свою высшую порядочность. Чтò бы кто ни болталъ въ обществѣ, но никто не скажетъ, что Майоровъ ведетъ себя какъ циникъ.

Вонъ генералъ Пашипный, тотъ знать никого не хочетъ. Завелъ себѣ „помпадуршу“—жену подчиненнаго ему лѣкаря—и днюетъ, и поцуетъ у ней. Его коляска стоитъ—стоитъ у ея подъѣзда. И всѣ это знаютъ. Вздумается ему ѣхать съ нею за городъ, въ лѣсъ—онъ ѣдетъ, также на глазахъ у всѣхъ. А дома у него жена и шестеро дѣтей—сынъ офицеръ, дочь старшая кончила курсъ.

А его „тужурка“—какъ любить выражаться клубные

остряки—такъ нахальна, что всюду лѣзетъ впередъ,—на благотворительныхъ базарахъ, въ дворянскомъ собраніи затмеваетъ всѣхъ и еле кланяется генеральшѣ. Для нея всегда выведутъ такой павильонъ, съ такой драпировкой, что даже неприлично. И самъ генераль, сѣдой, лысый, шестидесятилѣтній старикъ, стоитъ у прилавка и зазываетъ мужичинъ выпить шампанскаго, по два рубля за бокалъ.

Вотъ это цинизмъ!

А Павелъ Андреевичъ ничего подобнаго себѣ не позволить никогда, пока жива его жена. Въ немъ порядочность и тактъ и наслѣдственны, и даны заведеніемъ, гдѣ онъ воспитывался. Это—сословное заведеніе, самое первое въ Петербургѣ. Правда, онъ не кончилъ курса и на министерской службѣ не могъ имѣть настоящаго хода; но до сихъ поръ въ немъ узнаютъ питомца этого заведенія, и на его письменномъ столѣ стоитъ фотографическій портретъ, гдѣ онъ снятъ воспитанникомъ подготовительнаго училища, въ курточкѣ, съ отложнымъ воротникомъ.

Жилица флигеля въ первые два года была знакома съ его женой. Но потомъ это знакомство сошло на нѣтъ, безъ всякаго разрыва, безъ малѣйшей непріятности. Дальше визитовъ оно и не шло. А потомъ Марѳа Петровна стала болѣзненна, никуда почти не ѣздитъ, одну зиму пролѣчилась въ Москвѣ. Съ тѣхъ поръ она, можетъ-быть, и догадывается; но ни до какихъ сценъ онъ ее не допускалъ и не допустить.

А Элоиза Христофоровна живетъ до-нельзя скромно. У ней есть двѣ-три пріятельницы, нѣсколько знакомыхъ дамъ. Мужчинъ она почти что не принимаетъ, хотя онъ на этомъ совсѣмъ не настаиваетъ. Ее онъ не можетъ ревновать, до такой степени она честна и безупречна, и преисполнена такта и душевнаго спокойствія, тихой веселости, умѣнья занять его—все свойства драгоцѣнныя въ женщинѣ.

V.

Къ женѣ онъ не поднимается.

Къ чему? Марѳа Петровна навѣрно еще лежитъ или бродитъ по мезонину, вялая и кислая, плохо причесанная, въ несвѣжемъ пеньюарѣ, а то и въ кофѣ.

Онъ давно не дѣлаетъ ей никакихъ замѣчаній насчетъ ея туалета, привычекъ, расположенія духа, занятій. Хорошо уже и то, что всю зиму она была пободръе. Еще

лучше было бы, если бы эту зиму она провела гдѣ-нибудь на югѣ, въ Ялтѣ или въ Меравѣ.

Но Марѳа Петровна не захотѣла разставаться съ дѣтьми. Какъ будто она ими много занимается!

Вотъ уже больше года, какъ при Мисѣ нѣтъ гувернантки. Она плохо говоритъ по-французски, по-англійски совсѣмъ, кажется, забыла; а ребенкомъ, когда при ней жила англичанка-бонна, болтала удивительно бойко и съ прекраснымъ произношеніемъ. Мать съ ней постоянно говоритъ по-русски. Ходить она къ какой-то учительницѣ-француженкѣ; но толку изъ всего этого онъ видитъ мало.

Съ дѣтьми мать очень рѣдко обѣдаетъ. Она ѣстъ въ неопредѣленные часы. Только онъ, когда обѣдаетъ дома, настаиваетъ, чтобы дѣти приходили къ столу ровно въ пять, а не ѣли бы беспорядочно, когда вздумается.

Павелъ Андреевичъ подошелъ еще разъ къ открытому окну и увидалъ, какъ его дѣти—Вова и Миса—переходятъ черезъ улицу къ воротамъ.

Они всегда возвращались домой съ задняго, а не съ параднаго крыльца, что онъ тоже не долюбивалъ.

Онъ окликнулъ изъ окна:

— Дѣти!

Миса первая подняла голову и подбѣжала къ окну, довольно низкому. За ней подошелъ Вова, въ фуражкѣ.

— Здравствуй, папа!—звонко прозвучалъ ея вздрагивающій голосъ.

— Откуда?

— Съ кладбища... Нынче память няни.

Вова, подойдя, переминался.

— И ты былъ?—спросилъ отецъ.

— Какъ же, папа.

— То-то.

И Павелъ Андреевичъ, въ сторону дочери, добавилъ:

— Одной, безъ брата, не слѣдуетъ ходить... особенно въ такія дальнія мѣста.

— Развѣ это далеко? Мы и не замѣтили, какъ дошли.

— Ну, хорошо... Ты у мамы была? Какъ ея здоровье?

— Я теперь—къ ней.

— Ну, хорошо.

Онъ отвернулся и кивнулъ имъ обоимъ головой.

Часы показывали безъ пяти минутъ одиннадцать. Ему бы надо было повидаться съ Элопзой Христофоровной, спросить ее—не хочетъ ли она, чтобы онъ заѣхалъ въ

гастрономическій магазинъ; привезли, кажется, свѣжую абрикосовую пастилу и копченую стерлядь съ Суры. Она всегда стѣсняется, когда онъ даритъ ей сюрпризомъ.

Но онъ не зайдетъ. Декорумъ — не пустое для него дѣло, разъ онъ рѣшилъ, что такъ лучше и для него, и для нея. Она очень ему признательна за такой тактъ и умѣнье жить.

Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею, пожилому и чисто выбритому, подавать. Пристяжная, молодая лошадь, давно уже прыгала на мѣстѣ и задирала коренника.

На заднемъ крыльцѣ Вова и Мися остановились, точно имъ обоимъ пришла одна и та же мысль.

— Ты къ мамѣ?—спросилъ братъ.

— А ты не зайдешь?

— Позднѣе... Мнѣ до завтрака надо еще въ одно мѣсто... Я только захвачу книжку.

— Мама вдругъ спроситъ о тебѣ...

— Скажи—къ товарищу ушелъ.

Братъ вошелъ первый въ заднюю прихожую, откуда шла лѣсенка въ комнаты антресоля, а сестра поднялась по другой лѣстницѣ, изъ коридора въ антресоль, гдѣ жила Марѳа Петровна.

Площадка раздѣляла антресоль на двѣ большія комнаты. Одна служила Марѳѣ Петровнѣ спальней, окнами на дворъ, а другая—ея кабинетомъ, гдѣ она проводила часть дня, больше лежа на кушеткѣ.

Мися заглянула тихонько въ спальню.

Тамъ еще стоялъ полусвѣтъ отъ спущенныхъ шторъ. Воздухъ пропитанъ былъ запахомъ папиросъ.

Мать ея еще лежала на кровати, въ альковѣ, гдѣ было еще совсѣмъ темно.

— Кто тамъ?—спросила Марѳа Петровна разслабленнымъ голосомъ.

— Это я, мама... Къ тебѣ можно?

— Нѣтъ, мой другъ, я еще лежу... Позови ко мнѣ Наташу... Теплой воды мнѣ нужно. Никогда она не принесетъ въ-время.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Голова глупая... Папа уѣхалъ?

— Кажется, уѣхалъ.

— Приди ко мнѣ... туда... послѣ... такъ черезъ полчаса. А теперь позови Наташу.

Дочь прошла въ маленькую комнатку горничной. Наташи тамъ не оказалось.

Надо было спуститься внизъ. Она желала бы во всемъ быть полезной матери, только это не всегда удавалось ей. Марѳа Петровна часто не можетъ справиться со своими нервами. Тогда ей все въ тягость.

Сегодня Мися хотѣла бы прильнуть къ ней. Сегодня ей особенно жаль свою мать. Ей до сихъ поръ не было за нее такъ обидно.

Теперь она уже не въ силахъ уклоняться отъ того, чтобы все выяснить.

Она ни во что не будетъ вмѣшиваться, но она должна сначала убѣдиться, что мать ея понимаетъ свое положеніе и мирится съ нимъ... Если же она страдаетъ, то такъ не можетъ и не должно идти.

Внизу Мися поторопила Наташу, рыхлую молодую дѣвушку, франтиху и веряху вмѣстѣ, въ модныхъ рукавахъ съ буфами голубого платья и въ нечистомъ фартукѣ, съ лицомъ арфистки изъ трактирнаго хора.

Опять поднялась Мися въ свою комнатку мезонина. Она жила рядомъ съ братомъ. У него было просторнѣе. Но до сихъ поръ она любила свою „келью“, держала ее чисто и разводила на подоконникѣ разныя „деревца“: лимонныя черенки, жасмины; иногда сажала простой лукъ, его зелень ей нравилась.

Войдя въ комнатку, она присѣла къ окну и тихо заплакала—размолвка съ братомъ и все, что она за послѣдніе два дня передумала, подкатили ей къ горлу, точно клубокъ, и она не стала сдерживать тихихъ слезъ.

Подъ самымъ потолкомъ у нея былъ соловей. Онъ дремалъ утромъ и теперь, заслышавъ шумъ, завопилъ, по безъ всякихъ звуковъ: для него уже прошла пора пѣть.

VI.

— Къ тебѣ можно, мама? — спросила Мися, часомъ позднѣе, заглядывая въ кабинетъ матери, гдѣ та пила кофе у окна.

Марѳа Петровна сидѣла въ мягкомъ креслѣ изъ кртона, съ головой, прислоненной къ спинкѣ.

Она была въ батистовомъ пеньюарѣ, надѣтомъ небрежно, и съ кружевной косыпкой на головѣ.

Мисю огорчало то, что мать, еще недавно такая интересная, ужасно постарѣла и совсѣмъ не занимается со-

бою. Прежнее выраженіе ея длинныхъ свѣтло-карихъ глазъ исчезло. Теперь глаза, съ красными вѣками, часто мигаютъ и слезятся. Цвѣтъ лица бурый, съ множествомъ морщинокъ. И она знаетъ, что мать ея, отъ бессонницы, принимаетъ часто разныя „ѣдкія“ лѣкарства—хлораль и еще какіе-то порошки. У нея „неврастенія“ — болѣзнь, отъ которой, кажется, ничѣмъ нельзя освободиться, сколько ни лѣчись.

— Какъ ты сегодня, мама?

Мися этого не спросила бы; но она знаетъ, что мать ея любитъ, чтобы ее пожалѣли.

— Въ глазахъ какое-то чувство странное... Точно сѣтка.

— Это, можетъ-быть, начало мигрени.

— Можетъ-быть... Ну, что ты мнѣ скажешь?

Марѳа Петровна протянула къ ней руку. Мися прильнула къ ней.

— Мы были съ Вовой на кладбищѣ.

— Да? Ну что жъ! Хорошо... Память няни? Вова гдѣ?

— Онъ ушелъ куда-то. Я не знаю...

— Сегодня я могу съ вами позавтракать внизу... Какъ это несносно, что у насъ, изъ-за меня, такой безпорядокъ... Надо все-таки садиться въ одинъ и тотъ же часъ. А то это точно трактирь.

— Мы почти всегда въ половинѣ перваго.

— Это поздно.

Марѳа Петровна поморщилась.

Всегда выходило уже такъ—послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора Мися чувствовала, что мать ея точно тяготится ея присутствіемъ. Захочется ей что-нибудь рассказать, спросить ея мнѣніе или просто излиться—она обо что-то упирается. Въ глазахъ матери какой-то туманъ, ей какъ бы непріятно слушать.

Но сегодня она, несмотря на начало мигрени, не прочь поговорить.

— Хорошо, мамочка, я буду настаивать, чтобы Вова возвращался аккуратно. Да вѣдь онъ часто дома — по утрамъ.

— Ты у меня все одна,—начала Марѳа Петровна болѣе искренно и немного унылымъ звукомъ.—Надо бы къ тебѣ взять кого-нибудь.

— Гувернантку? Нѣтъ, мамочка!—живо вскричала Мися и, ставъ на колѣни у кресла матери, положила голову на

край ручки.—Зачѣмъ? Мнѣ всего одинъ годъ остается... Я ужъ большая.

— Для практики языка, мой другъ. Да и нельзя же тебѣ ходить все одной... И быть постоянно одной.

— Я не одна, мама... А Вова?

— Съ нимъ ты приучаешься къ тону гимназистовъ.

— Тебѣ самой, мама, пужно бы компаньонку.

— Ахъ, нѣтъ! Это — отвращеніе. Только въ тягость будетъ.

— Читать вслухъ...

— Чтеніе меня раздражаетъ, голубчикъ. Я о тебѣ говорю, — съ вялой настойчивостью заговорила Марѳа Петровна. — Но это надо обдумать... Павелъ Андреевичъ слишкомъ занятъ.

— Чѣмъ же папа такъ занятъ? — съ живостью возразила Мися. — Днемъ онъ въ банкѣ, а потомъ совершенно свободенъ. И вечера проводитъ внѣ дома.

Марѳа Петровна взглянула на дочь вбокъ и нервно поправила на рѣдѣющихъ волосахъ кружевную косынку.

— Папа воленъ проводить время, какъ ему угодно, — сентенціозно выговорила она.

— Я знаю, мама.

— Съ какой же стати ты это сказала? — еще нервнѣе спросила Марѳа Петровна.

Мися хотѣла опять припасть къ матери, но ея блѣдныя щеки вздрогнули. Тонъ матери обижалъ ее. Она была за нее оскорблена, и ее же какъ бы ловить на неделикатности, на желаніи уличить отца.

Не уличаетъ она его, а хочетъ знать, наконецъ, какъ ей мать смотреть на свое собственное положеніе.

Неужели она сознательно и по доброй волѣ способна унижать себя?

Развѣ мать ея виновата въ томъ, что стала слаба здоровьемъ, что она постарѣла и не можетъ, попрежнему, заниматься туалетомъ, не играетъ на фортепьяно, — а она, прекрасная музыкантша, не бываетъ почти вигдѣ, должна бѣдить лѣчиться на воды?

И вотъ она же окачиваетъ ее, какъ холодной водой, такимъ замѣчаніемъ.

Мися отодвинулась отъ кресла и встала.

— Мама, — заговорила она, подавляя слезы, — ты меня не поняла.

— Чего же тутъ не понимать? Съ какой стати ты —

дѣвочка, почти дѣвчонка — позволяешь себѣ обсуждать то, какъ твой отецъ и гдѣ,—протянула Марѳа Петровна,—проводить свое время?

— Я не сказала—гдѣ!.. Мамочка, я не говорила—гдѣ...

Слезы брызнули изъ свѣтлыхъ, большихъ глазъ дѣвочки, и она отвернулась—еще дѣтскимъ жестомъ—точно хотѣла убіжать и спрятаться въ уголокъ.

— Пожалуйста, безъ хныканья.

— Мама, мама... я не заслужила...

— Чего?

Марѳа Петровна привстала въ креслѣ и тотчасъ же взялась за високъ.

— Ты меня только разстраиваешь... Я и безъ того ничего не понимаю отъ боли.

— Мама!—Мися опять подбѣжала къ креслу.—Мнѣ за тебя обидно... горько...

— Что такое?

Отуманенные глаза Марѳы Петровны зажглись.

— Ты—все одна... Папа...

Какъ бы она излила все, что у ней накопило на сердцѣ! Она бы схватила маму за голову, стала бы цѣловать ее и на ушко сказала бы ей, какъ ей жаль ее, какъ она страдаетъ отъ того, что вонъ тамъ, во флигелѣ, въ ея домѣ, какая-то нѣмка дурного поведенія смѣетъ такъ нахально отнимать у нея мужа, а у нихъ отца!

— Что папа? — повторила Марѳа Петровна и совсѣмъ поднялась съ кресла.—Вы, кажется, съ ума сошли, Марья Павловна?.. Вы позволяете себѣ какіе-то точно... намеки. Какъ тебѣ на мысль взбрело становиться между твоими родителями? Развѣ я когда-нибудь подавала тебѣ поводъ?.. Сказала я въ твоемъ присутствіи что-нибудь невыгодное для твоего отца? Какъ же ты, дѣвчонка, смѣешь?

Марѳа Петровна схватилась обѣими руками за голову и пошла колеблющейся походкой къ выходной двери.

— Не желаю тебя видѣть... ни сегодня, ни завтра... И если ты чистосердечно не покаешься въ твоей глупой и возмутительной выходкѣ...

Она не договорила и, схватившись за високъ, точно простонала и захлопнула за собой дверь.

Посредины комнаты Мися стояла какъ пришибленная. Ей надо было разрыдаться, чтобы слезы совсѣмъ не задушили ее. Никогда еще не испытывала она такой горечи.

Вотъ что она найдетъ въ своей матери, какую оцѣнку ея чувства, ея душевнаго протеста за нее же!

Не „дѣвчонка“ страдаетъ въ ней, а дѣвушка, отлично все понимающая, готовая на всякій благородный порывъ.

И такая награда!

VII.

У Вовы въ городѣ довольно обширное знакомство—не въ семейныхъ „хорошихъ“ домахъ, а больше съ молодыми людьми и съ нѣкоторыми „разночинцами“, — какъ выражается иногда, съ безгливой усмѣшкой, его отецъ.

Во время вакацій онъ каждый день — до обѣда или вечеркомъ—непремѣнно навѣститъ кого-нибудь изъ своихъ пріятелей.

Его влечетъ къ нимъ то, что они обращаются съ нимъ какъ съ взрослымъ, — точно онъ студентъ или офицеръ. Нѣкоторые даже особенно почтительно, немножко снизу вверхъ, напримѣръ, купчикъ Сырейщиковъ, сынъ канатнаго фабриканта и пароходчика, „давшій стрелка“ изъ гимназіи, какъ только онъ перешелъ въ тотъ классъ, гдѣ начался греческій языкъ. Дальше третьяго склоненія онъ не могъ одолѣть грамматики и до сихъ поръ, съ ужасомъ и не безъ комизма, повторяетъ обозначеніе словъ, имѣющихъ удареніе на разныхъ слогахъ. Онъ не забылъ ихъ потому, что называетъ такъ живыхъ людей. Одного приказчика онъ прозвалъ „окситононъ“, а городского, у нихъ, на перекресткѣ—„периспόμεнонъ“. До сихъ поръ онъ съ улыбкой, когда при немъ произносятъ слово „баритонъ“, переглянется съ Вовой — я-де не забылъ, что такое это слово значить въ той же греческой грамматикѣ.

Съ Вовой онъ познакомился на рыбной ловлѣ. Они закидывали тону—и съ тѣхъ поръ стали пріятелями. Онъ же свелъ его съ молодымъ актеромъ, —мѣстнымъ уроженцемъ изъ мѣщанскихъ дѣтей, исключеннымъ изъ реальнаго училища. Фамилія актера — Телкинъ, но онъ сочинилъ себѣ двойное имя — Брянскій-Волгинъ, въ память двухъ столичныхъ артистовъ. Малый онъ — чудной, немного какъ бы тронутый, тронуть на томъ, что никто не понимаетъ такъ, какъ онъ, „принца датскаго“. Онъ служилъ уже въ провинціи, но пидѣ удержаться не могъ. Теперь живетъ здѣсь—у него мать, имѣющая домикъ — въ ожиданіи ангажемента въ Ростовъ-на-Дону—такъ, по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ.

Сегодня, послѣ размолвки съ Мисей, — первой въ ихъ жизни, — Вова почувствовалъ приливъ влеченія къ этому Гамлету. Захотѣлось уйти съ нимъ въ особенные разговоры, не думать все о томъ же. Да онъ и общалъ ему завернуть на-днихъ — послушать, какъ онъ будетъ „за-ново“ произносить монологи.

У Брянскаго—Вова для краткости такъ его звалъ—въ садикѣ ему всегда пріятно, не похоже на то, что онъ живетъ въ обыкновенной мѣщанской обстановкѣ. Мать актера никогда не показывается. Подъ вишнями—теперь онъ уже совсѣмъ созрѣли—такъ пріятно сидѣть въ тѣни. Если ему будетъ забавно — онъ не вернется завтракать. Онъ знаетъ сестру: она будетъ взглядывать на него жалобно, и если онъ всплыветъ—непремѣнно разругается.

Путь его лежалъ въ сторону рѣки. По крутой тропинкѣ поднялся онъ къ обрыву, гдѣ стоитъ старинная, приземистая церковь „Жень-Муроносицъ“, и съ площадки взялъ въ узкій проулокъ, шедшій опять въ гору.

Всю эту мѣстность, изрытую и холмистую, съ закоулками, заросшими лопухомъ и крапивой, онъ очень любилъ. Когда былъ помоложе—захаживалъ сюда съ книжкой и забирался на самыя вышки, откуда видна рѣка и подгородный монастырь, съ византийскими луковичными главами, на фонѣ липоваго густого сада.

Но размолвка съ сестрой нѣтъ-нѣтъ, да и всплыветъ у него внутри,—точно въ груди, а не въ головѣ.

Разумѣется, онъ по своему правъ, и она должна его понять. Разъ онъ никакой „подлости“ не дѣлаетъ — нечего и поднимать исторію.

Когда онъ уходилъ изъ дому, ему вздумалось даже: не зайти ли къ Элоизѣ Христофоровнѣ за однимъ романомъ, который она ему предлагала недавно. Но онъ сдержалъ себя. Нарочно, изъ озорства, онъ ничего не станетъ дѣлать, но и передъ сестрой не будетъ прыгать.

„Надо быть мужчиной!“ — повторялъ онъ, поднимаясь на вышку къ домику актера. Вотъ и глухая калитка съ скамеечкой, и другая, всегда полуоткрытая.

Онъ вошелъ въ нее и крикнулъ сейчасъ же собакѣ-овчаркѣ, запрыгавшей на цѣпи:

— Султанка! Тудѣ!

Изъ она выставилось здоровое, краснощекое лицо еще не очень пожилой женщины—матери актера, въ сѣдѣющихъ волосахъ и въ затрапезномъ ситцевомъ халатѣ.

— Вы къ Витѣ?.. Онъ никакъ въ саду... въ бесѣдкѣ...
Пожалуйте.

Мать смотрѣла на своего сына, какъ на „полоумненькаго“, но, по слабости своей, снисходила, только бы онъ совсѣмъ не свихнулся отъ своего театральства. Она его и упростила „завывать“ не въ мезонинѣ, надъ ея головой, а въ саду.

Вова нашелъ пріятеля подъ тѣнью липъ; въ шелковой голубой блузѣ и большихъ охотничьихъ сапогахъ, развалившимся въ соломенномъ креслѣ.

Его сразу можно было признать за актера: бритое, очень блѣдное и худое лицо, довольно красивое, съ растеряннымъ, взглядомъ темныхъ глазъ и большимъ ртомъ, который онъ привыкъ, по-актерски, кривить, часто переводя толстоватыми губами. Волосы вились и были отпущены ниже ушей. На видъ ему было лѣтъ за двадцать.

— А!.. Господинъ классикъ! Добро пожаловать!—крикнулъ онъ Вовѣ, баритономъ, съ басовыми, искусственными нотами.

Правой рукой онъ смялъ газету и бросилъ ее на землю, а лѣвую подаль Вовѣ особымъ жестомъ и ладонью внаружи.

— Прохлаждаетесь?—спросилъ Вова.—Я думалъ—роль проходили.

— Нѣтъ! Презрѣнныхъ газетчиковъ читалъ. Вотъ ёрники! Вотъ безпардонные писаки! Надъ артистами издѣваются, точно надъ презрѣнными рабами... Разумѣется, лучше идти въ приказчики на пароходную баржу, чѣмъ лицедействовать!..

Онъ сплонулъ и перекошилъ глаза на газету, брошенную имъ на землю.

— Стоить волноваться!.. О васъ что ль? — спросилъ Вова, сядя рядомъ на скамью.

— Нѣтъ, не обо мнѣ... Но это все равно. Какая возможность войти въ душу дѣйствующаго лица, когда ни одинъ рецензентшика самъ не понимаетъ, чего ему нужно отъ артиста, не понимаетъ того, какъ артистъ посмотрѣлъ на свою задачу... Эхъ!

— Вамъ что же до этого, — возразилъ Вова тономъ взрослого,—вы такъ входите въ роль... Пускай ругаются.

— Не то, Владиміръ Павловичъ, не это одно... Мнѣ самому явились сомнѣнія.

— Насчетъ чего?

Вова не считалъ его полоумнымъ, а немножко страннымъ, да и то тогда, когда онъ увлекается ролью Гамлета. Сегодня тонъ у него былъ огорченный, но гораздо проще.

— Насчетъ чего?—повторилъ актеръ.— А насчетъ того, какого держаться тона. Понимаете? Что заложить въ свою декламацию, грунтъ какой?.. Я хотѣлъ съ юныхъ лѣтъ быть реальнымъ артистомъ. Прежде всего, чтобы душа была видна, чтобы каждая въ ней жилка трепетала.

„Что жъ,—думалъ Вова, слушая пріятеля,—онъ отлично говорить. Я такъ не сумѣлъ бы, а онъ—сынъ мѣщанки“.

Это его даже укололо!

VIII.

Актеръ быстро поднялся съ кресла и зашагалъ по бесѣдкѣ.

— Вотъ какая штука, Владиміръ Павловичъ!.. Припято смѣяться надъ тѣмъ, какъ Несчастливцевъ въ „Лѣсѣ“ говорить про „основаніе“.

— Какое основаніе? — спросилъ Вова, выдавшій пьесу Островскаго давно.

— Музыкальное... такъ сказать. Играющій Гамлета долженъ быть басъ. Такъ Несчастливцевъ доказываетъ. И онъ правъ. Басъ не басъ, можетъ быть и баритонъ, не въ томъ дѣло. А говорить пелзля обыкновеннымъ образомъ... Простоты одной недостаточно!..

— Что жъ? По нотамъ, что ли, пѣть? По-каратыгински?—спросилъ Вова, не мало читавшій о театрѣ и разныхъ манерахъ игры.

— Простота-то, Владиміръ Павловичъ, хуже воровства. На что ужъ я въ Гамлетѣ реально изображаю терзанія души. Но мнѣ до сихъ поръ невдомекъ было, что надо другую музыку рѣчи пустить... Понимаете?

— Какъ же это?

— А такъ!.. Смѣяться надъ этимъ нечего. Прежде первые актеры—хоть бы Каратыгина взять—каждую фразу иначе произносили. Нынче издѣваются надъ словами: „Цей подъ ножомъ Прокопа Лянунова!“—а вѣдь ихъ надо произнести на особый манеръ. И прежде въ самой простой фразѣ музыка была: „И вижу тебя, Заруцкій, да и тебя, Ржевскій“... А начини-ка теперь—на смѣхъ подымуть. Я, Владиміръ Павловичъ, ни Сальвини, ни Росси не удо-

стоился видѣть, но навѣрняка у нихъ нотка музыкальная. По-итальянски это обязательно... а почему не у насъ?

Онъ присѣлъ къ Вовѣ и, наклонивъ голову, заговорилъ менѣе возбужденно:

— Мечтаю я объ Эдипѣ.

— Учите роль?

— Нѣтъ!.. У насъ въ боевомъ репертуарѣ его нѣтъ. Новаго перевода я не читалъ, а есть старинный. Вотъ положеніе-то. Стоитъ гамлетовскаго. Вы, небось, должны помнить.

— Нѣтъ, я знаю,—оговорился Вова, слегка краснѣя,— только содержаніе.

— Вы вѣдь счастливецъ: по-гречески можете читать. У васъ трагиковъ-то проходили ужъ?

— Въ седьмомъ будутъ... кажется, отрывки.

— Видите!

Актеръ всталъ и отошелъ ко входу въ бесѣдку, образованную двумя вишневыми деревьями.

— Греки-то стихи свои нараспѣвъ читали... съ музыкой. Это доподлинно извѣстно.

— Да,—подтвердилъ серьезно Вова.—Рэпсоды распѣвали.

— Рэпсоды?

— Пѣвцы... гомеровскіе. Дѣлали паузы и играли на китарахъ... на цитрахъ, по-нынѣшнему.

— Вотъ видите! Значитъ, держались размѣренной рѣчи?

— Разумѣется... Гекзаметръ иначе пельзя читать.

— Вы, небось, умѣете? — блеснувъ глазами, спросилъ актеръ.

— Умѣю... Только это, по-моему, одна затѣя: нашего брата ловить на короткихъ и длинныхъ.

— Ну, я не согласенъ. Музыка! Вотъ куда надо идти. Чтобы каждое чувство выливалось въ нотѣ.

— Для этого пѣніе въ оперѣ есть.

— То само собою. Вы, голубчикъ, что-нибудь знаете наизусть... изъ гекзаметровъ?

— Знаю.

— Напримѣръ?

— Ну, изъ Одиссеи... что ли.

— Батюшка, продекламируйте, какъ слѣдуетъ, со всѣми долгими и короткими. Хоть одинъ стихъ.

Вова закинулъ немного голову — такъ онъ всегда припоминалъ — и началъ произносить, усиленно отбивая стопы:

— „Андра—мой—эннепэ—мўса—по—лётропонъ—ос-
малл пблль“...

— Чудесно! Точно елей проливаете!—вскричалъ актеръ
и взбилъ себѣ волосы на правомъ вискѣ. — Повторите-ка
еще, Бога ради!

Вова повторилъ поскорѣе.

— Вѣдь, небось, этому надо учиться? А такъ, просто,
безъ... какъ это у васъ называется?

— Скандировки?

— Ну, да... выйдетъ совсѣмъ не то!

— Выйдетъ такъ:

Вова прочелъ съ обыкновенными паузами:

— „Андра мой, эннепэ, мўса, полётропонъ, осмалл,
поллль“...

— То, да не то... И чѣмъ же греки-то хуже насъ были,
Владиміръ Павловичъ? Все вѣдь отъ нихъ пошло... искус-
ство, театръ?.. Такъ ли?

— Такъ.

Актеръ говорилъ умно, и это какъ бы задѣвало Вову.
Отчего же онъ, какъ истый школьникъ, не находилъ до
сихъ поръ никакой красоты въ греческомъ гекзаметрѣ и,
вообще, не дѣлалъ изъ своего знанія языка никакого при-
ятнаго употребленія?.. Могъ бы и теперь, не дожидаясь
заванія седьмого класса, добыть себѣ этого самаго „Эдипа-
царя“ и начать его читать, для себя, хотя бы и загля-
дывая въ словарь.

Вѣдь онъ не какой-нибудь заурядный „реалистъ“, знаю-
щій свою химію и механику. Онъ—классикъ, ему дорога
въ университетъ, и онъ мечтаетъ уже о томъ, какъ вер-
нется сюда, на будущій годъ, съ голубымъ воротникомъ
и при шпагѣ.

— Теперь все измельчало, — продолжалъ волноваться
Брянскій, то вскакивая, то присаживаясь къ нему, — а въ
древнемъ-то театрѣ не такъ играли, ничего не боялись—
ни декламации нараспѣвъ, ни криковъ... Гдѣ-то я читалъ,
что въ одной трагедіи герой воемъ выль отъ боли... Таеъ-
то! А съ этой простотой мы совсѣмъ поглупѣли.

Онъ трихнулъ своими кудрями и съ быстрымъ пере-
ходомъ въ другой тонъ, спросилъ Вову:

— Не хотите ли пойти покалякать къ Сырейщикову?
У него бы и закусили?

„Мися ждетъ“,—подумалъ сейчасъ же Вова, но ему не
стало жалко сестры. Позавтракаетъ одна.

— Пожалуй. Онъ изъ Москвы вернулся?

— Нѣтъ, бѣгалъ на отцовскомъ пароходѣ... Слышно, по газетамъ, на Волгѣ пловучій театръ устраиваютъ.

— Какъ пловучій?

Вона оживленно всталъ, и они пошли по аллеякъ изъ кустовъ малины въ глубь сада.

— Домъ цѣлый, въ видѣ башни, со сценой. И на буксирѣ его возить будутъ. Комнаты для артистовъ... Сегодня дадутъ спектакль въ Казани, завтра въ Чебоксарахъ, и такъ въ каждомъ поволжскомъ городѣ.

— Идея богатая!

— Еще бы!

— Вотъ бы вамъ, Брянскій! Чего бы лучше?.. Это вѣдь сосѣтѣ будетъ?

— Должно полагать! Только я не очень этими товариществами восхищаюсь!.. Сейчасъ пойдутъ раздоры да умичанье. Одно слово—семибоярщина... Ужъ лучше антрепренеръ. Онъ—неучъ, кабатчикъ, плутага, но коль скоро я у него первый сюжетъ—никто надо мной командовать не станетъ.

Съ этимъ Вова согласился. Въ собственномъ дѣлѣ надо быть мужчиной. Ты чувствуешь себя артистомъ и гни въ свою сторону. Ни передъ кѣмъ не прыгай: мало ли что товарищество!

И Мися норовить все свести къ жизни душа въ душу, чтобы ни въ чемъ не идти иначе, какъ въ ногу. А это въ сущности—умничанье и тиранство.

— У Сырейщикова мы навѣрняка найдемъ еще кого-нибудь. Дароносцева, небось, знаете?

— Видалъ.

— Навѣрняка тамъ... Можетъ, и фотографъ Гадюкинъ завернетъ. Я такъ, какъ есть, пойду. Только крылатку накинута... Подождите меня минутку... Я сейчасъ.

Актеръ побѣжалъ на заднее крыльцо.

IX.

На балконѣ у купеческаго сына Сырейщикова собралось цѣлое общество послѣ закуски, еще стоявшей на столѣ первой комнаты.

Онъ занималъ весь мезонинъ отцовскаго дома.

Самъ онъ—краснощекій, кудрявый блондинъ, пестро и чрезвычайно старательно одѣтый, съ полной шеей, точно

у жепщины, съ отложнымъ воротничкомъ — приглашалъ гостей подышать „чистымъ воздухомъ“ и разсаживалъ ихъ.

Фасадъ выходилъ въ садъ, гдѣ липы стояли густыми кучами подь самымъ балкономъ.

Сырейщиковъ со всѣми своими гостями обращался ласково и съ отѣнкомъ почтенія — такъ же какъ и съ Вовой: его онъ даже отличалъ немного, какъ сына настоящаго „барина“, да еще директора земельного банка, избраннаго дворянами. Онъ очень часто изливался Вовѣ въ своихъ „особенныхъ чувствахъ“ къ нему.

У него было влеченіе къ „интеллигенціи“ — къ актерамъ, писателямъ, ко всѣмъ, кто въ ихъ городѣ жилъ подь надзоромъ, ко всякимъ заѣзжимъ знаменитостямъ, вплоть до клоуновъ цирка, которыхъ онъ всегда угощалъ, но скрывалъ это отъ тѣхъ, кого уважалъ и побаивался. Въ Брянскомъ-Волгинѣ онъ признавалъ талантъ потому именно, что онъ немножко „съ придурью“. Онъ читалъ книгу Ломброзо: „Геній и безуміе“, какъ и много другихъ книгъ „самаго послѣдняго привоза“, — такъ острилъ надъ нимъ одинъ изъ учителей гимназіи, который помнилъ его успѣхи въ греческомъ языкѣ.

Кромѣ Вовы и актера, закусывали у Сырейщикова еще двое: фотографъ Гадюкинъ — молодой малый, обросшій весь черной бородой, вплоть до половины щекъ, смуглый и съ глазами навывать, плотный и небрежно одѣтый, съ запахомъ зэира. Его дѣла шли еще плоховато. Онъ тоже льнулъ къ интеллигенціи. Сегодня онъ забѣжалъ къ Сырейщикову насчетъ портрета, заказаннаго ему „въ натуральную величину“, — и тотъ удержалъ его.

Недавнимъ гостемъ — и Сырейщиковъ очень за нимъ ухаживалъ — былъ живущій „не по своей волѣ“ съ прошлой зимы и работавшій по статистикѣ Дароносцевъ, о которомъ говорилъ Вовѣ Брянскій. И Вову онъ интересовалъ. Дароносцевъ пришелъ къ концу закуски, и хозяинъ не успѣлъ или не догадался познакомить съ нимъ Вову особенно. Онъ только угощалъ его, повторяя, что сейчасъ можно оборудовать стерлядку по-американски, отъ чего Дароносцевъ отказался.

Статистикъ смотрѣлъ еще нестарымъ дьякономъ — высовій, вершковъ больше десяти, худой, борода съ рыжиной и взбитые, какъ пѣна, также рыжеватые волосы. Лицомъ красивый; крупный носъ и насмѣшливыя губы

придавали ему почти постоянное выраженіе умной и без-
церемонной усмѣшки.

Онъ весь былъ въ парусинѣ и безъ галстука, въ ру-
башкѣ съ расшитымъ воротомъ.

— Сигарочку не угодно ли кому? — угощаль Сырей-
щиковъ.—Флегонтъ Кузьмичъ!

— Спасибо... Я свои папиросы люблю.

— А наливочки, господа! Еще по рюмкѣ. Маменька
клубничкой настояла. Превосхо-одна!..—пропѣлъ Сырей-
щиковъ и даже подмигнулъ правымъ глазомъ.

— Это можно,—отозвался статистикъ.—И сигарку со-
благоволите.

— А ты не хочешь?—спросилъ хозяинъ у актера.

— Нѣтъ... Меня отъ куренья отшибло.

— А вамъ, Владиміръ Павловичъ?

Вова немного стѣснялся. Ему льстило то, что его счи-
тають „совсѣмъ мужчиной“; но присутствіе статистика
какъ-то смущало его. Да онъ и папиросы-то курилъ
рѣдко, больше для виду. А тутъ еще, пожалуй, мутить
будетъ.

— Наливочки повторить?

— Ужъ не знаю.

Онъ, закусывая, выпилъ уже рюмку хересу и рюмку
другой наливки. Щеки у него и безъ того пылали.

— Я мигомъ, господа.

Сырейщиковъ побѣждалъ въ комнаты, очень довольный,
что у него такая отборная компанія и цѣнить его уго-
щеніе.

— Ну, что же, Степанъ Ѳеодоровичъ, — спросилъ фото-
графъ, подсаживаясь къ статистике, — много поѣздили
этимъ лѣтомъ?

— Не мало.

Голосъ у Даропосцева былъ басовой, отзывавшійся се-
минаріей.

— Въ заволжскихъ трущобахъ, небось?

— Именно.

— И какъ нашли состояніе оныхъ палестинъ?

— Да вездѣ одно и то же: скудость большая въ
крестьянствѣ, самодурство набольшихъ, порютъ здорово,
вездѣ кулачество; господа дворяне или отсутствуютъ по
заграницамъ, или проѣдаютъ свои ссуды. А ссуды вездѣ
по самымъ облыжнымъ оцѣнкамъ даны.

Актеръ прислушался. Онъ считалъ благородство своей

души—на высотѣ Гамлета и любилъ обличительные разговоры. И Вова, заслышавъ слова о ссудахъ дворянамъ, тоже пододвинулся.

Не въ первый разъ доходили и до него городскіе толки, что въ банкѣ, гдѣ отецъ былъ главнымъ „воротилой“, много имѣній остается на рукахъ у банка, и за нихъ, на торгахъ, не даютъ той цѣны, какую банкъ назначилъ. Стало-быть, оцѣнки были дѣланы слишкомъ большія.

Но онъ не могъ въ это входить, не хотѣлъ обвинять отца. Мало ли что толкуютъ въ городѣ про всякаго, кто на виду.

Слова статистика задѣли его.

Онъ спросилъ, не безъ волненія, ни къ кому прямо не обращаясь:

— Стало-быть... цѣны пали?

— Ничуть не бывало, — отвѣтилъ Дароносцевъ, улыбувшись вкось, и положилъ ногу на ногу. — Въ банкѣ—шахеръ-махерство.

Фотографъ не зналъ, что Вова—сынъ Павла Андреевича Майорова; актеръ не вникъ въ это—у него въ головѣ всегда было что-нибудь свое, дополнительное къ разговору, какой вели при немъ.

Шумно влетѣлъ на балконъ хозяинъ съ ящичкомъ сигаръ и со столикомъ.

— Такъ удобнѣе будетъ... господа!.. Я сейчасъ и наливку, и рюмки. А вотъ и сигары. Рекомендую... По-испански... называются: „Лосъ эрманосъ“. Что такое значить—не могу объяснить; но звонко выходить.

И онъ опять убѣждалъ.

— То-есть, какое же шахеръ-махерство? — спросилъ Вова, чувствуя, что у него въ ушахъ зазвенѣло.

Его интересовали такіе, какъ этотъ Дароносцевъ. Но зачѣмъ же вдругъ, безъ всякихъ доказательствъ, обвинять, въ чемъ—въ мошенничествѣ?

— Да самое простое. По пословицѣ—рука руку моетъ... Первый у насъ въ банкѣ ловкачъ—директоръ-предсѣдатель. Какъ же ему другимъ не мирволить, коли онъ себѣ въ художниковской волости такую лѣсную дачу приобрѣлъ за треть цѣны?

Первое движеніе Вовы было встать и крикнуть:

„Вы не смѣте такъ! Этотъ директоръ — мой отецъ, Павелъ Андреевичъ Майоровъ, и я вамъ не позволю про него говорить, какъ про жулика!“

Но онъ ничего не крикнулъ, а только всталъ въ сильномъ возбужденіи, которое не могъ и не хотѣлъ сдержать.

Х.

Сырейщиковъ снова влетѣлъ съ бутылкой наливки и рюмками.

Его суетливость и купеческіе приемы угощенія показались Вовѣ противными, и вообще вся эта „компанія“, въ которой онъ льнулъ.

— Вы о чемъ это?—спросилъ статистика хозяинъ.

— Да вотъ насчетъ гешефтмахерства господъ сословныхъ заправилъ банка, — съ оттяжкой выговорилъ Дароносцевъ, отхлебнувъ изъ рюмки, и на особый ладъ крякнулъ, переглянувшись съ остальными.

— Однако... позвольте...—губы Вовы дрогнули и онъ всталъ прямо противъ Дароносцева.—Такъ нельзя-съ.

— Чего?—довольно безцеремонно спросилъ тотъ.

— Такъ нельзя... обвинять и порочить людей.

— Почему же, коли на это есть несомнѣнные факты?

Хозяинъ понялъ, въ чемъ дѣло, наклонился къ Дароносцеву и полугромко сказалъ, указавъ глазами на Вову:

— Господинъ Майоровъ, сынокъ Павла Андреевича.

— А-а! — протянулъ Дароносцевъ и крупнѣе усмѣхнулся.— Я не зналъ... не зналъ, что вы — сынокъ господина директора. Ваше сыновнее чувство я не желалъ задѣвать; но вы—тоже не дитя. Пора и вникать въ то, что вокругъ васъ творится.

Остальные гости смущенно промолчали. Хозяинъ взялъ Вову за плечи и сталъ ихъ жать.

— Владиміръ Павловичъ... вы извините, голубчикъ... Степанъ Фёдоровичъ не хотѣлъ ничего такого... чтобы васъ, значить, задѣть или тамъ что.

Вова отстранилъ его и остался на томъ же мѣстѣ, противъ Дароносцева, продолжавшаго улыбаться.

— Знаю-съ. Господинъ Дароносцевъ сдѣлалъ это... безъ намѣренія... Но не въ томъ дѣло-съ...

Онъ сталъ, противъ воли, прибавлять частицу „съ“, чувствуя, что волненіе его не улеглось.

У него уже мелькнула мысль:

„Будь это во Франціи или будь онъ офицеръ или юнкеръ, онъ бы сразу осадилъ этого злоязычника, который кичится тѣмъ, что онъ подѣ надзоромъ и по деревнямъ ѣздитъ. Да, любой юнкеръ крикнулъ бы ему:—

„Извольте взять свои слова назадъ, а если нѣтъ, то вотъ вамъ моя карточка!“

Но теперь уже глупо будетъ такъ повести себя, разъ это перешло въ разговоръ, въ споръ.

Онъ не могъ сразу найти, въ какомъ смыслѣ дать отпоръ этому „семинару“, воображающему, что онъ—защитникъ высшей честности.

— Выпейте, голубчикъ, наливочки!—приставалъ хозяинъ.

— Оставьте меня съ вашей наливкой!

Вова отвелъ его даже рукой и сталъ блѣднѣть.

— Позвольте вамъ вотъ что сказать,—началъ онъ, сдѣлавъ шагъ назадъ, но все еще противъ самого Дароносцева. — Случись тутъ или не случись сынъ Павла Андреевича, а такъ нельзя-съ!.. Оттого, что я посмотрю на себя, какъ на обличителя—такъ и давай про всѣхъ какъ про грабителей говорить. Мой отецъ у всѣхъ на виду. Ему довѣряютъ... А сплетенъ и всякой клеветы... въ газетахъ не оберешься.

— Голубчикъ!—бросился къ нему Сырейщиковъ. — Вы напрасно... Вы напрасно...

— Про это я самъ знаю. Я вашей компаніи растривать не хочу... Господинъ Дароносцевъ своихъ словъ вѣдь не возьметъ назадъ?

Этотъ вопросъ пронесся среди молчанія.

— Вы это меня спрашиваете?—откликнулся не сразу статистикъ.—Въ одномъ я могу повиниться и передъ хозяиномъ, и передъ вами, хотя вина моя невольная: при васъ не слѣдовало говорить—вотъ и все.

Дароносцевъ всталъ и отошелъ къ периламъ.

— Такъ и мнѣ здѣсь нечего дѣлать!—уже крикнулъ Вова.—Вы, Брянскій, остаетесь?

— Что жъ!.. И я пойду.

Какъ хозяинъ ли упрашивалъ: выпить и все обратить въ шутку—Вова сбѣжалъ поспѣшно внизъ. За нимъ спустился и актеръ, не проронившій все время ни слова.

Первые шаги по улицѣ они прошли молча. Вова не смотрѣлъ на актера. Онъ отдавался тому, что въ немъ происходило.

Худо ли, хорошо ли, но онъ повелъ себя какъ мужчина, а не какъ мальчуганъ, при которомъ можно безнаказанно говорить такъ про его отца.

— Владиміръ Павловичъ!—глухо окликнулъ его актеръ.

— Что вамъ?

— Я васъ понимаю.

Брянскій остановился посрединѣ тротуара.

Остановился и Вова.

— Понимаю!—повторилъ Брянскій.—Я не буду входить въ разборъ вопроса по существу... но вхожу въ душу сына. Она должна быть неприкосновенна... Принцъ датскій до тѣхъ поръ былъ цѣльный человѣкъ, пока его сыновнее чувство не было затронуто... Что же! Этому семинару надо было дать отпоръ. Очень ужъ эти господа зазнались. Вѣдь и въ искусство лѣзутъ тоже со своей мѣркой. И ничего-то не смыслятъ!

„Ну, поѣхало!“—воскликнулъ про себя Вова и двинулся опять по тротуару.

Актеръ попадалъ на одну изъ своихъ зарубокъ.

— Вы куда?—спросилъ его Вова.—Домой?

— Нѣтъ, засидѣлся... Хочу зайти къ Стружкнну въ трактиръ, на бильярдъ партію-другую... Не желаете ли и вы?

— Нѣтъ. Я домой.

Они простились на углу Московской улицы, а Вова пошелъ все въ гору и сталъ задерживать ходъ.

Щеки его уже не такъ горѣли. Въ головѣ стало яснѣе, и его точно подмывало что-то пріятное, новое. Сознаніе, что онъ заступился за отца, приблизило его къ нему. Нельзя человѣку жить какъ ему хочется... Всѣ суютъ носъ, сплетничаютъ, обвиняютъ, допытываются. Въ городѣ—статистикъ и ему подобные... Даже Мися начинаетъ выѣшиваться совсѣмъ не въ свое дѣло, точно она какой-то Гамлетъ. Еще недоставало того, чтобы она явилась къ отцу, какъ принцъ датскій, и начала его усовѣщивать.

Все теперь тамъ, въ домѣ, казалось Вовѣ понятнымъ. Что жъ! Ну, положимъ, нѣмка—пріятельница отца; такъ вѣдь это должно быть извѣстно ихъ матери. Мать—большая, нервная; отцу съ ней тоскливо. Не будь этой Элоизы Христофоровны—другая бы явилась. Онъ на нее не разоряется, коли имѣнія покупаетъ, а если и обезпечить—такъ какъ же иначе?

Ему такъ пріятно и ново было чувствовать и разсуждать не по-мальчишески, а какъ настоящему мужчине—терпимо, съ пониманіемъ людей и всѣхъ ихъ слабостей.

Онъ вспомнилъ прибаутку покойной пняи:

„Всѣ, батюшка, люди, всѣ—человѣки“

Вотъ что слѣдовало бы его сестрѣ почаще вспоминать. Спускаясь по Московской улицѣ, онъ такъ ушелъ въ себя, что пропустилъ поворотъ къ ихъ дому, и долженъ былъ взять назадъ.

XI.

Элоиза Христофоровна между завтракомъ и обѣдомъ работала или читала у окна, поджидая возвращенія Павла Андреевича изъ банка.

Вова это зналъ. Онъ, какъ бы нарочно, перешелъ улицу за нѣскольکو шаговъ отъ флигеля, гдѣ жила „нѣмка“.

Если она ему поклонится и окликнетъ изъ окна, онъ зайдетъ къ ней непременно и попроситъ книжку.

Еще издали онъ разглядѣлъ бѣлокурую молодавую голову Элоизы Христофоровны, всегда аккуратно причесанной, съ кучкой на маковкѣ. Она читала у окна, въ свѣтлой шелковой кофтѣ съ высокимъ воротникомъ. Талія, еще стройная и тонкая, стянута желтымъ кушакомъ съ мысомъ. Ему видны были только голова и плечи, не очень пышныя, но красивыя, немного приподнятыя вверхъ подъ широкими буфами рукавовъ.

Это бѣлокурое лицо, съ нѣжнымъ румянцемъ и пріятнымъ загибомъ короткаго носа, всегда привѣтливо улыбалось ему и свѣтло-сѣрые глаза, спокойные и чуть-чуть высматривающіе, дополняли эту улыбку.

Онъ поклонился первый, переходя на тротуаръ.

— Здравствуйте, Вольдемаръ!—раздался звучный, вздрагивающій голосъ Элоизы Христофоровны.

Передъ окномъ Вова спросилъ не очень громко:

— Можно зайти за книгой... тотъ романъ... вы говорили, Элоиза Христофоровна?

— Очень рада. Зайдите.

Вошелъ онъ съ переулка, съ параднаго крыльца. Ему отворила горничная, тоже нѣмка, чистенькая, въ фартучкѣ, такъ же по-модному причесанная, какъ и ея барыня.

И она улыбнулась ему, и въ ея узкихъ карихъ глазахъ онъ могъ бы прочесть заигрыванье, какъ будто они говорили: „какой ты плохой! большой, а не желаешь хоть немножко побалагурить со мною!“

Мися давно не могла выносить этой горничной, и онъ до сихъ поръ, когда она ему попадалась, хмурился.

Но тутъ онъ ласково взглянулъ на нее и первый выговорилъ:

— Здравствуйте!

У Элоизы Христофоровны во всѣхъ комнатахъ была особенная чистота. И все какъ-то блестяло: мебель, картины по стѣнамъ, вещицы на столикахъ въ ея будуарѣ, гдѣ она сидѣла, у окна. И пахло куреньемъ, освѣжающимъ и очень пріятнымъ. Растенія стояли въ углахъ; окна и двери были драпированы недорогими восточными одѣялами.

Невольно сравнилъ онъ этотъ порядокъ и эту чистоту съ тѣмъ, какъ держались у его матери комнаты мезонина.

— Благодарю, что зашли,—встрѣтила его Элоиза Христофоровна и даже приподнялась. — Садитесь... Книжка давно васъ ждетъ.

Она говорила ровно, веселымъ тономъ, съ чуть замѣтными остановками.

— У васъ здѣсь какъ прохладно, — выговорилъ Вова, озираясь, и присѣлъ также къ окну.

— Гдѣ побывали?.. Ходили на рѣку, купались?

— Нѣтъ... Я былъ въ гостяхъ.

Лицо его было все еще красно. Вѣроятно, вино и наливка, выпитыя имъ, давали духъ.

Что-то промелькнуло въ глазахъ и въ усмѣшкѣ Элоизы Христофоровны.

Она отложила книгу на столикъ и, выправивъ свой бюстъ, поправила прическу движеніемъ пальцевъ съ блестящей кожей, въ кольцахъ. Руки у нея были холенныя и красивыя.

— Что жъ... гдѣ-нибудь у вашихъ товарищей... Тамъ и завтракали?

Элоиза Христофоровна прошла въ взглядомъ по возбужденному лицу Вовы.

Онъ ей вообще нравился. Въ немъ она не чуяла той заслонки, какъ въ сестрѣ его, сознавая впередъ, что если ей судьба пошлетъ быть законной женой Павла Андреевича, со своимъ будущимъ пасынкомъ она поладитъ легче, чѣмъ съ падчерицей.

— Да, завтракалъ... тутъ у одного купчика.

— Развѣ такое общество васъ интересуетъ?

Тонъ вопроса былъ не строгій, а дружескій.

— Видите ли... Элоиза Христофоровна, у него соби-

рается... кое-кто изъ интересныхъ личностей. Онъ любитъ угостить.

— А-а! — протянула она и усмѣхнулась, совсѣмъ уже по-пріятельски.—Вы, Вольдемаръ, и угощались?

— Признаться сказать... я пожалѣлъ, что пошелъ туда.

Она не спросила „почему“, а только глядѣла на него выжидательно.

Это очень понравилось Вовѣ. Ему надо было излиться. Ихъ соединяло чувство къ одному человѣку. Она пойметъ и одѣлать поведеніе сына, который не могъ не заступиться за отца.

— Видите ли...

— Да вы, пожалуйста, не рассказывайте, Вольдемаръ, если вамъ это непріятно.

— Нѣтъ! Почему? Только, пожалуйста, это между нами.

— О! Я скромная!.. Вы меня совсѣмъ не знаете.

— Конечно, конечно... Не передавайте... папѣ.

— Павлу Андреевичу? Съ какой стати!

Она чуть замѣтно повела плечами.

— Я прошу васъ быть со мною какъ съ хорошимъ товарищемъ. У васъ могутъ быть свои тайны. Вы уже не ребенокъ.

Глаза ея игриво блеснули.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не то... Это не касается моей жизни по гимназін... или вообще какой-нибудь исторіи.

Смущеніе начало овладѣвать имъ; но взяло верхъ желаніе рассказать ей, какъ онъ повелъ себя у Сырейщикова.

Уже не путаясь въ словахъ, быстро, горячимъ тономъ рассказалъ онъ, что вышло на балконѣ у купчика.

— Согласитесь сами, Элоиза Христофоровна, — закончилъ Вова и заходилъ по комнатѣ, — я не могъ стерпѣть. Моего отца я не стану судить и разбирать его поведеніе.

— Еще бы! — вырвалось у Элоизы Христофоровны, и щеки ея стали розовѣть.

— Ему довѣряетъ все общество, всѣ, кто его выбиралъ. Но я—его сынъ, и только у насъ такъ... можно сказать. свински ведутъ себя господа...

Онъ искалъ слова.

— Господа интеллигенты, воображающіе, что они—солъ земли.

Этой тирадой онъ остался очень доволенъ, въ особен-

ности словами: „соль земли“. И ни одной секунды ему не было неловко оттого, что сидитъ онъ у пріятельницы своего отца, которая, при жизни его матери, заняла ея мѣсто и въ сердцѣ, если не во всемъ домѣ.

Она его понимала и не можетъ не оцѣнить его поступка.

XII.

— Милый Вольдемаръ!

Элоиза Христофоровна подошла къ нему очень быстро и поцѣловала въ лобъ.

Этого онъ не ожидалъ и густо покраснѣлъ.

— Милый! — повторила она. — Это очень... очень хорошо съ вашей стороны... Я всегда считала васъ съ благородной душой.

Вова молчалъ. Онъ былъ тронутъ, и его вовсе не дернуло то чувство, что такъ оцѣнила его не родная мать, а подруга его отца.

Что жъ! Тѣмъ хуже! Мися, конечно, могла бы понять благородство его поступка, но, онъ ее знаетъ, она начала бы болтать лишнее. Стала бы, пожалуй, говорить въ кисло-огорченномъ тонѣ, что отца нельзя оправдать, если онъ, дѣйствительно, купилъ за безцѣнокъ землю, заложенную въ его же банкъ.

— Только, пожалуйста... Элоиза Христофоровна... не говорите папѣ.

— Не скажу, не скажу... Я не хочу его тревожить... И безъ того онъ знаетъ, что сплетничаютъ про него всюду, по всему городу. Но вы этимъ не должны смущаться, Вольдемаръ... И должны продолжать вѣрить вашему отцу.

Она тоже заходила по комнатѣ. Вова слѣдилъ за нею глазами, и ему она все больше нравилась: такая она умная и все понимающая, красивая, свѣжая и нарядная.

„Что жъ! Отцу можно только позавидовать!“ — подумалъ онъ и не смутился такой мыслью, не подумалъ тотчасъ же о Мисѣ, какъ дѣлалъ до сихъ поръ всегда, думая про себя.

— Не хотите ли... чаю? Или варенья съ холодной водой?—спросила все такъ же оживленно Элоиза Христофоровна.

— Мерсі... Къ чаю я слабости не имѣю.

— Есть у меня водлянка... свѣжая... изъ черной смородины.

— Позвольте.

Она позвонила. Пришла та же горничная, и она ей приказала по-нѣмцки.

Пріятное волненіе Вовы продолжалось; только онъ не находилъ уже, о чемъ ему говорить дальше съ Элоизой Христофоровной... Онъ вспомнилъ о книжкѣ, о томъ романѣ, за которымъ, собственно, и зашелъ.

— Вы кончили романъ?—спросилъ онъ, возвращаясь къ окну.—Я могу и подождать.

— Возьмите, возьмите... Очень интересно... А вы по-французски читаете, Вольдемаръ?

— Читаю... но не всякій языкъ понимаю.

— Отчего же вы неглижируете языками? Если угодно, мы могли бы читать вмѣстѣ. Это самая лучшая практика... У меня порядочное произношеніе.

— Я очень радъ... Только вслухъ я по-французски не приученъ.

— Надо начинать... Такой вы представительный юноша—вамъ неловко будетъ потомъ въ обществѣ безъ языка.

— Нынче это такъ не требуется, какъ когда-то...

— Не скажите!.. Почему же не знать языка, если есть возможность. Вашъ папа всегда объ этомъ говорить, и ему очень неприятно, что при сестрѣ вашей никого нѣтъ теперь. И она отстаетъ отъ языка.

— Да, Мися немногимъ бойчѣе меня.

— Вотъ видите. И это очень-очень жаль. А потомъ уже поздно будетъ. Выйдетъ изъ гимназій—надо выѣзжать.

Все, что она говорила, онъ находилъ сегодня очень дѣльнымъ.

Съ Мисей они любили „полиберальничать“ насчетъ французскаго „прононса“. Но вѣдь почему же и отказываться отъ знанія языка? Вотъ и онъ могъ бы читать всякія книжки, а теперь ему надо лазить въ лексиконъ, и онъ кончить тѣмъ, что совсѣмъ забросить.

Эта „нѣмка“—умная и съ тактомъ, нечего и говорить. Она не желаетъ вмѣшиваться не въ свое дѣло. Но она заботливо думаетъ о нихъ обоихъ и отлично знаетъ, что отцу нравится, что онъ желалъ бы видѣть въ своихъ дѣтяхъ.

Вова понял тутъ яснѣе, чѣмъ прежде, что мать его, по болѣзненности и отъ своего характера, хоть и любила отца, не умѣла ему угодить въ самомъ существенномъ, не занималась и дѣтьми „какъ слѣдуетъ“.

— Вы правы, Элоиза Христофоровна, — сказалъ онъ, отхлебывая изъ стакана водянку, поданную горничной.

— Я очень, очень рада, Вольдемаръ, что вы согласны со мною... Хотите начать теперь... читать?

— Да я, право, не привыкъ. Вамъ будетъ скучно.

— Нисколько!

Своей легкой походкой—очень молодой женщины—подшла она къ этажеркѣ и достала оттуда желтый томикъ. Это былъ романъ Альфонса Додэ.

— Ну вотъ, начните... Я возьму питье и буду васъ останавливать только на... серьезныхъ ошибкахъ. Если хотите, приходите ко мнѣ хоть каждый день, вотъ въ это же время, или лучше немного пораньше, послѣ нашего завтрака.

Ему стало немного конфузно передъ нею. За произношеніе онъ еще не такъ боялся; но читать живо, безъ запинки онъ не могъ.

— Что же... я слушаю!—раздался веселый и ободряющій возгласъ.

Онъ началъ, отхлебнувъ еще разъ изъ стакана.

Произносилъ онъ порядочно, но слишкомъ мягко и съ разными русскими оттѣнками въ выговариваніи гласныхъ.

Элоиза Христофоровна слушала нѣсколько минутъ, наклонивъ голову надъ своей работой... На ея губахъ застыла снисходительная усмѣшка.

Она была родомъ нѣмка, но провела нѣсколько лѣтъ во французской Швейцаріи, въ семействѣ богатыхъ людей, у которыхъ, до замужества, жила въ качествѣ полу-гувернантки, полукомпаньонки. Выговоръ у нея былъ хорошій, но немного жестковатый, похожій на то, какъ говорятъ въ Лозаннѣ и Вевѣ; но среди русскихъ дамъ, въ провинціи и гдѣ угодно,—она могла сойти за иностранку, когда говорила по-французски. Нѣмецкаго акцента у нея не было никакого и по-русски.

— Плохо?—наивнымъ звукомъ спросилъ Вова.—Гнусно?

— Почему же?... Только у васъ нѣтъ никакой практики... И потому, позвольте сейчасъ же указать вамъ, Вольдемаръ... вы только не обижайтесь.

— Съ какой же стати, Элоиза Христофоровна?

— Какъ у многихъ русскихъ... И барышни, и барыни наши такъ произносятъ... У васъ всѣ гласныя на одинъ фасонъ.

Она слегка разсмѣялась, но это его не задѣло.

— То-есть какъ же это?

— Гласная „е“... она вѣдь различно произносится, смотря по знаку... Надо иначе развѣвать ротъ.

— Это точно.

— А у русскихъ все одно „е“, хотя бы стоялъ accent circonflèxe.

— Я это зналъ... Только славянская рыхлость мѣшала. Они оба разсмѣялись. Вовѣ стало очень весело.

XIII.

Съ крыльца позвонили.

— Это папá!—сказала Элоиза Христофоровна.

Вова смолкъ, опять густо покраснѣлъ и всталъ тотчасъ же.

Уходить было уже поздно. Какъ посмотреть на это отецъ—онъ не могъ знать навѣрно.

Но смущеніе свое Вова подавилъ. Что жъ такое! Навѣрно отецъ уже зналъ, что они съ Элоизой Христофоровной знакомы не со вчерашняго дня.

„Стало-быть, чего же тутъ „дрейфить“,—выразился онъ мысленно любимымъ гимназическимъ словомъ.

Элоиза Христофоровна пошла навстрѣчу къ Павлу Андреевичу, и Вова, оставшись въ гостиной, прошелся немного по ковру и поправилъ волосы, взглянувъ издали въ стѣнное зеркало.

Отецъ его что-то сказалъ вполголоса, и она ему отвѣтила такъ же.

— Здравствуй, Вова! — раздался на порогѣ гостиной пріятный басокъ Павла Андреевича.

Вова не подошелъ къ нему къ рукѣ; онъ этого не дѣлалъ, да и отецъ не требовалъ. Онъ только, на особый ладъ, выпрямился, стоя у круглаго стола съ лампой и альбомами.

— Читаетъ вамъ вслухъ, Элоиза Христофоровна? — спросилъ Павелъ Андреевичъ съ улыбкой одобренія.

— Да, и, право, очень недурно.

Она сказала это нѣсколько возбужденно и потеряла руки.

— Что жъ, продолжай, я слушаю.

При отцѣ Вовѣ совсѣмъ не хотѣлось читать. Элоиза Христофоровна это поняла.

— Зачѣмъ же его конфузить! — сказала она тономъ бѣловницы-матери.

— Какой вздоръ!

Майоровъ сѣлъ и закурилъ папиросу. Онъ и самъ былъ немного стѣсненъ, но ловко скрывалъ это.

— Что жъ, Вольдемаръ, рѣшаетесь?

— Я думаю, довольно, — отвѣтилъ Вова, взглянувъ бокомъ на отца.

— Какъ знаешь, — благодушно выговорилъ отецъ. — Ты долженъ быть благодаренъ Элоизѣ Христофоровнѣ за ея доброту. И если ты не воспользуешься ея указаніями — вини себя. А языками пренебрегать не слѣдуетъ. Вотъ и сестра твоя неглижируетъ...

Павель Андреевичъ остановился. Дочь можно было и не поминать въ этой гостиной, у своей „подруги“. Наверно, уже и сынъ догадывается о многомъ. Малый совсѣмъ возмужалъ, подбородокъ обросъ пушкомъ и усики пробиваются... Но Элоиза Христофоровна — женщина съ „чудеснымъ *savoir faire*“. Она только подготовитъ почву дальнѣйшаго своего положенія въ семействѣ.

— Хотите заняться завтра, такъ около часа?

— Съ удовольствіемъ, — торопливо выговорилъ Вова и такъ же торопливо пожалъ ей руку. — До свиданія, папа! — сказалъ онъ отцу, не глядя на него, когда проходилъ къ двери въ залу.

— Вы не возьмете съ собою книжки? — окликнула его Элоиза Христофоровна.

— Ахъ, да, пожалуйста.

— Вы можете просмотрѣть дальше.

Онъ взялъ томикъ и захватилъ свою фуражку, брошенную на подоконникъ.

Только въ передней онъ почувствовалъ себя вольнѣе. Нѣмка спросила его:

— Вы пройдете дворомъ или на улицу?

Выйти заднимъ крыльцомъ — Мися можетъ увидать его изъ окна своей комнатки. Мать не увидитъ.

Да что же такое, если сестра и увидитъ... Ничего постыднаго онъ не сдѣлалъ и не сдѣлаетъ.

— Я дворомъ пройду, — твердо выговорилъ онъ.

Горничная провела его въ заднія сѣнцы. Дверь стояла незапертой. Онъ сбѣжалъ со ступенекъ крылечка и до-

вольно смѣло поднялъ глаза на одно изъ небольшихъ оконъ антресоля.

У окна могла сидѣть Мися.

Лица ея онъ не замѣтилъ, и ему, все-таки, стало отъ этого легче.

Онъ прошелъ заднимъ же крыльцомъ большого дома и поднялся къ себѣ, тихо ступая по ступенькамъ узкой лѣсенки, дѣлавшей три поворота.

Ихъ комнатки раздѣляла узкая площадка. Сестра, навѣрно, сидитъ—читаетъ. Врядъ ли у матери. Та не выносить, чтобы кто-нибудь подолгу оставался при ней.

Войдя къ себѣ, онъ прислушался.

Никого! Мися, можетъ-быть, внизу, въ гостиной или въ угловой. Она любитъ просторъ и прохладу и читаетъ гдѣ-нибудь.

Въ комнатѣ у него было мало порядка, но онъ не любилъ, чтобы прибирали то, что у него висѣло по стѣнамъ или лежало на столѣ. Когда начинались классы, онъ сиживалъ здѣсь, послѣ обѣда, за урокомъ; остальной вечеръ всегда почти проводилъ у Миси, или съ нею, внизу, въ столовой.

Его потянуло ко сну. Завтракъ, выпитое вино, „исторія“ съ статистикомъ, визитъ Элоизѣ Христофоровнѣ и встрѣча съ отцомъ вызвали въ немъ только теперь какую-то истому.

Не раздѣваясь, Вова повалился на кровать, надъ которой, по боковой стѣнѣ, висѣлъ кабинетный портретъ, гдѣ онъ сидѣлъ съ сестрой въ вагонѣ. Они такъ снялись прошлой зимой. Это означало тогда, что если они уѣдутъ отсюда, то уѣдутъ непременно вмѣстѣ.

Засыпая, онъ сейчасъ же увидалъ себя на балконѣ купчика Сырейщикова, въ позѣ нападенія на „семинара“, и это его наполнило сладкимъ чувствомъ своего превосходства. Въ полузабытьѣ, сообразилъ онъ, что Элоиза Христофоровна навѣрно скажетъ отцу про то, какъ онъ велъ себя съ семинаромъ. Отецъ, конечно, пойметъ благородство его поведенія.

Что-то, однако, прошлось по его душѣ совсѣмъ другого рода.

Неужели онъ вступилъ въ пріятельство съ этой нѣмкой? Вѣдь кто же она? Ее считаютъ всѣ — и Сырейщиковъ, и Бринскій, и фотографъ, и Дироносцевъ— „содер-

жанкой“. Такъ говорить весь городъ, и глупо было бы наивничать.

— Мало ли что!—выговорилъ онъ громко, но уже во снѣ...

Въ комнатѣ стояла душная тишина жаркаго дня. Ни единого звука не раздавалось изъ-за площадки. И въ мезонинѣ все было тихо. Марѳа Петровна, послѣ приѣма какого-то наркотическаго лѣкарства, отъ острой боли въ вискѣ, забылась въ креслѣ.

Весь домъ какъ вымеръ, и на улицѣ только баба съ вишними музыкально выкрикивала свой товаръ.

Ея крикъ не разбудилъ Вову.

XIV.

Но Мися сидѣла у себя, все слышала и все видѣла.

Она видѣла, какъ ея братъ спустился съ задняго крыльца отъ „нѣмки“, и какъ онъ взглянулъ вверхъ, на окна антресоля. Она слышала его шаги по лѣстницѣ и приходъ въ комнату, и то, какъ онъ бросился на кровать, заснулъ тотчасъ же и началъ немного всхрапывать.

Къ завтраку она долго ждала его... И должна была ѣсть одна—кажется, въ первый разъ за все лѣто.

Мать ея за нею прислала почитать ей газету, но слушать не захотѣла больше четверти часа, нашла, что она „комкаетъ“ слова. Это бы ее не очень огорчило, но вдругъ она спросила ее:

— Гдѣ Вова?

— Онъ ушелъ въ гости.

— А не тамъ—во флигелѣ?

Ей, стало-быть, извѣстно, что Вова знакомъ съ нѣмкой!

И, кажется, она этимъ не возмущается. Ей точно хотѣлось что-нибудь узнать про нѣмку черезъ Вову, а его она, вѣроятно, стѣсняется выпрашивать.

Съ этимъ Мися не можетъ помириться.

Мама—такая безупречная и вѣрная жена—влюблена до сихъ поръ въ отца, и вдругъ допускаетъ все это. И точно рада была бы, если бъ Вова рассказалъ ей что-нибудь про нѣмку. Прежде этого не было. Какъ же ей, Мисѣ, выражать матери свое чувство, когда та не желаетъ, чтобы она позволяла себѣ хоть малѣйшій намекъ на ея оскорбительное положеніе, какъ жены и матери?

Мися неподвижно сидѣла поодаль отъ окна, откуда она могла, однако, видѣть, какъ Вова сходилъ съ задняго крыльца флигеля.

Это ее рѣзнуло, точно ножомъ. Вся размолвка съ братомъ съ новой силой начала мозжить ее.

Вотъ они—„гёрленки“, два голубя, жившіе до сегодня душа въ душу! У нихъ слово „виѣсть“ значило все. И вдругъ, въ одинъ день, это *все* покачнулось. И она не можетъ уступить,—не можетъ, а не то что не хочетъ.

До сихъ поръ братъ каждую свою мысль и каждое побужденіе сейчасъ ей показывалъ и зналъ напередъ, что она его поддержитъ. Бывали между ними споры, но такъ, въ пустякахъ, и она всегда уступитъ.

А тутъ — не то! Отъ него чѣмъ-то совсѣмъ другимъ повѣяло. Она чувствуетъ—чѣмъ. Ему надоѣло благородно на все смотрѣть, строго за собою слѣдить—это глупо, наивно, хорошо для „дѣвчонокъ“, какъ она... Развѣ нынче такъ живутъ и такъ чувствуютъ? Никто не хочетъ себя стѣснять, вмѣшиваться въ то, что его не касается, только бы ему самому было хорошо.

Да, она знаетъ... Начни она изливаться какой-нибудь умнейшій подругѣ по гимназіи — та ей, навѣрно, скажетъ:

— Какое тебѣ дѣло? Съ какой стати ты судишь поведение твоего отца? Это ни съ чѣмъ не сообразно.

Всѣ почти такія въ ея классѣ. Поэтому она ни съ кѣмъ особенно и не дружитъ. Да и зачѣмъ ей были подруги, когда Вова ей замѣнялъ ихъ всѣхъ? Развѣ она побѣжитъ къ которой-нибудь изъ нихъ жаловаться?.. На кого? На Вову? Станетъ молчать—будетъ жить одна.

Она не могла выдержать и тихонько, на цыпочкахъ, подошла къ своей кроваткѣ съ кисейными занавѣсками и легла, чего она днемъ никогда не дѣлала. Ей надо было уйти хоть за эти кисейныя занавѣски, закрыть глаза, не смотрѣть и на свою комнату, которою она такъ занималась. Теперь все въ этой комнатѣ — письменный столикъ, этажерки, картины, шкафъ съ зеркаломъ,—все ей напоминало, что прежней жизни не будетъ—она, эта жизнь, отошла, канула.

И плакать Мися уже не могла. Прежней мягкости она въ себѣ не чувствовала. Ее не тянетъ перебѣжать площадку, къ Вовѣ, разбудить его поцѣлуемъ, броситься къ нему на шею, просить прощенія за все, что между ними вышло горькаго.

Что-то держать ее внутри. Не злость, даже не обида, а огорченіе за него, за Вову. Какое озорство съ его сто-

роны! Послѣ такого разговора, куда она положила всю свою душу, и пойти нарочно къ нѣмкѣ, сидѣть тамъ сколько времени и вернуться заднимъ крыльцомъ!

„На-де, смотри, я тебя не испугался. Ты — глупая дѣвчонка, и я не позволю тебѣ вмѣшиваться въ мое поведеніе“.

До сихъ поръ Мися вѣрила, что вся ея жизнь пройдетъ рука объ руку съ братомъ. Кончить она курсъ въ одинъ годъ съ Вовой. Потомъ они поѣдутъ въ Москву — онъ въ студенты, она — въ педагогички или на курсы, которые читаются въ музеѣ, на Лубянской площади. Будутъ возвращаться домой раза по четыре въ годъ: лѣтомъ, на святки, на Масленицу и къ Святой.

Она любила до сихъ поръ брата своего больше матери. Оставить ее одну она заранѣе рѣшалась, но почему? Потому что мать не требуетъ за собой особеннаго ухода, она часто тяготеетъ ими — и ей, и Вовой, всякимъ разговоромъ; съ трудомъ выносить, чтобы у нея „торчали пердъ глазами“.

Но все-таки она стоитъ за мать свою, за ея достоинство; она не можетъ лгать самой себѣ и поддаваться тому, что на ея взглядъ гадко.

Теперь она точно прозрѣла. Ужъ и въ гимназіи ее коробить отъ разговоровъ многихъ подругъ. Со всѣмъ мирятся, только бы у нихъ туалеты были, да возили ихъ туда, гдѣ весело. И во всемъ городѣ то же самое. Не остережешься — и сама оношлѣешь. Она вѣрила, какъ въ крѣпкую стѣну, въ благородную натуру своего близнеца по духу — Вовы, а теперь она будетъ одна, совсѣмъ одна.

Мать не поддержитъ ее. Она не хочетъ, чтобы дочь ея вмѣшивалась въ то, что ей не слѣдуетъ ни знать, ни трогать.

Какое же положеніе будетъ она занимать между отцомъ и матерью? Неужели и она станетъ дружить съ „нѣмкой“, проводить у нея вечера, ѣсть ея лакомства, принимать отъ нея подарки, говорить съ ней для практики по-французски или играть въ четыре руки?

„Никогда!“ — воскликнула про себя Мися, и вся содрогнулась и даже схватила себя обѣими руками за похолодѣвшія щеки.

Если дойти до такой „гадости“, то будешь со всѣмъ, со всѣмъ мириться.

А Вова, ея Вова, сидитъ тамъ! Навѣрно, нѣмка его

угостила чѣмъ-нибудь, или дала книжку—онъ и прежде съ ней разговаривалъ и приносилъ отъ нея книжки, но не такъ открыто, не съ такимъ озорствомъ.

Чувство душевнаго одиночества входило въ нее, точно особаго рода зловѣщій холодъ; но слезы оставались въ горлѣ. Вова могъ бы радоваться: онъ считалъ ее „плаксою“, а эта плакса лежала теперь съ сухими глазами. Разрыдайся она, ей было бы легче, хотя ничего бы не измѣнилось, ничего!

И вдругъ Мися вскочила съ кровати.

Пора было идти внизъ обѣдать. Можетъ-быть, мать сойдетъ внизъ, или отецъ придетъ домой къ обѣду отъ своей нѣмки.

XV.

Обѣдали внизу. Марѳа Петровна надѣла другой капотъ и голову покрыла кружевной косынкой, поновѣе. Она почему-то думала, что Павелъ Андреевичъ будетъ обѣдать дома.

Но онъ не пришелъ. Мися спустилась внизъ первая. Она умыла себѣ лицо и слегка напудрила его: боялась, что глаза у нея покажутся очень красными. Лакей принесъ суповую чашку и поднялся къ барынѣ доложить.

Вова, съ заспаннымъ и хмурымъ лицомъ, показался въ дверяхъ столовой. Онъ надѣлъ парусинную блузу и немного поправилъ волосы.

Мися взглянула на него вбокъ. Если бъ онъ улыбнулся ей, смѣшливо, какъ прежде, съ забавнымъ выраженіемъ глазъ, ей только понятнымъ, она бы подбѣжала, не выдержала бы характера.

Но онъ поморщился отъ солнца, подошелъ къ окну и спустилъ штору.

Они оба молчали.

„Неужели такъ и будетъ?“—подумала Мися, и сердце ей сжалось. Она не любила брата, совсѣмъ, совсѣмъ не любила. Ей сдѣлалось противно въ этомъ домѣ. И мать свою она не смѣла жалѣть.

Это ей не касается. Она—дѣвчонка, подростокъ... Ей неприлично даже и показывать видъ, что она о чемъ-нибудь догадывается, хотя „это“ длится нѣсколько лѣтъ, и весь городъ знаетъ, на какую унижительную роль соглашается ее мать. Но вѣдь все „шито-крыто“, все прилично. Чего же еще?

Ее такъ захватили эти мысли, что она машинально пододвинулась къ столу.

Въ дверяхъ показалась Марѳа Петровна. Лицо у нея было менѣе нервное и больное, чѣмъ сегодня утромъ.

— Папа не будетъ?—сказала она тономъ полувопроса.

Она знала, что въ тѣ дни, когда Павелъ Андреевичъ обѣдаетъ дома, онъ возвращается гораздо раньше.

Сѣли за столъ молча. Лакей служилъ, тихо ступая по паркетному полу.

— Ты, Володя,—обратилась къ сыну Марѳа Петровна,— гдѣ же сегодня побывалъ?

Она сказала это довольно ласково.

Мися, пагнувшись надъ тарелкой супа, не удержалась, кинула быстрый взглядъ на брата.

Вова наморщилъ лобъ и, проглотивъ кусокъ хлѣба, небрежно выговорилъ:

— Заходилъ къ товарищамъ.

Про свое знакомство съ актеромъ и купчикомъ Сырейчиковымъ онъ не рассказывалъ матери.

Изъ какого-то ухарства онъ прибавилъ:

— А теперь спалъ... отъ жары! Разомлѣлъ!

Горничная уже доложила Марѳѣ Петровнѣ, что молодой баринъ спустился съ задняго крыльца отъ нѣмки... Она и раньше знала, что Элоиза Христофоровна разговариваетъ съ ея сыномъ.

Сегодня утромъ она осадила Мисю, и теперь ей захотѣлось показать имъ обоимъ, что она все прекрасно знаетъ и не хочетъ, чтобы ея дѣти считали ее жертвой или душой. Подъ этимъ сидѣло и желаніе сохранить въ ихъ глазахъ „престижъ отца“.

Но она не сразу нашла переходъ къ такому разговору. Ея голова, отуманенная наркотическими средствами, плохо работала.

— Ты видѣлъ папу?—спросила она Вову, когда лакей пошелъ за вторымъ блюдомъ.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ онъ глухо.

Мисю всю обдало внутреннимъ жаромъ, и она усиленно начала глотать корочку чернаго хлѣба.

— Гдѣ же ты видѣлъ его?—спросила Марѳа Петровна и пристально взглянула на сына.

Мися закрыла глаза и мысленно выговорила:

„Вотъ теперь и расскажи—гдѣ“.

Но она испугалась за Вову, и жуткое чувство ожиданія чего-нибудь „нехорошаго“ сжало ей сердце.

— Ты заходилъ къ мадамъ Ленгольдъ? — подсказала Марѳа Петровна.

— Да, — отвѣтилъ Вова, точно онъ съ трудомъ что-то проглотилъ.

— У нея были гости?

— Нѣтъ, никого.

— Что же ты у нея дѣлалъ?

— Она книгу одну хотѣла мнѣ дать.

— Какую?

— Одинъ французскій романъ. И заставила прочитать ей вслухъ.

„Зачѣмъ она объ этомъ спрашиваетъ? — съ тѣмъ же жуткимъ чувствомъ подумала Мися и опять закрыла глаза. — Развѣ ей это пристало?“

— Что же, это для тебя полезно.

Лакей внесъ второе блюдо, и разговоръ минуты на двѣ смолкъ.

— Папа огорчается, — начала Марѳа Петровна, — вы можете оба отстать отъ французскаго языка... И тебѣ, Мися, надо бы читать вслухъ. Я ничего противъ этого не имѣю.

И она поглядѣла на Мисю почти недовольнымъ взглядомъ.

Внутри у Миси вскипѣло. Въ вискахъ „затрепетали бабочки“, — какъ она называла нервное ощущеніе, часто бывающее у нея.

— Ты желаешь, стало-быть, — спросила она съ дрожью въ голосъ, — чтобы я посѣщала мадамъ Ленгольдъ?

— Кто же тебѣ это сказалъ?

Щеки Марѳы Петровны пошли пятнами.

— Довольно и того, что Вова дѣлаетъ ей визиты.

Ноздри Миси расширились и вздрагивали.

— Ну и что жъ? — съ внезапной разсерженностью спросила Марѳа Петровна.

— Я не желаю... съ ней знакомиться.

— Кто жъ тебѣ это говорить? Кто?

Марѳа Петровна приподняла правую руку съ вилокъ.

— Я не понимаю, мама, какъ можно...

— Что такое?

Голосъ Марѳы Петровны сдѣлался визгливъ.

— Я не понимаю, мама...

Мися закусила удила. Она должна была высказать все, что ее душило.

— Что ты не понимаешь?.. Ты съ ума сошла!.. Дѣвчонка, Богъ знаетъ, что себѣ позволяетъ!

— Но что же я, мама!..

Слезы уже задрожали въ горлѣ Мисы.

— Молчать! Ступай вонъ! Не хочу и съ тобой обѣдать.

Мися поблѣднѣла; слезы остановились. Она быстро встала и положила салфетку на столъ.

— Ты меня не понимаешь!

— Я тебя не понимаю!.. Очень хорошо понимаю. Иди! Я тебѣ приказываю!

— Я иду, мама.

Мися бросила взглядъ на брата. Тотъ сидѣлъ, опустивъ глаза. Ему было не по себѣ; но онъ, не безъ рѣзкости, выговорилъ про себя:

„По дѣломъ! Не суйся!.. Глупить такъ нельзя“.

Мися, не вынимая платка, вышла изъ столовой, и только на темной площадкѣ, откуда поднимается лѣстница, закрыла лицо руками. Обида обожгла ее, и горькое чувство отъ измѣны брата.

XVI.

Отошла поздняя обѣдня. По тѣневому тротуару, вдоль длиннаго зданія съ арками, выходившаго однимъ фасомъ на большую площадь, Вова лѣниво пробирался въ общественную читальню.

Онъ несъ двѣ книги, держа ихъ въ кулакѣ. Погода стояла жаркая, и весь онъ былъ въ парусинѣ, вплоть до форменной фуражки съ серебряными листьями значка.

Второй день онъ запоемъ читаетъ. Въ домѣ ему тошно вездѣ, кромѣ своей комнаты. Съ Мисей они не говорятъ. Она тоже заперлась у себя, сказывается больной и къ матери—просить прощенія—нейдетъ... Отца дома нѣтъ до поздней ночи.

Къ нѣмкѣ онъ не ходитъ читать вслухъ. Ему, послѣ неожиданно разразившейся бури за обѣдомъ, третьяго дня, стало самому жутко.

Положимъ, сестра опять сама „нарвалась“ безъ всякаго толку и смысла. Но и мать—зачѣмъ она его стала спрашивать про Элоизу Христофоровну?

Послѣ того, какъ они остались одни за столомъ и мать немного успокоилась, она продолжала его выпрашивать.

Прежде ничего подобного не бывало... Ей хотѣлось узнать, какая у „нѣмки“ обстановка и, главное, какъ она одѣта, смотреть ли вблизи такой же свѣжей и молодой, какъ издали.

Она вся разгорѣлась, спрашивая объ этомъ. Сначала онъ находилъ, что это со стороны матери не глупо: показать, что она ничего не знаетъ и знать не хочетъ, а просто разговариваетъ о ихъ „жилищѣ“. Ни однимъ словомъ она не дала ему понять, что ей непріятно его знакомство съ Элоизой Христофоровной. Напротивъ! Она бы, кажется, желала, чтобъ онъ и почаще заѣзжалъ туда и рассказывалъ ей про все.

Это его кольнуло. Ему пришлось рассказать потомъ про свою встрѣчу съ отцомъ и передать весь разговоръ насчетъ чтенія вслухъ по-французски. И когда онъ говорилъ, то внутри у него шевелилось чувство, что это не ладно, и мать напрасно входитъ въ такія подробности.

Онъ никакъ бы не хотѣлъ „шпіонить“ на отца, а если такъ пойдетъ, то ему придется, не сегодня—завтра, попросить мать, чтобы она его не выспрашивала, или перестать бывать у Элоизы Христофоровны.

Все это особенно какъ-то мозжило его сегодня утромъ, а онъ проснулся рано и сейчасъ же принялся дочитывать одну изъ двухъ книгъ, которыя несъ теперь въ библіотеку.

Онъ повернулъ въ улицу и поднялся на высокое крыльцо, откуда вела крутая деревянная лѣстница во второй этажъ, гдѣ помѣщалась библіотека.

— Прохоръ Евсеичъ пришелъ? — спросилъ онъ унтера въ прихожей.

— Здѣсь, пожалуйста.

Въ первой залѣ, длинной и узкой, за конторкой, у окна, высилась голова старика, совсѣмъ бѣлая, съ такой же бѣлой бородой. Онъ нагнулся надъ конторкой и что-то смотрѣлъ въ книгѣ.

Читало за большимъ столомъ, въ лѣвомъ углу, чело-вѣка три—все мужчины.

Вова на цыпочкахъ подошелъ къ конторкѣ и поздоровался со старикомъ.

Тотъ изглянулъ на него изъ-подъ серебряныхъ очковъ въ тяжелой оправѣ и ласково, шамкающимъ голосомъ выговорилъ:

— Скоро читаешь, голубчикъ.

Этот Прохоръ Евсеичъ сдѣлался завѣдующимъ городской читальней изъ книжниковъ, держалъ самъ маленькую библіотеку для чтенія больше тридцати лѣтъ и зналъ весь городъ; гимназистамъ и посѣтителямъ попроще говорилъ „ты“. Вова бѣгалъ къ нему лѣтъ съ десяти, и теперь Прохоръ Евсеичъ давалъ ему книжки и на домъ, противъ правилъ читальни, зная, что онъ не затеряетъ. Принесенные Вовой два тома были нумера одного прошлогодняго журнала.

Старикъ всталъ со своего табурета и, длинный, немного сутуловатый, въ сюртукѣ мѣщанскаго покроя и безъ бѣлья, подошелъ къ нему и, при поворотѣ, своимъ жидкимъ голосомъ спросилъ:

— Что возьмешь?.. Новенькаго-то не проси... И такъ мени, намени, попечитель заругалъ.

У него былъ мѣстный говоръ на „онъ“. Глазами становился онъ плохъ, но еще могъ сразу отличить какую-то книжку, взглянувъ на корешокъ.

Они стояли у окна.

Одинъ изъ читавшихъ газету — брюнетъ съ курчавой головой и четырехугольной бородкой, въ сѣрой визитѣ — поднялъ голову и первый поклонился Вовѣ, а потомъ отложилъ газету и подошелъ къ нему.

Это былъ писатель, жившій въ городѣ „не по своей волѣ“, какъ выражался о немъ купчикъ Сырейщиковъ, который и познакомилъ ихъ. Фамилія его Карасевъ.

Вова немного побаивался этого писателя и уважалъ его издали. Въ журналахъ печатались его рассказы и очерки. „Направленіе“ его нравилось Вовѣ и характеръ таланта. Онъ давно бы сталъ къ нему захаживать, да побаивался, какъ бы не узнать отца и не сдѣлалъ ему выговора за то, что онъ водится съ „незаконнымъ народомъ“.

Ему польстилъ поклонъ Карасева. Другой бы первымъ не сталъ кланяться гимназисту, хотя бы и сыну Павла Андреевича Майорова. Карасевъ ни передъ кѣмъ шапки не ломалъ, хотя по тону разговора былъ мягокъ, и его тонъ Вовѣ также очень нравился.

— Здравствуйте, здравствуйте!

Карасевъ пожалъ ему руку и, указывая своими умными и привѣтливыми глазами на старика-библіотекаря, прибавилъ:

— У дѣдушки умственной пищи пришли попросить?..

Онъ, небось, знаетъ, что кому выбрать. О каждой книжкѣ доложить все до тонкости.

— Еще бы!—возбужденно подтвердилъ Вова.

Карасевъ протянулъ руку къ ближайшей полкѣ, на высотѣ его плеча—онъ вершка на два былъ ниже Вовы—и вынулъ запыленный томикъ въ кожаномъ переплетѣ.

— Дѣдушка,—спросилъ онъ шутливо, развертывая томикъ,—что это такое за господинъ Алипановъ, изъ какихъ-такихъ сочинителей?

Старикъ приподнялъ свои густыя брови и, прищуривъ глаза, заговорилъ шопотомъ:

— Такой былъ сочинитель... Книжки эти—„Досуги для дѣтей“.

— Вѣрно, вѣрно. Какого года?

— Должно, сорокового, либо сорокъ перваго.

— Вотъ память-то!—воскликнулъ писатель, подмигнувъ Вовѣ.—Не намъ чета.

— Помню,—продолжалъ такимъ же шопотомъ библио-текаръ.—И стишки которые помню.

— Изъ этого самаго господина Алипанова?—спросилъ Карасевъ.

— Изъ него... И Бѣлинскій, никакъ, прохаживался на его счетъ. Дай Богъ памяти.

Прохоръ Евсеичъ взялся жилистой рукой за ручку окны и проговорилъ:

Какъ лѣтня настали
Прекрасны деньки,
Въ лѣсу вырастали
Младые грибки!

По тогдашнему времени и это годилось. Нынче вѣдь малолѣтки-то избаловались хорошими книжками.

— Хе-хе!—сдержанно разсмѣялся Карасевъ и поставилъ томикъ на полку.

Вову очень потянуло душой къ этому писателю.

XVII.

Подъ ними спускался крутой обрывъ бульвара.

Карасевъ курилъ и глядѣлъ внизъ, на откосъ, гдѣ дернъ уже пожелтѣлъ, къ концу жаркаго лѣта.

Вова вышелъ вмѣстѣ съ нимъ изъ читальни. Писатель началъ съ нимъ разговаривать особенно мягко, спрашивать, что онъ читаетъ и куда собирается поступить по окончаніи курса гимназіи. И какъ будто онъ уже слы-

шалъ про то, что произошло у Сырейщикова: статистикъ Дароносцевъ долженъ быть изъ его пріятелей.

И Вовѣ, въ эту минуту, сильно захотѣлось высказаться Карасеву, услышать отъ него, одобрить онъ его или нѣтъ.

Но онъ не рѣшался сразу.

— Старина-то нашъ, Прохоръ Евсеевичъ, — заговорилъ Карасевъ, — много на своемъ вѣку народу просвѣтилъ. Могла бы и его губернская тина затянуть; по нынѣшнимъ временамъ, я на него смотрю какъ на настоящаго просвѣтителя... На Бѣлинскаго до сихъ поръ молится.

— Да, — выговорилъ Вова, и у него дрогнуло въ груди отъ душевнаго усилия, — такой Прохоръ Евсеевичъ куда выше стойтъ многихъ здѣшнихъ умниковъ... даже изъ интеллигенціи.

Онъ дѣлалъ намекъ на „семивара“, на статистика Дароносцева, и хотѣлъ, чтобы такъ его и понялъ Карасевъ.

Тотъ взглянулъ на него вбокъ и чуть-чуть усмѣхнулся.

— О какой вы интеллигенціи говорите? — спросилъ онъ мягко, но очень серьезной интонаціей.

— Да хотя бы и о тѣхъ, которые считаютъ себя солью земли, — задорнѣе сказалъ Вова и сталъ краснѣть.

Но ему хотѣлось излиться по душѣ; только онъ не посмѣлъ сдѣлать это сразу.

— Видите ли, — продолжалъ онъ однимъ духомъ, — вотъ хоть бы вашъ знакомый, господинъ Дароносцевъ.

— Онъ чѣмъ же вамъ не угодилъ?

Взглядъ Карасева, брошенный на Вову, былъ не безъ добродушнаго лукавства.

Вова не вынесъ этого взгляда, еще болѣе зардѣлся и, опять однимъ духомъ, рассказалъ всю сцену свою съ статистикомъ... Вышло у него порывисто, несовсѣмъ складно, но очень искренно, и Карасевъ сталъ улыбаться все ласковѣе и ласковѣе, подувая на щепель своей папиросы.

— Вотъ какъ я поступилъ... И я желалъ бы выслушать ваше мнѣніе. Я васъ уважаю по тому, что вы пишете... Но скажите на милость, — какъ бы господинъ Дароносцевъ ни считалъ себя честнѣе и умнѣе всѣхъ, какъ же позволять себѣ такіа вещи? Вѣдь это клевета!.. За это и по суду отвѣчаютъ!

Вова всталъ и отошелъ къ самому обрыву. Щеки его продолжали пылать... Въ груди сперлось, и онъ, въ эту минуту, опять заново негодовалъ на дерзкаго „семи-

нара“, и не боялся даже того, что его не одобрить Карасевъ.

— Послушайте,—Карасевъ началъ очень тихо,—развѣ Дароносцевъ зналъ, что вы сынъ Павла Андреевича Майорова?

— Положимъ, и не зналъ!—Вова опять присѣлъ на скамью,—но что жъ изъ этого? Развѣ можно такія сплетни выдавать за истинную правду?.. Позвольте васъ спросить: честно ли это?

Лобъ Карасева, у переносицы, наморщился.

— Честно,—отвѣтилъ онъ тихо, но очень твердо, и поднялъ голову.

— Не понимаю-сь,—отвѣтилъ Вова и нарочно поставилъ частицу „съ“, что онъ обыкновенно считалъ „хамствомъ“.

— Онъ ѣздилъ по всей губерніи. Ему хорошо извѣстны факты. Дѣйствія вашего батюшки онъ оцѣниваетъ съ общественной стороны. Многое нельзя доказать, до поры до времени, что несомнѣнно для людей знающихъ и честныхъ.

Тонъ этого отвѣта былъ мягкій, но Вова почувалъ подъ этой мягкостью нѣчто безповоротное.

— И вы такъ же смотрите на моего отца?—спросилъ онъ и пристально сталъ глядѣть на Карасева.

— Зачѣмъ же вы сами ставите челоуѣка въ тяжелое положеніе — говорить вещи, печальныя для васъ, какъ для сына... Я не имѣю такихъ данныхъ, какъ у моего пріятеля Дароносцева... Можетъ-быть, я и не высказался бы такъ рѣзко, даже и знай я все, что ему извѣстно. У меня — натура другая... Вы вступились за отца... Чувство понятное... и хорошее. Но правда — остается правдой.

Карасевъ не договорилъ и смолкъ.

„Другими словами,—тотчасъ же подумалъ Вова,—отецъ мой—воръ“...

Щеки его быстро стали блѣднѣть, и глаза онъ отвелъ въ сторону, усиленно мигая.

„Чего добился?.. Чего?“—бросилъ онъ самому себѣ почти презрительный окрикъ.

— Чувствъ ваше уважаю,—слышался ему голосъ Карасева,—но вадю, и въ ваши лѣта, готовиться къ тому, какіе въ жизни насъ ожидаютъ сюрпризы. Дароносцевъ васъ понялъ бы лучше всякаго другого... Но людямъ, ко-

торые испытали много, какъ онъ, своимъ горбомъ продѣлали всѣ прелести нашихъ порядковъ, тѣмъ простительнѣе и не стѣсняться въ пріятельскомъ кругу.

Карасевъ опять не договорилъ.

Вова сидѣлъ уже опустивъ голову, и дыханіе его было слышно.

— Однако,—заговорилъ онъ глухо и не поднимая головы,—этакъ что же ждетъ тебя впереди? Сегодня господинъ Дароносцевъ, завтра какой-нибудь карапузикъ-второклассникъ хватить тебѣ прямо въ лицо — твой отецъ такой-сякой. И въ банкѣ тамъ всѣ проворовались. Соблазнительно! Нечего сказать!

Онъ машинально сплюнулъ.

На душѣ у него было очень скверно. Опять онъ нарывался, и уже по своей винѣ, на нѣчто, чего нельзя даже отпихнуть горячей выходкой, какъ было на балконѣ у Сырейщикова.

Онъ боялся поставить себѣ мысленно вопросъ: „а если онъ правду говорить, и твой отецъ воровскимъ образомъ наживался, — какъ же ты-то будешь съ этимъ мириться?“

— Вопросы совѣсти пора и вамъ рѣшать, — выговорилъ Карасевъ, и тонъ его не звучалъ учительствомъ, проповѣдью; такъ бы сказалъ и человѣкъ, чувствующій, что его товарищу тяжело, но не желающій кривить душой.

— Что жъ! И на томъ спасибо!

Вова всталъ и приподнять фуражку.

— Куда же вы бѣжите? Потолковали бы... Извините, что разстроилъ васъ... Жизнь—дѣло рѣзкое. Хотите сами себя познать,—а вамъ уже пора,—вотъ и увидите: способны вы на открытую борьбу, или уступочки, компромиссы вамъ пріятнѣе.

— Мое почтеніе!

Вова сразу не протянулъ Карасеву руки.

Тотъ сдѣлалъ это первый.

— Вы, когда захотите поговорить объ этомъ, заверните. Я всегда дома послѣ обѣда... пораньше, часу въ шестомъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ Вова торопливо и глухо.

Онъ не могъ самъ распознать, какое чувство говорило въ немъ сильнѣе, но себя онъ презиралъ за что-то и готовъ былъ бы расплакаться, какъ „плакса“ Мися.

Мысль о сестрѣ пронизала его подъ конецъ.

XVIII.

Павелъ Андреевичъ, передъ выѣздомъ, позвонилъ.

— Барышня пикуда не уходила?

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣтилъ лакей.

— Позовите ее ко мнѣ.

Мися третій день сидѣла въ своей комнатѣ и не шла просить прощенія у матери.

Вчера Павелъ Андреевичъ обѣдалъ дома и спросилъ, почему нѣтъ Миси. Марѳа Петровна рассказала ему все въ очень нервномъ тонѣ, но такъ, что ему неясно было, въ чемъ же именно провинилась его дочь.

Онъ терпѣть не могъ исторій. И безъ этого его положеніе становилось деликатнымъ. Дѣти подросли. Сынъ—совсѣмъ уже молодой человѣкъ, и дочь—дѣвица. Что-то тутъ неладно, въ этой опалѣ Миси. Навѣрно, замѣшалась Элоиза Христофоровна. Разспросить Вову онъ не считалъ порядочнымъ. Въ дѣтяхъ своихъ онъ всегда поддерживалъ уважительное отношеніе къ ихъ матери.

Мися появилась въ дверяхъ кабинета, блѣдная, небрежно причесанная. Это Павлу Андреевичу не понравилось.

— Здравствуй, папа,—грустно, но не боязливо выговорила она и поцѣловала его въ плечо.

— Здравствуй... Ты нездорова?

— Нѣтъ, ничего.

— Присядь.

Онъ указалъ ей рукой на диванчикъ, куда и сама сѣла.

— Чѣмъ ты огорчила татапа?—спросилъ онъ довольно мягко, но съ наморщеннымъ лбомъ.

— Я не знаю... Никакой грубости... я не позволяла себѣ... Увѣрю тебя...

— Однако...

— Увѣрю тебя.

Еще третьяго дня она рѣшила объясниться съ отцомъ, и если бъ онъ ее не позвалъ, она сама бы пошла къ нему.

Допытываться Павлу Андреевичу было рискованно... Онъ уже чувствовалъ, что дочь его обо многомъ думаетъ и давно записалась въ разрядъ „восторженныхъ“ натуръ.

— Ты долженъ знать, за что разгнѣвалась мама.

— Почему же я долженъ? — брезгливо переспросилъ Павелъ Андреевичъ.

Взглядъ дочери остановился на немъ, сухой и возбужденный. Ему становилось невозможнымъ молчать.

— Все равно, папа, я хотѣла и безъ того поговорить съ тобой.

— О чемъ?

— Мнѣ слишкомъ тяжело оставаться здѣсь.

— Гдѣ здѣсь? Что это за тонъ?

— Ты меня понимаешь... Я не маленькая... Если я начала страдать... за мать мою...

— Страдать?

Павелъ Андреевичъ всталъ и весь стряхнулся. Щеки его нервно вздрогнули.

— Съ какой стати ты все это говоришь?

— Если тебѣ не нравится... я могу и замолчать.

Такого тона онъ еще не слыхалъ отъ дочери.

— Мама, — продолжала Мися и тоже встала, — не поняла, или не хотѣла понять моего чувства. Но я не могу притворяться. Ты считаешь себя безупречнымъ... А мнѣ за мать стало обидно... И я позволила себѣ это показать. Пожалуйста, не допрашивай меня. Ты долженъ самъ понять, на что я намекаю...

— Что это такое? Ты просто Богъ знаетъ что говоришь!

Павелъ Андреевичъ отошелъ къ окну и опустилъ штору, точно затѣмъ, чтобы смягчить звуки ихъ разговора.

Мися стояла у дивана въ напряженной позѣ, опустивъ голову, и правой рукой нервно теребила бахромѣ сафьянной обивки.

— Я не могу иначе говорить, папа, — вымолвила она, сдерживая наплывъ слезъ.

Но заплакать она не хотѣла, ни подъ какимъ видомъ, что бы ни пришлось ей испытать.

— Тебѣ надо всячески успокаивать твою мать, — заговорилъ Павелъ Андреевичъ, чувствуя, что у него изъ-подъ ногъ ускользаетъ почва. — А ты только ее разстраиваешь неумѣстными разговорами. И съ какой стати берешь ты на себя такую роль?.. *C'est à puffer de rire!* Дѣвчурка, и является какимъ-то Гамлетомъ! Въ какой это нелѣпой книжкѣ ты вычитала?.. Я и понимать-то отказываюсь твои намеки. *A-t-on jamais vu!*..

Онъ отошелъ къ угловому окну и обернулся къ дочери спиной.

Ему было уже досадно на себя за то, что онъ повелъ себя совсѣмъ не такъ—сталъ давать окрики и можетъ вызвать со стороны этой нервной дѣвчонки что-нибудь и еще болѣе рѣзкое, послѣ чего выйдетъ непріятнѣйшая сцена.

Столько времени онъ держится съ величайшимъ тактомъ и не допускалъ ни до чего подобнаго. И теперь, съ первыхъ же словъ этой дѣвчонки, ему бы слѣдовало взять совершенно другой тонъ и обратить все въ шутку. Такъ и совѣтовала ему, вчера вечеромъ, Элоиза Христофоровна. Будь она на его мѣстѣ, она сумѣла бы повести себя не такъ: давно поставила бы Мисю попросить прощенія у матери. Она очень цѣнитъ то, что Марѳа Петровна поняла, какъ ей себя вести, и показала дочери, что судить о поведеніи ея отца она ей, ни подъ какимъ видомъ, не позволить.

Эти мысли быстро зародились въ его головѣ, но по всему тѣлу его разлилось уже раздраженіе и щеки продолжали вздрагивать.

Онъ обернулся лицомъ къ дочери и, выйдя на середину кабинета, поднялъ правую руку съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ.

— Я тебѣ приказываю пойти попросить прощенія у папаша. И объявляю тебѣ, что пикакихъ твоихъ нелѣпыхъ объясненій и намековъ слушать не хочу и запрещаю обращаться ко мнѣ съ чѣмъ-либо подобнымъ.

Это было совсѣмъ не то, какъ бы слѣдовало покончить, но Павелъ Андреевичъ не смогъ сдержать себя.

Мися не поднимала головы, только отняла пальцы отъ бахромы, и грудь ея стала замѣтно колыхаться.

— Какъ тебѣ угодно, папа,—заговорила она раздѣльно и тихо, но настойчиво.—Я въ такихъ условіяхъ не могу оставаться.

— Что?! — уже закричалъ Павелъ Андреевичъ и весь вспыхнулъ.

Онъ подбѣжалъ къ Мисѣ, взялъ ее за руку и началъ трясти.

— Повтори, что ты сказала?

— Я сказала, что въ такихъ условіяхъ я оставаться не могу... Передъ матерью я извинюсь... Она больная... И я ее раздражила... Что жъ дѣлать! Она меня не по-

няла... Но я говорю про себя... Другая бы со всѣмъ мирилась... а я не могу!..

— Какъ ты смѣешь! — еще громче крикнулъ Павелъ Андреевичъ и продолжалъ трясти руку дочери.

Мися не выдержала, и взрывъ рыданій пронесся жалобной и звонкой нотой.

XIX. .

Вова слышалъ, какъ лакей пришелъ звать сестру внизъ, „къ барину“.

Онъ проснулся самъ не свой послѣ вчерашняго разговора съ писателемъ Карасевымъ. Съ Мисей онъ ничего не говорилъ; но къ вечеру его начало разбирать желаніе войти въ ея комнату. Пересилило самолюбіе. Онъ не пошелъ къ ней.

Но сегодня, когда ее вызвали внизъ, онъ не могъ усидѣть и спустился въ залу.

Подслушивать онъ не хотѣлъ, отошелъ къ окну, первому отъ двери, и присѣлъ на стулъ. Ему хотѣлось быть тутъ „наготовѣ“.

Упорство Миси передъ матерью онъ находилъ сначала „ни съ чѣмъ несообразнымъ“; но теперь жалость закралась въ него.

И за себя ему дѣлалось стыдно.

Какъ бы тамъ ни было, но сестра его осталась вѣрна сама себѣ. Чтò ее возмущало, то и продолжаетъ ее возмущать. Все она на себя взяла. Онъ отъ нея совсѣмъ отшатнулся, и который день, точно врагъ ея и трусь... И ему самому со вчерашняго дня не по себѣ. Чтò ему на прощанье сказалъ Карасевъ? *Такой* человѣкъ зря говорить не станетъ. Если онъ самъ хочетъ остаться честнымъ, когда поведеніе его отца—по банковскимъ дѣламъ—сдѣлается притчей всего города и произойдетъ крахъ,—а объ этомъ уже толкуютъ,—какъ тогда онъ будетъ себя чувствовать? Отецъ не чужой ему; но развѣ любовь его къ сестрѣ не была до сихъ поръ самымъ сильнымъ чувствомъ?

Точно такъ же и насчетъ поведенія отца съ ихъ матерью.

Не слѣдовало Мисѣ соваться впередъ и становиться судьей того, какъ отецъ ведетъ себя; но *чувствовать* она могла. Она дѣвушка. Для нея слишкомъ обидно за мать. Мися—чистая въ своихъ мысляхъ и правилахъ. Она не

похожа на другихъ дѣвушекъ ея лѣтъ, изъ ея товаровъ. Инымъ—травы не расти, только бы имъ послаще жило. Не то что отцы, а матери ихъ легкаго поведенія, и онѣ отлично понимаютъ, кто изъ друзей дома находится съ матерью въ близкихъ отношеніяхъ. А онѣ отъ такихъ друзей конфеты да подарочки принимаютъ.

Жалость къ сестрѣ все росла въ Вовѣ. Онъ притихъ на своемъ стулѣ, и сердце у него застучало въ груди, когда вдругъ раздался возгласъ Павла Андреевича, потомъ другой, третій. Дверь была плотно затворена, и Вова не могъ отчетливо слышать всѣхъ словъ, но ясно, что отецъ въ первый разъ такъ закричалъ на Мисю. За что же? За то, что она не проситъ прощенія у матери?.. Не за одно это; а за то, что она не хочетъ помириться съ униженнымъ положеніемъ матери, за Элоизу Христофоровну.

А онъ, ея братъ и другъ, ея Вова, дружить съ нѣмой, сидитъ у нея въ гостяхъ, принимаетъ отъ нея угощеніе, да еще дѣлаетъ все точно на зло своей Мисѣ.

Онъ всталъ, быстро подошелъ къ двери въ кабинетъ, не смягчая шума своихъ шаговъ. Ему сдѣлалось вдругъ невыносимо стыдно за себя и такъ же невыносимо повлекло туда—стать за сестру, выказать себя такимъ, каковы всегда былъ съ нею, съ ранняго дѣтства.

И его еще сильнѣе схватилъ за сердце жалобный взрывъ рыданій.

Ни одной секунды Вова не колебался, сильнымъ движеніемъ отворилъ дверь, вошелъ въ кабинетъ и, весь блѣдный и трепетный, остановился въ портьерѣ, держа рукой, откинутой за спину, ручку дверной половины.

Павелъ Андреевичъ сначала немного оторопѣлъ. Этотъ внезапный приходъ сына могъ и повернуть въ сторону его раздраженіе, и усилить его.

— Вотъ и прекрасно! — крикнулъ онъ дочери, но уже менѣе гнѣвно. — Твой братъ можетъ быть свидѣтелемъ того, какъ ты отвратительно ведешь себя... Что жъ! Развѣ онъ не старше тебя? Или глупѣе? Испорченнѣе? А почему же онъ не позволяетъ себѣ ничего подобнаго? А? Почему?

Опять что-то кольнуло Павла Андреевича и подсказало ему, что этого не слѣдовало говорить; но онъ, во всей этой сценѣ, потерялъ свой тонкій тактъ, которымъ столько лѣтъ гордился во всѣхъ случаяхъ жизни.

Мисю душили рыданія. Она безпомощно опустилась на диванъ, и голова ея упала на спинку.

— Папа, — заговорилъ Вова, съ трудомъ владѣя своимъ голосомъ, — за что же ты такъ на нее? Мися, перестань! — Вова наклонился къ ней и взялъ ее за плечи, — перестань!

Ему стремительно захотѣлось обнять ее и расцѣловать, показать ей, что онъ виноватъ передъ ней, что она честная и смѣлая, что никогда и ни передъ кѣмъ онъ не отдастъ ее въ обиду.

Мися внезапно притихла. Она слышала въ голосѣ брата добрыя ноты, и это ее неожиданно обдало струей тепла и бодрости.

— Какъ же ты, — все еще задорно спросилъ Павелъ Андреевичъ, — смотришь на поведеніе своей сестры? А?

Вова приподнял Мисю, и они теперь стали бокъ-о-бокъ. Ихъ руки искали одна другую.

— Я не могу судить, — выговорилъ Вова, и брови его нахмурились, — только мама... и тогда, за объдомъ, разсердилась такъ, вдругъ... Ничего особеннаго Мися не сказала.

— Значить, и ты способенъ былъ на нелѣпыя выходки? — вскрикнулъ Павелъ Андреевичъ.

— Отецъ, — перебила его Мися, и слово „отецъ“ зазвучало у ней особенно, — я и при братѣ повторяю тебѣ: мнѣ тяжело у насъ... Я не могу ничего измѣнить. Но не могу и лгать... Не могу, не могу! — выговорила она, близкая опять къ высшему напряженію нервовъ.

Но ея рука уже лежала въ рукѣ Вовы, и она чувствовала пожатіе.

Братъ вернулся къ ней. Онъ ее поддержитъ, онъ пойдетъ съ ней вмѣстѣ, какъ было до сихъ поръ... Вова самъ понял ее и приближалъ, слышавъ взрывъ ея рыданій.

Глаза ея блестя... По щекамъ еще текли слезы, но голову держала она высоко и не боялась гнѣвныхъ взглядовъ отца.

— Если ты сейчасъ же не пойдешь къ матери, — глухо крикнулъ Павелъ Андреевичъ, — и не попросишь у нея прощенія, ты будешь имѣть дѣло со мной...

Мися встрѣтила взглядъ Вовы.

„Поди, не упирайся, — говорилъ этотъ взглядъ, — а потомъ мы будемъ вмѣстѣ съ тобой, и что ты сдѣлаешь, го и я“.

— Изволь... я пойду, — сказала Мися, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія. — Изволь... Но я не хочу лгать, папа, и не могу иначе чувствовать.

Опять взглядъ Вовы остановилъ ее.

— Сейчасъ отправляйся къ татамъ!

Павель Андреевичъ указалъ рукой на дверь, отошелъ къ окну и поднялъ штору.

Какъ только Мися съ братомъ вышла въ залу, — она бросилась къ Вовѣ на шею и, судорожно обнимая его, съ новымъ наплывомъ слезъ, прошептала:

— Вова! Вова!.. Ты со мной!.. Мы опять вмѣстѣ!

— Вмѣстѣ! — повторилъ и онъ, и поцѣловалъ ее въ голову...

XX.

Вова съ Мисей шли вдоль березъ старой „большой“ дороги. Въ полуверстѣ бѣлѣла часовня съ низкимъ заборчикомъ въ сторону крутого берега рѣки — ихъ родной рѣки. Они любили ходить гулять въ это мѣсто даже зимою.

Закатъ блѣднѣлъ и солнце стояло только на полъ-аршина отъ окраины береговой полосы.

Имъ можно было попасть еще засвѣтло въ монастырь, куда тропинка, среди огуречной бахчи, спускается къ оградѣ съ нѣсколькими башнями, отъ того мѣста, гдѣ стоитъ часовня „Асафа-Схимника“. Тамъ, давно-давно, жилъ монахъ въ кельѣ и ложился спать въ гробъ. Когда онъ умеръ, на мѣстѣ кельи поставили часовню и много ходило богомольцевъ. И до сихъ поръ приходятъ поклониться его могилѣ на монастырскомъ кладбищѣ.

Мися, въ соломенной шляпѣ и свѣтлой кофточкѣ, и Вова, въ парусинной блузѣ, двигались гуськомъ. Сестра шла впереди. Они сдѣлали больше десяти верстъ взадъ и впередъ. Оба они были хорошіе ходоки.

Дойдя до часовни, стоявшей саженьхъ въ трехъ отъ дороги, они присѣли на ступеньки входа.

Съ минуту они молчали.

Справа, по большой дорогѣ, поднималась длинная фура, запряженная парой. Изъ отверстій холщеваго верха выглядывали ребятишки... Мужчина, видомъ мѣщанинъ, въ картузѣ и поношенной чуйкѣ, шелъ рядомъ, приваивая вожжи къ облучку.

Братъ и сестра переглянулись.

— Вотъ видишь,—весело сказала она,—мы за три версты отъ дому, и еще пойдемъ куда хотимъ... Только захотѣть надо.

Черезъ пять минутъ они подошли къ спуску, откуда монастырскія башни и главы церкви со старыми поливными черепицами выглядывали изъ-за густой и темной зелени вѣковыхъ липъ.

Благовѣсть уже непрерывной волной дрожала въ воздухѣ; отъ огородовъ шли пряные запахи овощей. Гдѣ-то крикала дергачъ. Надъ ними низко-низко пронеслись стрижи.

И имъ обоимъ вспомнилось то утро, когда они стояли на могилѣ няни и слушали литію. Няня испугалась бы того, что они хотятъ натворить... испугалась бы за нихъ, по поняла бы и не осудила.

Они шли книзу, плотно прижавшись другъ къ другу, по узкой и крутой тропинкѣ, и на душѣ ихъ трепетало что-то совсѣмъ новое. Сегодня они кидались въ жизнь; радостное и жуткое чувство пахнуло на нихъ отъ того—что будетъ.

БИБЛИОТЕКА ГОРЬКОГО

